

ISSN 1994-5655

6 (72) • 2024

ИЗВЕСТИЯ

КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

www.izvestia.komisc.ru

Серия
«История и филология»

Научный журнал
Основан в 2010 г.
Выходит девять раз в год

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук»

ИЗВЕСТИЯ

КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 6 (72)

Серия «ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ»

2024

Главный редактор – акад. РАН А. М. Асхабов
Зам. главного редактора – чл.-корр. РАН С. В. Дёгтева
Зам. главного редактора – чл.-корр. РАН В. Н. Лажнецев
Ответственный секретарь – к.и.н. Д. В. Милохин

Редакционный совет:

акад. РАН В. В. Алексеев, акад. РАН А. А. Барях, акад. РАН В. И. Бердышев, д.м.н. Е. Р. Бойко,
чл.-корр. РАН И. Н. Болотов, акад. РАН В. Н. Большаков, д-р филос. (экон.) К. Борисова-Маринова (Болгария),
д.ф.-м.н. Т. М. Бречко (Польша), к.г.-м.н. И. Н. Бурцев, акад. РАН А. Д. Гвишиани, д.ф.-м.н. Н. А. Громов,
д.и.н. И. Л. Жеребцов, д.б.н. В. Г. Зайнуллин, чл.-корр. РАН В. А. Ильин, акад. РАН С. В. Кривовичев,
И. В. Курляк, акад. РАН А. В. Кучин, чл.-корр. РАН Ю. Б. Марин, акад. РАН В. П. Матвеевко,
д.и.н. В. И. Меньковский (Беларусь), акад. РАН Г. А. Месяц, чл.-корр. РАН А. А. Москалев,
д.э.н. Л. А. Попова, чл.-корр. РАН В. Н. Пучков, д.г.-м.н. А. М. Пыстин, чл.-корр. РАН И. М. Рощевская,
акад. РАН М. П. Рощевский, д.х.н. С. А. Рубцова, д.и.н. Э. А. Савельева, д.и.н. Т. С. Садыков (Казахстан),
чл.-корр. РАН А. Ф. Титов, д.б.н. С. Н. Харин, к.б.н. И. Ф. Чадин, акад. РАН В. Н. Чарушин, д.т.н. Ю. Я. Чукарев,
д.б.н. Е. В. Шамрикова, акад. РАН В. С. Шацкий, д.э.н. А. Г. Шеломенцев, к.э.н. А. А. Юдин

Редакционная коллегия серии «История и филология»:

д.и.н. И. Л. Жеребцов (ответственный редактор), к.и.н. И. О. Васкул (зам. ответственного редактора),
д.филол.н. Е. А. Цыпанов (зам. ответственного редактора), к.и.н. Д. В. Милохин (ответственный секретарь),
д.и.н. Е. Т. Артемов, д.и.н. А. М. Белавин, д.и.н. А. А. Бровина, д.филол.н. Т. Г. Владыкина, чл.-корр. РАН А. В. Головнев,
д-р наук И. Жепниковска (Польша), д.и.н. А. Е. Загребин, д.филол.н. Т. И. Зайцева, к.и.н. Н. М. Игнатова,
д.и.н. В. А. Исупов, д.филол.н. Л. Л. Карпова, д-р наук Г. Клумпп (Эстония), к.и.н. П. П. Котов, к.филол.н. Ю. А. Крашенинникова,
д.и.н. Е. Ф. Кринко, д.филол.н. Р. А. Кудрявцева, к.филол.н. Т. Л. Кузнецова, д-р наук С. Лаллукка (Финляндия),
д-р филос. А. Лезте (Эстония), д-р филос. Д. Лозовану (Молдова), д.и.н. М. А. Мацук, д.и.н. В. И. Меньковский (Беларусь),
к.филол.н. А. Г. Мусанов, д-р филос. Э. Надь (Венгрия), д.филол.н. О. И. Налдеева, д.и.н. П. Ю. Павлов,
д.и.н. И. В. Побережников, д.филол.н. В. А. Поздеев, д.и.н. С. А. Прокопенко, д.и.н. А. В. Репневский,
акад. РАН В. Н. Руденко, д.и.н. Т. С. Садыков (Казахстан), д.геогр.н. В. И. Силян, д.и.н. А. В. Сперанский,
к.и.н. М. В. Таскаев, д.и.н. Ю. П. Шабаев, д.филол. М. Шмигель (Словакия), к.и.н. С. Ю. Шокарев

Адрес редакции:

167982, ГСП-2, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Коммунистическая, д. 24
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, каб. 317, 318.
Тел. (8212) 24-47-79
E-mail: journal@frc.komisc.ru
www.izvestia.komisc.ru

ISSN 1994-5655

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного наследия.

Свид. о регистрации средств массовой информации
ПИ № ФС 77- 26969 от 11 января 2007 г.

Подписной индекс в каталоге «Почта России» 52047

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук», 2024

Science Journal
Founded in 2010
Published 9 times a year

Established by
Federal State Budgetary
Institution of Science
Federal Research Centre
«Komi Science Centre, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences»

PROCEEDINGS

OF THE KOMI SCIENCE CENTRE
URAL BRANCH
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

№ 6 (72)

«HISTORY AND PHILOLOGY» series

2024

Editor-in-chief – RAS acad. A. M. Askhabov

Deputy editor-in-chief – RAS corresp. member S. V. Degteva

Deputy editor-in-chief – RAS corresp. member V. N. Lazhentsev

Executive Secretary – Cand. Sci. (Hist.) D. V. Milokhin

Editorial Council:

RAS acad. V. V. Alekseev, RAS acad. A. A. Baryakh, RAS acad. V. I. Berdyshev, Dr. Sci. (Med.) E. R. Bojko,
RAS corresp. member I. N. Bolotov, RAS acad. V. N. Bolshakov, PhD. (Econ.) K. Borisova-Marinova (Bulgaria),
Dr. Sci. (Phys.- Math.) T. M. Brechko (Poland), Cand. Sci. (Geol.-Mineral.) I. N. Burtsev, RAS acad. A. D. Gvishiani,
Dr. Sci. (Phys.-Math.) N. A. Gromov, Dr. Sci. (Hist.) I. L. Zherebtsov, Dr. Sci. (Biol.) V. G. Zainullin,
RAS corresp. member V. A. Ilyin, RAS acad. S. V. Krivovichev, I. V. Kurlyak, RAS acad. A. V. Kuchin,
RAS corresp. member Yu. B. Marin, RAS acad. V. P. Matveenko, Dr. Sci. (Hist.) V. I. Men'kovsky (Belarus),
RAS acad. G. A. Mesyats, RAS corresp. member A. A. Moskalev, Dr. Sci. (Econ.) L. A. Popova,
RAS corresp. member V. N. Puchkov, Dr. Sci. (Geol.-Mineral.) A. M. Pystin,
RAS corresp. member I. M. Roshchevskaya, RAS acad. M. P. Roshchevsky, Dr. Sci. (Chem.) S. A. Rubtsova,
Dr. Sci. (Hist.) E. A. Savelyeva, Dr. Sci. (Hist.) T. S. Sadykov (Kazakhstan), RAS corresp. member A. F. Titov,
Dr. Sci. (Biol.) S. N. Kharin, Cand. Sci. (Biol.) I. F. Chadin, RAS acad. V. N. Charushin,
Dr. Sci. (Tech.) Yu. Ya. Chukreev, Dr. Sci. (Biol.) E. V. Shamrikova, RAS acad. V. S. Shatsky,
Dr. Sci. (Econ.) A. G. Shelomentsev, Cand. Sci. (Econ.) A. A. Yudin

Editorial Board of the series «History and Philology»:

Dr. Sci. (Hist.) I. L. Zherebtsov (executive editor), Cand. Sci. (Hist.) I. O. Vaskul (deputy executive editor),
Dr. Sci. (Philol.) E. A. Tsyanov (deputy executive editor), Cand. Sci. (Hist.) D. V. Milokhin (executive secretary),
Dr. Sci. (Hist.) E. T. Artemov, Dr. Sci. (Hist.) A. M. Belavin, Dr. Sci. (Hist.) A. A. Brovina, Dr. Sci. (Philol.) T. G. Vladykina,
RAS corresp. member A. V. Golovnev, Dr. Sci. I. Zhepnikovska (Poland), Dr. Sci. (Hist.) A. E. Zagrebin,
Dr. Sci. (Philol.) T. I. Zaitseva, Cand. Sci. (Hist.) N. M. Ignatova, Dr. Sci. (Hist.) V. A. Isupov, Dr. Sci. (Philol.) L. L. Karpova,
Dr. Sci. G. Klumpp (Estonia), Cand. Sci. (Hist.) P. P. Kotov, Cand. Sci. (Philol.) Yu. A. Krashennikova,
Dr. Sci. (Hist.) E. F. Krinko, Dr. Sci. (Philol.) R. A. Kudryavtseva, Cand. Sci. (Philol.) T. L. Kuznetsova,
Dr. Sci. S. Lallukka (Finland), PhD A. Leete (Estonia),
PhD D. Lozovanu (Moldova), Dr. Sci. (Hist.) M. A. Matsuk, Dr. Sci. (Hist.) V. I. Men'kovsky (Belarus),
Cand. Sci. (Philol.) A. G. Musanov, PhD Z. Nad' (Hungary), Dr. Sci. (Philol.) O. I. Naldeeva,
Dr. Sci. (Hist.) P. Yu. Pavlov, Dr. Sci. (Hist.) I. V. Poberezhnikov, Dr. Sci. (Philol.) V. A. Pozdeev, Dr. Sci. (Hist.) S. A. Prokopenko,
Dr. Sci. (Hist.) A. V. Repnevsky, RAS acad. V. N. Rudenko, Dr. Sci. (Hist.) T. S. Sadykov (Kazakhstan),
Dr. Sci. (Geogr.) V. I. Silin, Dr. Sci. (Hist.) A. V. Speransky, Cand. Sci. (Hist.) M. V. Taskaev, Dr. Sci. (Hist.) Yu. P. Shabaev,
PhD M. Shmigel' (Slovakia), Cand. Sci. (Hist.) S. Yu. Shokarev

Editorial Office:

Office 317, 318 Komi Science Centre, Ural Branch, RAS
24, Kommunisticheskaya st., GSP-2,
Syktyvkar 167982, Komi Republic
Tel. +7 8212 244779
E-mail: journal@frc.komisc.ru
www.izvestia.komisc.ru

ISSN 1994-5655

Registered by the Russian Federal Surveillance Service
for Compliance with the Law in Mass Communications
and Cultural Heritage Protection.

The certificate of mass media registration -
ПИИ № ФС 77-26969 dated 11 January, 2007

The "Russian Post" catalogue subscription index 52047

*The journal is included in the list of peer-reviewed scientific
publications of the Higher Attestation Commission
of the Russian Federation*

© Federal State Budgetary Institution of Science
Federal Research Centre "Komi Science Centre, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences", 2024

СОДЕРЖАНИЕ

В. И. Силин Статистические данные о городе Сольвычегодске в XIX веке (по географическим сведениям)	5
П. П. Котов Изменение количества удельных поселений в Шенкурском уезде Архангельской губернии в 1797–1863 годах	9
И. И. Лейман Купечество Вологодской губернии в структуре городского самоуправления в последней трети XIX века	17
Р. Д. Платонов Революционные события 1905–1907 годов на предприятиях Гарелиных в городе Иваново-Вознесенске	25
А. В. Рожина Реализация взаимного страхования «от огня» строений духовного ведомства в России в 1910–1917 годы (по материалам Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии)	29
Д. А. Коновалов Украина в германских планах передела Европы в годы Первой мировой войны (1914–1916 годы)	37
А. Н. Загидулин Языковое законодательство в межвоенной Польше как элемент национальной политики: историография проблемы	44
И. Л. Жеребцов Деятельность Г. С. Лыткина в оценках советских исследователей и литературных критиков 1920–1930-х годов	51
М. П. Мерзляков Коллективизация на страницах газеты «Знамя коммуны» Новочеркасского района в 1930 году	59
А. Е. Епифанов Из опыта организации и деятельности истребительных батальонов на Западной Украине в 1940–1950 годы	65
А. М. Мацук Развитие вечернего обучения в системе среднего специального образования на европейском севере России в 1950–1960-е годы	72
Н. А. Косяк Коммеморативные практики Республики Таджикистан в 1991–1999 годы	81
М. А. Веремейчик Конструирование исторической памяти о революции 1917 года в школьных учебниках Азербайджанской республики (2018–2023 годы)	89
Ю. И. Бойко Поминальная традиция южных коми	96
Р. В. Гвоздев Проблемы традиционной культуры коренных малочисленных народов юга Дальнего Востока России и роли государства в этих процессах (XX–начало XXI века)	103
Т. В. Краюшкина Ценности современной русскоязычной женщины (по материалам Владивостокского новогоднего дерева желаний)	110
Н. А. Ракин Финская литература в переводах В. И. Лыткина	118
Рецензии	
О. В. Золотарев Бурлыкина, М. И. Сыктывкарскому университету – 50 лет: страницы истории	126
Юбилеи	
Анатолий Николаевич Ракин	129
Г. А. Пунегова, Е. А. Цыпанов Вспоминая Г. Г. Бараксанова (к 90-летию со дня рождения)	131
Е. А. Цыпанов Г. Г. Бараксановӱс казьтыштӱг (чужӱмсянныс 90 во)	133
События	
Л. А. Попова Девятая Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2024»	135

CONTENTS

V. I. Silin Statistical data on the town of Solvychevodsk in the XIX century (according to geographical information).....	5
P. P. Kotov Change in the number of appanage settlements in the Shenkursk uyezd of the Arkhangelsk province in 1797-1863	
I. I. Leyman Merchants of the Vologda province in city government in the last third of the 19th century	17
R. D. Platonov Revolutionary events of 1905-1907 at the garelins' enterprises in Ivanovo-Voznesensk	25
A. V. Rozhina Implementation of mutual insurance "against fire" of buildings of the ecclesiastical department in Russia in 1910-1917 (based on materials from the Ust-Sysolsk Uyezd of the Vologda province).....	29
D. A. Konovalov Ukraine in German plans for the redistribution of Europe during the First World War (1914-1916).....	37
A. N. Zagidulin Language legislation in interwar Poland as an element of national Policy: historiography of the problem	44
I. L. Zharebtsov The activity of G. S. Lytkin in the assessments of Soviet researchers and literary critics of the 1920s - 1930s	51
M. P. Merzlyakov Collectivization on the pages of the newspaper «Banner of the Commune» of the Novocherkassk region in 1930.....	59
A. E. Epifanov From the experience of organizing and operating fighter battalions in Western Ukraine in the 1940s-1950s	65
A. M. Matsuk Development of evening education in the system of secondary specialized education in the European North of Russia in the 1950-1960s	72
N. A. Kosyak Commemoratory practices of the Republic of Tajikistan in 1991-1999	81
M. A. Veremeychik Constructing the historical memory of the 1917 revolution in school textbooks of the republic of Azerbaijan (2018-2023)	91
Yu. I. Boyko Funeral tradition of the southern Komi	96
R. V. Gvozdev Problems of the traditional culture of the indigenous minorities of the South of the Russian Far East and the role of the state in these processes (XX-early XXI centuries)	103
T. V. Krayushkina Values of a contemporary Russian-speaking woman (based on the materials of the Vladivostok New Year's Tree of Wishes)	110
N. A. Rakin Finnish literature in translations by V. I. Lytkin.....	118
Рецензии	
O. V. Zolotarev Burl'ykina, M. I. Syktyvkar University is 50: pages of history.....	126
Anniversaries	
Anatoly N. Rakin	129
Remembering G. G. Baraksanov (on the 90th birth anniversary).....	131
События	
L. A. Popova Ninth All-Russian scientific and practical conference (with international participation) «Current problems, directions and mechanisms for the development of productive forces of the North-2024»	135

Статистические данные о городе Сольвычегодске в XIX веке (по географическим сведениям)

В. И. Силин

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
silinv@rambler.ru

Аннотация

В статье приведены статистические (историко-географические) сведения о типичном северном торговом городе Сольвычегодске, основанном на месте старых соляных промыслов. Сведения относятся к жизни города в XIX в. Автор рассматривает следующие количественные параметры: население, промыслы, строения и т. д. Статистические данные приведены на основе использования Географических Лексиконов и Словарей: Полунина, Максимовича, Щекатова, Семенова и статистических описаний Российских городов.

Ключевые слова:

статистика, история городов, Русский Север, население, география, Вычегода

Истории славного города Сольвычегодска посвящено очень большое количество литературы.

15 мая 1834 г. был создан Вологодский губернский статистический комитет во исполнение Указа Императора, который собирал статистические сведения по экономике, природе, географии Вологодской губернии, в том числе и о Сольвычегодске. Комитет печатал многочисленные труды, памятные книжки, календари – где приводилось много информации по статистике города и уезда.

В 1838 г. в губерниях, в том числе Архангельской и Вологодской, начали издавать Губернские ведомости, состоящие из двух частей – официальной и неофициальной. В неофициальной части было опубликовано много статистических сведений о Сольвычегодске.

Историки, к сожалению, не часто пользуются географическими источниками для характеристики городов и поселков. В статье приведены данные о статистике города по географическим источникам.

В 1773 г. был опубликован географический Лексикон (Словарь) Федора Афанасьевича Полунина [1], в котором приведены некоторые количественные сведения и о городах. Про Сольвычегодск он пишет: «Сольвычегодская, Сырянским именем Солдор, город Архангелогородской губернии, Устюжской провинции, при реке Вычегоде, по Сырянски Эшва называемой, и впадающий в реку Двину, расстоянием от Устюга 70 верст. Здесь и на Устюге первые соляные вар-

Statistical data on the town of Solvychegodsk in the XIX century (according to geographical information)

V. I. Silin

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
silinv@rambler.ru

Abstract

The paper provides statistical (historical and geographical) information about the typical northern trading town of Solvychegodsk, founded on the site of old salt mines. The information relates to the life of the town in the XIX century. The following quantitative parameters are considered: population, industries, buildings, etc. Statistical data is provided based on the use of Geographical Lexicons and Dictionaries: Polunin, Maksimovich, Shchekatov, Semenov and statistical descriptions of Russian towns.

Keywords:

statistics, history of towns, Russian North, population, geography, Vychegda

ницы, во время Великого Князя Василия Иоанновича завели предки Господина Графа и Господ Баронов Строгановых, на что им и дана была от онаго Государя в 1517 году жалованная грамота. В старину было здесь до 30 варниц, кои частью Господам Строгоновым, частью Введенскому монастырю, что в город соли Вычегодской, частью же Коляжинскому (Коряжемскому – В.С.), 7 верст выше города на реке Вычегоде), находящемуся монастырю, принадлежали. Но розсоль от времени до времени стал быть хуже, и уже 30 лет назад не осталось больше, как Введенскаго монастыря две варницы, которыя чаятельно с того времени также извелись. Купечества здесь 446 (или 440) человек».

С 1801 по 1809 г. выходил «Географический словарь Российского государства» Афанасия Михайловича Щекатова в семи частях [2]. Характеристики населенных пунктов в нем намного значительнее, чем в предыдущих словарях, рассмотрена история города, например, упоминается пожар 25 мая 1579 г. «...сгорело 500 домов и 10 церквей», в 1613 г. в Словаре отмечается разорение Сольвычегодска польскими и литовскими разбойниками «Сентября с 22 по 25 число того же года были у Соли Паны и все церкви и дворы, сожжены без остатку от Литовских людей». Щекатов отмечает: «Разделения на части не имеет, а состоит из 17 улиц, из которых Климантавская улица, противу прочих жительством, изобильнее».

На начало XIX в. Щекатов пишет: «В нынешнем городе строения: 8 церквей каменных, и 8 деревянных, да 1 мужской монастырь... Обывательского строения – за знаменитейшее здание в сем городе можно почесть: 1-е. Веденский мужеский третьеклассный монастырь, как по древнему и великолепному оною строения, так и по монастырской ризнице, которая по большей части есть вкладу Господ Строгоновых, и столь богата, что едва ли где по сей губернии можно в каком монастыре сыскать, ей подобную. 2-е. Соборная церковь примечания достойна, не только по своей огромности, но и по великому богатству, В ней 10 приделов и местные образа украшены серебром с чернью, а в некоторых есть и дорогие камни, так что сокровища сего храма, не на один миллион считают». Всех жителей в Сольвычегодске на начало XIX в. насчитывалось 1203 чел., в том числе купцов и мещан – душ до 500.

Торговали купцы и мещане в городе русскими и заморскими товарами, которые получали «...от Архангельского порта и с Китайской границы, Российские же из Москвы, с Макарьевской ярмарки и из Устюга Великого, а со своих заводов, как то: топленое сало и пек, также мягкую рухлядь, юфть, хлеб, круглый лен, льняное семя и ржаную муку, за продовольствием своим отвозят водою к Архангельскому порту на 11465 рублей в год». Ярмарка в Сольвычегодске проводилась с 7 июля и длилась три дня.

В городе был и свой промысел «Лучшее ремесло их есть серебряное, сканной работы и финифтяной, с серебряною и золотою накладкою, а иные отходят по паспортам в разные Российские города». Умеренный климат не способствовал занятию местных жителей сельским хозяйством: «Пропитание получают из разных мест, а именно: хлеб и мясо из здешней Сольвычегодской округи крестьянами в город для продажи привозимые, свежую рыбу из своих рек, а морскую соленую треску и палтусину от города Архангельского. Дичь из здешней и других смежных округ; но и то весьма мало. Лук, чеснок, огурцы из Вологды, в огородах же своих, кроме малого числа обыкновенных овощей, как то капусты, моркови, редьки и других не сеют, а что касается до плодоносных деревьев, то оных в сем городе никаких нет». Интересны упоминания Щекатовым кедровой рощи: «Между прочими лесами, есть кедровая роща, от города в 16 верстах, а самороднаяль или саженная не известно, в коей некоторые деревья, и плод, хотя не повсегодно; но приносят».

После издания словаря Щекатова Географические Словари (Лексиконы) долго не издавались, хотя данные об Архангельске и Вологде приводятся в Справочном Энциклопедическом словаре издание К. Крайя, в Лексиконе Плюшара и других изданиях.

Необходимость издания сведений о населенных пунктах в России возникла в начале XIX в. В конце 1820-х гг. были собраны сведения по конкретным городам империи, а в 1829 г. опубликовано «Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год» [3], в котором даны сведения по всем городам империи. Это издание послужило образцом для последующих публикаций подобного типа: «Обозрение состояния городов Российской империи» за 1833 г. [4], 1840 г. [5], 1847 г. [6] и др. В этих книгах приведены многие статистические сведения

о городах, в том числе и о Сольвычегодске. Параллельно обсуждался вопрос о создании Списков сельских населенных мест. Выпуск, посвященный населенным пунктам Вологодской губернии, вышел в 1866 г. [7]. Редактор этой книги – известный русский географ и статистик Евлампий Кириллович Огородников (1816–1884).

Так как же выглядел Сольвычегодск? Во-первых – население (таблица):

Динамика населения города Сольвычегодска
Population dynamics of Solvychegodsk

Население	1825 г.	1833 г.	1840 г.	1847 г.	1861 г.	1979 г.	2023 г.
Мужчин	579	693	574	561	667	–	–
Женщин	573	570	648	565	697	–	–
Всего	1052	1263	1222	1126	1364	4094	1858

Население постоянно прирастало, но незначительно. Купцов в городе было немного: в 1825 г. – 7 муж. пола, в 1833 – 13 муж., в 1840 г. – 29 обою пола. Дворян и чиновников в 1825 г. 14 муж. и 13 жен., в 1847 г. – 73 муж. и 84 жен. Домов каменных в 1825 г. – 4, деревянных – 211; в 1847 г. каменных – 3, деревянных – 189. Церквей в 1825 г. – 10, монастырей – 1; в 1847 г. – каменных 12, деревянных – 2. Учебных заведений – 1, на 1847 г. учащихся числилось – 51 чел. Заводов и фабрик числилось 1825 г. – 5; 1847 – 1. Трактиров не было, питейных заведений в 1825 г. – 4; в 1847 г. – 3. Лавок в 1825 г. – 2; 1847 г. – 49.

В 1863 г. вышло замечательное издание «Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг.» [8], в котором даны очерки каждого города, в том числе Сольвычегодска. В 1861 г. дворян – потомственных – 16 муж., 26 жен.; личных – 62 муж. 80 жен. Духовенства – 82 муж. (из них монашествующих – 5), 80 жен.; купцов – 35 муж.; 40 жен.; воинских чинов, состоящих на службе, – 132. На 1862 г. лавок в городе – 27. Ярмарок отмечается три, Алексеевская (с 7 по 14 марта), Прокопьевская (с 7 по 10 июля) и Введенская (с 20 по 27 ноября).

Приведены интересные сведения о занятиях жителей «По сведениям губернского статистического комитета за 1861 г., считалось: хлебников – 2, булочников – 3, портных – 4, сапожников – 18, башмачников – 4, печников – 4, столяров – 3, кузнецов – 2, трубочист – 1, часовых дел мастер – 1, маляр – 1, резчик – 1, серебряных и золотых дел мастер – 2, переплетчиков – 3, позолотчиков – 2. Всего занимавшихся ремеслами было 63; в том числе, мастеров – 55 и учеников – 8». На 1861 г. во владении города состоял 1 дом, занятый городскими учреждениями и гостинный двор (26 лавок), 20 временных балаганов и скотобойня, с которых городской доход составлял 415 р.

В 1863–1885 гг. вышли пять томов Географическо-Статистического словаря Российской Империи под редакцией Петра Петровича Семенова (Тян-Шанского) [9]. В статье «Сольвычегодск» на зырянском (коми) «Совдор» дана разносторонняя характеристика города и уезда (том 4). Когда-то Сольвычегодск находился в двух верстах от современного города, называвшегося Черниговым. В конце XV в. город стали именовать Усолье. «Академик Иван Иванович Лепехин, посетивший город в 1871 г. нашел здесь 16 церквей (8 каменных), монастырь, домов 401; купцы

в числе 445 по его словам вели торговлю салом и хлебом с Архангельском откуда забрав разные товары отправлялись в Кяхту (*китайская граница – В. С.*); здесь закупали китайские и сибирские товары, которые распродавали на Ирбитской и Макарьевской ярмарках». В словаре приведены статистические сведения на 1867 г.: «По сведениям за 1867 г. число жителей в городе 1317 душ обоего пола (611 м.п.) из коих дворян 196, почетных граждан 87, купцов 60, мещан 324. Неправославных: католиков 12, протестант 1, магометан 4.». В городе церквей было 12, все каменные. В 1869 г. в Сольвычегодске было 200 домов (5 каменных), 30 лавок, из которых в гостином дворе было 26, уездное и приходское и духовное училища. Фабрик и заводов не было, ремесленников насчитывалось 29 чел. (все мастера). Отмечен упадок сканного (филигранового) промысла. По понедельникам проводились базары, а также три ярмарки в год: с 7 по 14 марта, с 7 по 10 июля, с 20 по 27 ноября. Наиболее значительная ярмарка – ноябрьская. Очень интересные сведения приведены и об уезде.

В 1890 г. по Вычегде проводил географические исследования известный русский географ Юлий Михайлович Шокальский. Ему мы благодарны за великолепные фотографии, в том числе Сольвычегодска, и статистический очерк в энциклопедии Брокгауза-Ефрона «Сольвычегодск». Ю. Шокальский пишет: «Уездный город Вологодской губернии, лежит на сравнительно высоком правом берегу реки Вычегды, в 18 верстах от ее впадения в Северную Двину (станция железной дороги Котлас). Жителей по переписи 1897 г. 1710, из них 863 мужчины и 847 женщин. Православных 1383, римско-католиков 11, протестантов 1, магометан 1. Дворян 185, православного духовенства 126, городских сословий 621, крестьян 109, военного сословия 344. — 12 каменных церквей, 1 каменный монастырь, 325 домов (9 каменных), 35 лавок (1 каменная), 5 складов товаров (1 камен.). Доходы города (1894) 5489 р., расходы 4269 р.; городской запасный капитал 5361 р. Двухклассные училища: муж. и жен., церковно-приходская школа; земская больница и городская богадельня. Занятия жителей: ремесла (37 чел.), отчасти промыслы; фабрик и заводов нет; три ярмарки, с оборотом на 14900 р.». Вот так статистически выглядел в XIX в. уездный город Сольвычегодск.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Полунин, Ф. А. Географический лексикон Российского государства, или Словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, ясашные зимовия, рудные заводы и прочия достопамятные места обширной Российской империи / Ф. А. Полунин. – Москва, 1773. – 479 с.
2. Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем онаго виде: [в 7 ч.] / Л. М. Максимович, А. Щекатов (1 часть, остальные составлены А. Щекатовым). – Москва : Университетская типография, Хр. Клаудия, 1801–1809.
3. Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год. – Санкт-Петербург : Тип. Ивана Глазунова, 1829. – 95 с.

4. Обзорение состояния городов Российской империи в 1833 году. – Санкт-Петербург : Тип. Карла Крайя, 1834. – 70 с.
5. Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского : сост. в Стат. отд. Совета Министерства внутренних дел. – Санкт-Петербург : Тип. Карла Крайя, 1842. – 74 с.
6. Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи [по 1 мая 1847 года] / сост. в Стат. отд. Совета М-ва внутр. дел. – Санкт-Петербург : Тип. Мин-ва внутр. дел, 1852. – 39 с.
7. Списки населенных мест Российской империи. Вологодская губерния. По сведениям 1859 года / обраб. ст. ред. Е. Огородниковым. Вып. 7. – Санкт-Петербург : Тип. К. Вульфа, 1866. – 520 с. – URL : / <https://www.booksite.ru/fulltext/spis/nas/mest/index.htm> (дата обращения: 07.06.2024).
8. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. – Ч. I. – Санкт-Петербург, 1863. – С. 26–28.
9. Географическо-статистический словарь Российской империи / под ред. П. П. Семенова. – Санкт-Петербург. – Т.IV. – 1873.
10. Шокальский, Ю. Сольвычегодск / Ю. Шокальский // Энциклопедия Брокгауза-Ефрона // <https://gufo.me/dict/brockhaus/%D0%A1%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B2%D1%8B%D1%87%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA> (дата обращения: 07.06.2024).
11. Зарайченко, П. Сольвычегодск до и после пожара 1770 г. на планах города. – URL : / <https://solimus.ru/wp-content/uploads/2021/04/Statya-VK-3-Solvychegodsk-do-i-posle-pozhara-1770-g-na-planah-goroda.pdf> (дата обращения: 07.06.2024).

References

1. Polunin, F. A. Geograficheskij leksikon Rossijskago gosudarstva, ili Slovar', opisuyushchij po azbuchnomu poryadku reki, ozera, morya, gory, goroda, kreposti, znatnye monastyrj, ostrogi, yasashnye zimoviya, rudnye zavody i prochiya dostopamyatnyya mesta obshirnoj Rossijskoj imperii [Geographical Lexicon of the Russian State, or Dictionary describing in alphabetical order rivers, lakes, seas, mountains, cities, fortresses, noble monasteries, forts, yasak winter quarters, ore factories and other memorable places of the vast Russian Empire] / F. A. Polunin. – Moscow. 1773. – 479 p.
2. Geograficheskij slovar' Rossijskago gosudarstva, sochinennyj v nastoyashchem onago vide [Geographical Dictionary of the Russian State, compiled in its present form]: [in 7 parts] / L. M. Maksimovich; A. Shchekatov (part 1, the rest were compiled by A. Shchekatov). – Moscow: University Printing House, Chr. Claudia, 1801–1809.
3. Statisticheskoe izobrazhenie gorodov i posadov Rossijskoj imperii po 1825 god [Statistical representation of towns and villages of the Russian Empire up to 1825]. – St. Petersburg: Ivan Glazunov Printing House, 1829. – 95 p.
4. Obzrenie sostoyaniya gorodov Rossijskoj imperii v 1833 godu [Review of the state of the towns of the Russian Em-

- pire in 1833]. – St.Petersburg: Karl Krai Printing House, 1834. – 70 p.
5. Statisticheskie tablicy o sostoyanii gorodov Rossijskoj imperii, Velikogo knyazhestva Finlyandskogo i Carstva Pol'skogo: sost. v Stat. otd. Soveta Ministerstva vnutrennih del. [Statistical tables on the state of the towns of the Russian Empire, the Grand Duchy of Finland and the Kingdom of Poland: compiled in the Stat. Department of the Council of the Ministry of Internal Affairs]. – St.Petersburg: Karl Krai Printing House, 1842. – 74 p.
 6. Statisticheskie tablicy o sostoyanii gorodov Rossijskoj imperii [po 1 maya 1847 goda] / sost. v Stat. otd-nii Soveta M-va vnutren. del. [Statistical tables on the state of the towns of the Russian Empire [up to May 1, 1847] / compiled in the Stat. Department of the Council of the Ministry of Internal Affairs]. – St.Petersburg: Ministry of Internal Affairs Printing House, 1852. – 39 p.
 7. Spiski naselennyh mest Rossijskoj imperii. Vologodskaya guberniya. Po svedeniyam 1859 goda [Lists of populated areas of the Russian Empire. Vologda Province. According to information from 1859] / Ed. E. Ogorodnikov. Issue 7. – St. Petersburg: K. Wulf Printing House, 1866. – 520 p. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/spis/nas/mest/index.htm> (accessed: 07.06.2024).
 8. Ekonomicheskoe sostoyanie gorodskih poselenij Evropejskoj Rossii v 1861-1862 gg. [Economic state of urban settlements of European Russia in 1861-1862]. – Part I. – St. Petersburg, 1863. – P. 26–28.
 9. Geograficheskoe-statisticheskij slovar' Rossijskoj imperii [Geographical and statistical dictionary of the Russian Empire] / Ed. P.P. Semenov. – Vol. IV. – St.Petersburg, 1873.
 10. Shokalsky, Yu. Solvychevodsk / Yu. Shokalsky // Brockhaus-Efron Encyclopedia // <https://gufo.me/dict/brockhaus/%D0%A1%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B2%D1%8B%D1%87%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA> (accessed: 07. 06. 2024).
 11. Zaraichenko, P. Sol'vychevodsk do i posle pozhara 1770 g. na planah goroda [Solvychevodsk before and after the fire of 1770 on the town plans] / <https://solimus.ru/wp-content/uploads/2021/04/Statya-VK-3-Solvychevodsk-do-i-posle-pozhara-1770-g.-na-planah-goroda.pdf> (accessed: 07. 06. 2024).

Благодарность (госзадание):

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Acknowledgements (state task)

The publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS.

Информация об авторе:

Силин Владимир Иванович – доктор географических наук, главный научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0002-1616-2755 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail; silinv@rambler.ru).

Author:

Vladimir I. Silin – Dr. Sci. (Geography), Chief Researcher of the Sector of Historical-Demographic and Historical-Geographical Research of the Russian North of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-1616-2755 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: silinv@rambler.ru).

Для цитирования:

Силин, В. И. Статистические данные о городе Сольвычегодске в XIX веке (по географическим сведениям) / В. И. Силин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 6 (72). – С. 5–8.

For citation:

Silin, V. I. Statistical data on the town of Solvychevodsk in the XIX century (according to geographical information) / V. I. Silin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2024. – No. 6(72). – P. 5–8.

Дата поступления статьи: 23.07.2024

Прошла рецензирование: 24.09.2024

Принято решение о публикации: 27.09.2024

Received: 23.07.2024

Reviewed: 24.09.2024

Accepted: 27.09.2024

Изменение количества удельных поселений в Шенкурском уезде Архангельской губернии в 1797–1863 годах

П. П. Котов

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
kotovpetr55@mail.ru

Аннотация

На основе делопроизводственных документов из фондов Российского государственного исторического архива и Российского государственного архива Древних актов исследуется изменение количества сел и деревень в удельных приказах и волостях Шенкурского уезда Архангельской губернии. Выявлено, что в уезде в 1797–1863 гг. исчезло 201 название поселений, в том числе 61 – между V–VIII ревизиями, оставшееся большинство – между VIII–X ревизиями. Сокращение поселений представляло довольно сложное явление. Оно включало в себя запустение деревень, главным образом, до начала 1930-х гг. и основание незначительного числа новых поселений. Однако основная часть названий деревень исчезла в ходе слияния нескольких деревень (от двух до четырех) в одно поселение, как правило, село. Наблюдалась и противоположная тенденция – разделение деревень на два поселения, что влекло за собой появление новых селений. Тем самым сокращение количества удельных поселений очень часто влекло за собой не их запустение, а исчезновение лишь названий. Характеристика сокращения удельных поселений в Архангельской губернии существенно отличалась от подобного в других губерниях России.

Ключевые слова:

удельные приказы, удельные волости, удельные селения, изменение количества деревень, запустение селений, слияние деревень, разделение селений, основание деревень

Удельная собственность и категория удельных крестьян были оформлены в России 5 апреля 1797 г. на базе дворцовой собственности [1, 2]. Удельные поселяне составили третью по численности группу сельского населения страны, доход с которых должен был составлять основу личного содержания главы государства, его семьи и дворцов. При этом демографические характеристики государственных и помещичьих крестьян изучены более основательно, нежели удельных поселян. В немногочисленных исследованиях в отношении демографических характеристик дореволюционные и советские историки обращали

Change in the number of appanage settlements in the Shenkursk uyezd of the Arkhangelsk province in 1797–1863

P. P. Kotov

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS
Syktyvkar
kotovpetr55@mail.ru

Abstract

On the basis of office documents from the funds of the Russian State Historical Archive and the Russian State Archive of Ancient Acts, the change in the number of villages in the appanage group of volosts (Prikaz) and volosts of the Shenkursk uyezd of the Arkhangelsk province is investigated. It was revealed that 201 names of settlements disappeared in the uyezd in 1797–1863, including 61 between the V – VIII revisions, the remaining majority – between the VIII–X revisions. The reduction of settlements was a rather complicated phenomenon. It included the desolation of villages, mainly until the early 1930s, and the establishment of a small number of new settlements. However, most of the village names disappeared during the merger of several villages (from two to four) into one settlement, usually into a village. The opposite trend was also observed – division of villages into two settlements, which led to the emergence of new villages. Thus, the reduction in the number of appanage settlements very often entailed not their desolation, but the disappearance of only names. The characteristics of the reduction of appanage settlements in the Arkhangelsk province differed significantly from those in other provinces of Russia.

Keywords:

appanage group of volosts (Prikaz), appanage volosts, appanage villages, change in the number of villages, desolation of villages, merger of villages, division of villages, founding of villages

внимание на численность удельных крестьян [3, 4]. Подобное характерно и для трудов, в которых отображается история удельных селян в регионах страны [5–7], в том числе по Европейскому Северу России [8]. Лишь в единичных трудах затрагиваются вопросы динамики количества удельных селений в 1797–1863 гг. [9].

В указанных и других исследованиях не анализировались, например, вопросы изменения количества удельных сел и деревень как в целом по стране, так и по регионам. В последних в 1797 г. было сформировано девять удельных экспедиций, в рамках которых объединялись

удельные крестьяне нескольких губерний. Так, удельная собственность и крестьяне Архангельской и Вологодской губерний оказались соединены в составе Архангельской удельной экспедиции.

В 1808 г. удельное управление претерпело существенное преобразование. В регионах сформировали 34 удельные конторы (имения) и удельные отделения, которые охватывали, как правило, удельные владения и крестьян конкретных губерний. В течение времени эти региональные подразделения иногда претерпевали изменения. Например, в 1859 г. Архангельская и Вологодская удельные имения были соединены в рамках Вельского имения (конторы).

Материалы рис. 1 наглядно свидетельствуют, что в Архангельской губернии владения императорской семьи и, соответственно, удельные крестьяне оказались сосредоточены на юге региона, в Шенкурском уезде, где представляли абсолютное большинство крестьянства.

В 1797–1863 гг. удельные поселяне представляли более 95 % сельского населения Шенкурского уезда [10–21]. Отметим, что в рассматриваемый период границы названного уезда не изменялись в отличие от границ соседних Вельского и Кадниковского уездов Вологодской губернии [22]. По сравнению с удельной деревней Вологодской губернии в Архангельской губернии не было также расширения удельных владений за счет покупок земель и крестьян у частных владельцев [23–24]. Правда, в 1830–1860-х гг. в обеих губерниях удельные угодья расширились за счет переданных от казны лесных владений, что не влияло на количество удельных селений [25].

С 1797 г. на низовом уровне удельные крестьяне Шенкурского уезда были объединены в рамках семи удельных приказов, один из которых – Борецкий – располагался на территории Архангельской и Вологодской губерний. В 1808 г. изменения в управлении затронули и низовой уровень. В Шенкурском уезде сформировали шесть приказов (см. рис. 1). При этом, бывшие селения Борецкого приказа вошли в Кургоминский приказ. В дальнейшем границы удельных приказов не менялись, за редким перечислением единичных удельных поселений из одного приказа в другой.

Выявленные материалы о составе удельных сел и деревень позволяют определить территории и состав удельных поселений по приказам на сопоставимом уровне за весь период существования удельных крестьян. В табл. 1 именно так и зафиксированы составы удельных сел и деревень по приказам с 1797 по 1850 г., имея в виду условный характер границ приказов за 1797–1808 гг.

В свою очередь удельные приказы разделялись на более мелкие объединения деревень. Они представляли из себя общины-волости, внутри которых нередко (не всегда) существовали и простые, деревенские общины. Общины в удельной деревне Севера действовали на принципах сельского самоуправления, в основе которого лежали решения деревенских или, соответственно, волостных сходов, в которых принимали участие только хозяева дворов. Впрочем, на таких же принципах первоначально функционировали и удельные приказы. После 1808 г. в деятельность

Рис. 1. Карта удельных приказов и волостей Шенкурского уезда Архангельской губернии в 1808–1850 годах (автор: П. П. Котов).

Условные обозначения. Благовещенский приказ – 1 Нижнепуйская в.; Усть-Паденский приказ – 2 Усть-Пуйская в., 4 Усть-Паденская в., 5 Шелашская в.; Великониколаевский приказ – 3 Федоровская б., 6 Исаковская б., 7 Есиповская б., 8 Котажские дер., 9 Васильевская б., 10 Ивановская б., 11 Усть-Тарнянские дер.; Предтеченский приказ – 12 Сметанинская в., 13 Химаневская в.; Усть-Важский приказ – 14 Корбальская в., 15 Прилуцкая в.

Fig. 1. Map of appanage group of volosts (Priказ) and volosts of the Shenkursk Uyezd of the Arkhangelsk region in 1808–1850 (author Kotov P. P.)

The numbers indicate: Blagoveshchensk group of volosts (Priказ) – 1 Nizhnepuiskaya volost; Ust-Padensk group of volosts (Priказ) – 2 Ust-Puiskaya volost, 4 Ust-Padenskaya volost, 5 Shelashskaya volost; Velikonikolaev group of volosts (Priказ) – 3 Fedorovskaya volost, 6 Isakovskaya volost, 7 Esipovskaya volost, 8 Kotazhsky villages, 9 Vasilyevskaya volost, 10 Ivanovskaya volost, 11 Ust-Tarnyansky villages; Predtechensk group of volosts (Priказ) – 12 Smetaninskaya volost, 13 Khimanevskaya volost; Ust-Vazhsk group of volosts (Priказ) – 14 Korbalskaya volost, 15 Prilutskaya volost.

приказов стало вмешиваться удельное ведомство путем введения норм, ограничения прав сельских сходов, регламентации их проведения и работы выборных приказных «начальников».

Подобные действия удельной администрации в отношении волостей-общин оказались менее существенными. Заметим, что общины сложились в течение нескольких веков, прежде всего в силу решения определенных хозяйственных вопросов, «справедливого» распределения земельных угодий, выплаты денежных податей и выполнения натуральных повинностей. В Шенкурском уезде объединения селений имели различные названия: боярщины, волости, деревни, приходы, слободки, что и отражено в материалах прилагаемой карты (см. рис. 1). Эти наименования являлись обыденными уже в XVII в. [26] и были зафиксированы, например, по «Ландратской переписи Подвинской четверти Важского уезда 1717 года» [27]. После оформления удельных владений чиновники стремились внедрить единое общее название – волость. Но и после 1808 г. этот общий термин в отношении сложных общин, хотя и ограничил, но так и не вытеснил другие обозначения сложных общин даже в административных документах, не говоря о материалах из крестьянской среды. Однако в предлагаемой статье, в том числе в табл. 2, считаем возможным и уместным употребление общего термина «волость» для обозначения указанных групп селений.

К концу XVIII в. в Шенкурском уезде существовало 58 дворцовых волостей. В ходе оформления удельных приказов некоторые волости оказались разделены. Сложно однозначно утверждать, что это было сугубо административное, навязанное решение удела. Вероятно, разделение явилось и результатом практики функционирования волостей в течение предыдущих десятилетий. Так или иначе некоторые крупные волости разъединились и появились новые волостные объединения. Так, Федоровская волость разделилась и ее основная часть осталась в Великониколаевском приказе и сохранила свое название. Другая группа деревень отошла к Усть-Паденскому приказу и после 1808 г. стала называться Шелашской волостью. В Великониколаевском приказе вышедшие из Ямскогорской волости одна группа селений образовала Котажские деревни (волость), другая – Усть-Тарнянские деревни (волость). Основная часть Ямскогорской волости соединилась с Усть-Сюмскими деревнями и образовали единую волость в составе Предтеченского приказа. Наряду с ними, существовавшая на северо-востоке Шенкурского уезда Ростовская волость в 1797 г. была поделена между Усть-Важским и Кургоминским приказами. Тем самым при создании уделов в Шенкурском уезде считалось 61 общинное объединение.

В 1808 г. в Шенкурском уезде в ходе преобразований и перераспределения волостей Ростовская волость вновь оказалась объединена в рамках Усть-Важского приказа и в уезде стало 60 волостей, что и зафиксировано на рис. 1 и табл. 2. В материалах последней отражены и последующие изменения волостного состава удельных владений Шенкурского уезда. По нашему мнению, эти изменения оказались частью политики попечительства [28]. В ее ходе, например, вводилась общественная запашка [29], ограничивалось отходничество [30] и предпринимались некоторые другие меры.

В рамках политики попечительства вполне укладывалось стремление удела «рационализировать» волостную систему. В результате в 1850 г. в Усть-Паденском приказе оказалась расформирована Крюковская волость, два селения которой были включены в Ровдинскую волостью Благовещенского приказа и две деревни – в Усть-Пуйскую волость Усть-Паденского приказа [16, л. 13, 16]. В Усть-Важском приказе на основе прежних четырех самостоятельных волостей были образованы Слободско-Осиновская и Шилинско-Прилуцкая волости. В Кургоминском приказе вместо Осерецкой и Зарецкой волостей создается Топецкая волость. Особенно существенными изменения оказались в Великониколаевском удельном приказе, где не только были расформированы пять волостей, создана новая Никольская волость, но и почти все волости изменили состав селений. По сути при сохранении прежних названий в приказе были сформированы новые по составу волости. По итогу, после 1850 г. в Шенкурском уезде стали фиксироваться 52 удельные волости (табл. 2).

В 1797–1863 гг. в Шенкурском уезде более существенные изменения, чем на волостном уровне, произошли в количестве удельных сел и деревень. Данные табл. 1 показывают, что с V (1795) по X (1859) ревизии количество удельных селений в уезде сократилось с 1060 до 859, или 29 %. При этом, во временной отрезок между V и VIII (1834) ревизиями перестала упоминаться 61 удельная деревня (5,8 %), тогда как между VIII–X ревизиями – 140 деревень (14,0 %).

Таблица 1
Изменение количества селений в удельных приказах Шенкурского уезда
Архангельской губернии

Table 1
Change in the number of villages in the appanage group of volosts (Priказ) of the Shenkursk uyezd of the Arkhangelsk province

Приказы	Количество селений					
	V ревизия	VIII ревизия		X ревизия		
		абс.	% от V ревизии	абс.	% от VIII ревизии	% от V ревизии
Благовещенский	182	158	86,8	155	98,1	85,2
Усть-Паденский	153	150	98,0	138	92,0	90,2
Великониколаевский	199	182	91,5	169	92,9	84,9
Предтеченский	183	180	98,4	148	82,2	80,9
Усть-Важский	140	138	98,6	108	78,3	77,1
Кургоминский	203	191	94,1	141	73,8	69,5
Всего в Шенкурском уезде	1 060	999	94,2	859	86,0	81,0

Источники: [10–21].
Sources: [10–21].

Причины изменения количества удельных селений
в Шенкурском уезде Архангельской губернии в 1797–1863 годах

Таблица 2

Table 2

Reasons for the change in the number of appanage settlements in the Shenkursk uyezd
of the Arkhangelsk province in 1797–1863

Волости, приказы	Количество удельных селений							
	V реви- зия	1797–1833 гг.		VIII реви- зия	1834–1863 гг.			X реви- зия
		Исчезло; основано	Изменено		Исчезло; основано	Изменено	Пере- вече- но	
Благовещенская	40	-3	-	37	-2	6 в 2	-	31
Воскресенская	66	-14	2 в 1	51	+3	6 в 3	-	51
Нижнепуйская	12	-	-	12	-	2 в 1	-	11
Попонаволоцкая	22	-1	2 в 1	20	-	-	-	20
Пуйская	27	-1	-	26	-	4 в 2	-	24
Ровдинская	15	-2	2 в 1	12	-	2 в 1	+7	18
Благовещенский приказ	182	-21	6 в 3	158	-2; +3	20 в 9	+7	155
Верхопаденская	9	-	-	9	-	-	-	9
Верхосуланская	13	-	-	13	-	-	-	13
Крюкова	4	-	-	4	расформирована		-4	-
Паденская	34	-2	-	32	-	2 в 1; 1 на 2	-	32
Суланская	20	-	-	20	-	-	-	20
Усть-Паденская	29	-	-	29	-1	2 в 1	-	27
Усть-Пуйская	15	-1	-	14	-1; +1	-	-5; +2	11
Шелашская	13	-	-	13	-	6 в 3	-	10
Шеренская	16	-	-	16	-	-	-	16
Усть-Паденский приказ	153	-3	-	150	-2; +1	10 в 5; 1 на 2	-9; +2	138
Афонасовская	15	-2	-	13	-	7 в 3	-6; +16	19
Васильевская	22	-	4 в 2	20	расформирована		-20	-
Верхоледская	10	-	-	10	-	-	-	10
Володимирская	13	-1	2 в 1	11	-	4 в 2	+14	23
Груздовская	21	-	-	21	-	8 в 3; 1 на 2	+2	19
Едемская	17	-2	-	15	-	4 в 2	-10; +16	19
Есиповская	8	-	-	8	расформирована		-8	-
Ивановская	10	-3	-	7	расформирована		-7	-
Исаковская	10	-1	-	9	расформирована		-9	-
Котажская	5	-	-	5	-	-	+1	6
Никольская	создана в 1850 г.						+22	22
Нижедемская	7	-2	-	5	расформирована		-5	-
Тарнянская	19	-	2 в 1	18	-	-	-	18
Труфановская	21	-1	-	20	-	-	-14; +5	11
Усть-Тарнянская	3	-	-	3	-	-	+3	6
Федоровская	18	-1	-	17	-	4 в 2	-2; +3	16
Великониколаевский приказ	199	-13	8 в 4	182	-	27 в 12; 1 на 2	-81; +82	169
Кицкая	14	-	-	14	-	4 в 2; 1 на 2	-	13
Предтеченская	42	-	-	42	-	18 в 9	-	33
Сметанинская	12	-	-	12	-	-	-	12
Усть-Сюмская	27	+1	4 в 2	26	-	8 в 4	-	22
Химаневская	15	-1	-	14	-	9 в 3	-	8
Шеговарская	30	-	-	30	+1	6 в 3	-1	27
Ямскогорская	43	-1	-	42	-	15 в 6	-	33
Предтеченский приказ	183	-2; +1	4 в 2	180	+1	60 в 27; 1 на 2	-1	148
Березницкая	4	-	-	4	-	3 в 1	-	2
Ваенская	8	-	-	8	-	6 в 3	-	5
Конецгорская	43	-	-	43	-	9 в 4	+1	39

Конечно, по удельным приказам указанные показатели значительно отличались. Наиболее отрицательные данные наблюдались в Кургоминском приказе, в котором между V–X ревизиями перестало упоминаться 62 удельных селения, или 30,5 %. В этом приказе основная доля сокращений, на 50 деревень, или 26,2 %, пришлась на период с VIII по X ревизии. С V по X ревизии несколько меньше исчезло наименований деревень в Усть-Важском приказе – 32, или 22,9 %, и Предтеченском приказе – на 35 названия, или 19,1 %. По большинству приказов, как и в целом по удельной деревне Шенкурского уезда, основная часть деревень сократилась между VIII–X ревизиями, что заметно меньше, чем в период с V по VIII ревизии. Однако и в этом отношении были исключения по двум приказам. Так, в Благовещенском приказе между V–VIII ревизиями количество деревень уменьшилось на 13,2 %, тогда как между VIII–X ревизиями – всего на 1,9 %, в Великониколаевском приказе соответственно – на 8,5 и 7,1 % (см. табл. 1).

Следует отметить еще один факт – в Шенкурском уезде доля сокращений количества удельных селений возрастала с юга на север. Иными словами, чем севернее располагался удельный приказ, тем большая часть названий селений исчезла (см. рис. 1 и табл. 1).

Понятно, что многие показатели по волостям Шенкурского уезда в основном отражали общую тенденцию сокращения удельных деревень, о чем свидетельствуют материалы табл. 2. Так, между VIII–X ревизиями в Предтеченской волости одноименного приказа исчезло 21,4 % названий деревень, в Ростовской волости Усть-Важского приказа – 25,0 %, в Верхнеборецкой волости Кургоминского приказа – 26,3 % названий.

С другой стороны, с V по X ревизии сохранились поселе-

Окончание табл. 2 С V по VIII ревизии появилось

Корбальская	10	-1	-	9	-	4 в 2		7
Осиновская	11	-	-	11	-	7 в 3		12
Слободская	6	-	-	6	-1	-	объединены	10
Прилуцкая	7	-	-	7	-	2 в 1		
Шилинская	4	-	-	4	-	-	объединены	4
Пянская	8	-	-	8	-	7 в 3		
Ростовская	20	-	-	20	-	7 в 3	-1	15
Усть-Ваенская	5	-	-	5	-	2 в 1; 1 на 2		5
Усть-Важская	11	-1	-	10	-	5 в 1		6
Чажестровская	3	-	-	3	-	2 в 1; 1 на 2		3
Усть-Важский приказ	140	-2	-	138	-1	54 в 23; 2 на 4	-1; +1	108
Верхнеборецкая	41	-	-	41	-	20 в 9; 1 на 2	-1	30
Нижнеборецкая	22	-	-	22	-	13 в 6; 1 на 2	+1	17
Заостровская	21	-	-	21	-	6 в 2	-	17
Осерецкая	18	-3; +1	2 в 1	15	-	20 в 9	Топецкая в.	24
Зарецкая	24	-2	4 в 2	20	-			
Кургоминская	20	-1	-	19	-	4 в 2	-	17
Селецкая	16	-	-	16	-	11 в 4	-	9
Троицкая	28	-4	-	24	-1	11 в 5	-	17
Тулгаская	13	-	-	13	-	4 в 1	-	10
Кургоминский приказ	203	-10; +1	6 в 3	191	-1	89 в 38; 2 на 4	-1; +1	141
Всего в Шенкурском уезде	1 060	-51; +2	24 в 12	999	-6; +5	260 в 114; 7 на 14	-93; +93	859

Источники: [10–21].
Sources: [10–21].

ния в Верхосуланской, Суланской и Шеренской волостях Усть-Паденского приказа, в Верхоледской волости Великониколаевского приказа и Сметанинской волости Предтеченского приказа. Наряду с ними в результате запустения, разделения и соединения деревень их число осталось неизменным в Попонаволоцкой волости Благовещенского приказа и Усть-Ваенской волости Усть-Важского приказа. За счет перераспределения селений в некоторых волостях количество деревень даже увеличилось. В частности, по Великониколаевскому приказу между V–X ревизиями число поселений в Едемской волости возросло на 11,8 %, Афонсорвской – на 26,7, Груздовской – на 76,9 и в Усть-Тарнянской волостях вовсе удвоилось.

Однако данные табл. 2 имеют важное значение и для понимания глубинных изменений в количестве поселений и употребления термина «исчезновение названий деревень (поселений)». Конечно, в удельной деревне Шенкурского уезда действительно наблюдалось запустение деревень, прежде всего между V–VIII ревизиями, когда не стало 51 деревни. При этом, в Благовещенском приказе исчезло 21 поселение, в Великониколаевском приказе – 13 поселений, в Кургоминском приказе – 10 поселений, в остальных приказах – по два-три поселения. В отличие от указанного периода между VIII–X ревизиями запустели только шесть деревень: по две в Благовещенском и Усть-Паденском приказах и по одной – в Усть-Важском и Кургоминском приказах (см. табл. 2).

Противоположная от исчезновения тенденция – образование новых поселений проявлялась значительно реже.

значительно меньше, чем запустело (см. табл. 2).

Иное наблюдалось между VIII–X ревизиями, когда из 260 деревень оказалось создано 114 селений. Конечно, и в этот период основная часть новых поселений образовывалась путем объединения двух деревень в одно поселение, почти всегда в село. Однако нередко в одно поселение объединялись три, четыре и даже пять деревень. Так, в Химаневской волости Предтеченского приказа деревни Карабышевская и Тимонинская образовали село Карабышевское, деревни Ивановская, Ушевская и Большая Бабарыкинская – село Ивановское, деревни Стеховская, Малая Бабарыкинская, Спиловская и Козьминская – село Стеховское.

Всего по Шенкурскому уезду 96 удельных сел были созданы путем слияния по две деревни и 14 удельных сел – по три деревни. Кроме того, в основе еще четырех сел было по четыре деревни. И, наконец, в ходе слияния пяти деревень образовались села Усть-Важское в Усть-Важской волости одноименного приказа и Горлишевское Селецкой волости Кургоминского приказа. В целом по Шенкурскому уезду за счет слияния исчезло 158 названий деревень [10–21]. На европейском севере России такие факты встречались только на северо-восточных территориях. Так, в Кузнецовском отделении Вологодской губернии между V–X ревизиями из 21 деревни было образовано восемь поселений, а запустели только три деревни [9]. В других удельных приказах и волостях центральной части Вологодской губернии слияние деревень случалось очень редко.

Исходя из приведенных фактов, становится понятным, что при характеристике сокращения удельных поселений во многих случаях нельзя применять термин «запустение деревень (поселений)», ведь в этих случаях дворы оставались жилыми. Отметим, что даже обозначение «исчезновение деревень (поселений)» не до конца корректно, ибо нередко наблюдалось, скорее, «исчезновение НАЗВАННЫХ деревень (поселений)».

Обратим внимание и на обратное от соединения деревень явление – разделение поселений. Указанное явление было характерно только для периода после VIII ревизии, когда в Шенкурском уезде семь удельных деревень разделились на 14 поселений. Например, в Кургоминском приказе из деревни Мартушевской выделилась деревня Басмановская, из Первой Городецкой – деревня Гагаринская. Подобное наблюдалось и в других удельных приказах, за исключением Благовещенского (см. табл. 2). Удельные поселения разделялись в тех случаях, когда их части, группы дворов отстояли друг от друга на удалении и внутри них оформлялось собственное сообщество. Нечто подобное произошло, например, и при создании села Благовещенского (в одноименной волости и приказе), в состав которого вошли не только деревни Брагинская, Мельничная, Пустошь Першинская и Селище Ивановское, но и пять дворов деревни Ананьевской, оставшаяся часть которой сохранила самостоятельность [16].

Таким образом, количество удельных поселений в Шенкурском уезде Архангельской губернии в 1797–1863 гг. существенно сократилось. Основу указанной убыли составило слияние деревень и образование на этой базе большинства удельных сел. Заметную долю в ходе уменьшения числа удельных поселений сыграло запустение почти шести десятков деревень. Процесс убыли удельных поселений в Шенкурском уезде в незначительной степени смягчался за счет единичных случаев основания новых деревень и редкого разделения некоторых из них. В целом, в Архангельской губернии тенденция к сокращению количества удельных поселений была весьма ощутимой. Подобное было характерно и для северо-восточных Сольвычегодского и Великоустюгского уездов Вологодской губернии, тогда как в центральных и юго-западных уездах практически отсутствовало.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. – Санкт-Петербург, 1830 (далее – ПСЗРИ-1). – Т. XXIV, № 17906. – С. 525–569.
2. ПСЗРИ-1. – Т. XXIV, № 17907. – С. 569.
3. История уделов за столетие их существования. 1797–1897. В 3-х т. – Санкт-Петербург, 1901–1902. – Т. 1. – 733 с.; – Т. 2. – 581 с.
4. Кабузан, В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. / В. М. Кабузан. – Москва : Наука, 1971. – 190 с.

5. Гриценко, Н. П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья (Очерки) / Н. П. Гриценко. – Грозный, 1959. – 585 с.
6. Дунаева, Н. В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.): историко-правовое исследование / Н. В. Дунаева. – Санкт-Петербург, 2006. – 284 с.
7. Орлов, С. В. Удельные крестьяне Алатырского удельного округа в первой половине XIX века: дис. ... канд. истор. наук / С. В. Орлов. – Саранск, 2003. – 204 с.
8. Котов, П. П. Удельные крестьяне на Европейском Севере России: размещение и демографические процессы / П. П. Котов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». – 2013. – № 1 (130). – С. 18–22.
9. Котов, П. П. Удельные поселения и крестьяне Сольвычегодского уезда Вологодской губернии в конце XVIII–середине XIX века / П. П. Котов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 2 (68). – С. 9–17.
10. Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 1. Оп. 3. Д. 277. Л. 12 об.–19.
11. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 515. Оп. 5. Д. 7. Л. 1 об.–321.
12. РГИА. Ф. 515. Оп. 5. Д. 839. Л. 37 об.–78.
13. РГИА. Ф. 515. Оп. 10. Д. 578. Л. 5–6 об.
14. РГИА. Ф. 515. Оп. 16. Д. 806. Л. 1 об.–203.
15. РГИА. Ф. 515. Оп. 16. Д. 807. Л. 1 об.–140.
16. РГИА. Ф. 515. Оп. 16. Д. 1682. Л. 13–29.
17. РГИА. Ф. 515. Оп. 74. Д. 86. Л. 3–146.
18. РГИА. Ф. 515. Оп. 74. Д. 87. Л. 2–147.
19. РГИА. Ф. 515. Оп. 74. Д. 88. Л. 4–189.
20. РГИА. Ф. 515. Оп. 74. Д. 89. Л. 2–383 об.
21. РГИА. Ф. 515. Оп. 74. Д. 90. Л. 2–244 об.
22. Котов, П. П. Изменение границ Вельского и Кадниковского уездов Вологодской губернии в середине XIX века / П. П. Котов // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. – 2019. – № 3 (39). – С. 65–71.
23. Котов, П. П. Расширение удельных владений в Вологодской губернии в первой четверти XIX века / П. П. Котов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2021. – Т. 43, № 4. – С. 39–46.
24. Котов, П. П. Характеристика помещичьих имений Вологодской губернии, приобретенных удельным ведомством в 1804 и 1824 годах / П. П. Котов // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. – 2021. – № 4 (50). – С. 46–54.
25. Котов, П. П. Наделение удельных крестьян России лесными угодьями в 1797–1863 годах: По материалам Европейского Севера / П. П. Котов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2012. – № 2. – С. 101–106.
26. Васильев, Ю. С. Избранные труды по истории Европейского Севера России XII–XVII веков. 2-е изд., испр. и доп. / Ю. С. Васильев. – Вологда : Древности Севера, 2013. – 256 с.
27. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 350. Оп. 1. Д. 46. Л. 30–511.

28. Котов, П. П. Политика попечительства удела и ее результаты: на примере Европейского Севера России / П. П. Котов // Вестник Удмуртского университета. Серия 5: История и филология. – 2012. – Вып. 3. – С. 103–107.
29. Котов, П. П. Материалы об общественной запашке удельных крестьян Европейского Севера России как исторический источник / П. П. Котов // Петербургские чтения – 97. Петербург и Россия. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». Сер. «Петербург и Россия». – Санкт-Петербург, 1997. – С. 453–457.
30. Котов, П. П. Особенности отходничества удельных крестьян Европейского Севера России / П. П. Котов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. – 2012. – Вып. 3. – С. 149–155.

References

1. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1] – St.Petersburg, 1830 (hereinafter – PSZRI-1). – Vol. XXIV. – No. 17906. – P. 525–569.
2. PSZRI-1. – Vol. XXIV. – No. 17907. – P. 569.
3. Istorija udelov za stoletie ih sushhestvovaniya. 1797 – 1897 [The history of appanages during the century of their existence. 1797-1897] In 3 volumes. – St.Petersburg, 1901–1902. – Vol. 1. – 723 p.; – Vol. 2. – 581 p.
4. Kabuzan, V. M. Izmeneniya v razmeshchenii naseleniya Rossii v XVIII – pervoi polovine XIX v. [Changes in the distribution of the Russian population in the 18th – first half of the 19th centuries] / V. M. Kabuzan. – Moscow: Nauka Publ., 1971. – 190 p.
5. Gritsenko, N. P. Udel'nye krest'yane Srednego Povolzh'ya (Ocherki) [Tsar family peasants of the middle Volga region. Essays] / N. P. Gritsenko. – Grozny, 1959. – 585 p.
6. Dunaeva, N. V. Udelnie krestyane kak subyekty prava Rossijskoj imperii (konec XVIII-pervaya polovina XIX v. [Tsar family peasants as subjects of law of the Russian Empire (end of the XVIII – first half of the XIX century): historical and legal research] / N. V. Dunaeva. – St.Petersburg, 2006. – 284 p.
7. Orlov, S.V. Udelnie krestyane Alatyrskogo udelnogo okruga v pervoi polovine XIX veka [Tsar family peasants of the Alatyrsky appanage area in the first half of the XIX century]: diss. ... Cand. Sci. (History) / S. V. Orlov. – Saransk, 2003. – 204 p.
8. Kotov, P. P. Udel'nye krestyane na Evropeiskom Severe Rossii: razmeshhenie i demograficheskie processy [Tsar family peasants in European North of Russia: distribution and demographic processes] / P. P. Kotov // Sci. notes of Petrozavodsk State Univ. Series "Social Sciences & Humanities". – 2013. – No. 1 (130). – P. 18–22.
9. Kotov, P. P. Udel'nye poseleniya i krest'yane Sol'vychevodskogo uezda Vologodskoi gubernii v kontse XVIII-seredine XIX veka [Tsar family settlements and peasants of the Solvychevodsk Uyezd of the Vologda province at the end of the XVIII-mid-XIX centuries] / P. P. Kotov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical demography". – 2024. – No. 2 (68). – P. 9–17. – DOI 10.19110/1994-5655-2024-2-9-17.
10. Gosudarstvennii arhiv Arhangel'skoi oblasti [State Archive of the Arkhangelsk Region] (hereinafter – GAAO). F. 1. Op. 3. D. 277. L. 12 ob.-19.
11. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive] (hereinafter – RGIA). F. 515. Op. 5. D. 7. L. 1 ob.-321.
12. Ibid. F. 515. Op. 5. D. 839. L. 37 ob.-78
13. Ibid. F. 515. Op. 10. D. 578. L. 5–6 ob.
14. Ibid. F. 515. Op. 16. D. 806. L. 1 ob.-203.
15. Ibid. F. 515. Op. 16. D. 807. L. 1 ob.-140.
16. Ibid. F. 515. Op. 16. D. 1682. L. 13–29.
17. Ibid. F. 515. Op. 74. D. 86. L. 3–146.
18. Ibid. F. 515. Op. 74. D. 87. L. 2–147.
19. Ibid. F. 515. Op. 74. D. 88. L. 4–189.
20. Ibid. F. 515. Op. 74. D. 89. L. 2–383 ob.
21. Ibid. F. 515. Op. 74. D. 90. L. 2–244 ob.
22. Kotov, P. P. Izmenenie granits Velskogo i Kadnikovskogo uezdov Vologodskoy gubernii v seredine XIX veka [Change of boundaries of the Velsky and Kadnikovsky Uyezds of the Vologda Province in the mid-XIXth century] / P. P. Kotov // Proc. of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. – 2019. – No 3 (39). – P. 65–71. – DOI 10.19110/1994-5655-2019-3-65-71.
23. Kotov, P. P. Rasshirenije udel'nykh vladений v Vologodskoi gubernii v pervoi chetverti XIX veka [Expansion of appanages in the Vologda province in the first quarter of the XIX century] / P. P. Kotov // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Sci. notes of Petrozavodsk State Univ.]. – 2021. – Vol. 43. – No. 43(4). – P. 39–46. – DOI: 10.15393/uchz.art.2021.616.
24. Kotov, P. P. Kharakteristika pomeshchich'ikh imenii Vologodskoi gubernii, priobretennykh udel'nym vedomstvom v 1804 i 1824 godakh [Characteristics of the landlords' estates of the Vologda province obtained by the appanage department in 1804 and 1824] / P. P. Kotov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch. RAS. – 2021. – No. 4 (50). – P. 46–54. DOI: 10.19110/1994-5655-2021-4-46-54.
25. Kotov, P. P. Nadelenie udel'nykh krest'yan Rossii lesnymi ugod'yami v 1797-1863 godakh: Po materialam Evropeiskogo Severa [The allotment of Tsar family peasants of Russia with forest lands in 1797 – 1863: based on materials of the European North of Russia] / P. P. Kotov // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta [Bull. of Voronezh State Univ.]. Series: History. Political science. Sociology. – 2012. – No 2. – P. 101–106.
26. Vasilyev, Yu. S. Izbrannye trudy po istorii Evropeiskogo Severa Rossii XII – XVII vekov [Selected works on the history of the European North of Russia of the XII-XVII centuries]. 2nd edition., revised and updated / Yu. S. Vasilyev. – Vologda: Drevnosti Severa [Antiquities of the North], 2013. – 256 p.
27. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts] (hereinafter – RGADA). F. 350. Op. 1. D. 46. L. 30–511.
28. Kotov, P. P. Politika popechitel'stva udela i ee rezultaty: na primere Evropeiskogo Severa Rossii [The policy of

guardianship of the appanage and its results: the example of the Russian European North] / P. P. Kotov // Bull. of Udmurt Univ. Series 5: History and Philology. – 2012. – No. 3. – Issue 3. – P. 103–107.

29. Kotov, P. P. Materialy ob obshchestvennoi zapashke udel'nykh krest'yan Evropeiskogo Severa Rossii kak istoricheskii istochnik [Materials on the public plowing of state peasants of the European North of Russia as a historical source] / P.P. Kotov // Peterburgskie chteniya – 97. Peterburg i Rossiya. Materialy Entsiklopedicheskoi

biblioteki «Sankt-Peterburg-2003». Ser. «Peterburg i Rossiya» [St. Petersburg Readings-97. St. Petersburg and Russia. Materials of the Encyclopedia library “St. Petersburg-2003”. Series “Petersburg and Russia”]. – St. Petersburg, 1997. – P. 453–457.

30. Kotov, P. P. Osobennosti otkhodnichestva udel'nykh krest'yan Evropeiskogo Severa Rossii [Peculiarities of seasonal work of Tsar family peasants in the European North of Russia] / P. P. Kotov // Bull. of St.Petersburg Univ. Series 2. – 2012. – Issue 3. – P. 149–155.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики в регионах Европейского Севера России» (номер государственного учета 122040800166–0).

Acknowledgements (state task)

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the topic “Transformations of society, government and economy in the European North-East of Russia” (state registration No. 122040800166–0).

Информация об авторе:

Котов Петр Павлович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором отечественной истории, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID 0000-0002-7641-2437 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: kotovpetr55@mail.ru).

Author:

Petr P. Kotov – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Sector of National History, Leading Researcher, Institute of Language, Literature and History, FRC Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID 0000-0002-7641-2437 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Komi Republic, Russian Federation, e-mail: kotovpetr55@mail.ru).

Для цитирования:

Котов, П. П. Изменение количества удельных поселений в Шенкурском уезде Архангельской губернии в 1797–1863 годах / П. П. Котов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 6 (72) – С. 9–16.

For citation:

Kotov, P. P. Change in the number of appanage settlements in the Shenkursk Uyezd of the Arkhangelsk province in 1797–1863 / P. P. Kotov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “Historical demography”. – 2024. – № 6 (72). – P. 9–16.

Дата поступления статьи: 25.09.2024

Прошла рецензирование: 23.09.2024

Принято решение о публикации: 27.09.2024

Received: 25.09.2024

Reviewed: 23.09.2024

Accepted: 27.09.2024

Купечество Вологодской губернии в структуре городского самоуправления в последней трети XIX века

И. И. Лейман

Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар
ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
irinaleyman@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы корреляции между удельным весом купечества в общей численности городского населения Вологодской губернии в последней трети XIX в. и степенью представленности торгового сословия в органах местного самоуправления после утверждения Городового положения в 1870 г. и 1892 г. На основании материалов, опубликованных в «Вологодских губернских ведомостях» в 1870–1890-е гг., были подсчитаны и сведены в табличную и графическую формы доля купечества в числе выборщиков по городам Вологодской губернии и доля купечества в числе избранных гласных городских дум. По результатам анализа не только подтверждено широкое участие купечества как в выборных процессах в качестве избирателей, так и в органах местного самоуправления – городских думах, но и выявлены определенные закономерности. Так, чем больше город был развит в торгово-промышленном отношении, тем более представительной была доля купечества в числе гласных думы, даже несмотря на скромный удельный вес торгового сословия в общей численности населения города. И, наоборот, в городах, где торговля и промышленность имели, скорее, местное значение, доля купечества в числе гласных городских дум лишь не на много превышала его же долю в общей численности населения города. Изменение роли города в хозяйственной жизни губернии также находило отражение в степени представленности купечества в городской думе.

Ключевые слова:

купечество, городское самоуправление, Городовое положение 1870 г., Городовое положение 1892 г., городская дума, городской голова

Введение

В Эпоху Великих реформ масштабные преобразования коснулись практически всех сфер жизни общества, в том числе и городского самоуправления. На основании

Merchants of the Vologda province in the structure of municipal government in the last third of the XIX century

I. I. Leyman

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University;
Syktyvkar
Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS
Syktyvkar
irinaleyman@gmail.com

Abstract

The paper deals with the correlation between the proportion of merchants in the total urban population of the Vologda province in the second third of the XIX century and the degree of representation of the merchant class in local self-government after the approval of the Town Regulations in 1870 and then in 1892. Based on materials published in the “Vologda Provincial Gazette” in the 1870s–1890s, the share of the merchant class in the number of electors in the towns of the Vologda province and the share of the merchant class in the number of elected members of the municipal Dumas were calculated and summarized in tabular and graphical form. The results of the analysis not only confirmed the widespread participation of merchants both in electoral processes as voters and in local self-government bodies – municipal Dumas, but also revealed certain patterns. Thus, the more developed the town was in terms of trade and industry, the more representative was the share of merchants among the members of the Duma, even despite the modest share of the merchant class in the total population of the town. And, conversely, in towns where trade and industry were rather of local importance, the share of merchants among members of the municipal Dumas was only slightly higher than their share in the total population of the town. The changing role of the town in the economic life of the province was also reflected in the degree of representation of the merchant class in the municipal Duma.

Keywords:

Merchants, municipal government, Town Regulations of 1870, Town Regulations of 1892, municipal Duma, Mayor

Городового положения 1870 г. налогоплательщики получили возможность избирать и быть избранными в местные органы власти [1]. В их числе были и представители

купеческого сословия, традиционно игравшие важную роль в структуре городского общественного управления и хозяйства.

В монографиях, посвященных истории купечества Российской империи, торгово-предпринимательская и благотворительная деятельность представителей торгового сословия рассматриваются весьма подробно, в то время как роль последних в органах городского самоуправления, за редким исключением, не является самостоятельным предметом исследования [2, с. 225-242]. Авторы близких по тематике научных статей подчеркивают значительное представительство купцов в городских думах и управах (в том числе, на должности городского головы) в Вологодской, Воронежской, Вятской, Енисейской, Орловской, Ярославской и других губерниях [2, с. 231-234; 3, с. 20-46; 4, с. 151, 155, 157; 5; 6, с. 173-175; 7, с. 148]. Реже попадают в поле зрения исследователей выборные процессы и их результативность для представителей торгового сословия [4; 5]. В то же время весьма интересными представляются вопросы корреляции между удельным весом купечества в общей численности городского населения и степенью представленности в органах местного самоуправления. Эти и другие показатели подобного типа создают дополнительные основания для более аргументированной оценки уровня влияния и авторитета представителей торгового сословия в городской среде, а также позволяют выявить, определялся ли этот уровень численностью населения, развитостью торгово-промышленной жизни и другими обстоятельствами.

Материалы и методы

Согласно Городовому положению 1870 г., учреждениями городского общественного управления были объявлены городские избирательные собрания, городская дума и городская управа [1, с. 824]. Избирательные собрания составлялись «единственно для избрания гласных Городской Думы» [там же]. В круг вопросов, относившихся к ведению городской думы, входило назначение должностных лиц, сбор налогов, составление сметы доходов и расходов, содержание хозяйства и поддержание общественного благоустройства в «пределах города и отведенных ему земель» [там же, с. 823, 828-829].

Правом избирать и быть избранным в думу обладал «всякий городской обыватель» - русский подданный в возрасте не моложе 25 лет, плативший определенные сборы в пользу города и не имевший недоимок [там же, с. 825]. Для выборов в думу в каждом городе необходимо было провести три избирательных собрания, каждое из которых определяло одну треть от общего числа гласных (в случае «малочисленности избирателей или однородности их состава» проводилось только два избирательных собрания) [там же, с. 826]. Все городские обыватели вносились в список «в том порядке, в каком они следуют по сумме причитающихся с каждого из них в доход города сборов, дающих право голоса на выборах» [там же]. Этот список делился на три части (разряда) таким образом, чтобы общая сумма уплаченных в пользу города сборов в

каждой из частей была одинаковой. Тем самым, в первый разряд попадала меньшая часть городского населения, платившая большую часть налогов в городскую казну; несколько шире городское население было представлено во втором разряде; самым многочисленным по составу избирателей был третий разряд.

Список лиц, обладавших правом голоса, за два месяца до выборов должен был быть объявлен «во всеобщее сведение тем способом, какой будет определен Городскою Думою» [там же]. Выборные листы, составленные по итогам выборов, также должны были быть доведены до всеобщего сведения. В большинстве губерний Российской империи, в том числе и в Вологодской, оптимальным способом информирования населения была газета «Губернские ведомости». Всего с 1870 г. и до утверждения нового Городового положения в 1892 г. было издано 1648 номеров «Вологодских губернских ведомостей». На основании опубликованных в них списков избирателей и избранных в думу лиц мы можем проанализировать, насколько удельный вес купечества в общей численности городского населения предопределял степень представительства в пореформенных органах местного самоуправления (в думах в частности).

Городовое положение 1870 г. со дня утверждения было введено в действие в губернских и областных городах (среди них была и Вологда); в прочих населенных пунктах - «в ближайший по возможности срок, сообразаясь с местными обстоятельствами» [там же, с. 821]. По этой причине в 1870-х гг. выборы в городские думы уездных и заштатных городов Вологодской губернии прошли не одновременно. Кроме того, в «Вологодских губернских ведомостях» были опубликованы списки выборщиков и избранных в думу лиц не за каждый выборный период и не по всем городам (также не всегда были представлены оба списка - избирателей и избранных лиц). Таким образом, для получения более полной и репрезентативной картины мы рассмотрим не отдельный выборный период (один год), а весь промежуток времени, начиная с издания «Городового положения» в 1870 г. и до контрреформы 1892 г., поделив его для удобства анализа на две части: с 1870 по 1880 г. и с 1881 по 1892 г.

Результаты и их обсуждение

В первое десятилетие после введения Городового положения на страницах «Вологодских губернских ведомостей» была представлена информация о выборных процессах практически всех городов губернии, за исключением заштатного Лальска. Кроме того, неполными были сведения о выборах в городские думы Никольска и Сольвычегодска (в частности, отсутствовали данные о результатах выборов). Тем не менее в совокупности эти материалы позволяют составить общее представление о ходе выборных процессов и их результатах для представителей торгового сословия (рис. 1). Доля купечества в общей численности населения городов Вологодской губернии подсчитана по данным за 1873 г. Приведенные цифры являются вполне репрезентативными, так как на

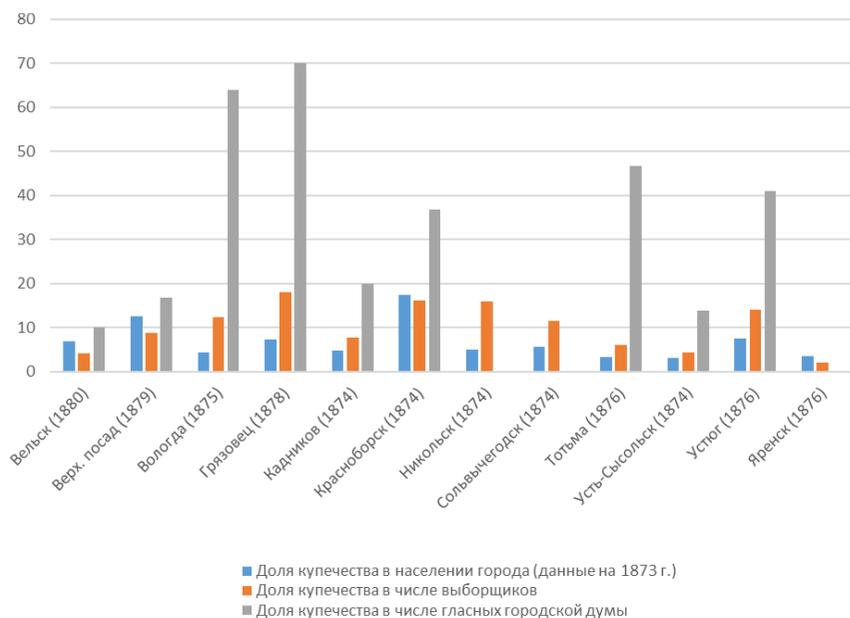

Рис. 1. Купечество в структуре городского самоуправления Вологодской губернии с 1870 по 1880 год.

Источники: [8, с. 9; 9, с. 1; 10, с. 2; 11, с. 2; 12, с. 2; 13, с. 3; 14, с. 1-2; 15, с. 5-6; 16, с. 9-13; 17, с. 1-2; 18, с. 4; 19, с. 2-3; 20, с. 2; 21, с. 5-6; 22, с. 1; 23, с. 2; 24, с. 1-2; 25, с. 1; 26, с. 1; 27, с. 2; 28, с. 1; 29, с. 1; 30, с. 11-16].
 Fig. 1. Merchants in the structure of municipal government of the Vologda province from 1870 to 1880.
 Sources: [8, p. 9; 9, p. 1; 10, p. 2; 11, p. 2; 12, p. 2; 13, p. 3; 14, pp. 1-2; 15, pp. 5-6; 16, pp. 9-13; 17, pp. 1-2; 18, p. 4; 19, pp. 2-3; 20, p. 2; 21, pp. 5-6; 22, p. 1; 23, p. 2; 24, pp. 1-2; 25, p. 1; 26, p. 1; 27, p. 2; 28, p. 1; 29, p. 1; 30, pp. 11-16]

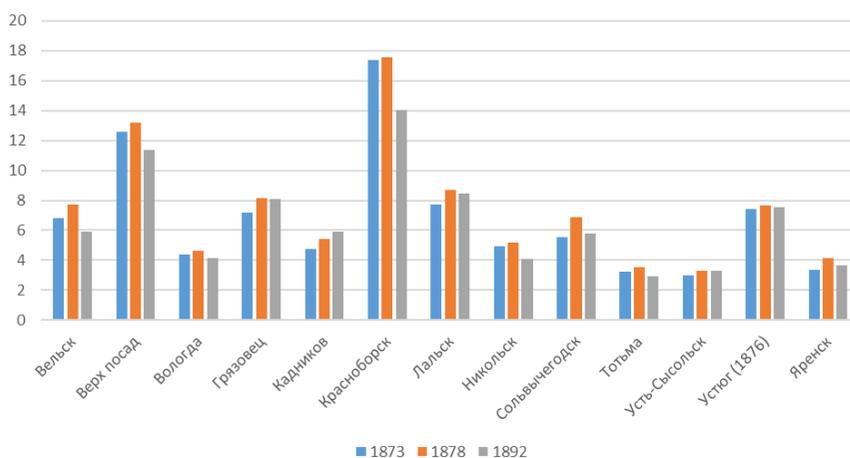

Рис. 2. Доля купечества в общей численности населения городов Вологодской губернии за 1873-1892 годы.

Источники: [30, с. 11-16; 31, с. 10-13; 32, с. 52-55].
 Fig. 2. Share of merchants in the total population of the towns of the Vologda province for 1873-1892.
 Sources: [30, pp. 11-16; 31, pp. 10-13; 32, pp. 52-55].

протяжении 1870-1880-х гг. это соотношение изменялось лишь в пределах 1 % (за исключением заштатного города Красноборска, где к началу 1890-х гг. доля купечества сократилась на 3,5 % - рис. 2).

Из рис. 1 следует, что доля купцов в числе выборщиков превышала удельный вес представителей торгового сословия в общей численности населения практически во всех городах Вологодской губернии, за исключением Вельска, Верховажского посада, Красноборска и Яренска (небольших населенных пунктов, где торговля и промышленность не получили особого развития, удовлетворяя, в основном, местные нужды). Наибольший удельный вес купцов в избранных городских думах зафиксирован

в крупных торгово-промышленных центрах губернии: Вологде, Грязовце, Тотьме и Устюге - от 40 до 70 %. В остальных городах губернии эта доля варьировала в пределах 10-20 %, за исключением Красноборска, где составила 37 %. Красноборск, хотя и являлся заштатным городом Сольвычегодского уезда Вологодской губернии с населением чуть более 600 чел., имел выгодное расположение на берегу Северной Двины по водному пути из Устюга к Архангельску, что обеспечивало развитую торговую жизнь.

Интересно сравнение доли купечества в числе гласных городских дум с долей в составе населения городов Вологодской губернии (рис. 3). Согласно полученным данным, относительно небольшой удельный вес купцов в Вологде, Грязовце, Тотьме и Устюге (соответственно 4, 7, 3 и 7 %) тем не менее обеспечивал наполняемость купцами городских дум соответственно на 64, 70, 47 и 41 %. И, наоборот, в городах, не являвшихся торговыми и промышленными центрами, этот разрыв был относительно небольшим. Причем, чем менее город был включен в торгово-экономическую жизнь губернии, тем ближе друг к другу находились анализируемые показатели (т. е. доля купечества в числе гласных думы и в общей численности населения города).

В 1880-х гг. ситуация несколько меняется (рис. 4). Доля купечества в числе выборщиков все также превышала удельный вес купечества в Вологде, Никольске, Тотьме и Устюге. Если в Вологде и Устюге соотношение этих показателей практически не изменилось, по сравнению с предыдущим десятилетием, то в Никольске доля купечества в числе выборщиков сократилась с 16 до 7 %, а в Тотьме, наоборот, возросла с 6 до 10 %. В Грязовце и Кадникове доля купечества в числе выборщиков уменьшилась и стала практически такой же, как и удельный вес представителей торгового сословия в этих городах (соответственно 8 и 5 %). В Сольвычегодске и Усть-Сысольске доля купечества в числе выборщиков стала даже меньше, чем их доля в общей численности городского населения. Что интересно, в Верховажском посаде и Яренске доля купечества в числе выборщиков, наоборот, несколько возросла (как и удельный вес купечества в городе). Тем не менее явно прослеживается тенденция общего падения доли купечества в числе городских выборщиков, что может свидетельствовать

Рис. 3. Соотношение доли купечества в числе гласных городских дум с долей в общей численности населения городов Вологодской губернии с 1870 по 1880 год.
Источники: [8, с. 9; 9, с. 1; 10, с. 2; 11, с. 2; 12, с. 2; 13, с. 3; 15, с. 5-6; 16, с. 9-13; 18, с. 4; 19, с. 2-3; 20, с. 2; 21, с. 5-6; 23, с. 2; 24, с. 1-2; 25, с. 1; 26, с. 1; 27, с. 2; 28, с. 1; 29, с. 1; 30, с. 11-16].
Fig. 3. Ratio of the share of merchants among the members of municipal Dumas to the share in the total population of the towns of the Vologda province from 1870 to 1880.
Sources: [8, p. 9; 9, p. 1; 10, p. 2; 11, p. 2; 12, p. 2; 13, p. 3; 15, pp. 5-6; 16, pp. 9-13; 18, p. 4; 19, pp. 2-3; 20, p. 2; 21, pp. 5-6; 23, p. 2; 24, pp. 1-2; 25, p. 1; 26, p. 1; 27, p. 2; 28, p. 1; 29, p. 1; 30, pp. 11-16]

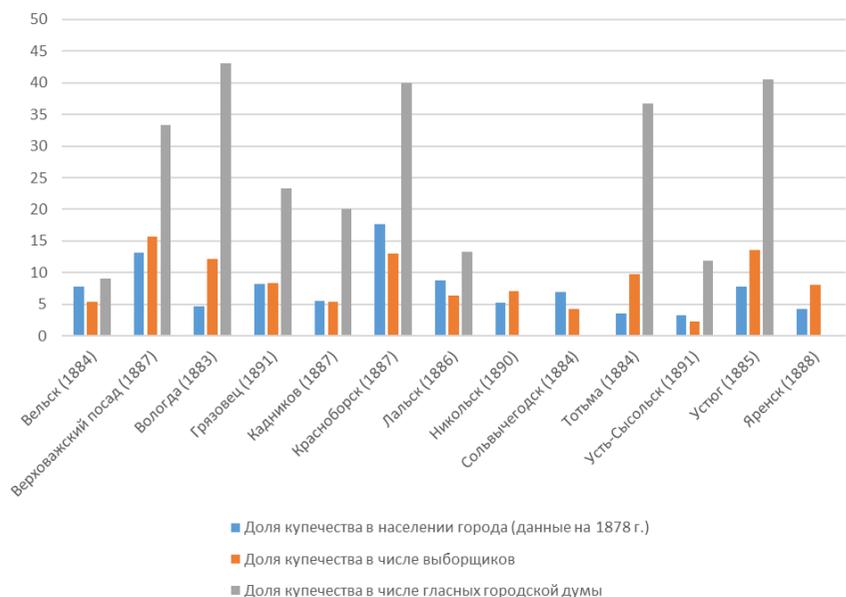

Рис. 4. Купечество в структуре городского самоуправления Вологодской губернии в 1881-1892 годы.
Источники: [31, с. 10-13; 33, с. 3-4; 34, с. 3-4; 35, с. 2-6; 36, с. 5; 37, с. 3-4; 38, с. 2; 39, с. 8-9; 40, с. 4; 41, с. 5-7; 42, с. 10-11; 43, с. 7; 44, с. 3-4; 45, с. 3; 46, с. 2; 47, с. 6; 48, с. 3-4; 49, с. 5; 50, с. 5; 51, с. 5; 52, с. 4; 53, с. 2-3; 54, с. 4-5; 55, с. 3; 56, с. 2-3; 57, с. 2-4; 58, с. 4; 59, с. 4].
Fig. 4. Merchants in the structure of municipal government of the Vologda province from 1881 to 1892.
Sources: [31, p. 10-13; 33, pp. 3-4; 34, pp. 3-4; 35, pp. 2-6; 36, p. 5; 37, pp. 3-4; 38, p. 2; 39, pp. 8-9; 40, p. 4; 41, pp. 5-7; 42, pp. 10-11; 43, p. 7; 44, pp. 3-4; 45, p. 3; 46, p. 2; 47, p. 6; 48, pp. 3-4; 49, p. 5; 50, p. 5; 51, p. 5; 52, p. 4; 53, pp. 2-3; 54, pp. 4-5; 55, p. 3; 56, pp. 2-3; 57, pp. 2-4; 58, p. 4; 59, p. 4]

о снижении роли таких городов в хозяйственной жизни губернии. Развитие промышленного производства в Российской империи требовало новых подходов к организации торговли и предпринимательства; транзитные функции ряда населенных пунктов, ранее позволявшие накапливать капиталы, теперь отходили на второй план.

Удельный вес купцов в думах наиболее развитых в торгово-промышленном отношении городов Вологодской губернии в 1880-начале 1890-х гг., по сравнению с предыдущим десятилетием, также снизился (за исключением

Устюга, где он остался примерно на том же уровне). Наибольшее падение представительства купечества фиксируется в Грязовце (с 70 до 23 %), затем в Вологде (с 64 до 43 %) и Тотьме (с 47 до 36 %). При этом, в небольшом Верховажском посаде с населением менее 600 чел., доля купечества в составе думы возросла с 17 до 33 %. В прочих городах – Вельске, Кадникове, Красноборске, Усть-Сысольске – эта доля, по сравнению с 1870-ми гг., практически не изменилась.

Соотношение доли купечества в числе гласных городских дум с долей в общей численности населения городов Вологодской губернии представлено на рис. 5. Так же, как и в предыдущем десятилетии, относительно небольшой удельный вес купцов в населении Вологды, Тотьмы и Устюга (соответственно 4,6; 3,5; 8 %) обеспечивал наибольшую, по сравнению с другими городами губернии, наполняемость купцами городских дум (соответственно на 43; 37; 40,5 %). Минимальная разница анализируемых показателей зафиксирована для Вельска, Лальска и Усть-Сысольска (городов со скромными торговыми оборотами и незначительным промышленным производством). Для остальных городов – Верховажского посада, Грязовца, Кадникова, Красноборска – доля купечества в числе гласных городских дум превышала долю в общей численности населения в среднем на 15-20 %.

В июне 1892 г. было утверждено новое Городовое положение [60]. Структура органов местного самоуправления и круг их обязанностей практически не изменились, однако теперь городской голова, члены управы и секретарь думы считались состоящими на государственной службе, что значительно сокращало возможность их самостоятельных действий.

Был установлен высокий избирательный ценз. Правом участия в выборе гласных, в частности, пользовались русские подданные, владевшие недвижимым имуществом на сумму не менее 1 тыс. руб. в губернском городе с населением менее 100 тыс. чел. и в крупных уездных городах; в остальных городских поселениях – на сумму не менее 300 руб. [60, с. 437]. Кроме того, правом голоса обладали «состоящие в русском подданстве лица и учрежденные по законам Империи Общества, Товарищества и Компании» [там же]. В городах с числом избирателей не более 100 чел.

дума должна была состоять из 20 гласных. В более крупных населенных пунктах за каждые 50 избирателей сверх базовых 100 чел. численность думы пропорционально увеличивалась на трех гласных. Верхний предел состава думы для губернских городов с населением менее 100 тыс. чел. и значительных уездных городов состоял из 60 гласных, для более мелких городов – из 40 [там же, с. 440].

С 1892 по 1899 г. в 642 выпусках «Вологодских губернских ведомостей» были опубликованы результаты выборов в думы (по новому Городовому положению 1892 г.) практически всех городов Вологодской губернии, за исключением Грязовца. Соотношение удельного веса купечества в населении города с долей представительства в думе обозначено на рис. 6. Как и в предыдущие два десятилетия, в Вологде, Тотьме и Устюге фиксируется наибольшая наполняемость дум купцами (соответственно на

43, 55 и 42 %); в Тотьме этот показатель существенно вырос (на 18 %). Значительно увеличилось представительство купцов в думе Кадникова: с 20 % в 1870–1880-е гг. до 43 % в 1890-е гг. В то же время для основной части небольших городов губернии (Вельска, Верховажского посада, Красноборска, Лальска, Сольвычегодска, Яренска), не особо развитых в торговом и промышленном отношении, разница между анализируемыми показателями стала минимальной, по сравнению с предыдущими двумя десятилетиями: доля купечества в числе гласных городских дум превышала долю в общей численности населения всего на 3–6 %.

Также следует отметить, что на протяжении всего рассматриваемого периода (последней трети XIX в.) должность городского головы преимущественно занимали именно представители торгового сословия. К примеру, в Вологде в разное время это были известные купцы А. В. Сорокин, Х. С. Леденцов и др.; в Тотьме – В. В. Карпов, А. Кокорев; в Кадникове в 1880–1890-х гг. на протяжении нескольких сроков городской головой был купец Г. Флягин.

Выводы

Таким образом, анализ данных о выборах в думы городов Вологодской губернии после введения Городового положения 1870 г. и затем 1892 г. подтверждает широкое участие купечества как в выборных процессах в качестве избирателей, так и в органах местного самоуправления – городских думах. При этом наблюдается ряд закономерностей. Так, в крупных торговых и промышленных центрах губернии – Вологде, Тотьме, Устюге – относительно небольшой удельный вес купечества тем не менее обеспечивал наполняемость дум на 40–60 %. В то же время в небольших городах со скромными торговыми оборотами и незначительным промышленным производством доля купечества в числе гласных городских дум лишь не на много превышала его же долю в общей численности населения города и находилась в среднем на уровне 10–20 %. После введения Городового положения 1892 г. представительство купечества в думах таких городов еще более сократилось и составляло примерно 7–15 %. Изменение роли города в структуре хозяйственной жизни губернии прямо отражалось на степени представленности купечества в городской думе (т. е. с развитием города количество купцов в думе возрастало

Рис. 5. Соотношение доли купечества в числе гласных городских дум с долей в общей численности населения городов Вологодской губернии с 1881 по 1892 год.

Источники: [31, с. 10–13; 33, с. 3–4; 34, с. 3–4; 35, с. 2–6; 36, с. 5; 37, с. 3–4; 38, с. 2; 39, с. 8–9; 40, с. 4; 41, с. 5–7; 42, с. 10–11; 43, с. 7; 44, с. 3–4; 45, с. 3; 46, с. 2; 47, с. 6; 48, с. 3–4; 49, с. 5; 50, с. 5; 51, с. 5; 52, с. 4; 53, с. 2–3; 54, с. 4–5; 55, с. 3; 56, с. 2–3; 57, с. 2–4; 58, с. 4; 59, с. 4].

Fig. 5. Ratio of the share of merchants among the members of municipal Dumas to the share in the total population of the towns of the Vologda province from 1881 to 1892.

Sources: [31, p. 10–13; 33, pp. 3–4; 34, pp. 3–4; 35, pp. 2–6; 36, p. 5; 37, pp. 3–4; 38, p. 2; 39, pp. 8–9; 40, p. 4; 41, pp. 5–7; 42, pp. 10–11; 43, p. 7; 44, pp. 3–4; 45, p. 3; 46, p. 2; 47, p. 6; 48, pp. 3–4; 49, p. 5; 50, p. 5; 51, p. 5; 52, p. 4; 53, pp. 2–3; 54, pp. 4–5; 55, p. 3; 56, pp. 2–3; 57, pp. 2–4; 58, p. 4; 59, p. 4]

Рис. 6. Соотношение доли купечества в числе гласных городских дум с долей в общей численности населения городов Вологодской губернии в 1890-е годы (после Городового положения 1892 года).

Источники: [32, с. 52–55; 61, с. 2; 62, с. 2–3; 63, с. 3; 64, с. 4; 65, с. 5; 66, с. 3; 67, с. 20; 68, с. 4; 69, с. 2].

Fig. 6. Ratio of the share of merchants among the members of municipal Dumas to the share in the total population of the towns of the Vologda province in the 1890s (after the Town Regulations of 1892).

Sources: [32, pp. 52–55; 61, p. 2; 62, pp. 2–3; 63, p. 3; 64, p. 4; 65, p. 5; 66, p. 3; 67, p. 20; 68, p. 4; 69, p. 2]

и, наоборот, замедление темпов экономического развития приводило к уменьшению числа гласных из купечества); подобные процессы мы можем наблюдать, к примеру, в Грязовце и Тотьме. Степень влияния и авторитета купцов в структуре городского самоуправления подтверждает тот факт, что должность городского головы на протяжении рассматриваемого периода преимущественно занимали именно представители купечества.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. ПСЗ. II. Т. 45. № 48498.
2. Судовиков, М. С. Купечество Вятского края : от истоков до 1917 года / М. С. Судовиков. – Киров, 2018.
3. Быконя, Г. Ф. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.) / Г. Ф. Быконя, Е. В. Комлева, А. И. Погребняк. – Новосибирск, 2012.
4. Ермашов, М. Н. Участие купцов в самоуправлении г. Воронежа в последней трети XIX – начале XX вв. // *Via in tempore. История. Политология.* 2009. – № 7 (62). – С. 151–157.
5. Лавицкая, М. И. Участие орловского купечества в городском управлении в 1870–1892 гг. / М. И. Лавицкая // *Вестник РУДН. История России.* – 2007. – № 1 (7). – С. 59–70.
6. Лебединская, Т. А. Профессиональная и общественная деятельность вологодского купечества (к. XIX – нач. XX в.) / Т. А. Лебединская // *Вузовская наука – региону: материалы конф.* – Вологда, 2000. – Т. 1. – С. 173–175.
7. Пуневский, Я. В. Благотворительная деятельность ярославского купечества в городском самоуправлении (1870 – первая половина 1914 года) / Я. В. Пуневский // *Вестник БГУ.* – 2023. – № 1 (55). – С. 147–154.
8. Вологодские губернские ведомости. – 1873. – № 9.
9. Вологодские губернские ведомости. – 1873. – № 53.
10. Вологодские губернские ведомости. – 1874. – № 4.
11. Вологодские губернские ведомости. – 1874. – № 15.
12. Вологодские губернские ведомости. – 1874. – № 16.
13. Вологодские губернские ведомости. – 1874. – № 38.
14. Вологодские губернские ведомости. – 1874. – № 53.
15. Вологодские губернские ведомости. Приложение. – 1874. – № 72. – С. 5–6;
16. Вологодские губернские ведомости. Приложение. – 1874. – № 73.
17. Вологодские губернские ведомости. – 1874. – № 90.
18. Вологодские губернские ведомости. – 1874. – № 92.
19. Вологодские губернские ведомости. – 1875. – № 80.
20. Вологодские губернские ведомости. – 1876. – № 6.
21. Вологодские губернские ведомости. Приложение. – 1876. – № 37
22. Вологодские губернские ведомости. – 1876. – № 45.
23. Вологодские губернские ведомости. – 1876. – № 49.
24. Вологодские губернские ведомости. – 1877. – № 74.
25. Вологодские губернские ведомости. – 1878. – № 77.
26. Вологодские губернские ведомости. – 1878. – № 81.
27. Вологодские губернские ведомости. – 1879. – № 33.
28. Вологодские губернские ведомости. – 1879. – № 53.
29. Вологодские губернские ведомости. – 1879. – № 83.
30. Памятная книжка Вологодской губернии на 1875 и 1876 гг. – Вологда, 1875.
31. Вологодский календарь на 1881 год. – Вологда, 1880.
32. Памятная книжка Вологодской губернии на 1893 и 1894 гг. – Вологда, 1893.
33. Вологодские губернские ведомости. – 1882. – № 81.
34. Вологодские губернские ведомости. – 1882. – № 82.
35. Вологодские губернские ведомости. – 1882. – № 83.
36. Вологодские губернские ведомости. – 1883. – № 6.
37. Вологодские губернские ведомости. – 1883. – № 31.
38. Вологодские губернские ведомости. – 1883. – № 48.
39. Вологодские губернские ведомости. – 1883. – № 50.
40. Вологодские губернские ведомости. – 1884. – № 24.
41. Вологодские губернские ведомости. – 1884. – № 31.
42. Вологодские губернские ведомости. – 1884. – № 48.
43. Вологодские губернские ведомости. – 1885. – № 3.
44. Вологодские губернские ведомости. – 1886. – № 25.
45. Вологодские губернские ведомости. – 1886. – № 34.
46. Вологодские губернские ведомости. – 1886. – № 38.
47. Вологодские губернские ведомости. – 1886. – № 47.
48. Вологодские губернские ведомости. – 1887. – № 1.
49. Вологодские губернские ведомости. – 1887. – № 8.
50. Вологодские губернские ведомости. – 1887. – № 25.
51. Вологодские губернские ведомости. – 1887. – № 35.
52. Вологодские губернские ведомости. – 1888. – № 46.
53. Вологодские губернские ведомости. – 1890. – № 21.
54. Вологодские губернские ведомости. – 1890. – № 24.
55. Вологодские губернские ведомости. – 1890. – № 25.
56. Вологодские губернские ведомости. – 1890. – № 26.
57. Вологодские губернские ведомости. – 1890. – № 45.
58. Вологодские губернские ведомости. – 1891. – № 21.
59. Вологодские губернские ведомости. – 1891. – № 40.
60. ПСЗ. III. Т. 12. № 8708.
61. Вологодские губернские ведомости. – 1894. – № 3.
62. Вологодские губернские ведомости. – 1894. – № 5.
63. Вологодские губернские ведомости. – 1894. – № 6.
64. Вологодские губернские ведомости. – 1897. – № 14.
65. Вологодские губернские ведомости. – 1897. – № 49.
66. Вологодские губернские ведомости. – 1897. – № 51.
67. Вологодские губернские ведомости. – 1898. – № 20.
68. Вологодские губернские ведомости. – 1898. – № 31.
69. Вологодские губернские ведомости. – 1898. – № 36.

References

1. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection II. Vol. 45. № 48498.
2. Sudovikov, M. S. Kupechestvo Vyatskogo kraja : ot istokov do 1917 goda [Merchants of the Vyatka region: from origins to 1917] / M. S. Sudovikov. – Kirov, 2018.
3. Bykonya, G. F. Yeniseyskoye kupechestvo v litsakh (18 – nachalo 20 veka) [Yenisei merchants in persons (XVIII – early XX centuries)] / G.F. Bykonya, E. V. Komleva, A. I. Pogrebnyak. – Novosibirsk, 2012.
4. Ermashov, M. N. Uchastiye kuptsov v samoupravlenii g. Voronezha v posledney treti XIX nachale XX vv. [Partici-

- pation of merchants in the self-government of Voronezh in the last third of the XIX – early XX centuries] / M. N. Ermashov // *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. History. Political science]. – 2009. – № 7 (62). – P. 151–157.
5. Lavitskaya, M. I. Uchastiye orlovskogo kupechestva v gorodskom upravlenii v 1870–1892 gg [Participation of the Orel merchants in town government in 1870–1892] / M. I. Lavitskaya // *Vestnik RUDN. Istoriya Rossii* [Bull. of People's Friendship Univ. of Russia. History of Russia]. – 2007. – № 1 (7). – P. 59–70.
 6. Lebedinskaya, T. A. Professional'naya i obshchestvennaya deyatel'nost' vologodskogo kupechestva (k. XIX – nach. XX. v.) [Professional and social activities of the Vologda merchants (late XIX – early XX century)] / T. A. Lebedinskaya // *Vuzovskaya nauka - regionu: materialy konferentsii* [University science – to the region: materials of the conference]. – Vologda, 2000. – Vol. 1. – P. 173–175.
 7. Punevsky, Ya. V. Blagotvoritel'naya deyatel'nost' yaroslavskogo kupechestva v gorodskom samoupravlenii (1870 – pervaya polovina 1914 goda) [Charitable activities of the Yaroslavl merchants in municipal government (1870 – first half of 1914)] / Ya. V. Punevsky // *Vestnik BGU* [Bull. of Bishkek State Univ.]. – 2023. – № 1 (55). – P.147–154.
 8. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. – 1873. – № 9.
 9. Ibid. – 1873. – № 53.
 10. Ibid. – 1874. – № 4.
 11. Ibid. – 1874. – № 15.
 12. Ibid. – 1874. – № 16.
 13. Ibid. – 1874. – № 38.
 14. Ibid. – 1874. – № 53.
 15. Ibid. Prilozheniye [Application]. – 1874. – № 72. – P. 5–6.
 16. Ibid. Prilozheniye [Application]. – 1874. – № 73.
 17. Ibid. – 1874. – № 90.
 18. Ibid. – 1874. – № 92.
 19. Ibid. – 1875. – № 80.
 20. Ibid. – 1876. – № 6.
 21. Ibid. Application. – 1876. – № 37.
 22. Ibid. – 1876. – № 45.
 23. Ibid. – 1876. – № 49.
 24. Ibid. – 1877. – № 74.
 25. Ibid. – 1878. – № 77.
 26. Ibid. – 1878. – № 81.
 27. Ibid. – 1879. – № 33.
 28. Ibid. – 1879. – № 53.
 29. Ibid. – 1879. – № 83.
 30. Pamyatnaya knizhka Vologodskoy gubernii na 1875 i 1876 g. [Memorial book of the Vologda province for 1875 and 1876]. – Vologda, 1875.
 31. Vologodskiy kalendar' na 1881 god [Vologda calendar for 1881]. – Vologda, 1880.
 32. Pamyatnaya knizhka Vologodskoy gubernii na 1893 i 1894 gg [Memorial book of the Vologda province for 1893 and 1894]. – Vologda, 1893.
 33. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. – 1882. – № 81.
 34. Ibid. – 1882. – № 82.
 35. Ibid. – 1882. – № 83.
 36. Ibid. – 1883. – № 6.
 37. Ibid. – 1883. – № 31.
 38. Ibid. – 1883. – № 48.
 39. Ibid. – 1883. – № 50.
 40. Ibid. – 1884. – № 24.
 41. Ibid. – 1884. – № 31.
 42. Ibid. – 1884. – № 48.
 43. Ibid. – 1885. – № 3.
 44. Ibid. – 1886. – № 25.
 45. Ibid. – 1886. – № 34.
 46. Ibid. – 1886. – № 38.
 47. Ibid. – 1886. – № 47.
 48. Ibid. – 1887. – № 1.
 49. Ibid. – 1887. – № 8.
 50. Ibid. – 1887. – № 25.
 51. Ibid. – 1887. – № 35.
 52. Ibid. – 1888. – № 46.
 53. Ibid. – 1890. – № 21.
 54. Ibid. – 1890. – № 24.
 55. Ibid. – 1890. – № 25.
 56. Ibid. – 1890. – № 26.
 57. Ibid. – 1890. – № 45.
 58. Ibid. – 1891. – № 21.
 59. Ibid. – 1891. – № 40.
 60. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection III. Vol. 12. № 8708.
 61. Ibid. – 1894. – № 3.
 62. Ibid. – 1894. – № 5.
 63. Ibid. – 1894. – № 6.
 64. Ibid. – 1897. – № 14.
 65. Ibid. – 1897. – № 49.
 66. Ibid. – 1897. – № 51.
 67. Ibid. – 1898. – № 20.
 68. Ibid. – 1898. – № 31.
 69. Ibid. – 1898. – № 36.

Благодарность (госзадание):

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Acknowledgements (state task)

The publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS.

Информация об авторе:

Лейман Ирина Игоревна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой связей с общественностью и рекламы Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (167001, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-кт, д. 55; e-mail: irinaleyman@gmail.com); старший научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: irinaleyman@gmail.com).

Author:

Irina I. Leyman – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of Public Relations and Advertising of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Senior Researcher at the Laboratory of Archaeography and Publication of Documents on the History of the Development of the European North of Russia, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS (55, Oktyabrsky Ave., Syktyvkar 167001, Russian Federation, irinaleyman@gmail.com).

Для цитирования:

Лейман, И. И. Купечество Вологодской губернии в структуре городского самоуправления в последней трети XIX века / И. И. Лейман // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 6 (72) – С. 17–24.

For citation:

Leyman, I. I. Merchants of the Vologda province in the structure of municipal government in the last third of the XIX / I. I. Leyman // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology» . – 2024. – No. 6(72). – P. 17–24.

Дата поступления статьи: 10.09.2024

Прошла рецензирование: 23.09.2024

Принято решение о публикации: 27.09.2024

Received: 10.09.2024

Reviewed: 23.09.2024

Accepted: 27.09.2024

Революционные события 1905–1907 годов на предприятиях Гарелиных в городе Иваново-Вознесенске

Р. Д. Платонов

Владимирский государственный университет
им. А. Г и Н. Г. Столетовых,
г. Владимир
platonckic@yandex.ru

Аннотация

В статье изучается революционное движение на текстильных предприятиях Гарелиных в период 1905–1907 гг. Автор анализирует условия, в которых приходилось трудиться рабочим, их взаимодействие с руководством, а также их роль в массовых стачках и забастовках в г. Иваново-Вознесенске. На основе документов Государственного архива Владимирской области показано, что на предприятиях Гарелиных революционная деятельность началась практически сразу после событий 9 января 1905 г. в Санкт-Петербурге и продолжалась до середины 1907 г. Благодаря анализу документов удалось установить, что главными видами революционной деятельности являлись стачки и забастовки, вызванные тяжелым социально-экономическим положением рабочих.

Ключевые слова:

Гарелины, рабочие, забастовка, фабрика, текстильная промышленность, Иваново-Вознесенск, Первая русская революция, 1905–1907 гг., зарплата, фабричная администрация

События 1905–1907 гг. оказали сильное влияние на текстильную отрасль промышленности. Работники данной отрасли чаще всех устраивали стачки и забастовки на заведениях, где им приходилось трудиться. Следствием этого являлось приостановление работы предприятий, конфликт с фабричной администрацией и столкновение с полицией. Но, несмотря на это, рабочие-текстильщики принимали участие в революционной деятельности в течение более двух лет.

Наибольшего размаха революционные события приобрели во Владимирской губернии, где было большое количество предприятий текстильной отрасли промышленности. На протяжении более двух революционных лет в губернии произошли сотни стачек и забастовок. Наиболее часто революционные выступления происходили в г. Иваново-Вознесенске – центре текстильной промышленности губернии. В нем находились самые передовые текстильные предприятия, количество которых было довольно большим. Уже 17 января 1905 г. в городе начались первые стачки и забастовки, закончившиеся столкновениями с казачьими частями [1, с. 166].

Revolutionary events of 1905–1907 at the Garelins enterprises in Ivanovo-Voznesensk

R. D. Platonov

Vladimir State University named after Alexander
and Nikolay Stoletovs,
Vladimir
platonckic@yandex.ru

Abstract

The paper studies the revolutionary movement at the Garelins textile enterprises in the period 1905–1907. The author analyzes the conditions in which workers had to work, their interaction with administration, as well as their role in mass strikes and walkouts in Ivanovo-Voznesensk. Based on documents from the State Archive of the Vladimir Region, it was established that revolutionary activity at the Garelins enterprises began almost immediately after the events of January 9, 1905 in St. Petersburg and continued until mid-1907. Thanks to the analysis of documents, it was possible to establish that the main types of revolutionary activities were strikes and walkouts caused by the difficult socio-economic situation of the workers.

Keywords:

the Garelins, workers, strike, factory, textile industry, Ivanovo-Voznesensk, the First Russian Revolution, 1905–1907, salary, factory administration

Несмотря на то, что первые выступления рабочих были жестко подавлены, революционная деятельность на этом не закончилась. Наоборот, вслед за этим свое выступление начали трудящиеся других заведений. Одними из таких были фабрики династии Гарелиных. На них, как и на других текстильных предприятиях Иваново-Вознесенска, рабочими велась активная революционная деятельность.

Фабрики Гарелиных были крупнейшими текстильными предприятиями в городе и во многом считались передовыми. Во времена событий 1905–1907 гг. их собственником являлась семья Гарелиных, крупным представителем которой был Иван Гарелин [2, с. 46]. Пролетарии гарелинских фабрик не могли оставаться в стороне, в то время как рабочие-текстильщики других предприятий устраивали всеобщие стачки с целью достижения общих целей по улучшению жизни рабочего класса.

Во времена первой русской революции на гарелинских предприятиях общее количество рабочих достигало порядка 2500 чел. [3, л. 8–9]. Среди причин, определявших участие рабочих фабрик Гарелина в стачках, стоит выделить ужасные условия труда, жилищный вопрос,

низкую заработную плату. Особое место занимал вопрос о штрафах. С рабочих требовали изготовления продукции высшего качества в короткие сроки, что попросту не представлялось возможным. Из-за этого ткани часто выпускались с погрешностями, и фабричная администрация штрафовала рабочих за изготовление брака [4, с. 98].

Эта проблема вынуждала пролетариев принимать серьезные меры по ее решению, результатом чего явилось начало ведения ими революционной деятельности. Данное явление не могло не затронуть рабочих, трудившихся на фабриках Гарелиных, которые впервые заявили о себе еще в январе 1905 г., откликнувшись на события в Санкт-Петербурге. Они бастовали наряду с рабочими других фабрик Иваново-Вознесенска.

Опасаясь роста волнений, руководство фабрик решило пойти на компромисс с рабочими, предоставив им 11-часовой рабочий день [1, с. 168]. Однако это не удовлетворяло требований бастующих, и волнения не прекратились. В течение второй половины января 1905 г. полиции и жандармерии удалось подавить революционную деятельность на фабриках в Иваново-Вознесенске.

После этого последовала временная передышка. Отказ удовлетворить требования способствовал вовлечению трудящихся гарелинских заведений в огромную революционную среду рабочих-текстильщиков, которых объединяли общие требования и цели [5, с. 163-164]. На предприятиях Гарелиных началась подготовка к более решительным действиям.

Эта подготовка не оказалась напрасной в связи с надвигавшимися событиями. 12 мая 1905 г. стало началом важнейшего события в жизни всего рабочего класса Иваново-Вознесенска. В этот день в городе началась стачка, которая уже на следующий день обрела всеобщий характер. Активное участие в ней также принимали рабочие фабрик Гарелиных. 15-16 мая они присоединились к общим требованиям, содержащим в себе: установку 8-часового рабочего дня, ликвидацию ночных смен, сокращенный предпраздничный день, выплату заработной платы в полном объеме, оплату больничных, право на собрания и т. д. [6, с. 119-124].

В течение всей второй половины мая рабочие гарелинских предприятий участвовали в собраниях на р. Талке, где выдвигали требования о прибавке жалования, а также вступали в рабочую милицию для поддержания порядка [там же, с. 140]. Промышленник Александр Иванович Гарелин, как и многие другие владельцы предприятий, был вынужден уехать в Москву, дожидаясь результатов переговоров с рабочими [там же, с. 197].

В начале июля стачка постепенно начала подходить к концу. На фабриках Гарелиных были введены войска 4 роты Гренадерского Малороссийского полка, которые сумели быстро подавить революционные выступления [там же, с. 207]. Несмотря на то, что стачка была завершена, рабочие всего Иваново-Вознесенска добились ряда уступок со стороны начальства. В частности, им была увеличена заработная плата, произошли изменения в условиях труда женщин, расценки на товары остались без изменений, а также проведен конструктивный диалог с админи-

страцией. Однако в стране, продолжались восстания, не обходившие стороной и предприятия Гарелиных.

Следующие два года были не менее сложными. Революция вызвала крупный кризис, пагубно сказавшийся на экономическом положении простых рабочих. Сопровождающими элементами данного события являлись задержка или невыплата заработной платы в указанный срок. Стоит отметить тот факт, что в течение 1906 г. заработок большинства рабочих не превышала 15-20 руб. [3, л. 8-9]. Данная проблема обострилась в 1906 г., в самый разгар революции.

События, произошедшие на ситцевой фабрике «Товарищества М. Н. Гарелина с сыновьями» 18 марта 1906 г., были связаны с невыплатой заработной платы и являлись очередным этапом революционной деятельности. Утром того дня рабочие в составе 650 чел. объявили забастовку, отказавшись приступить к работе. Выдвинутые ими требования содержали в себе выдачу вознаграждений в размере 3 руб. к Пасхе и выдачу рабочим, проживавшим далеко от места работы, денег в день окончания их работы, чтобы они могли получить деньги раньше [7, л. 1].

Переговоры с бастующими, которые вела фабричная администрация в течение целого дня, особых успехов не имели. Ситуация стала еще более угрожающей, когда работники ситцевой фабрики отправились в корпуса прядильной и ткацкой фабрик с целью привлечения других рабочих к участию в забастовке. Объединение двух и более предприятий могло иметь гораздо более серьезный результат, что было невыгодно фабричной администрации, ввиду потерь, которые они могли понести [5, с. 92].

Только прибывшие донские казаки в количестве 50 чел. смогли изменить ситуацию. Рабочие, видя вооруженную силу, были вынуждены прекратить забастовку и вернуться к своей работе. К концу дня фабрика вошла в привычный темп работы. Однако они сумели достигнуть определенной цели. Рабочие, имевшие трудовой стаж на фабрике не менее одного года, получили требуемые денежные выплаты [7, л. 5].

Революция на этом не закончилась, а с ней не прекращались революционные настроения и на гарелинских предприятиях. В июле того же года рабочие фабрик Гарелиных вновь дали о себе знать. На этот раз эпицентром забастовки стала бумагопрядильная фабрика. Главная причина также носила экономический фактор.

Данная забастовка была напрямую связана с событиями, происходившими по всей стране. Следствием первой русской революции стал мощнейший кризис. Во всех магазинах дорожали продукты питания и первой необходимости. Повсеместно звучало требование о повышении расценок на товары, так как работники получали недостаточно средств к существованию [8, с. 250].

Забастовка началась 27 июля с того, что 54 рабочих прекратили работу и выдвинули требование повысить расценки на товары. Фабричная администрация наотрез отказалась выполнять данное требование. Рабочие бастовали еще несколько дней. Но, видя, что добиться результатов не получается, и администрация не желает выполнять их требование, они были вынуждены 3 авгу-

ста вернуться к работе [9, л. 1]. Четверо особо активных рабочих были уволены с фабрики. Такой вид наказания случился по причине того, что забастовка носила одиночный характер, и руководство не желало обострять ситуацию, вызывая сильные недовольства у других рабочих [5, с. 132].

Неспокойная ситуация отмечалась и в самом конце 1906 г. Она была вызвана обстановкой, в которой приходилось трудиться рабочим-текстильщикам на предприятиях Гарелиных. Условия работы на многих фабриках текстильной промышленности тех лет оставляли желать лучшего. Рабочим приходилось трудиться в неотапливаемых помещениях, часто не оснащенных вентиляционной системой [10, с. 65]. Решением данной проблемы были паровые котлы, которые в ту пору повсеместно внедрялись в производство.

Они позволяли создать для рабочих благоприятную атмосферу труда, а также ускорить темп работы ткацких станков для повышения объемов выпускаемой продукции. К сожалению, это требовало больших затрат, а их содержание на некоторых предприятиях обходилось владельцам более чем в 60 тыс. руб. [3, л. 11 об].

Поэтому далеко не все текстильные предприятия были оснащены достаточным количеством котлов. Из-за этого рабочие были вынуждены трудиться в ужасных условиях, имея трудности по выпуску продукции. Революция 1905-1907 гг. только обострила данную ситуацию, когда на многих предприятиях пролетарии требовали установку паровых котлов.

Такая ситуация сложилась зимой 1906 г. и на фабрике Гарелиных. В самом начале декабря к руководству «Товарищества Мануфактуры И. Гарелина с Сыновьями» поступило требование о переносе парового котла из котельной В в котельную А, так как этого требовало производство [11, л. 1-2]. Положение, царившее в те месяцы в Иваново-Вознесенске с повсеместными стачками и забастовками, могло серьезно усугубить сложившуюся ситуацию [1, с. 190]. Отказ установки котла мог привести к очень серьезным последствиям.

В этой ситуации администрации пришлось пойти на уступки. С соглашения городской полицейской управы 16 декабря на фабрике была произведена установка парового котла системы Шухова [11, л. 10]. Таким образом, в этот раз требования рабочих были удовлетворены, а фабричному руководству удалось избежать очередной забастовки.

Завершающий год революции также был беспокойным. По состоянию на 1907 год на предприятиях губернии с жалобами на свое руководство выступили 37 711 рабочих [12, с. 56]. По большей части это были рабочие-текстильщики, так как во Владимирской губернии именно данная отрасль промышленности занимала первое место по количеству предприятий.

В 1907 г. началось снижение числа стачек и забастовок по всей стране. Это было вызвано тем, что у рабочих просто не осталось сил для продолжения борьбы, учитывая тот факт, что на 1905-1907 гг. приходится всплеск стачечной борьбы [13, с. 295]. Правительство не желало усиления роста радикальных настроений в рабочей среде, а также не намеревалось продолжать борьбу внутри страны, усу-

гублявшую социально-экономическое и политическое положение в стране.

Несмотря на то, что завершением революции принято считать 3 июня 1907 г., стачки и забастовки продолжались. Спустя чуть больше месяца после июньских событий, рабочие фабрики Гарелиных проявили себя в очередной раз. Забастовку рабочих прядильной фабрики 9 июля следует считать последним революционным выступлением на гарелинских предприятиях в период первой русской революции.

Причиной забастовки стала низкая заработная плата, которую получали рабочие прядильной фабрики за свою работу. Утром 9 июля 326 чел. выдвинули требование о повышении жалования. Руководящую роль в этом событии играли женщины-ватерщицы, число которых составляло 270 чел. от общего числа бастующих [14, л. 2]. Забастовка продолжалась четыре дня, но не принесла желаемых результатов. Поняв, что добиться ничего не получится и опасаясь вмешательства полиции и войск, рабочие были вынуждены прекратить забастовку 13 июня. Выдача зарплаты была произведена по старым расценкам [там же]. После этого революционные выступления на предприятиях Гарелиных долгое время не происходили. Рабочие, осознав, что для достижения целей нужна более серьезная подготовка, начали активно готовиться к будущим выступлениям, вступая в революционные кружки, участвуя в сходках и собраниях и накапливая материальные ресурсы.

Подходя к завершению работы, следует подчеркнуть, что за два революционных года рабочие предприятий Гарелиных показали себя как активные борцы. Революция не могла обойти их стороной, так как данные предприятия были крупнейшими в текстильной промышленности на территории губернии. Для достижения своих целей рабочие гарелинских предприятий прибегали к таким методам, как забастовка и стачка. Не оставшись в стороне во время всеобщей стачки в Иваново-Вознесенске 1905 г., администрация предприятий Гарелиных сумела внести значительный вклад в достижение компромиссов между предпринимателями и рабочими, тем самым значительно изменив их социально-экономическое положение.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Экземплярский, П. М. История города Иваново: в 2-х ч. Часть 1. Дооктябрьский период / П. М. Экземплярский. – Иваново : Иван. обл. гос. изд-во, 1958. – 396 с.
2. Глебов, Ю. Ф. История фабрики большой Ивановской мануфактуры / Ю. Ф. Глебов, В. М. Соколов. – Иваново : Облгиз, 1952. – 156 с.
3. Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 266. Оп. 1. Д. 2538.
4. Федорец, А. И. Савва Морозов / А. И. Федорец. – Москва : Молодая гвардия, 2013. – 348 с.
5. Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. / отв. ред. И. Пушкарева. – Москва; Санкт-Петербург : Алетей, 2011. – 476 с.

6. Всеобщая стачка Иваново-Вознесенских рабочих в 1905 году: сборник документов и материалов / сост.: В. М. Соколов, В. А. Бабичев. – Иваново : Кн. изд-во, 1955. – 262 с.
7. ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2606.
8. Поткина, И. В. На олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1797-1917 / И. В. Поткина. – Москва : Изд-во Главархива Москвы, 2004. – 383 с.
9. ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2625.
10. Шелымагин, И. И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России 1900-1917 / И. И. Шелымагин. – Москва : Госюриздат, 1952. – 318 с.
11. ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2702.
12. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1907 год. – Санкт-Петербург, 1909. – 156 с.
13. Постников, С. П. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900-1941 гг. / С. П. Постников, М. А. Фельдман. – Москва : РОССПЭН, 2009. – 366 с.
14. ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2871.

References

1. Ekzempljarsky, P. M. Istoriya goroda Ivanovo [History of the town of Ivanovo]: in 2 parts. Part 1. Pre-October period / P. M. Ekzempljarsky. – Ivanovo: Ivanovo Regional State Publ. House, 1958. – 396 p.
2. Glebov, Yu. F. Istoriya fabriki bolshoj Ivanovskoj manufaktury [The history of the Great Ivanovo Manufactory factory] / Yu. F. Glebov, V. M. Sokolov. – Ivanovo: Regional State Publ. House, 1952. – 156 p.
3. Gosudarstvenny arhiv Vladimirskoj oblasti (GAVO) [The State Archive of the Vladimir Region]. F. 266. Op. 1. D. 2538.
4. Fedorets, A. I. Savva Morozov / A. I. Fedorets. – Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2013. – 348 p.
5. Trudovye konflikty i rabochee dvizhenie v Rossii na rubezhe XIX-XX vv [Labor conflicts and the labor movement in Russia at the turn of the XIX-XX centuries] / Ed. I. Pushkaryova. – Moscow-St.Petersburg: Aleteya Publ., 2011. – 476 p.
6. Vseobshhaya stachka Ivanovo-Voznesenskix rabochix v 1905 godu [The general strike of the Ivanovo-Voznesensk workers in 1905]: Collected documents and materials / Comp. V. M. Sokolov, V. A. Babichev. – Ivanovo: Book Publ. House, 1955. – 262 p.
7. GAVO. F. 266. Op. 1. D. 2606.
8. Potkina, I. V. Na olimpe delovogo uspeha: Nikolskaya manufaktura Morozovyh. 1797-1917 [On the Olympus of business success: the Morozovs Nikolskaya Manufactory. 1797-1917.] / I. V. Potkina. – Moscow: Moscow State Archive Publ., 2004. – 383 p.
9. GAVO. F. 266. Op. 1. D. 2625.
10. Shelymagin, I.I. Zakonodatel'stvo o fabrichno-zavodskom trude v Rosii 1900-1917 [Legislation on factory labor in Russia 1900-1917] / I.I. Shelymagin. – Moscow: State Legal Publ. House, 1952. – 318 p.
11. GAVO. F. 266. Op. 1. D. 2702.
12. Svod otchyotov fabrichnyh inspektorov za 1907 god [Summary of factory inspectors' reports for 1907]. – St. Petersburg, 1909. – 156 p.
13. Postnikov, S. P. Sociokul'turnyj oblik promyshlennyx rabochix Rossii v 1900-1941 gg. [Socio-cultural image of industrial workers of Russia in 1900-1941] / S. P. Postnikov, M. A. Feldman. – Moscow: ROSSPEN Publ., 2009. – 366 p.
14. GAVO. F. 266. Op. 1. D. 2871.

Информация об авторе:

Платонов Роман Дмитриевич – аспирант кафедры истории России Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (600000, Российская Федерация, г. Владимир, ул. Горького, д. 87; e-mail: platonckic@yandex.ru).

Author:

Roman D. Platonov, – Postgraduate student of the Department of Russian History, Vladimir State Universtiy named after Alexander and Nikolay Stoletovs (87, Gorky st., Vladimir 600000, Russian Federation; e-mail: platonckic@yandex.ru).

Для цитирования:

Платонов, Р. Д. Революционные события 1905-1907 годов на предприятиях Гарелиных в городе Иваново-Вознесенске / Р. Д. Платонов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 6 (72). – С. 25-28.

For citation:

Platonov, R. D. Revolutionary events of 1905-1907 at the Garelin's enterprises in Ivanovo-Voznesensk / R. D. Platonov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2024. – No. 6 (72). – P. 25-28.

Дата поступления статьи: 05.06.2024

Прошла рецензирование: 05.06.2024

Принято решение о публикации: 14.06.2024

Received: 05.06.2024

Reviewed: 05.06.2024

Accepted: 14.06.2024

Реализация взаимного страхования «от огня» строений духовного ведомства в России в 1910–1917 годы (по материалам Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии)

А. В. Рожина

Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Санкт-Петербург
arojina@bk.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению дореволюционного опыта взаимного страхования от пожаров недвижимого имущества Российской православной церкви. На основе финансовых и делопроизводственных документов Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии воссоздан процесс практического осуществления страхования строений духовного ведомства на принципах взаимности.

Нормативно-правовая основа взаимного страхования базировалась на законодательном акте 1904 г., но страховая оценка построек была осуществлена только в 1910 г. Приводятся сведения о структуре страховых документов, случаях пожаров и выплатах за ущерб «от огня» по источникам, отложившимся в фондах Российского государственного исторического архива. К 1 января 1911 г. было застраховано епархиальных строений в Российской империи на сумму свыше 800 млн руб., в Усть-Сысольском уезде – на сумму более 859 тыс. руб. Систематизированы сведения о количестве застрахованных строений и их страховой оценке, размерах ежегодных премий и компенсаций по страховым случаям в Усть-Сысольском уезде. Проанализированные материалы позволили соотнести страховые премии и затраты по страховому делу, оценить как негативные стороны, так и выгоду взаимного страхования для страхователей.

Автор приходит к выводу, что практики взаимного страхования недвижимого имущества, организованного Святейшим Синодом, демонстрируют ценный опыт поиска решений для ликвидации материального ущерба «от огня», когда посредством небольших взносов компенсировались пожарные убытки. Страхование на принципах взаимности было наиболее значимо для региональных приходов, которые не имели больших доходов и зачастую были не в состоянии самостоятельно восстановить разрушенные строения. За счет компенсаций удалось отремонтировать и восстановить многие постройки духовного ведомства. Несмотря на бюрократические, командировочные, делопроизводственные расходы по страховому делу, остаточные средства позволяли сформировать «запасной капитал», выполнявший функцию резервного фонда.

Ключевые слова:

Святейший Синод, Вологодская губерния, Усть-Сысольский уезд, взаимное страхование, страхование от пожара

Implementation of mutual insurance “against fire” of buildings of the ecclesiastical department in Russia in 1910–1917 (based on materials from the Ust-Sysolsk Uyezd of the Vologda province)

A. V. Rozhina

North-Western Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
St. Petersburg
arojina@bk.ru

Abstract

The paper deals with the study of the pre-revolutionary experience of mutual insurance against fires of real estate of the Russian Orthodox Church. Based on financial and office documents of the Ust-Sysolsk Uyezd of the Vologda province, the process of practical implementation of insurance of buildings of the ecclesiastical department on the principles of reciprocity is recreated.

The regulatory framework for mutual insurance was based on the legislative act of 1904, but the insurance assessment of buildings was carried out only in 1910. Information is provided on the structure of insurance documents, cases of fires and payments for damage “from fire” from sources deposited in the funds of the Russian State Historical Archive. By January 1, 1911, diocesan buildings in the Russian Empire were insured for over 800 million rubles, in the Ust-Sysolsk Uyezd – for over 859 thousand rubles. Information on the number of insured buildings and their insurance assessment, the amount of annual premiums and compensations for insurance cases in the Ust-Sysolsk Uyezd is systematized. The analyzed materials made it possible to correlate insurance premiums and insurance business costs, to access both the negative aspects and the benefits of mutual insurance for policyholders. The author comes to the conclusion that the practices of mutual real estate insurance, organized by the Holy Synod, demonstrate valuable experience in finding solutions to eliminate material damage “from fire”, when fire losses were compensated through small contributions. Insurance on the principles of reciprocity was most important for regional parishes, that did not have large incomes and were often unable to independently restore destroyed buildings. Due to compensations, it was possible to repair and restore many buildings of the ecclesiastical department. Despite bureaucratic, travel, and clerical expenses for insurance business, the remaining funds allowed to form a “reserve capital”, that performed the function of a reserve fund.

Keywords:

Holy Synod, Vologda province, Ust-Sysolsk Uyezd, mutual insurance, fire insurance

Введение

Огонь издревле был бедствием для деревянной Руси. В северной оконечности Вологодской губернии в результате пожаров безвозвратно были уничтожены древние деревянные храмы в местах иночества на землях коми-зырян: Стефановская церковь в Усть-Выми и Спасская церковь в Ульяновском монастыре [1, с. 45, 85]. И по-прежнему огонь несет огромную опасность. В результате пожаров уникальные древние православные храмы утрачены безвозвратно. Наиболее известный случай пожара в 2018 г. был связан с гибелью храма XVIII в. Успения Богородицы в Кондопоге на Онежском озере (Республика Карелия), воссоздание ведется за счет средств федерального бюджета. Восстановление уничтоженных пожаром 1 августа 2022 г. купола и кровли кирпичного храма начала XX в. преподобных Соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия в Кытловском Крестовоздвиженском женском монастыре (Княжпогостский район Республики Коми) осуществляется за счет благотворительных средств. Остаются актуальными вопросы сохранения культурного наследия России и проблема восстановления пострадавших от огня храмов, что определило цель статьи – воссоздание процесса взаимного страхования от пожаров епархиальных построек в дореволюционный период на основе региональных материалов Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии.

Системный сбор данных о количестве пожаров начался в Центральном статистическом комитете с XIX в., с 1860-х гг. публиковались статистические сведения о пожарах. На рубеже XIX–XX вв. по данным за 15 лет (1895–1909), в губерниях европейской части Российской империи произошло свыше 1 млн пожаров, в Вологодской губернии за этот же период было зафиксировано более 4 тыс. пожаров [2, с. 14]. При этом для тушения огня в Вологодской губернии в начале XX в. пожарные команды существовали лишь в губернском и уездных городах, за исключением г. Кадникова. В г. Усть-Сысольске для борьбы с пожарами имелось семь пожарных насосов и машин, а также 11 пожарных бочек [3, с. 8, 9, 60].

Во второй половине XIX в. в связи с введением обязательного взаимного страхования в обществах поселян-собственников, затем земского и губернского, было положено начало изучения страхования и его практической целесообразности. К началу XX в. в России существовала возможность в частных страховых обществах застраховать жизнь, движимое и недвижимое имущество, посеи от неурожая и пр., при этом наибольшее внимание в исследованиях уделялось страхованию «от огня», которое получило широкое распространение [4, 5]. В советский период единственно возможной формой являлось государственное страхование и к рассмотрению дореволюционного опыта страхового дела фактически не обращались. В связи с возобновлением разных форм страхового дела в постсоветский период исследование истории страхования в Российской империи получило активное продолжение в трудах историков и экономистов. В монографиях и диссертациях были представлены ре-

зультаты достаточно подробного изучения развития взаимного страхования в России в XIX–начале XX в., главным образом по материалам земств [6–12]. Тема разрушительных последствий огня поднималась также в региональных исследованиях, но преимущественно в рамках истории отдельных населенных пунктов, а также в контексте сохранения культурного наследия региона [1, с. 45, 85; 13, с. 119; 14, с. 30; 15, с. 121; 16, с. 109; 17, с. 82]. До настоящего времени дореволюционный опыт страхования церковного недвижимого имущества не стал предметом отдельного изучения в российской историографии.

Материалы и методы

Основными релевантными источниками для статьи стали делопроизводственные и финансовые документы, отложившиеся в архивных фондах Хозяйственного управления при Синоде и Канцелярии Синода. Для выявления общероссийских тенденций и финансовой составляющей процесса важное значение имеют сметы, журналы заседаний Общего страхового присутствия, рапорты в Синод и докладные записки управляющего Страховым отделом П. Заваруева. Уникальным источниковым материалом являются также страховые оценки и страховые карточки по строениям духовного ведомства, которые предоставляют значительный массив данных для сбора и регистрации первичной эмпирической информации по Усть-Сысольскому уезду. В этих документах содержится описание строений, их оценка, размер страховых премий и компенсаций. Большинство архивных источников датируются 1910–1916 гг., при этом сохранилось незначительное количество материалов за 1917–начало 1918 г. В комплексе эти документы позволяют рассмотреть особенности процесса страхования организованного в духовном ведомстве, а также и проанализировать частные примеры страховых случаев, в связи с чем базовым методом исследования стал метод систематизации исторических источников и их интерпретация на основе анализа и синтеза данных.

Результаты и их обсуждение

На основе собранных документов можно выделить такие составляющие процесса взаимного страхования, как его законодательная регламентация, управление и практическая реализация. Обращаясь к предыстории вопроса, отметим, что вопрос взятия «на страх» церковного имущества «на принципах взаимности» поднимался еще с 60-х гг. XIX в. На первом этапе страхование церковных построек от пожаров не было обязательным и осуществлялось на добровольной основе. В 1868 г. в указе, регламентирующем выдачу ссуд и единовременных пособий по случаям пожаров, Синод разъяснил пользу страхования и сообщил о значительном увеличении за последние два года «пожарных случаев», по которым «сумма испрашиваемых выданных достигла огромной цифры». При этом пояснялось, что правительство может оказывать помощь «лишь таким погорельцам, которые при безысходности имущества и дознанной бедности» не смогли застраховать свое имущество [18, с. 147–150].

На местном уровне Вологодское епархиальное начальство распоряжением от 1880 г. рекомендовало страховать церковное имущество в связи с тем, что страхование – это «*верный путь ограждения себя от разорений*», а с введением страхования «*в земстве*», оно стало еще доступнее [19, с. 23–24]. При этом в 1889–1898 гг. в Российской империи только около 1/6 части строений духовного ведомства страховались в различных частных учреждениях и обществах [20, с. 2–7].

Проблемы пожаров привели к массовому направлению в Центральное управление Синода ходатайств об учреждении взаимного страхования «от огня» в 1891–1897 гг. В результате «*в виде опыта*» в 1893 г. было разрешено временно осуществить «*местное епархиальное страхование*» в Киевской губернии. Одновременно Хозяйственному управлению при Синоде было поручено изучить вопрос о целесообразности повсеместного страхования церковного недвижимого имущества и собрать сведения о количестве пожаров за последние 10 лет [21, л. 308–308 об.]. По данным за 1889–1898 гг., из более чем 203 тыс. церковных построек, сгорело около 2 % (свыше 4,7 тыс. строений). Причем, более половины из них не были застрахованы и вынуждены были восстанавливать строения на собственные средства или за счет пожертвований [22, с. 19–21].

Для организации принятия «*на страх*» строений в духовном ведомстве был взят принцип взаимопомощи, когда в форме обязательного страхования собирались средства со всех объектов недвижимого имущества православной церкви для формирования общих страховых сумм, а в случае пожара из них направлялась компенсация для «погорельцев». Этот способ был регламентирован в «Положении о взаимном страховании от огня строений духовного ведомства» в 1904 г. [23, с. 614–809; 24, с. 522], но революционные события 1905–1907 гг. отодвинули срок начала практической реализации этого процесса на несколько лет.

Вновь был поднят вопрос о необходимости взаимного страхования церковных строений в 1909 г. по инициативе членов Государственной Думы и епархиальных епископов. Главным аргументом для введения принципа взаимности было то, что при принятии «*на страх*» в частных обществах происходила существенная переплата премий (взносов) в сравнении с «вознаграждениями» за убытки, которые выдавались в случае пожара [21, л. 309–309 об.]. При анализе опыта страхования церковного имущества в коммерческих обществах в 1889–1898 гг. было выявлено, что взносы ежегодно превышали размеры страховых компенсаций за пожарные убытки на 450 тыс. руб. Именно взаимное страхование, организованное внутри духовного ведомства, предполагало устранение «*всякой мысли об извлечении из этого дела коммерческой выгоды*» [20, с. 7].

В связи с этим Святейший Синод определением от 27–28 ноября 1909 г. за № 9539 постановил с 1 января 1911 г. ввести в действие «Положение» 1904 г. Для организации взаимного страхования с 1 января 1910 г. был открыт Страховой отдел в Хозяйственном управлении Святейшего Синода, который осуществлял общую организацию взаимного страхования строений духовного ведомства [21,

л. 309–309 об.]. На уровне епархий процесс контролировали духовные консистории, «страховыми агентами» фактически стали отцы благочинные, должность которых была введена в структуру церковного управления для осуществления «ближайшего» контроля над духовенством в 1799 г. [25, с. 51].

Для страховой оценки зданий в 1910 г. благочинные объехали подведомственные округа, совместно с другими представителями духовенства и приходов осуществили описание и оценку епархиальных строений, внесли сведения в соответствующие бланки. В первой форме документов («страховая оценка») фиксировалось достаточно подробное описание строения, его размер и материал, из которого оно было построено, вид покрытия и покраски, количество этажей, окон и печей, год строительства, сохранность постройки и сумма по страховой оценке здания (в рублях). На основании «страховой оценки» благочинный оформлял второй тип документов («страховая карточка»), где кратко в табличной форме указывал название строения, материал наружных стен, род покрытия (*прочность – А. Р.*), оценочную и страховую суммы, размер страховой премии с тысячи рублей и годичный страховой взнос [26, л. 10–12, 14–19]. Эти страховые документы направлялись в Страховой отдел и после утверждения их заведующим использовались для расчета страховых премий.

Благочинные производили оценку строений по утвержденному Святейшим Синодом тарифу, согласно которому страховалось все недвижимое имущество, принадлежащее духовному ведомству (за исключением построек, содержавшихся за счет казны или специальных средств Синода; недвижимого имущества, находившегося в частной собственности духовенства). В тарифе были предусмотрены отдельные нормативы для страхования построек в городах и селениях. Все строения были разделены на четыре разряда по огнеопасности. Размер страховых взносов рассчитывался пропорционально страховой сумме строения в определенном проценте от этой суммы по тарифу. При оценке построек не учитывалась их культурная и историческая ценность [27, л. л. 80, 80 об., 81].

Отметим, что страховые тарифы, утвержденные Синодом, были менее выгодны страхователям в сравнении с тарифами земств. В частности, сохранился рапорт, в котором, по-видимому, доведенный до отчаяния сельский священник, негодуя объяснял, что те же самые постройки по тарифам духовного ведомства оценены меньше – всего лишь 2410 руб. (прибавляя «конечно, чтобы церковь платила меньше»), вместо 4730 руб. в земском страховании, при этом по тарифам Страхового отдела Синода придется «*платить вдвое большую страховую премию: вместо 8 руб. 87 коп., 13 руб. 12 коп.*» [28, л. 88, 88 об.].

В результате осуществленных работ по оценке строений и расчету страховых премий в 1910 г. управляющий Страховым отделом статский советник П. П. Заваруев в рапорте Обер-прокурору Синода С. М. Лукьянову сообщал, что «*к 1 января 1911 г. принято на страх строений духовного ведомства всего на сумму свыше 800.000.000 р., при премии в 1.518.138 р.*» [29, л. 2]. В Вологодской епархии ежегодные страховые премии за церковные постройки

составляли свыше 28 тыс. руб. [22, л. 126 об.], в Усть-Сысольском уезде – около 1,5 тыс. руб. В указанном уезде было оценено 653 строения духовного ведомства на сумму свыше 859 тыс. руб. [26, 30–34]. В таблице приведены сведения о количестве застрахованных строений, страховых суммах и премиях к 1 января 1911 г. и размерах компенсаций по страховым случаям за 1911–1916 гг. по благочинническим округам.

Сведения о страховании построек духовного ведомства в Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии в 1911–1916 годы

Information on the insurance of buildings of the ecclesiastical department in Ust-Sysolsk Uyezd of the Vologda province in 1911-1916

Благочиннический округ	Количество застрахованных строений к 1 января 1911 г.	Страховые суммы строений к 1 января 1911 г., руб.	Ежегодные страховые премии к 1 января 1911 г., руб.	Страховые компенсации за ущерб от пожаров в 1911-1916 гг., руб.
1	228	436.062,0	586,39	586,39
2	150	138.470,0	285,6	285,6
3	101	97.471,0	193,61	193,61
4	120	185.882,0	404,02	404,02
5	7	1.210,0	8,88	8,88
6	47	39.730,0	126,59	126,59
Итого	653	859095,00	1478,5	1604,09

Первоначально по страховой оценке в 1910 г. в Усть-Сысольском уезде наибольшее количество строений находилось в пятом округе, но в 1911 г. Ульяновский Троицко-Стефановский мужской монастырь был перенесен из пятого в первый округ, в котором в итоге к 1 января было принято «на страх» 228 строений. Троицко-Стефановский монастырь, содержащийся исключительно за счет своего хозяйства и пожертвований, выплачивал наибольший из всех уездных духовных учреждений страховой ежегодный взнос в размере 407 руб. 51 коп. (в среднем около 1 % от среднегодовых неокладных доходов) [15, с. 115]. В этой иноческой обители находилось 48 строений, о том числе Троицкий двухэтажный кирпичный собор, оценочная сумма которого составляла 35 тыс. руб., а также две каменные и одна деревянная церкви, каменная колокольня, пять жилых корпусов, гостинный корпус, кузница, конюшня, каретник и другие хозяйственные постройки. Монастырю принадлежала часовня, хозяйственные постройки и мукомольная мельница на р. Аныб. В г. Усть-Сысольске на подворье обители находилась Стефановская церковь с братским корпусом, монастырским домом и хозяйственными постройками [26, л. 10–29].

Возгораний в монастырских строениях, равно как и в церковных постройках, в уездном г. Усть-Сысольске с 1911 по 1917 г. в страховых документах не зафиксировано, в то время как на территории уезда произошло пять пожаров в деревянных постройках, принадлежавших духовному ведомству. По страховым документам известна причина возгорания в строениях, принадлежащих Успенской церкви в с. Корткеросе (в четвертом округе Усть-Сысольского уезда): дом священника и хозяйственные постройки (ам-

бар, баня, хлев, навес и ледник) пострадали в результате перехода огня с соседнего строения. С 1912 г. по застрахованному «от огня» недвижимому имуществу духовного ведомства начали выплачивать страховые компенсации. Ущерб «от огня», нанесенный Успенской церкви, был возмещен в размере 685 руб., что составило 100 % от страховой оценки зданий [32, л. 23 б., 23 б об., 24, 24 об., 25, 25 об.]. Причины других пожаров, произошедших в строениях духовного ведомства в Усть-Сысольском уезде, были не установлены и не указаны в страховых документах.

В 1912 г. зафиксировано два страховых случая в церковных постройках в Усть-Сысольском уезде: возгорание одноэтажного церковно-причтового дома Пыелдинской Иоанно-Предтеченской церкви (пятый округ) и часовни во имя святителя Стефана Пермского при Троицкой церкви в с. Печерском (шестой округ). Церковно-причтовый дом был построен в 1904 г., отапливался тремя голландскими и одной русской печами и предназначался для священника. Ущерб от пожара, произошедшего 5 февраля в причтовом доме, был оценен в 576,6 руб. при страховой стоимости здания 1 тыс. руб. В том же году дом был восстановлен и 3 декабря вновь застрахован по той же оценочной сумме [33, л. 35, 35 об., 37, 37 об., 40, 41]. За сгоревшую в с. Печерском часовню постройки 1896 г. и оцененную в 150,0 руб. была выплачена компенсация в 100 % объеме от страховой оценки здания [34, л. 10, 11, 110 б.].

По страховым документам восстановлены сведения о пожарах, произошедших в хозяйственных постройках церковей в Усть-Сысольском уезде. В 1914 г. сгорел овин при Спаспурубской Преображенской церкви (третий округ), оцененный в 30,0 руб. [31, л. 14б, 14 б об., 22, 22 об.]. На следующий год была уничтожена огнем баня, которая относилась к постройкам Щугорской Стефановской церкви (шестой округ) и оценена в 50,0 руб., но компенсация выплачена в неполном размере – в сумме 48,95 руб. [34, л. 34, 34 об., 35, 35 об.].

В соответствии с нормами ведения страхового дела в духовном ведомстве, при полном разрушении зданий оно исключалось из страховых документов, при ремонте осуществлялась переоценка, а при постройке новых строений производилась их оценка и принятие «на страх». В последних случаях к документам вновь возведенных и застрахованных в 1911–1917 г. зданий прилагались чертежи и проекты. В Российском государственном историческом архиве сохранились копии планов следующих строений, принадлежащих епархиальному ведомству в Усть-Сысольском уезде: церковно-приходская школа Усть-Сысольского отделения Совета Стефано-Прокопиевского братства в с. Шошке и второклассная школа в с. Деревянске; дом для псаломщика Вознесенской церкви в с. Иб и церковно-причтовые дома при Пожегодской Троицкой, Помоздинской Успенской и Усть-Куломской Петро-Павловской церквях; Дмитриевская церковь в дер. Читаево, Благовещенская церковь в с. Гритине, Богородицкая церковь в с. Важкурье. К последним двум указанным церквям и жилым постройкам в страховых документах прилагались также проекты фасадов [26, л. 73–76, 106–107; 31. л. 30–32; Д. 32. л. 6, 23; Д. 33. л. 26–28, 46–48, 59–62, 69–71].

В целом по Усть-Сысольскому уезду за 1911–1916 гг. за ущерб «от огня» в строениях духовного ведомства были выплачены страховые компенсации в размере 1604,09 руб. Бесспорно, для церквей, в постройках которых произошли серьезные пожары, страховые компенсации были существенной помощью для восстановления зданий. Зачастую размер выплат по страховым случаям значительно превышал ежегодные страховые премии: в Успенской церкви – более чем в 20 раз, в Иоанно-Предтеченской – ооколо 18, в Троицкой – примерно в пять раз [32, л. 6, 23; 33, л. 23–37 об.]. При этом, сопоставив суммы страховых премий и компенсаций по страховым случаям в церковных строениях в Усть-Сысольском уезде, можно отметить, что за 6 лет ежегодные премии примерно в 5,5 раз превысили размер выплат за ущерб от пожаров.

В сметах страховых сумм Страхового отдела на возмещение «пожарных убытков» закладывалось около 23 % от страховых взносов и около 20 % – на бюрократические, командировочные и делопроизводственные расходы по страховому делу, при этом существенные остаточные средства в размере около 57 % от страховых сумм направлялись на увеличение запасного страхового капитала. На основании анализа смет Хозяйственного управления при Синоде можно также прийти к выводу, что в целом по Российской империи отмечалась тенденция к завышению страховых тарифов по духовному ведомству, а расходы на возмещение убытков от пожаров в общей совокупности были значительно ниже страховых премий [35]. Для сохранности и преумножения остаточные средства переводились в российские государственные процентные бумаги или гарантированные правительством облигации (как отмечалось в журналах заседаний Общего страхового присутствия), и могли расходоваться «для покрытия чрезвычайных убытков определенных лет» [36, л. 4 об., 6 об.].

Налаженная в 1911–1916 гг. система взаимного страхования строений духовного ведомства начала рушиться уже в 1917 г., когда продолжали поступать страховые взносы из епархий, но в источниках отсутствуют данные о выплатах компенсаций по страховым случаям. С 1911 по 1917 г. Страховой отдел Хозяйственного управления при Святейшем Синоде накопил значительные капиталы. Остаток средств на 1 января 1917 г. составлял наличными насчитывалось 436 тыс. руб., билетами – более 2,6 млн руб. Последние сведения по остаточным суммам Страхового отдела относятся к 1918 г.: в январе оставалось страховых средств наличными 115 тыс. руб., в Государственном банке – 11 тыс. руб., в феврале в Петроградской конторе Московского купеческого банка – 208 тыс. руб. [37, л. 9 об., 10, 37, 37 об., 135, 135 об.].

После принятия Совнаркомом РСФСР в марте 1918 г. декрета «Об установлении государственного контроля над всеми видами страхования, кроме социального» процесс взаимного страхования строений духовного ведомства окончательно завершился. Накопленные в Фонде Страхового отдела Хозяйственного управления Святейшего Синода средства, как и все имущество церкви, были объявлены народным достоянием и национализированы.

Заключение

Проанализировав нормативно-правовую основу и практическое осуществление взаимного страхования «от огня» недвижимого имущества духовного ведомства в Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии сделаны следующие выводы. Была выстроена централизованная система страхования строений духовного ведомства, при этом в страхование не были включены здания, находившиеся в частной собственности духовенства, а также содержавшиеся за счет казны или специальных средств Синода. В епархиях было организовано оформление документов по оценке строений и сбор страховых премий, которые направлялись в Страховой отдел Хозяйственного управления при Святейшем Синоде, где был сформирован общий фонд страховых сумм, из которого выплачивались компенсации в случае пожара. Несмотря на бюрократические, делопроизводственные и командировочные расходы, система взаимного страхования строений духовного ведомства, реализованная на принципах взаимопомощи в 1910–1917 гг., позволяла компенсировать материальный ущерб «от огня».

В Усть-Сысольском уезде демонстрируется общероссийская тенденция, когда, с одной стороны, компенсации, выплаченные после пожаров страхователям, зачастую многократно превышали их ежегодные страховые премии и стали существенным подспорьем для восстановления зданий, с другой – в целом по империи и уезду ежегодные страховые премии примерно в 5,5 раз превысили размер выплат за ущерб от пожаров. Страховой отдел, распорядившись распределением страховых сумм, направлял остаточные средства на формирование «запасного капитала», который выполнял функцию резервного фонда и, подобно принципу сообщающихся сосудов, позволял при пополнении за счет страховых премий сохранять постоянную денежную массу. В целом изученная практика взаимного страхования недвижимого имущества Российской православной церкви по материалам Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии может считаться весьма полезным опытом в рамках поиска решений по ликвидации экономических последствий пожаров.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Тентюкова, Ф. А. Из прошлого Коми края: материалы к своду памятников / Ф. А. Тентюкова. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1976. – 94 с.
2. Статистика пожаров в Российской империи за 1895–1910 годы. Ч. 1. 63 губернии Европейской России. – Санкт-Петербург : Центр. стат. ком. МВД, 1912. – 276 с.
3. Города России / Центр. стат. ком. МВД. Т. 1: Города России в 1904 году. – Санкт-Петербург : Типо-лит. Ныркина, 1906. – 907 с.
4. Луневский, С. П. Страхование от огня / С. П. Луневский. – Санкт-Петербург : Типо-лит. К. Фельдман, 1912. – 206 с.

5. Рыбников, С. А. Очерк современного положения в России страхования от огня / С. А. Рыбников. – Санкт-Петербург : Тип. М-ва вн. дел, 1912. – 252 с.
6. Аленичев, В. В. Эволюция страховых институтов в дореволюционной России: дис. ... канд. экон. наук / В. В. Аленичев. – Волгоград, 2004. – 196 с.
7. Ефимов, С. Л. Страховое дело в России: вехи истории / С. Л. Ефимов, В. В. Акимов, В. Н. Борзых. – Москва : Русское слово, 1997. – 207 с.
8. Карачугина, Р. Ф. Развитие страхования в России во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Уфимской губернии): дис. ... канд. экон. наук / Р. Ф. Карачугина. – Москва, 2009. – 197 с.
9. Куликова, М. Н. Обязательное взаимное страхование строений от пожара в России: дис. ... канд. экон. наук / М. Н. Куликова. – Москва, 2011. – 160 с.
10. Логвинова, И. Л. Взаимное страхование в России: особенности эволюции / И. Л. Логвинова. – Москва : Финансы и статистика, 2009. – 175 с.
11. Турбина, К. Е. Взаимное страхование / К. Е. Турбина, В. Н. Дадыков. – Москва : Анкил, 2007. – 344 с.
12. Херувимова, Д. А. Земское страхование во второй половине XIX–начале XX века (на материалах Владимирской и Рязанской губерний): дис. ... канд. ист. наук / Д. А. Херувимова. – Нижний Новгород, 2022. – 182 с.
13. Бондаренко, О. Е. Учебные заведения в Коми крае в конце XIX – начале XX веков / О. Е. Бондаренко. – Сыктывкар, 1998. – 190 с.
14. Камкин, А. В. Православная церковь на Севере России. Очерки истории до 1917 года: Любителю старины. Краеведу. Учителю. Студенту / А. В. Камкин. – Вологда : ВГПИ, 1992. – 164 с.
15. Котов, П. П. Монастыри в системе церковных властей в конце XVIII–начале XX века: по материалам Вологодской губернии / П. П. Котов, А. В. Рожина. – Сыктывкар : ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. – 238 с.
16. Котов, П. П. Православные братства в постреформенный период: по материалам Вологодской губернии / П. П. Котов, Т. А. Носова. – Сыктывкар : ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2023. – 228 с.
17. Рогачев, М. Б. Усть-Сысольск: страницы истории / М. Б. Рогачев, А. И. Цой. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1989. – С. 82.
18. Января 27 дня, 1868 года, № 6. Относительно выдачи ссуд и единовременных пособий по случаю пожаров // Вологодския епархиальные ведомости. – 1868. – № 7. – С. 147–150.
19. Распоряжение епархиального начальства // Вологодския епархиальные ведомости. – 1881. – № 2. – С. 23–24.
20. По проекту положения о взаимном страховании от огня строений духовного ведомства / Ведомство Православного Исполнения. Хозяйственное управление при Святейшем Синоде. 19 марта 1904. – № 63. – Санкт-Петербург, 1904. – С. 2–7.
21. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 799. Оп. 29. Д. 752. 344 л.
22. Об утверждении положения о взаимном страховании от огня строений духовного ведомства / Ведомство Пра-
- вославного Исполнения. Хозяйственное управление при Святейшем Синоде. Отделение III. Стол 1. 5 марта 1904. – № 8130. – Санкт-Петербург. – 1904. – С. 19–21.
23. Июня 6 [1904 года]. Высочайше утвержденное положение о взаимном страховании от огня строений духовного ведомства / Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е (далее – ПСЗРИ-3). Т. XXIV. № 24.712. Санкт-Петербург. – 1904. – С. 614–809.
24. Штаты и таблицы к № 24.712 / ПСЗРИ-3. Т. XXIV. № 24.712. – Санкт-Петербург. – 1904. – С. 522.
25. Рожина, А. В. Благочинные монастырей в системе церковного управления Российской империи в конце XVIII–начале XX века / А. В. Рожина // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2024. – № 1 (67). – С. 51–57.
26. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 145. 107 л.
27. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 574. Л. 80, 80 об., 81.
28. РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 563. Л. 88–88 об.
29. РГИА. Ф. 799. Оп. 29. Д. 564. Л. 2.
30. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 146. 87 л.
31. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 147. 34 л.
32. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 148. 80 л.
33. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 149. 87 л.
34. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 150. 35 л.
35. РГИА. Ф. 799. Оп. 29. Д. 251. 106 л.
36. РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 572. Л. 4 об, 6 об.
37. РГИА. Ф. 799. Оп. 29. Д. 234. 247 л.

References

1. Tentyukova, F. A. Iz proshlogo Komi kraja: Materialy k svodu pamyatnikov [From the past of the Komi region: Materials for the set of monuments] / F. A. Tentyukova. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1976. – 94 p.
2. Statistika pozharov v Rossiyskoy imperii za 1895–1910 gody [Statistics of fires in the Russian Empire for 1895–1910]. Part 1. 63 provinces of the European Russia. – St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1912. – 276 p.
3. Goroda Rossii [Towns of Russia] / Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. Vol. 1: Goroda Rossii v 1904 godu [Towns of Russia in 1904]. – St. Petersburg: Nyrkin typo-lithography, 1906. – 907 p.
4. Lunevsky, S. P. Strakhovaniye ot ognya [Fire insurance] / S. P. Lunevsky. – St. Petersburg: K. Feldman typo-lithography, 1912. – 206 p.
5. Rybnikov, S. A. Ocherk sovremennogo polozheniya v Rossii strakhovaniya ot ognya [Essay on the current situation in Russia of fire insurance] / S. A. Rybnikov. – St. Petersburg: Printing house of the Ministry of Internal Affairs, 1912. – 252 p.
6. Alenichev, V. V. Evolyutsiya strakhovykh institutov [Evolution of insurance institutions in pre-revolutionary Russia]: diss. ... Cand. Sci. (Economy) / V. V. Alenichev. – Volgograd, 2004. – 196 p.
7. Efimov, S. L. Strakhovoye delo v Rossii: vekhi istorii [Insurance business in Russia: milestones in history] / S. L. Efimov, V. V. Akimov, V. N. Borzykh. – Moscow: Russian Word, 1997. – 207 p.

8. Karachugina, R. F. Razvitiye strakhovaniya v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. (na primere Ufimskoy gubernii) [Development of insurance in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries (case study of the Ufa province)]: diss. ... Cand. Sci. (Economy) / R. F. Karachugina. – Moscow, 2009. – 197 p.
9. Kulikova, M. N. Obyazatel'noye vzaimnoye strakhovaniye stroyeniya ot pozhara v Rossii [Mandatory mutual fire insurance of buildings in Russia]: diss. ... Cand. Sci. (Economy) / M. N. Kulikova. – Moscow, 2011. – 160 p.
10. Logvinova, I. L. Vzaimnoye strakhovaniye v Rossii: osobennosti evolyutsii [Mutual insurance in Russia: features of evolution] / I. L. Logvinova. – Moscow: Finance and Statistics, 2009. – 175 p.
11. Turbina, K. E. Vzaimnoye strakhovaniye [Mutual insurance] / K. E. Turbina, V. N. Dadkov. – Moscow: Ankil, 2007. – 344 p.
12. Kheruvimova, D. A. Zemskoye strakhovaniye vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (na materialakh Vladimirskoy i Ryazanskoy gubernii) [Land insurance in the second half of the XIX–early XX centuries (based on materials from the Vladimir and Ryazan provinces)]: diss. ... Cand. Sci. (History) / D. A. Kheruvimova. – Nizhny Novgorod, 2022. – 182 p.
13. Bondarenko, O. E. Uchebnyye zavedeniya v Komi kraye v kontse XIX– nachale XX vekov [Educational institutions in the Komi region at the end of the XIX – early XX centuries] / O. E. Bondarenko. – Syktyvkar, 1998. – 190 p.
14. Kamkin, A. V. Pravoslavnaya tserkov' na Severe Rossii. Ocherki istorii do 1917 goda: Lyubitelyu stariny. Krayevedu. Uchitel'yu. Studentu [Orthodox Church in the North of Russia. Essays on history before 1917: To the Lover of Antiquity. Local historian. Teacher. Student] / A. V. Kamkin. – Vologda: Vologda State Pedag. Inst, 1992. – 164 p.
15. Kotov, P. P. Monastyry v sisteme cerkovnykh vlastei v konce XVIII–nachale XX veka: po materialam Vologodskoy gubernii [Monasteries in the system of church authorities at the end of the XVIII– early XX century: based on materials of the Vologda province] / P. P. Kotov, A.V. Rozhina. – Syktyvkar: Federal Res. Centre Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2022. – 238 p.
16. Kotov, P. P. Pravoslavnie bratstva v postporeformennii period: po materialam Vologodskoy gubernii [Orthodox fraternities in the post-reform period: based on materials of the Vologda province] / P. P. Kotov, T. A. Nosova. – Syktyvkar: Federal Res. Centre Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2023. – 228 p.
17. Rogachev, M. B. Ust'-Sysol'sk: Stranitsy istorii [Ust-Sysolsk: Pages of history] / M. B. Rogachev, A. I. Tsoi. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House 1989. – P. 82.
18. Yanvarya 27 dnya, 1868 goda, № 6. Otnositel'no vydachi ssud i yedinovremennykh posobiy po sluchayu pozharov [January 27, 1868, No. 6. Regarding the issuance of loans and one-time benefits in case of fires] // Vologda Diocesan Gazette. –1868. – No. 7. – P. 147–150.
19. Rasporyazheniye eparkhial'nago nachal'stva [Order of the diocesan authorities] // Vologda Diocesan Gazette. – 1881. – No. 2. – P. 23–24.
20. Po proyektu polozheniya o vzaimnom strakhovanii ot ognya stroyeniya dukhovnogo vedomstva [According to the draft regulations on mutual fire insurance of buildings of the ecclesiastical department] / Vedomstvo Pravoslavnogo Ispovedaniya. Khozyaystvennoye upravleniye pri Svyateyshem Sinode [Office of the Orthodox Confession. Economic management under the Holy Synod]. March 19, 1904. – No. 63. – St. Petersburg, 1904. – P. 2–7.
21. Rossiiskii gosudarstvennii istoricheskii arhiv [Russian State Historical Archive] (hereinafter – RGIA). F. 799. Op. 29. D. 752. 344 L.
22. Ob utverzhdenii polozheniya o vzaimnom strakhovanii ot ognya stroyeniya dukhovnogo vedomstva [On approval of the provision on mutual fire insurance of buildings of the ecclesiastical department] / Vedomstvo Pravoslavnogo Ispovedaniya. Khozyaystvennoye upravleniye pri Svyateyshem Sinode [Office of the Orthodox Confession. Economic management under the Holy Synod]. Division III. Table 1. March 5, 1904. – No. 8130. – St. Petersburg. – 1904. – P. 19–21.
23. Iyunya 6 [1904 goda]. Vysochayshe utverzhdennoye polozheniye o vzaimnom strakhovanii ot ognya stroyeniya dukhovnogo vedomstva [June 6 [1904]. The highest approved regulation on mutual fire insurance of buildings of the ecclesiastical department] / Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. XXIV. No. 24.712. – St. Petersburg. – 1904. – P. 614–809.
24. Shtaty i tabeli k № 24.712 [Staff and timesheets to No. 24.712] / Complete collection of laws of the Russian Empire–3. Vol. XXIV. No. 24.712. – St. Petersburg. – 1904. – P. 522.
25. Rozhina, A.V. Blagochinnyye monastyrey v sisteme tserkovnogo upravleniya Rossiyskoy imperii v kontse XVIII – nachale XX veka [Deans of monasteries in the system of church administration of the Russian Empire at the end of the XVIII – early XX century] / A. V. Rozhina // Proc. of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. – 2024. No. 1 (61). – P. 51–57.
26. RGIA. F. 799. Op. 33. D. 145. 107 L.
27. Ibid. D. 574. 80, 80об., 81 L.
28. Ibid. Op. 31. D. 563. 88–88об. L.
29. Ibid. Op. 29. D. 564. L. 2.
30. Ibid. Op. 33. D. 146. 87 L.
31. Ibid. D. 147. 34 L.
32. Ibid. D. 148. 80 L.
33. Ibid. D. 149. 87 L.
34. Ibid. D. 150. 35 L.
35. Ibid. Op. 29. D. 251. 106 L.
36. Ibid. Op. 31. D. 572. L. 4об, 6об.
37. Ibid. Op. 29. D. 234. 247 L.

Информация об авторе:

Рожина Анастасия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43; e-mail: arojina@bk.ru).

Author:

Anastasiya V. Rozhina – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Social Sciences of the North-Western Institute of Management – Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; (57/43, Sredny Ave., St. Petersburg 199178, Russian Federation; e-mail: arojina@bk.ru).

Для цитирования:

Рожина, А. В. Реализация взаимного страхования «от огня» строений духовного ведомства в России в 1910-1917 годы (по материалам Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии) / А. В. Рожина // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 6 (72). – С. 29–36.

For citation:

Rozhina, A. V. Implementation of mutual insurance “against fire” of buidings of the ecclesiastical department in Russia in 1910-1917 (based on materials from the Ust-Sysolsk Uyezd of the Vologda province) // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2024. – No. 6(72). – P. 29–36.

Дата поступления статьи: 10.09.2024

Прошла рецензирование: 16.09.2024

Принято решение о публикации: 20.09.2024

Received: 10.09.2024

Reviewed: 16.09.2024

Accepted: 20.09.2024

Украина в германских планах передела Европы в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.)

Д. А. Коновалов

Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь
d.k.official.mail.box@gmail.com

Аннотация

В статье исследуется украинский вопрос в контексте политики Германской империи в годы Первой мировой войны (1914–1916). Автором рассмотрен украинский вопрос в планах Германии по переустройству Европы; германские государственные структуры и пути их взаимодействия с национальными движениями. Исследование демонстрирует изменение политики Германии по отношению к украинскому движению в контексте событий Первой мировой войны: от поддержки планов по организации восстания на территории России и создания украинского государства до сворачивания официального сотрудничества и перехода к поддержке основного конкурента украинского движения в борьбе за государственность – поляков.

Ключевые слова:

Первая мировая война, украинский вопрос, Центральные державы, национальная политика, международные отношения, Германская империя, Австро-Венгерская империя

18 января 1871 г. в Европе произошло знаменательное событие. В бывшей резиденции французских монархов в Версальском дворце король Пруссии Вильгельм I был провозглашен императором Германии. Новообразованная Германская империя объединила в единое государство 25 малых государственных образований (королевств, герцогств, княжеств и вольных городов) Центральной Европы.

Усилению роли Прусского королевства как центра объединения германских земель и влиятельного участника международных отношений способствовали его победы в войнах с Австрией и Францией. Итогом Семинедельной войны 1866 г. стал роспуск Германского союза, в котором доминировала Австрия и создание Северогерманского союза, лидером которого стала Пруссия. Победа во Франко-прусской войне 1870–1871 гг. позволила германскому государству войти в ряды великих держав.

Новая империя не могла и не хотела оставаться в стороне от освоения заморских земель, чем вызывала недовольство старых империй, в первую очередь Британской, которая не желала делить с германцами выгодные рынки сбыта и источники сырья для промышленности.

Ukraine in German plans for the redistribution of Europe during the First World War (1914–1916)

D. A. Konovalov

Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus
d.k.official.mail.box@gmail.com

Abstract

The paper studies the Ukrainian issue in the context of the policy of the German Empire during the First World War (1914–1916). The author considers the Ukrainian issue in Germany's plans to reorganize Europe; German state structures and their ways of interaction with national movements. The study demonstrates the change in Germany's policy towards the Ukrainian movement in the context of the events of the First World War: from supporting plans to organize an uprising in Russia and create a Ukrainian state to curtailing official cooperation and switching to supporting the main competitor of the Ukrainian movement in the struggle for statehood – the Poles.

Keywords:

World War I, Ukrainian question, Central Powers, national policy, international relations, German Empire, Austro-Hungarian Empire

В 1870–1880-е гг. Германская империя значительно укрепила свое положение на международной арене путем заключения ряда договоров. Для обеспечения безопасности на востоке 7 октября 1879 г. был подписан договор с Австро-Венгерской монархией, согласно которому, в случае нападения Российской империи на одну из сторон, вторая сторона должна оказать помощь союзнику, подвергшемуся русской агрессии [1].

После поражения Османской империи в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. султан Абдул-Хамид II обратился к канцлеру Германской империи О. фон Бисмарку с просьбой помочь реформировать турецкую армию и финансовую систему. В 1880–1882 гг. в Османскую империю из Германии было направлено не менее четырех гражданских советников, получивших должности заместителей и консультантов в нескольких министерствах. В июне 1882 г. Вильгельм I одобрил кандидатуры первых четырех офицеров для отправки в Турцию в качестве военных советников. В 1883–1884 гг. к германской военной миссии присоединились представители от Генерального штаба и Имперского адмиралтейства. В 1885 г. начались поставки продукции

заводов Круппа, Шихау и Маузера для вооруженных сил Османской империи. Таким образом Берлин приобрел надежного союзника в Западной Азии [2, с. 32–37]. В 1882 г. к австро-германской коалиции присоединилась Италия.

Положение Германии на международной арене не устраивало многих внутри империи, в связи с чем стали появляться разнообразные сообщества и объединения, идеи и деятельность которых были направлены на преодоление доминирования старых колониальных империй на Ближнем Востоке, в Азии и Африке. Поначалу данные объединения носили частный характер и формально никак не влияли на политику государства, однако ситуация изменилась летом 1890 г., после того как между Великобританией и Германией был подписан Гельголанд-Зензибарский договор, серьезно ограничивший колониальную деятельность последней в Африке. Ответом на такую внешнюю политику канцлера-англофила Л. фон Каприви стало создание в 1890 г. Всеобщего германского союза (с 1894 г. – Всегерманский союз) (*Alldeutscher Verband*) – объединения консервативно настроенных военных, политиков, предпринимателей и землевладельцев, чья деятельность была связана с колониями.

Инициатором создания организации, которая смогла бы отстаивать национальные интересы германского народа, стал Альфред Гугенберг. Изначально основной целью организации была ликвидация англо-германского договора 1890 г., однако со временем Союз начал оказывать влияние и на другие вопросы внешней политики Германской империи. Первым председателем союза был избран К. Петерс, почетными членами данной организации в разное время являлись такие известные деятели, как О. фон Бисмарк, Ф. Ратцель, Ф. фон Бернхарди и М. Вебер [3, с. 159–161].

Параллельно со Всегерманским союзом действовали такие организации, как Колониальное общество, Германский флотский союз, Союз Восточной марки и Германская ассоциация восточных приграничных областей (*Deutscher Ostmarkenverein*).

Наиболее известной идеей, которая могла бы решить все проблемы Германской империи и к реализации которой стремились участники всех вышеперечисленных организаций, являлась «Срединная Европа» (*Mitteleuropa*). Данная теория, разработанная германскими интеллектуалами в XIX в., предусматривала создание наднационального объединения государств Центральной Европы во главе с Германией [4].

В августе 1914 г. началась Первая мировая война, а уже в сентябре стали появляться программы послевоенного «устройства мира по-германски». Наиболее известными из этих документов являются меморандум «К германским военным целям» [5] председателя Всегерманского союза Г. Класса и «Сентябрьская программа» [6, с. 103–106] канцлера Т. фон Бетман-Гольвега.

8 августа 1914 г. состоялось заседание исполнительного комитета Всегерманского союза, на котором были из-

¹ В польской историографии данная организация чаще всего встречается под названием «Наката» – аббревиатура от первых букв фамилий ее основателей Ф. фон Хансеман (F. von Hansemann), Г. Кеннеман (H. Kennemann) и Г. фон Тидеман (H. von Tidemann).

ложены общие цели Германии в войне. В начале сентября концепция Всегерманского союза по переустройству Европы была опубликована в виде брошюры «К германским военным целям». Главной целью войны в данной программе являлось создание нового союза государств Европы во главе с Германией и Австрией. В этот союз, кроме Центральных держав, должны войти Нидерланды, Швейцария, Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Румыния, Болгария и Италия [там же, с. 106].

На «Сентябрьскую программу» Т. фон Бетман-Гольвега существенное влияние оказали успехи первых недель войны на Западном фронте. Успешное наступление убедило Берлин в неизбежности начала мирных переговоров с Францией, в связи с чем в программе канцлера основное внимание было уделено Западной Европе. В сентябре 1914 г. мир с Россией в ближайшее время считался маловероятным, поэтому цели Германии в Восточной Европе в программе канцлера не были конкретизированы. Указывалось лишь на необходимость отодвинуть границу между Россией и Германией как можно дальше на Восток. По мнению Т. фон Бетман-Гольвега, основой нового устройства Европы во главе с Германией должны стать экономическая зависимость Франции, присоединение ряда территорий Бельгии, система таможенных и экономических союзов с государствами Северной и Южной Европы. В «Сентябрьской программе» канцлера экономические цели были поставлены выше военных (ликвидация окружения из сильных государств – Франции и России) и морских (устранение морской гегемонии Великобритании).

Обе программы основывались на идее «Срединной Европы», однако имели ряд существенных отличий.

Программа Т. фон Бетман-Гольвега носила умеренный характер и должна была реализовываться путем дипломатии после победы Германии на поле боя.

Программа всегерманцев основывалась на идеях национализма (возврат утраченных исторических территорий Германии – Бельгия, Нидерланды, Швейцария и территории Австро-Венгрии с германским населением) и колониализма. В отличие от программы канцлера, здесь больше внимания уделено переустройству Восточной Европы, а границы России предлагалось вернуть ко временам Петра I.

Идеи, предложенные Т. фон Бетман-Гольвегом и Г. Классом в сентябре 1914 г., стали основой политики Германской империи до конца ее существования.

Переходя к рассмотрению германо-украинских отношений, важно понимать, что до 1914 г. официальный Берлин ничего не знал об украинском национальном движении. Территория Юго-Западного края Российской империи, которая должна была стать основой украинского государства, рассматривалась в Германии не более, как часть России, без привязки к этническим особенностям местного населения. Немногим лучше была информированность правительства Германии об украинских делах в Галиции:

«Перед мировой войной знали эти Немцы наш украинский народ из того, что он заходил к ним на работы полевые и там работал хорошо, – ибо они были им довольны и год от года обновляли сезонные контракты. Они читали в своей прессе сообщения с совещаний

в галицком сейме и австрийском парламенте, и отсюда знали, что мы сетуем на австрийское правительство и ведем продолжительную борьбу с Поляками, чтобы освободиться от польского главенства, однако уже этого последнего они не могли хорошо понять: как могут поляки над нами властвовать, когда мы живем в государстве австрийском, а не польском» [7, с. 29].

Более погруженными в украинскую проблематику были члены Германской ассоциации восточных приграничных областей. Ассоциация была создана в 1894 г. с целью оказания поддержки государственным структурам в германизации польского населения восточных провинций Германской империи.

В 1902 г. очередное обострение украино-польского противостояния в Галиции привлекло внимание тамошнего консула Германской империи. В качестве справки по истории украинского движения в Берлин была отправлена обзорная работа Ю. Романчука «Русины и их противники в Галиции» (*«Die Ruthenen und ihre Gegner in Galizien»*) [8].

В 1903 г. между народным комитетом (исполнительный орган Украинской национально-демократической партии) и Германской ассоциацией восточных приграничных областей организовано сотрудничество [9, с. 28].

С началом войны Германская ассоциация восточных приграничных областей, выступавшая за ограниченную поддержку украинцев в качестве экономического противовеса полякам, потеряла свое влияние на политику Берлина в отношении национальных движений. Существенные изменения произошли и в самом украинском движении, центром которого стала Австрия. В начале августа 1914 г. австрийские украинцы создали межпартийную организацию – Главный украинский совет (далее – ГУС), похожее объединение было создано и украинцами-эмигрантами из Российской империи и получило название Союз освобождения Украины (далее – СОУ). Обе организации поддерживали Центральные державы в войне против Российской империи. При этом на протяжении 1914–1915 гг. ГУС и СОУ конкурировали между собой за влияние на украинскую политику Центральных держав. Главный украинский совет, состоявший из украинских депутатов Государственного Совета (*Reichsrat*) Австрии, выступал за поддержку Центральных держав в войне против России и предлагал решить украинский вопрос, исходя из результатов войны. Союз освобождения Украины, состоящий из российских украинцев-социалистов, являлся более радикальной организацией и выступал за более активную позицию украинского движения. Радикализм СОУ вызывал настороженное отношение к нему консервативных политиков Австрии и импонировал склонному к авантюрным предприятиям военно-политическому руководству Германской империи.

Главной задачей Центральных держав на Восточном фронте в 1914 г. было нанесение военного поражения России в Восточной Пруссии и Карпатах, которое заставило бы Петроград подписать сепаратный мир. Следующий этап – дестабилизация политической ситуации в России для предотвращения восстания Восточного фронта. Именно для реализации второй задачи Германской империи и были нужны национальные движения.

9 августа 1914 г. посол Германской империи в Австрии Г. фон Чиршки впервые уведомил Берлин о необходимости срочно начать поддержку организации украинского восстания в России:

«Этот вопрос следует взять в свои руки без Вены. Поляки противодействуют этому в Вене, где их информирует губернатор Галиции, который знает о переговорах. Австрийское правительство представило для этого весьма скромные средства – двадцать тысяч крон. Срочно нужен миллион, который мы предоставим [украинцам – Д. К.] в случае необходимости.

М. Э. [Матиас Эрцбергер – Д. К.] рекомендовал, чтобы г-на Левицкого [политический лидер австрийских украинцев – Д. К.] приняли сначала в Вене, а затем в Берлине. Мы не можем брать все в свои руки в обход Вены. Возможно, Генеральные штабы, могли бы также действовать сообща, как это уже сделано по польскому вопросу. Местный Генеральный штаб опасался бы польских контрмер [больше] чем правительство», – (здесь и далее перевод Д. К.) [10].

24 августа один из политических руководителей австрийских украинцев К. А. Левицкий прибыл в Берлин, где на следующий день встретился с заместителем государственного секретаря МИД Германской империи А. Циммерманом и полковником К. Брозе из секции IIIb² Генерального штаба. В ходе встречи Левицкий ответил на ряд вопросов, возникших у правительства Германии, относительно политической ориентации украинцев, отношения их к Австрии и положения украинцев в России.

«В конце [встречи] поставлен передо мной еще вопрос, что нам нужно во время войны для расширения нашей пропаганды и чего Австрия нам не дает. В этом предмете преподнес я требования, чтобы не ставили нам препон в формировании украинского легиона; чтобы наш легион был соответствующе вооружен и принят на государственное обеспечение с оговоркой указанной политической задачи; чтобы было издано воззвание к населению и прекращено преследование Украинцев на основании безосновательных доносов про "русскую измену", и чтобы дали возможность нам для ведения свободной пропаганды военной без препон со стороны Поляков, для взаимопонимания с украинскими организациями на большой Украине» [7, с. 29].

В новых условиях для реализации амбициозного плана Германии по установлению своей гегемонии в Европе требовалось более масштабное взаимодействие с национальными движениями и нейтральными государствами. Существующие правительственные структуры Германской империи, в частности отделы разведки Имперского морского министерства (*Reichsmarineamtes*) и Генерального штаба (*Generalstab*), не могли взять на себя выполнение данных задач, так как их деятельность была направлена на контрразведку и сбор информации о потенциальных противниках (Франция, Британская и Российская империи). В связи с этим руководство Имперского морского министерства обратилось к М. Эрцбергеру с предложением о создании специальной организации для ведения пропаганды,

² Секция III b / Отдел III b (нем. *Sektion III b / Abteilung III b*) – служба военной разведки Германской империи

сбора разведывательных данных и установления связей с руководителями национальных и политических движений за рубежом. Результатом сотрудничества Имперского морского министерства и М. Эрцбергера, уже имевшего опыт пропагандистской работы, стало создание в октябре 1914 г. в системе МИД Центрального управления заграничных служб (далее – ЦУЗС) (*Zentralstelle für Auslandsdienst*). Возглавил ведомство опытный дипломат А. фон Шварценштайн. В совещательный комитет Управления вошли М. Эрцбергер и Э. Йекк, в число штатных сотрудников были включены П. Рорбах и А. Шмидт. Основная цель Управления – идеологическое обоснование военно-политических целей Германской империи. Одной из целей являлась ликвидация господства Российской империи над нерусскими народами. Также в сферу ответственности ЦУЗС входили сбор разведывательных данных и формирование положительного образа Германской империи в нейтральных государствах и у отдельных групп населения стран Антанты. Филиалы ЦУЗС располагались в Швейцарии, Дании, Голландии и Швеции [11, с. 11–31].

Однако план Центральным державам по быстрому разгрому Антанты одновременно на двух направлениях не удался. В сентябре 1914 г. состоялась битва на р. Марне, после которой стремительное наступление германской армии на Западном фронте остановилось. На Восточном фронте победой российской армии завершилась Галицийская битва (август–сентябрь 1914 г.) – Австрия потеряла Восточную Галицию и часть Буковины.

В связи с тяжелым положением Австрии и отсутствием перспектив для наступления на Западном фронте в январе 1915 г. Центральными державами было принято решение о перенесении основных военных усилий на Восточный фронт. ЦУЗС было переведено под контроль отдела информации МИД, ведущего непосредственное сотрудничество с Генеральным штабом [9, с. 60–61].

9 января объединенные армии Центральным державам начали наступление в Карпатах. Активные боевые действия на этом направлении продолжались до конца марта 1915 г. – ни одна из сторон не добилась каких-либо значимых стратегических результатов, не считая установления непродолжительного контроля российской армии над австрийской крепостью Перемышль в марте–июне 1915 г.

25 января стартовала Августовская операция в Восточной Пруссии, закончившаяся тактической победой германской армии. Однако нейтрализовать российский Северо-Западный фронт так и не удалось [12, с. 275–280].

Правительство Австрии после ряда неудачных попыток использовать российских украинцев в организации восстания на территории России в начале 1915 г. отказалось от прямой поддержки внешнеполитической деятельности СОУ. Кризис в отношениях российских украинцев и правительства Австро-Венгерской монархии способствовал монополизации Берлином возможности их использования в своих политических целях.

Весной 1915 г. Союз освобождения Украины переместился из Вены в Берлин, где основные усилия его членов были направлены на информационно-идеологическое продвижение украинского вопроса среди германской общественности и российских военнопленных. Поддерживая

национальные движения Российской империи, Германия позиционировала себя как защитника угнетаемых царизмом народов. Параллельно с военной кампанией 1915 г. на Восточном фронте началась публицистическая кампания в германской прессе, основной задачей которой являлось представление украинского движения как союзника Германской империи в борьбе с Россией [13, с. 106–108].

Также украинцы стали потенциальным стратегическим противовесом польскому национальному движению, влияние которого на политическую обстановку в Восточной Европе, в случае успеха Центральным державам в кампании 1915 г. и установления контроля над Царством Польским (т. е. всей территорией разделенной Речи Посполитой), многократно усилилось бы.

В Германской империи на протяжении 1915–1917 гг. поддержку Союзу освобождения Украины оказывали Военное министерство Пруссии, в лице руководителя департамента по делам военнопленных В. фон Любберса и Товарищество внутренней колонизации во главе с Ф. фон Швериним и Э. Койном. В связи с тем, что МИД скептически относился к деятельности СОУ на территории Германской империи и под разными предлогами отказывался от прямого сотрудничества, Ф. фон Шверин и Э. Койн создали «Посредническую организацию во Франкфурте-на-Одере», которая в качестве «чисто германской организации» взяла на себя ответственность за работу Союза в лагерях для военнопленных:

«Лишь благодаря искренней преданности этих людей самой идеи и их благородному доверию к Союзу О. У. получили мы возможность наладить и расширить работу в трех лагерях Германии. Те десятки тысяч наших пленных, которые в украинских лагерях сохранили здоровое тело, а в нем и здоровую душу, оправились духовно и не подозревали, что без доброй воли тех немецких патриотов, они могли бы из немецкого плена вынести лишь воспоминание о бессмысленной "игре в очко" и т. п.»

Вместе с разрешением на работу в Германии через «Посредническую организацию во Франкфурте-на-Одере» осуществлялась и финансовая поддержка Союза со стороны МИД:

«При этом эти люди приняли, как само собой разумеющиеся, мое [А. Ф. Скоропись-Иолтуховский – Д. К.] сообщение, что Союз О. У., как только восстанет независимое Украинское Государство, приложит усилия, чтобы те расходы на культурно-просветительскую работу среди украинских пленных, были возвращены Германии, как украинский государственный долг» [14, с. 214–217].

В 1914–1916 гг. украино-германское сотрудничество развивалось в трех сферах – издательской деятельности, работе с военнопленными и населением на оккупированной территории. При этом официальные органы власти Германии, помня о неудачах своих австрийских коллег, избегали прямого сотрудничества с украинцами и не давали каких-либо четких обещаний относительно создания украинского государства.

В 1914–1916 гг. одним из главных «рупоров» украинского движения в Германской империи являлся Д. И. Донцов.

В августе 1914 г. Донцов, совместно с другими украинцами-эмигрантами из Российской империи принял участие в создании Союза освобождения Украины. Однако уже в октябре ушел из Союза и начал сотрудничество с Главным украинским советом, по заданию которого переехал в Берлин, где наладил контакты с германцами, интересующимися Украиной. Руководство ГУС рекомендовало правительству Германской империи Д. И. Донцова как надёжного человека, с которым можно сотрудничать. В Берлине Донцов возглавлял Украинскую информационную службу, которая издавала еженедельный журнал «Украинская переписка» («*Ukrainische Korrespondenz*») на немецком языке.

Союз освобождения Украины также имел своего представителя в Германии – Е. И. Левицкого (однофамилец К. А. Левицкого), который в январе 1915 г. организовал в Берлине издание еженедельного информационного листка «Украинские записки» («*Ukrainische Nachrichten*») для германских газет и распространения среди российских военнопленных [13, с. 107–108].

Работа эмиссаров СОУ и ГУС в лагерях для военнопленных была направлена на внушение российским военным служащим, уроженцам Юго-Западных губерний Российской империи, украинской национальной идеи. Военнопленные, успешно прошедшие краткий курс языка и истории в украинских школах при лагерях, в дальнейшем привлекались к деятельности украинского движения [15, с. 108–127].

По мере продвижения армий Центральных держав на Восточном фронте из военнопленных-украинцев формировались группы для пропагандистской и шпионской работы на оккупированной территории. Группы состояли из 20–30 чел. во главе с представителем одной из организаций украинского движения (СОУ, ГУС³ или УСС⁴), который, в свою очередь, отчитывался перед австрийским или германским военным командованием (в зависимости от того, в зону ответственности армии какой страны направлялась группа) о проделанной работе [13, с. 136–144]. Однако особых успехов это направление сотрудничества не принесло:

«10.II.1916

«...» Патриоты ликуют, что т. н. волынская экспедиция – это большой успех [*успех – Д. К.*] национальный. Тем временем они не понимают, что достигли собственно большого зера [*ноль – Д. К.*]. «...» На Волыни есть только поляки, жидаи и die Russen [*русские – Д. К.*]. Он [*представитель Верховного командования армии – Д. К.*] до сих пор не встретил ни одного украинца.

«...» Чтобы кто-то назвал себя даже не украинцем, хотя бы хохлом, то была бы новость, которая до этого еще не попадалась. Неудивительно, что и А. К. [*командование армии – Д. К.*] убеждено, что тут никаких украинцев нет. Так Луцк, как и Ковель имеют снаружи характер немецкий. Все вывески – по распоряжению власти – немецкие, кое-где польские, украинских ни следа. «...» В каждом ресторане (с надписью „nur für Herren Offiziere“ [*только для Господ Офицеров – Д. К.*]) жидаи боялись прямо говорить с нами по-украински

³ В мае 1915 г. преобразован в Общий украинский совет (далее – ОУС).

⁴ Украинские сечевые стрелки (далее – УСС) – военизированные формирования украинцев в Австрии.

и смотрели на нас как на сумасшедших. «...» Может быть, что я представил тут все слишком черно. Признаюсь, что все это только поверхностный образ, как Безгрешный говорит: момент. Может быть, что через какое-то время оно будет выглядеть по-другому. Может.» – писал сотник УСС Д. Д. Витовский в письме своему сослуживцу [15, с. 7–8].

По итогам боевых действий весны-лета 1915 г. Центральные державы вернули контроль над большей частью Галиции, а также, ликвидировав в результате Горлицкого прорыва Варшавский выступ, оккупировали часть территорий непосредственно Российской империи, а именно Царства Польского.

Осенью 1915 г. ЦУЗС выдвигает теорию «Окраинных государств» (*Randstaaten*), которая решала бы польский, украинский и прибалтийский вопросы за счет наделения национальных окраин Российской империи собственной государственностью. Основным вдохновителем данной концепции являлся П. Рорбах [16, с. 43–80]. Еще одной концепцией, также предлагавшей решение украинского вопроса, являлась уже упомянутая идея «Срединной Европы».

Однако как умеренные, так и радикальные сторонники «Срединной Европы» не оказывали на принимаемые германским правительством решения такого влияния, как им хотелось.

Реальная политика Берлина в отношении украинского вопроса формировалась под влиянием нескольких групп общественно-политических деятелей:

- Всегерманского союза, выступавшего за аннексию Украины в качестве источника экономической мощи Германской империи;
- группы сторонников концепции «Окраинных государств» во главе с П. Рорбахом, считавшей, что Украина и другие национальные государства от Балтийского до Черного морей могут стать щитом от экспансии России на Запад;
- группы историков во главе с О. Гетшем, выступавшей против экспансионистской политики и продвигающей мнение О. фон Бисмарка о непобедимости России военным способом.

Император Вильгельм II и военное руководство (П. фон Гинденбург и Э. Людендорф) являлись сторонниками идей Всегерманского союза и группы О. Гетша, а МИД и имперский канцлер Т. фон Бетман-Гольвег – концепции группы П. Рорбаха.

В конечном счете разработки германских интеллектуалов (теория «Окраинных государств», идея «Срединной Европы») оставались лишь идейной основой, на которой базировалась внешняя политика Германской империи в годы Первой мировой войны, практические решения принимались исходя из реальной обстановки на театрах военных действий.

В начале апреля 1916 г. канцлер Германской империи Т. фон Бетман-Гольвег во время своего выступления в Государственном собрании (*Reichstag*) сообщил, что в связи с последними событиями на фронтах польский вопрос снова стал актуальным.

4–5 апреля состоялась визит министра иностранных дел Австро-Венгрии И. фон Буриана в Берлин, в ходе которого

он узнал о плане Германии создать на территории российской Польши марионеточное государство. Такая позиция Германии стала полной неожиданностью для Вены, надеявшейся получить согласие союзника на присоединение Царства Польского к Австрии [17, с. 80].

4 июня – 20 сентября 1916 г. произошла наиболее успешная наступательная операция Российской империи за всю войну – Брусиловский прорыв. Российская армия снова заняла Галицию и Буковину и вышла к карпатским перевалам. Центральные державы вынуждены были приостановить начавшееся в Италии наступление и начать переброску войск с других фронтов на восток – основная задача России в данной операции, помощь союзникам была выполнена, однако развить успех не удалось [12, с. 288–297].

27 августа 1916 г. воодушевленная успехом Брусиловского прорыва в войну на стороне Антанты вступила Румыния, однако была оперативно нейтрализована объединенной группой армий Центральных держав при поддержке болгар. 6 декабря 1916 г. пал Бухарест [18, с. 493–496]. Несмотря на явный успех румынской кампании Центральные державы столкнулись с проблемой увеличения линии Восточного фронта, что вело к еще большему дроблению их армий.

Военные действия второй половины 1916 г. на Восточном фронте усугубили и так непростое положение Центральных держав, заставив их перейти от наступления к обороне. В связи с прекращением активных боевых действий на Восточном фронте, а также усилением позиций польского национального движения сотрудничество с украинцами пошло на спад.

Сложившаяся ситуация на фронтах требовала принятия кардинальных решений, которые укрепили бы положение Центральных держав там, где это еще было возможно, поэтому 5 ноября 1916 г. совместным манифестом германского и австрийского императоров была восстановлена польская государственность на территории Российской империи. Несмотря на марионеточный характер и отсутствие четких границ у вновь образованного Королевства Польского факт его создания показал реальное отношение Центральных держав к украинскому вопросу, основанное на соображениях прагматизма. Восстанавливая формальную польскую государственность, Германия рассчитывала на проведение мобилизации польского населения на контролируемой территории Царства Польского для укрепления Восточного фронта. Аналогичный план нельзя было реализовать на территориях, считающихся украинскими, так как они полностью, включая и те земли, которые до войны принадлежали Австрии (Буковина и Восточная Галиция), в 1916 г. находились под властью Российской империи.

Германская империя перед началом Первой мировой войны не имела четкого плана и средств для эффективного использования национальных движений Восточной Европы в своих интересах. В первые месяцы войны появляются планы по переустройству Европы «по-германски», однако и они не содержат четкого механизма взаимодействия с национальными движениями в Российской империи. Лишь в 1915 г. была разработана теория «Окраинных государств», предлагающая создать из национальных окраин Российской империи ряд государств-сателлитов, которые станут своеобразным щитом Германии на востоке.

Однако реальное развитие событий войны не дало Германии реализовать свои замыслы в том виде, в котором они задумывались изначально.

В конце 1916 г. под влиянием ситуации на фронтах Германия и Австрия в вопросе поддержки требования украинского и польского национальных движений обрести свою государственность делают выбор в пользу поляков, по причине наличия контроля над польскими землями.

Таким образом, на первом этапе Великой войны (1914–1916) ставка украинского национального движения на Центральные державы не оправдалась. До революционных событий 1917 г. в России украинцы исчезают из внешнеполитических планов Германской империи.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Rumpler, H. Der „Zweibund“ 1879. Das deutsch-österreichisch-ungarische Bündnis und die europäische Diplomatie / H. Rumpler. – Wien, 1996. – 453 s.
2. Schöllgen, G. Imperialismus und Gleichgewicht. Deutschland, England und die orientalische Frage. 1871–1914 / G. Schöllgen. – München: R Oldenbourg Verlag, 2000. – 501 s.
3. Хальгартен, Г. Империализм до 1914 г. Социологическое исследование германской внешней политики до Первой мировой войны / Г. Хальгартен. – Москва, 1961. – 701 с.
4. Науман, Ф. Срединная Европа (Mitteleuropa) / Ф. Науман. – Петроград : «Огни», 1918. – 149 с.
5. Bundesarchiv (далее BAArch). R 8048/560.
6. Fischer, F. Germany's Aims in the First World War / F. Fischer. – New York: W. W. Norton & Company Inc., 1967. – 652 p.
7. Левицкий, К. А. Історія визвольних змагань галицьких українців: з часу Світової війни 1914–1918 / К. А. Левицкий. – Львів : Друкарня ОО. Василян у Жовкві, 1928. – 499 с.
8. Politische Archiv des Auswärtigen Amtes (далее PAAA). RZ 201/8959. Bl. 46–87.
9. Головченко, В. І., Солдатенко, В. Ф. Українське питання в роки Першої світової війни / В. І. Головченко, В. Ф. Солдатенко. – Київ : Парламентське видавництво, 2009. – 448 с.
10. PAAA. RZ 201/20950. Bl. 7–8.
11. Эрцбергер, М. Германия и Антанта. Воспоминания германского министра финансов / М. Эрцбергер. – Москва : Государственное издательство, 1923. – 357 с.
12. Первая мировая война 1914–1918 годов: в 6 т. – Т. 2: Происхождение и основные события войны. – Москва : Кучково поле, 2014. – 916 с.
13. Golczewski, F. Deutsche und Ukrainer 1914–1939 / F. Golczewski. – München, 2010. – 1083 s.
14. Скоропис-Иолтуховський, О. Мої «злочини» / О. Скоропис-Иолтуховський // Хліборобська Україна. – 1920–1921. – № 2–4. – С. 191–237.
15. Літопис Червоної Калини. – Львів, 1937. – Ч. 2. – 24 с.
16. Rohrbach, P. Weltpolitisches Wanderbuch 1897–1915 / P. Rohrbach. – Leipzig: Langewiesche, 1916. – 305 s.

17. Польша в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. – Москва : Индрик, 2012. – 952 с.
18. История Румынии / под ред. В. Н. Ковалева. – Москва : Весь мир, 2005. – 677 с.
8. Politische Archiv des Auswärtigen Amts (PAAA). RZ 201/8959. Bl. 46-87.
9. Golovchenko, V. Ukrainske pitanie v roki Pershoi svitovoi voyny [Ukrainian food during the First World War] / V. Golovchenko, V. F. Soldatenko. – Kiev: Parliamentary Publishing House; 2009. – 448 p.

References

1. Rumpler, H. Der „Zweibund“ 1879. Das deutsch-österreichisch-ungarische Bündnis und die europäische Diplomatie / H. Rumpler. – Wien; 1996. – 453 p.
2. Schöllgen, G. Imperialismus und Gleichgewicht. Deutschland, England und die orientalische Frage. 1871-1914 / G. Schöllgen. – München: R Oldenbourg Verlag; 2000. – 501 p.
3. Hallgarten, G. Imperializm do 1914 g. Sociologicheskoe issledovanie germanskoi vneshnei politiki do Pervoi mirovoi voyny [Imperialism before 1914. A sociological study of German foreign policy before the First World War] / G. Hallgarten. – Moscow; 1961. – 701 p.
4. Naumann, F. Sredinnaya Evropa (Mitteleuropa) [Central Europe (Mitteleuropa)] / F. Naumann // Petrograd: «Ogni»; 1918. – 149 p.
5. Bundesarchiv (BArch). R 8048/560.
6. Fischer, F. Germany's Aims in the First World War / F. Fischer. – New York: W. W. Norton&Company Inc.; 1967. – 652 p.
7. Levitsky, K. A. Istoriya osvoboditelnoi bor'by galitskih ukraintsev: so vremeni Mirovoi voyny 1914-1918 [History of free liberation of Galician Ukrainians: from the time of the World War 1914-1918] / K. A. Levitsky. – Lvov: Vasiliyan Ptinting House in Zhovkva, 1928. – 499 p.
10. PAAA. RZ 201/20950. Vol. 7-8.
11. Erzberger, M. Germaniya i Antanta. Vospominaniya germanskogo ministra finansov [Germany and the Entente. Memories of the German Minister of Finance] / M. Erzberger. – Moscow: State Publishing House; 1923. – 357 p.
12. Pervaya mirovaya voyna 1914-1918 godov: v 6 t. T. 2: Proishozhdenie i osnovnie sobitiya voyny [The First World War of 1914-1918: in 6 volumes. Vol. 2: The Origin and Main Events of the War]. – Moscow: Kuchkovo Pole; 2014. – 916 p.
13. Golczewski, F. Deutsche und Ukrainer 1914-1939 / F. Golczewski. – Munich, 2010. – 1083 p.
14. Skoropis-Yoltukhovsky, O. Moi "zlochiny". Khlaborobska Ukraina. 1920-1921 [My "evils.". Grain-growing Ukraine. 1920-1921] / O. Skoropis-Yoltukhovsky. – No.. 2-4. – P. 191-237.
15. Letopis' Chervonoj Kalini [Chronicle of the red viburnum]. – Lvov, 1937. – Part 2. – 24 p.
16. Rohrbach, P. Weltpolitisches Wanderbuch 1897-1915 / P. Rohrbach. – Leipzig: Langewiesche; 1916. – 305 p.
17. Pol'sha v XX veke: ocherki politicheskoi istorii [Poland in the XX century: essays of political history] / отв. ред. А.Ф. Носкова – Moscow: Indrik, 2012. – 952 p.
18. Istoriya Rumynii [History of Romania] / Ed. V. N. Kovaleva. – Moscow: Ves' mir, 2005. – 677 p.

Информация об авторе:

Коновалов Денис Александрович – аспирант кафедры истории России Белорусского государственного университета (220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр-кт Независимости, д. 4; e-mail: d.k.official.mail.box@gmail.com).

Author:

Denis A. Kononov – postgraduate student of the Department of Russian History of the Belarusian State University (4, Neza-visimosti ave., Minsk 220030, Republic of Belarus; e-mail: d.k.official.mail.box@gmail.com).

Для цитирования:

Коновалов, Д. А. Украина в германских планах передела Европы в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) / Д. А. Коновалов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 6 (72). – С. 37–43.

For citation:

Kononov, D. A. Ukraine in German plans for the redistribution of Europe during the First World War (1914-1916) / D. A. Kononov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2024. – No. 6 (72). – P. 37-43.

Дата поступления статьи: 19.07.2024

Прошла рецензирование: 23.09.2024

Принято решение о публикации: 27.09.2024

Received: 19.07.2024

Reviewed: 23.09.2024

Accepted: 27.09.2024

Языковое законодательство в межвоенной Польше как элемент национальной политики: историография проблемы

А. Н. Загидулин

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь
grsu054708@grsu.by

Аннотация

Статья посвящена языковой политике Польши как элементу национальной политики. Автор рассматривает международные договоры по защите национальных меньшинств, конституцию Польши 1921 г. и принятые 31 июля 1924 г. законы «О государственном языке и рабочем языке в государственных учреждениях и учреждениях самоуправления», «О языке и организации школьной работы для национальных меньшинств», «О языке в судах, прокуратуре и нотариальных учреждениях».

Во Второй Польской республике треть населения составляли национальные меньшинства, для соблюдения прав которых польским сеймом были приняты данные законы. Законы предусматривали ограниченное использование польскими госслужащими в своей деятельности языков национальных меньшинств – литовского, белорусского и украинского. В силу своей непоследовательности и половинчатости законы фактически не выполнялись и вызывали недовольство как среди представителей национальных организаций, так и у большинства политических кругов Польши. Среди историков и в публицистике законы «О языке...» также порождали дискуссию. Большинство исследователей считает, что польское языковое законодательство ставило своей целью не улучшить реально положение национальных меньшинств, а лишь имитировать их защиту, чтобы сформировать позитивный образ «демократической» Польши на международной арене.

Ключевые слова:

Вторая Польская республика, законы «О языке...» от 31 июля 1924 г., национальная политика польских властей в Западной Беларуси (1921–1939), белорусская историография, польская историография

Польская республика восстановила свою независимость по итогам Первой мировой войны в 1918 г. В результате польско-советской войны 1919–1920 гг. по Рижскому мирному договору в состав Польши вошли Западная Беларусь и Западная Украина. После 1921 г. около трети населения Польши представляли национальные меньшинства, большинство из которых составляли украинцы, евреи

Language legislation in interwar Poland as an element of national policy: historiography of the problem

A. N. Zagidulin

Yanka Kupala Grodno State University,
Grodno, Republic of Belarus
grsu054708@grsu.by

Abstract

The paper deals with the language policy of Poland as an element of national policy. The international treaties on the protection of national minorities, the Constitution of Poland of 1921 and the laws adopted on July 31, 1924 "On the State language and working language in State institutions and self-government institutions", "On language and organization of school work for national minorities", "On language in courts, prosecutor's office and notary institutions" are considered.

In the Second Polish Republic, one third of the population consisted of national minorities, for whose rights the Polish Sejm adopted these laws. The laws provided for the limited use of the languages of national minorities – Lithuanian, Belarusian and Ukrainian. In certain cases, Polish civil servants were required to use the languages of national minorities in their activities. Due to their inconsistency and half-heartedness, the laws were not actually implemented and caused discontent both among representatives of national organizations and among the majority of Polish political circles. Among historians and in journalism, the laws "On Language..." also caused a discussion. Most researchers believe that the Polish language legislation did not aim to actually improve the situation of national minorities, but only to imitate their protection in order to form a positive image of a "democratic" Poland in the international arena.

Keywords:

the Second Polish Republic, the laws "On languages..." of July 31, 1924, national policy of the Polish authorities in Western Belarus (1921–1939), Belarusian historiography, Polish historiography

и белорусы. Важным условием для полноценного развития государства и общества в данной ситуации является необходимость проведения взвешенной национальной политики. Основой государственной политики является политика в области государственного языка и сферы использования языков национальных меньшинств. В данном исследовании будут рассмотрены языковая политика межвоенной

Польши на примере белорусов и оценка ее в советской, белорусской и польской историографии.

Правовой статус белорусов в польском государстве определялся рядом международных соглашений. В первую очередь, это был трактат о национальных и религиозных меньшинствах, так называемый Малый Версальский договор, подписанный Польшей 28 июня 1919 г. Данный договор считался одним целым с мирным Версальским договором, заключенным по итогам Первой мировой войны, и был обязателен для всех государств, подписавших Версальский мир. Данный трактат гарантировал всем гражданам Польской Республики, независимо от расы, языка, вероисповедания, равенство перед законом и возможность пользоваться гражданскими и политическими правами. Аналогичные соглашения с державами-победителями (Англией и Францией) подписали Чехословакия, Греция, Югославия, Румыния, а позже Албания, Эстония, Литва и Латвия. Трактатом предусматривалось, что со стороны государства не будет создаваться никаких ограничений в организации религиозной практики любого исповедания, в применении не польского языка в частных, торговых и религиозных отношениях, в прессе, судах и общественных акциях, в работе просветительских, благотворительных и религиозных организаций. Польское правительство должно было обеспечить гражданам с непольским родным языком, которые составляли значительную группу населения данного города или района, начальное обучение их детей на родном языке. Также в таких регионах правительство должно было обеспечить меньшинствам выделение финансовых средств из государственного и местного бюджетов на воспитательные, религиозные и благотворительные цели [1, с. 173].

Гарантом выполнения принципиальных постановлений трактата была Лига Наций. Согласно договору, все недоразумения между Польшей и другим государством относительно прав меньшинств считались спорами международного характера и подлежали компетенции Международного Трибунала справедливости [там же, с. 193–194]. Обязательства, возложенные на Польшу трактатом, могли быть изменены только с согласия большинства Совета Лиги Наций. Согласно статье 12 трактата, обратить внимание Совета на нарушение или угрозу нарушения какого-либо из обязательств имел право только член Совета. В этом случае Совет мог действовать только после подтверждения факта нарушения или его угрозы [там же, с. 195]. Как видим, не был создан механизм, по которому национальные меньшинства сами могли бы обращаться в Совет Лиги Наций. Упомянутое соглашение также имело ряд неточностей. Ограничением прав национальных меньшинств было отсутствие в тексте договора самого термина «национальное меньшинство», а только использование понятий «расовые, языковые и религиозные меньшинства», для них не предусматривалось никакой автономии. Не было конкретизировано, насколько «значительной» должна быть компактно проживающая группа представителей языковых меньшинств, чтобы она могла претендовать на школу на своем языке. Неясность некоторых формулиро-

вок договора создавала условия для неоднозначной интерпретации положений трактата.

В статье 1 Малого Версальского трактата Польша давала гарантию, что ни один закон, ни одно распоряжение или действие государственной администрации не будет расходиться с положениями трактата. Эти положения были отражены, в основном, в конституции 17 марта 1921 г. и продублированы в конституции 1935 г. [2, с. 62].

Права белорусов Республики Польши юридически защищались, хотя довольно размыто и обобщенно, и в Рижском мирном договоре, заключенном 18 марта 1921 г. по итогам советско-польской войны между РСФСР и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой. В статье 7 договора утверждалось, что Польша представляет лицам русской, украинской и белорусской национальностей на основе равноправия национальностей все права, обеспечивающие свободное развитие культуры, языка и выполнение религиозных обрядов. Утверждалось, что русские, украинцы и белорусы имеют право в пределах внутреннего законодательства культивировать свой родной язык, организовывать и поддерживать свои школы, развивать свою культуру и образовывать с этой целью общества и союзы. Однако в договоре ничего не говорилось о том, что Польское государство должно было само создавать школы на языках национальных меньшинств [3, с. 258].

Национальная политика Польши по отношению к белорусам широко освещена как в польской, так и белорусской историографии, причем часто даются почти противоположные оценки [4, 5]. Языковая политика является основной национальной политики. Национальная политика, проводимая польским правительством, была направлена на ассимиляцию украинцев и белорусов. Однако ее реализация оказалась непоследовательной: довольно жесткие меры чередовались с относительно либеральными шагами. Одну из самых либеральных и неоднозначных попыток решения национального вопроса польское правительство предприняло в 1924 г. Несмотря на то, что государственный язык в Польше по Конституции был один – польский – 31 июля 1924 г. польский сейм утвердил Законы «О государственном языке и рабочем языке в государственных учреждениях и учреждениях самоуправления», «О языке и организации школьной работы для национальных меньшинств», «О языке в судах, прокуратуре и нотариальных учреждениях», которые официально предусматривали ограниченное использование языков украинцев, белорусов и литовцев на определенной территории.

Закон «О языке и организации школьной работы для национальных меньшинств» предусматривал создание как белорусскоязычных школ, так и двуязычных белорусско-польских школ – так называемых «утраквистических школ». Закон «О государственном языке и рабочем языке в государственных учреждениях и органах самоуправления» установил, что делопроизводство во всех государственных учреждениях должно вестись на польском языке (статья 1). Однако на территории, определенной как место проживания национальных меньшинств, пред-

ставителям этих меньшинств разрешалось пользоваться родным языком письменно или устно и, кроме того, требовать ответа на нем от административных органов 1-й и 2-й инстанций, городских магистратов, поветовых и воеводских управлений (статья 3). Гмины (органы сельского самоуправления) вообще обязывались отвечать на языке заявления без пожелания просителя. Местный язык разрешалось использовать на заседаниях гминных и городских советов, районных и воеводских сеймов. Протоколы заседаний могли вестись на двух языках, если совет примет такое решение (статья 4) [6, с. 1094]. Как видим, заботы об использовании родного языка были возложены на самих белорусов, украинцев и литовцев. Закон о языке в судах, прокуратуре и нотариальных учреждениях декларировал право физических и юридических лиц использовать родной язык в этих учреждениях. Однако сфера использования языков меньшинств была ограничена до минимума. Предусматривались провокационные ситуации. Пункт 3 статьи 2 гласил, что если одна из сторон представила в суд заявление на родном языке, а противоположная сторона потребовала перевода документа на польский язык, то первая из сторон обязана представить переведенный вариант в течение 14 дней. Предыдущее заявление и все связанные с ним судебные процедуры считались недействительными. Днем подачи считается день подачи перевода [7, с. 1206]. Обязанностью суда было следить, чтобы сторона, не понимающая языка, используемого в суде, не понесла никаких потерь при юридической защите своих прав.

Данные законы вызвали большой резонанс среди современников. Во время обсуждения законов и после их принятия сеймом в польской прессе разгорелась дискуссия. Националистические польские партии посчитали законы слишком прогрессивными, преждевременными, к чему не готовы сами нацменьшинства. Например, анонимный автор статьи, размещенной в газете правого толка «Dziennik Wileński», отказывает в существовании такому народу, как белорусы, он возмущен тем, что правительство «выдумывает новые меньшинства и языки, неизвестные доселе ни этнографам, ни лингвистам» [8]. Представителей белорусов в сейме возмутила юридически определенная зона их компактного расселения в Польском государстве, на которой действовали упомянутые правовые нормы: территория Полесского, Новогрудского, Виленского воеводств, а также Гродненского и Волковыского уездов Белостокского воеводства. Это отметил глава Белорусского депутатского клуба в сейме Б. Тарашкевич в своей речи 9 июля 1924 г. при обсуждении проекта закона о языках. Он указывал, что как минимум четыре уезда с белорусским населением – Бельский, Белостокский, Сокольский и Августовский – не попадают под действие упомянутых законов [9, с. 157–158].

Территория проживания белорусов была определена авторами Законов на основе материалов переписи 1921 г., ставившей целью сократить численность белорусов и максимально увеличить польское население. Поэтому результаты переписи были искажены, что отмечают

даже современные польские исследователи, в частности демограф П. Эберхардт [10, с. 61]. Разные исследователи, в том числе П. Эберхардт, пытаются определить реальную численность и районы проживания белорусов в то время, но сделать это можно лишь путем выдвижения предположений.

Из-за различия критериев законы «О языке...» от 31 июля 1924 г. неоднозначно оцениваются в послевоенной и современной исторической литературе. Данная проблема была затронута польскими авторами в контексте изучения национальной политики правительства Польши. Известный польский историк А. Хойновский в целом характеризует законы положительно, хотя и отмечает, что они не могли полностью удовлетворить требования белорусов, украинцев и литовцев, но способствовали активизации позиций белорусского и украинского населения, поскольку основная забота об использовании предоставленных прав возлагалась на самих заинтересованных лиц. По его мнению, законы существенно отличались по духу от программных установок правящей в тот момент партии национал-демократов, не воспринимавших белорусов и украинцев как отдельные народы, и были для них слишком прогрессивными [11, с. 38].

Польский исследователь Я. Е. Милевский утверждает, что законы могли сделать шаг вперед в решении проблем славянских меньшинств, но в силу своей половинчатости не удовлетворили ни одну из противоборствующих сторон [12, с. 364]. К. Гомулка однозначно называет законы попыткой ассимилировать поляками население Западной Белоруссии [13, с. 112]. В. Мих, характеризующий польские правые партии как националистические за их стремление к «национальному государству», тем не менее отмечает, что законы гарантировали этническим меньшинствам определенные языковые права [14, с. 102]. Автор учебника по истории Польши М. Эккерт утверждает, что местные власти, с презрением относившиеся к представителям этнических меньшинств, легкомысленно восприняли права, предоставленные им законами, и по большей части игнорировали их [15, с. 168]. Белорусский историк в Польше Е. Миронович в своем обобщающем труде «Новейшая история Беларуси» отмечает положительные цели законов, которые были приняты «для разрядки напряженности», но решали вопрос лишь формально [16]. В своей книге «Белорусы в Польше» Е. Миронович по поводу законов отмечает, что намерения ввести белорусский язык в официальный обиход не выходили за рамки дискуссий и проектов [17, с. 36]. Е. Миронович более подробно проанализировал закон, регулирующий школьное образование для этнических меньшинств, и признал, что хотя закон и создавал формальные условия для обучения на белорусском языке, он содержал ряд положений, которые позволяли администрации ограничивать развитие такого школьного образования. В монографии «Белорусы и украинцы в политике лагеря пилсудчиков» Е. Миронович анализирует обстоятельства и цели принятия законов 1924 г. По его мнению, премьер-министр Польши В. Грабский понимал, что одними репрессиями исправить тяжелое положение

1924 г. в восточных воеводствах невозможно. Тогда встал вопрос, как завоевать лояльность белорусов и украинцев, ничем не жертвуя взамен. Задача заключалась в создании таких уступок национальным меньшинствам, которые не ослабляли бы позиции Польши на данных территориях и в то же время повышали бы доверие к государству [18, с. 17–18].

Историк В. Слешиньский в обзорной монографии, посвященной Полесскому воеводству, считал, что законы должны были, по мнению их авторов, «реабилитировать положение в деревне». В. Слешиньский оценивает их как компромиссное решение, которое должно было, с одной стороны, не ослабить польское господствующее положение, а с другой – не склонить непольское население к антагонизму. В. Слешиньский отмечает, что инициатор и один из авторов реформы министр религий и народного образования С. Грабский считал национальное образование важнейшим фактором формирования польского сознания и строительства польского государства. Согласно С. Грабскому, создание и поддержание культурной столицы национальных меньшинств не входило в национальные интересы Польши [19, с. 204–205]. Польский историк и журналист М. Куркевич в своей монографии «Sprawy białoruskie w polityce rządu Władysława Grabskiego» («Белорусские проблемы в политике правительства Владислава Грабского») [20] анализирует деятельность кабинета министров Польши под руководством В. Грабского по решению национального вопроса в отношении белорусов. В книге доказывается, что языковые законы были лишь одной из мер по урегулированию ситуации в регионе. Более того, были и меры, предусматривавшие решение проблем силовым путем, например, создание Пограничного корпуса. Белорусский историк А. Пашкевич в своей рецензии на книгу М. Куркевича критикует ее за односторонность и определенную тенденциозность, характерную для польской историографии белорусского национального меньшинства. Своё отношение к законам рецензент выражает цитатой белорусского священника, члена польского сейма А. Станкевича: «Вообще следует отметить, что эти законы были приняты сеймом не ради интересов нашего народа, но для того, чтобы Польша показала себя миру, Европе, аккуратной по отношению к национальным меньшинствам» [21].

В БССР политика польского правительства в Западной Беларуси оценивалась однозначно отрицательно. Ассимиляция белорусов считается целью всей деятельности правящих кругов Польши. Закон «О языке и организации школьного дела для национальных меньшинств» белорусские советские историки называют демагогическим [22, с. 46], его анализ проведен достаточно подробно. Ценную информацию содержат «Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі» («Очерки истории народного просвещения и педагогической мысли Беларуси»), где закон рассматривается в контексте развития образования и школьного дела в Западной Беларуси и прослеживается степень его реализации на основе архивных материалов. В книге показана противоречивость закона и отмечен его

формальный характер: основные положения были сведены на нет действиями местной администрации и дальнейшими распоряжениями правительства [23, с. 347–349]. Подобный анализ законов проводит современный белорусский исследователь А. Вабишевич, утверждающий, что законы были приняты «под давлением национально-освободительного движения и для умиротворения европейской общественности» [24, с. 19; 25, с. 371]. В советское время хорошо анализировалась социально-экономическая ситуация, в которой принимались и исполнялись законы.

В обзорных работах современных белорусских ученых по истории Беларуси сведения о законах отсутствуют. Судя по всему, авторы не считают это событие достаточно значимым в истории Беларуси межвоенного периода. Яркий пример: «Энциклопедия истории Беларуси», которая также умалчивает об этом факте национальной политики Польши. Статья «Западная Беларусь» этого фундаментального издания характеризует языковую политику в этом регионе упрощенно, одной банальной строкой: «Польские власти проводили политику насильственной полонизации и ассимиляции по отношению к белорусам. Они запретили белорусские школы, ограничили прием из белорусских школ в вузы, не разрешили использование родного языка в государственных учреждениях...» [26, с. 423].

Российские исследователи истории Западной Беларуси в составе Польши и национальной политике польских властей в Западной Беларуси уделяют внимание в контексте рассмотрения советско-польских отношений и рассматриваемую в данной статье языковую политику не анализируют.

В целом, историки не уделяют должного внимания законам «О языке...», несмотря на то, что эти документы были фактически единственными формально-правовыми актами, которые касались национальной политики и регулировали языковые отношения в Западной Беларуси. Предпочтение ученые отдают закону, который регулировал организацию школьного дела. Два других «О государственном языке и рабочем языке в государственных учреждениях и учреждениях самоуправления», «О языке в судах, прокуратуре и нотариальных учреждениях», которые формально ввели двуязычие на определенных территориях, почти не анализируются польскими исследователями, а в белорусской, как советской, так и современной историографии упоминаются очень редко. Результаты этих законодательных актов могут быть подвергнуты сомнению. Представители национальных меньшинств не пользовались даже теми ограниченными правами и возможностями, которые были предусмотрены законами, фактически эти правовые нормы не применялись. Представители польской историографии чаще всего называют законы «компромиссом», которого польская администрация пыталась добиться с национальными меньшинствами, но реализация местными властями свела на нет изначально хорошую идею. Белорусские ученые и общественные деятели, а также некоторые польские историки считают эти законодательные акты фикцией, которая с самого начала не предусматривала решения каких-либо

национальных проблем, а лишь демонстрировала Европе позитивные намерения польских властей в отношении национальных меньшинств. Этот тезис подтверждается политическими убеждениями и цитатами законодателей, которые видели в ассимиляции белорусов и украинцев главную задачу национальной политики и искали к этому наиболее безопасные пути.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Dokumenty z dziejow polskiej polityki zagranicznej 1918 – 1939. 2 t. T. 1, 1918 – 1932 / red. T. Jędruszczak, M. Nowak-Kiełbikowa. – Warszawa : Pax, 1989. – 362 s.
2. Konstytucje i podstawowe akta ustawodawcze Rzeczypospolitej Polskiej 1918 – 1939 / red. A. Gwiżdż. – Warszawa, 1967. – 186 s.
3. Знешняя палітыка Беларусі: Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 1 (1917 – 1922) – Мінск : БелНДІДАС, 1997. – 398 с.
4. Загідулін, А. М. Нацыянальная палітыка Польшчы (1918–1939 гг.) у польскай гістарыяграфіі 1990-х – пачатку 2000-х гадоў / А. М. Загідулін // Журнал БГУ. Історыя. – 2024. – № 1. – С. 63–73.
5. Савіч, А. А. Айчынная гістарыяграфія гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гадоў : манагр. / А. А. Савіч. – Брэст : БрДУ, 2019. – 300 с.
6. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. Rok 1924, II półrocze. Nr. 73, poz. 724.
7. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. Rok 1924, II półrocze. Nr. 78, poz. 757.
8. W sprawie ustaw kresowych // Dziennik Wileński. – № 148, 3 lipca 1924. – S. 2.
9. Тарашкевіч, Б. Выбранае: Крытыка, публіцыстыка, пераклады / уклад. і прадм. А. Ліса – Мінск : Мастацкая літаратура, 1991. – 131 с.
10. Eberhardt, P. Przemiany narodowościowe na Białorusi / P. Eberhardt – Warszawa: Editions Spotkania, 1994. – 181 s.
11. Chojnowski, A. Konceptje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921 – 1939 / A. Chojnowski. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1979. – 262 s.
12. Milewski, J. J. Władze i ugrupowania polityczne polskie wobec kwestii białoruskiej w Polsce w okresie międzywojennym / J. J. Milewski // Z dziejów Europy Środkowo-Wschodniej. – Białystok, 1995. – S. 361–371.
13. Gomółka, K. Polityka rządów polskich wobec mniejszości białoruskiej w latach 1918–1939 / K. Gomółka // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 1995, nr. 2 (4) – S. 106–120.
14. Mich W. Obscy w polskim domu. Nacjonalistyczne koncepcje rozwiązania problemu mniejszości narodowych. – Lublin: Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1994. – 143 s.
15. Eckert, M. Historia Polski 1914 – 1939 / M. Eckert. – Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1990. – 349 s.
16. Мірановіч, Я. Навейшая гісторыя Беларусі / Я. Мірановіч. – Беласток 1999. – 270 с.
17. Мірановіч, Я. Беларусы ў Польшчы (1918–1949) / Я. Мірановіч. – Вільня: Інстытут беларусістыкі. – Беласток : Беларускае гістарычнае таварыства, 2010. – 191 с.
18. Mironowicz, E. Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu pilsudczykowskiego / E. Mironowicz. – Białystok: Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana, 2007. – 294 s.
19. Sleszyński, W. Województwa kresowe II RP: Województwo Poleskie / W. Sleszyński. – Krakow: Awalon, 2014. – 335 s.
20. Kurkiewicz M. Sprawy białoruskie w polityce rządu Władysława Grabskiego / M. Kurkiewicz. – Warszawa: Neriton, 2005. – 131 s.
21. Пашкевіч, А. Цяглінка ў даволі саліднай гістарыяграфіі / А. Пашкевіч // Раўет. Рэжым доступа: – URL: https://pawet.net/library/history/bel_history/paskevich/101/. (дата обращения: 22.08.2023).
22. Заходняя Беларусь пад панскім гнётам і яе вызваленне / Пад рэд. Акад. Н. М. Нікольскага, І. Ф. Лочмеля. – Мн. : Выдавецтва АН БССР, 1940. – 96 с.
23. Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі. – Мн. : Народная асвета, 1968. – 622 с.
24. Вабішчэвіч, А. М. Асвета ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст : БрДУ, 2004. – 116 с.
25. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. – Мн. : Экаперспектыва, 2006. – 613 с.
26. Эцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 3. – Мн. : БелЭн, 1996. – 526 с.

References

1. Dokumenty z dziejow polskiej polityki zagranicznej 1918 – 1939 [Documents from the history of Polish foreign policy 1918 – 1939]. 2 vols. Vol. 1, 1918 – 1932 / Eds. T. Jędruszczak, M. Nowak-Kiełbikowa. – Warszawa: Pax, 1989. – 362 p.
2. Konstytucje i podstawowe akta ustawodawcze Rzeczypospolitej Polskiej 1918 – 1939 [Constitutions and basic legislative acts of the Republic of Poland 1918 – 1939] / Ed. A. Gwiżdż. – Warszawa, 1967. – 186 p.
3. Znesniaia palityka Belarusi: Zbornik dokumentau i materyialau [Foreign policy of Belarus: Collection of documents and materials]. Vol. 1 (1917 – 1922). – Minsk, 1997. – 398 p.
4. Zagidulin, A. M. Natsyianal'naiia palityka Pol'shchy (1918–1939) u pol'skai gistoryiagrafii 1990-kh – pachatku 2000-kh gadou [National policy of Poland (1918–1939) in Polish historiography of the 1990s and early 2000s] / A. M. Zagidulin // J. of Belarusian State Univ. History] – 2024. – № 1. – P. 63–73;
5. Savich, A. A. Aichynnaia gistoryiagrafiia gistoryi Zakhodniai Belarusi 1921–1939 gadou [Domestic historiography of the history of Western Belarus 1921–1939] / A. A. Savich. – Brest, Brest State Univ., 2019. – 300 p.
6. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej [Journal of Laws of the Republic of Poland]. –1924. No. 73, item 724.
7. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej [Journal of Laws of the Republic of Poland]. –1924. No. 78, item 757.

8. W sprawie ustaw kresowych [Regarding borderland laws] // Dziennik Wileński [Vilnius J.]. – № 148, 03.06.1924. – P. 2.
9. Tarashkevich, B. Vybranae: Krytyka, publitsystyka, peraklady [Selected: Criticism, journalism, translations] / B. Tarashkevich. – Minsk: Art literature, 1991. – 131 p.
10. Eberhardt, P. Przemiany narodowościowe na Białorusi [National changes in Belarus] / P. Eberhardt. – Warsaw: Editions Spotkania, 1994. – 181 p.
11. Chojnowski, A. Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921 – 1939 [Concepts of nationality policy of Polish governments in the years 1921–1939] / A. Chojnowski. – Wrocław: Ossoliński National Institute, 1979. – 262 p.
12. Milewski, J. J. Władze i ugrupowania polityczne polskie wobec kwestii białoruskiej w Polsce w okresie międzywojennym [Polish authorities and political groups towards the Belarusian issue in Poland in the interwar period] / J. J. Milewski // Z dziejów Europy Środkowo-Wschodniej [From the history of Central and Eastern Europe]. – Białystok, 1995. – P. 361–371.
13. Gomółka, K. Polityka rządów polskich wobec mniejszości białoruskiej w latach 1918–1939 [The policy of the Polish governments towards the Belarusian minority in 1918–1939] / K. Gomółka // Białoruskie Zeszyty Historyczne [Belarusian Historical Notebooks]. – 1995, No. 2 (4). – P. 106–120.
14. Mich, W. Obcy w polskim domu. Nacjonalistyczne koncepcje rozwiązania problemu mniejszości narodowych [A stranger in a Polish home. Nationalist concepts of solving the problem of national minorities] / W. Mich. – Lublin: Maria Curie-Skłodowska Univ., 1994. – 143 p.
15. Eckert, M. Historia Polski 1914 – 1939 [History of Poland 1914 – 1939] / M. Eckert. – Warsaw: School and Pedagogical Publishing Houses, 1990. – 349 p.
16. Miranovich, E. Naveishaia gistoryia Belarusi [Modern history of Belarus] / E. Miranovich. – Belastok 1999. – 270 p.
17. Miranovich, E. Belarusy u Pol'shchy (1918–1949) [Belarusians in Poland (1918–1949)] / E. Miranovich. – Vil'nia: Inst. Belarusistiki. – Belastok: Belarusian traditional cuisine, 2010. – 191 p.
18. Mironowicz, E. Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu pilsudczykowskiego [Belarusians and Ukrainians in the politics of the Pilsudski Camp] / E. Mironowicz. – Belastok: Trans Humana University Publishing House, 2007. – 294 p.
19. Sleszyński, W. Województwa kresowe II RP: Województwo Poleskie [Borderland voivodeships of the Second Polish Republic: Polesie Voivodeship] / W. Sleszyński. – Kraków: Awalon, 2014. – 335 p.
20. Kurkiewicz, M. Sprawy białoruskie w polityce rządu Władysława Grabskiego [Belarusian affairs in the policy of Władysław Grabski's government] / M. Kurkiewicz. – Warsaw: Neriton, 2005. – 131 p.
21. Pashkevich, A. Tsaglinka u davoli salidnai gistoryiagrafii [A cycle in favor of good graphics history] / A. Pashkevich // Pawet. URL: https://pawet.net/library/history/bel_history/paskevich/101/ (accessed: 22.08.2023).
22. Zakhodniaia Belarus' pad panskim gnetam i iae vyzvalenne [Western Belarus under feudal oppression and its liberation] / Eds. N.M.Nikolsky, I.F.Lochemel. – Minsk: Academy of Sciences BSSR, 1940. – 96 p.
23. Narysy gistoryi narodnai asvety i pedagogichnai dumki u Belarusi [Essays on the history of public education and pedagogical thought in Belarus]. – Minsk: Public education, 1968. – 622 p.
24. Vabishchevich, A. M. Asveta u Zakhodniai Belarusi (1921–1939) [Enlightenment in Western Belarus (1921–1939)] / A. M. Vabishchevich. – Brest: Brest State Univ., 2004. – 116 p.
25. Gistoryia Belarusi [History of Belarus]: In 6 vols. Vol 5. Belarus in 1917–1945 / Ed. M. Kastsyuk. – Minsk: Ekaperspektyva, 2006. – 613 p.
26. Entsylapedyia gistoryi Belarusi [Encyclopedia of the history of Belarus]. Vol. 3. – Minsk: 1996. – 526 p.

Благодарность (госзадание):

Данное исследование выполнено в рамках проекта БРФФИ Г23ИП–036 «Общественно–политическое развитие Западной Беларуси в составе Польши (1921–1939 гг.) в зарубежной историографии».

Acknowledgements (state task)

This study was carried out within the framework of the BRFFI G23IP–036 project «Socio–political development of Western Belarus as part of Poland (1921–1939) in foreign historiography».

Информация об авторе:

Загидулин Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, ORCID ID 0000–0002–6480–6412 (230023, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, д. 22; e-mail: grsu054708@grsu.by).

Author:

Aleksei N. Zagidulin – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Dept. of History of Belarus, Archaeology and Special Historical Disciplines of Yanka Kupala Grodno State University, ORCID ID 0000-0002-6480-6412 (22, Ozheshko st., Grodno 230023, Republic of Belarus, e-mail grsu054708@grsu.by)

Для цитирования:

Загидулин, А. Н. Языковое законодательство в межвоенной Польше как элемент национальной политики: историография проблемы / А. Н. Загидулин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 6 (72). – С. 44–50.

For citation:

Zagidulin, A. N. Language legislation in interwar Poland as an element of national policy: historiography of the problem / A. N. Zagidulin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». 2024. – No. 6 (72). – P. 44–50.

Дата поступления статьи: 19.07.2024

Прошла рецензирование: 23.09.2024

Принято решение о публикации: 27.09.2024

Received: 19.07.2024

Reviewed: 23.09.2024

Accepted: 27.09.2024

Деятельность Г. С. Лыткина в оценках советских исследователей и литературных критиков 1920–1930-х годов

И. Л. Жеребцов

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Аннотация

Статья посвящена тому, как в 1920–1930-х гг. советские исследователи и литературные критики оценивали научную, литературную и просветительскую деятельность видного коми ученого, писателя, педагога Георгия Степановича Лыткина, почему менялись эти оценки и насколько объективны они были.

Ключевые слова:

Георгий Степанович Лыткин, историография, коми литература, наука, просветительство, национал-шовинизм, буржуазная идеология, социалистическая культура

В XIX в. в культурном развитии Коми края произошли большие изменения. В регион приезжало все больше российских и зарубежных ученых, а под влиянием их все чаще к участию в исследовательской работе стали подключаться местные жители. Большое значение для формирования потенциального круга местных исследователей, краеведов-гуманитариев сыграло создание в 1845 г. в Санкт-Петербурге Императорского русского географического общества, вокруг которого стали объединяться местные краеведы. Политическая ссылка также оказала определенное влияние на исследовательскую работу в Коми крае. Еще одним важным фактором, способствовавшим развитию краеведческих исследований в Коми крае, стало развитие периодической печати, появление региональных печатных изданий, где стали публиковаться краеведческие заметки.

Первые авторы из числа жителей Коми края являлись не профессиональными учеными, а энтузиастами, любителями, от случая к случаю занимавшимися изучением (а чаще – описанием) тех или иных сторон жизни коми. Но их работа создавала общую атмосферу интереса к этой проблематике среди, в первую очередь, более состоятельных и образованных слоев населения. И в конечном итоге в такой атмосфере не могли не появиться те, кто не просто сделал науку своей специальностью, но и добился в ней больших успехов. И первым в этом ряду стоит уроженец Усть-Сысольска, ученый, просветитель, поэт Георгий Степанович Лыткин (1835–1907). Его биография достаточ-

The activity of G. S. Lytkin in the assessments of Soviet researchers and literary critics of the 1920s – 1930s

I. L. Zherebtsov

Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Abstract

The paper describes how in the 1920s – 1930s Soviet researchers and literary critics evaluated the scientific, literary and educational activities of the prominent Komi scientist, writer, teacher Georgy Stepanovich Lytkin, why these assessments changed and how objective they were.

Keywords:

Georgy Stepanovich Lytkin, historiography, Komi literature, science, enlightenment, national chauvinism, bourgeois ideology, socialist culture

но хорошо известна [1, с. 75–84; 2–8 и др.]. Он обучался на историко-филологическом и восточном факультетах Санкт-Петербургского университета, после его окончания до конца жизни жил в Санкт-Петербурге, работал в университете, затем преподавал в гимназиях.

Г. С. Лыткин первым из коми получил большую известность как исследователь, литератор, крупнейший коми просветитель XIX в. Он занимался монголистикой и калмыковедением, в 1858–1861 гг. осуществил экспедиции в Калмыкию, обнаружил и сделал достоянием науки старинные калмыцкие хроники. В середине 1860-х гг. ученый оставил востоковедение и стал изучать коми язык и историю: исследовал грамматику коми языка, составлял словари, искал исторические документы в петербургских и московских архивах. Издание в 1889 г. книги Г. С. Лыткина «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык» стало важным шагом в развитии научных исследований в Коми крае. Этот труд вызвал у современников большой интерес и принес автору заслуженную научную славу как специалисту в области коми языка.

Г. С. Лыткин наряду с И. А. Куратовым первым стал переводить на коми язык не только религиозную («Божественная литургия», «Деяния святых апостолов», «Псалтырь», евангелия), но и художественную литературу – в частности, стихотворения А. С. Пушкина; один из переводов включен в изданный в 1899 г. в Санкт-Петербурге сборник «Многоязычный Пушкин». Особую роль сыграли переводы Г. С. Лыткиным русских сказок для детей из

знаменитой книги «Родное слово» – одного из первых российских общедоступных учебных пособий для начальной школы. Сказки в переводе Г. С. Лыткина уже в XX в. многие годы включались в школьные хрестоматии и учебники для коми школ.

Г. С. Лыткин пользовался большим авторитетом у начинающих коми писателей и исследователей, которые обращались к нему за советами: переписывались, приезжали к нему в Петербург и неизменно получали поддержку и помощь. Г. С. Лыткин являлся духовным лидером коми творческой интеллигенции конца XIX–начала XX в., также он внес огромный вклад в становление коми литературы, развитие культуры, науки и образования. Его публикации, несомненно, стимулировали литературную деятельность в Коми крае.

Авторитет ученого среди коми интеллигенции был весьма велик. Если бы Г. С. Лыткину удалось вернуться на родину (как он намеревался), то вокруг него, несомненно, сложился бы круг единомышленников, и тогда в Усть-Сысольске, в Коми крае, наверняка, были бы сделаны первые шаги по созданию собственных научных учреждений и обществ. Но получилось иначе. Г. С. Лыткин остался коми ученым (первым) по происхождению, но петербуржцем по месту жительства.

Г. С. Лыткин прожил непростую жизнь. Сложной оказалась и судьба его творческого наследия. Личность Г. С. Лыткина (как и другого коми ученого, писателя и просветителя К. Ф. Жакова [9]) в 1920–начале 1930-х гг. оказалась в центре внимания деятелей коми культуры, просвещения и науки, а затем – политических деятелей. Интерес коми интеллигенции к Г. С. Лыткину вполне понятен: в период строительства собственной национальной государственности, пробуждения национального самосознания естественно обращать взоры к выдающимся личностям прошлого. Тем более, что были живы люди, непосредственно знавшие Г. С. Лыткина, общавшиеся с ним, состоявшие в переписке. К их числу принадлежал, в частности, А. А. Чеусов, охотно делившийся в местной печати 1920-х гг. своими впечатлениями и воспоминаниями [10 и др.].

В 1921–1927 гг. на страницах газет и журналов Коми автономной области, на различных литературных вечерах, конференциях, в коми календарях и т. д. Г. С. Лыткин упоминался довольно часто [11, 12 и др.] и, как правило, в положительном контексте, хотя его научное наследие и вызывало определенные споры. Так, исследователь А. Н. Грен (замечу, человек в Усть-Сысольске пришлый) признавал значение Г. С. Лыткина в создании коми литературы [13], но считал, что лингвистические труды Г. С. Лыткина, на которые опирался при разработке своего алфавита коми языковед В. А. Молодцов, содержат ошибки и, более того, являются «материалом для обрусения» коми [14].

В то же время А. А. Чеусов высказывал прямо противоположное мнение: Г. С. Лыткин являлся сторонником «ва-коми» (чистого коми) языка, боролся против «коми-русского жаргона», распространявшегося в переводной литературе конца XVIII–первой половины XIX в. [15], хотя и не смог исправить такую ошибку, как «употребление чуждых коми языку оборотов» [12, с. 43]. Несмотря на некоторое рас-

хождение во взглядах, общее мнение коми интеллигенции той поры выразил, как представляется, В. И. Лыткин, назвавший Г. С. Лыткина «великим знатоком филологии и зырянского языка» [16] и отметивший его роль в создании коми литературы в своей книге «Коми гижысьяс» («Коми писатели», Усть-Сысольск, 1926 г.). Д. Борисов называл Г. С. Лыткина выдающейся личностью, занявшей «видное место в истории развития зырянской письменности», «не только ученым, знатоком своего языка, но и известным реформатором» [17, с. 31]. Г. Зоргенфрей, работавший с Г. С. Лыткиным в 6-й петербургской гимназии, писал, что он «был настоящий благородный просвещенец» [18, с. 49]. А. А. Чеусов с присущей ему витиеватостью провозглашал: «Широкие трудовые коми массы в лице Г. С. Лыткина видят своего лучшего первого деятеля, показателя способности культурного развития коми народа. Старый коми филолог еще слишком нов для коми мира: его словарем, грамматикой, сводкой дат истории Коми еще долго придется пользоваться нам» [19, с. 44]; «искателю путей культурного возрождения единого коми народа через науку Г. С. Лыткину неувыдаемая слава и память» [20]. В газете «Югид туй» в 1926 г. говорилось: «Г. С. Лыткин – европейски известный ученый, первый коми поэт, дедушка коми литературы, положивший основание коми литературному языку» [21]. Позднее видный коми ученый и писатель П. Г. Доронин в оставшейся неизданной работе «Письменность и литература коми до Октябрьской социалистической революции» считал, что эти оценки завышены и поэтическое творчество Г. С. Лыткина занимает «незначительное место», но признавал его «весьма высокое наследство в коми лингвистической науке» [22, л. 86]. Конечно, как справедливо замечает исследователь коми литературы и фольклора П. Ф. Лимеров, П. Г. Доронин рассматривал творчество Г. С. Лыткина и К. Ф. Жакова «с точки зрения догматики исторического материализма» [23].

А. А. Чеусов неоднократно призывал изучать жизнь и творчество Г. С. Лыткина, собирать материалы о нем: «Коми краеведам необходимо приступить к собиранию материалов по биографии Г. С. Лыткина, отца коми филологии, основателя коми литературного языка, европейски известного этнографа, и отыскать и опубликовать его неизданные рукописи» [12, с. 43]. «Пора, наконец, выпустить о Г. С. отдельную работу, помимо всех скороспелых заметок и неверных дат» [20]. К числу «скороспелых заметок», к слову сказать, можно отнести и некоторые публикации самого А. А. Чеусова, в которых он пытался обвинить то К. Ф. Жакова, то В. А. Молодцова в стремлении умалить заслуги Г. С. Лыткина.

Помнили о научных работах Г. С. Лыткина не только в Коми автономии. Вологжане Александр и Алексей Веселовские включили биографическую статью о нем в свой справочник «Вологжане-краеведы» [24]. Сразу несколько видных российских ученых отметили публикации Г. С. Лыткина на страницах «Финноугорского сборника», выпущенного Академией наук СССР в 1928 г. в серии «Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных странах», выпуск 15. (Ведущий коми ученый-гуманитарий А. С. Сидоров назвал этот сбор-

ник «основной настольной книгой для каждого работающего в области угро-финноведения» [25, с. 44]). Лингвист и этнограф Н. Н. Поппе подчеркнул, что «наиболее громким именем среди исследователей зырянского народа является имя зырянина Г.Лыткина. Лыткин является в своей области первым ученым в полном смысле слова». «Труд Лыткина "Зырянский край" <...> произвел своего рода переворот в деле изучения зырян и их языка. Значение этого труда для этнографии, правда, значительно меньше, чем значение его для финноугорского языкознания, тем не менее этот крупный труд здесь, конечно, не может остаться неупомянутым» [26, с. 5].

Видный ленинградский историк А. И. Андреев отметил его публикации о Стефане Пермском: «Используя известную литературу о Стефане и его деятельности, Лыткин привнес в нее кое-что свое: пылкий патриот-зырянин, он, между прочим, на основании доводов внутреннего убеждения, полагал, что Стефан был зырянин; работа Лыткина все же имеет значение, так как устанавливает хронологию событий в жизни Стефана» [27, с. 275]. Выдающийся лингвист Д. В. Бубрих указал на опубликованные Г. С. Лыткиным словари [28, с. 115].

На рубеже 1920-х и 1930-х гг. положение стало меняться: сказались изменения в политическом климате страны, формирование административно-командного стиля управления всем, включая сферы культуры и науки; началась борьба против «идеализации» «национальной старины». В 1928 г. при ЦК ВКП(б) состоялось совещание по вопросам агитации, пропаганды и культурного строительства. На нем указывалось, что «в национально-культурном строительстве <...> проявляются попытки направить развитие национальной культуры по буржуазно-демократическому пути (ориентация на "культурный" запад, отрицание руководящей роли пролетариата в развитии национальной культуры, идеализация национальной "старшины" и т. д.)» [29]. В Коми области на указания свыше откликнулся видный литературный деятель И. И. Оботуров, усомнившийся в значимости Г. С. Лыткина, К. Ф. Жакова и И. А. Куратова для истории коми народа и тем более для строительства социализма, для социалистической культуры: нет, мол, «в коми истории учителей коми народа», «хоть как ищи – их нет» [30].

В марте 1930 г. состоялся объединенный пленум Коми обкома ВКП(б) и Областной контрольной комиссии, прошедший под лозунгом «Усилить борьбу с национал-шовинизмом!». После него литература и наука стали полем, на котором развернулась жестокая битва между «пролетарской» и «буржуазной» культурами. Сначала упоминания о Г. С. Лыткине, как и о К. Ф. Жакове, просто исчезли со страниц газет и журналов. Так, в публикациях Н. П. Попова и Н. А. Шахова об истории коми литературы Г. С. Лыткин и К. Ф. Жаков не названы: от И. А. Куратова (которого Н. А. Шахов охарактеризовал как коми националиста и народника, стремившегося не к революционной борьбе, а к мирным реформам) авторы сразу перешли к М. Н. Лебедеву и Д. Я. Попову. Последний, впрочем, вскоре тоже был вычеркнут из истории коми литературы как «махровый националист» и «белогвардейская националистическая

сволочь» – так его охарактеризовал в своей статье «Из национал-шовинистического болота на ленинский путь» (журнал «Ленин туйод», 1930, № 5–6) один из руководителей Коми автономии Ф. Г. Тараканов, позднее сам репрессированный за «национал-шовинизм» (аналогичная судьба постигла Н. П. Попова и Н. А. Шахова) [31].

В 1931 г. по инициативе Общества изучения Коми края в Ленинграде (где тогда работал А. С. Сидоров) небольшим тиражом был издан русско-коми словарь, над которым Г. С. Лыткин работал в последние годы жизни. Но в Коми области о каких-либо изданиях его работ уже не могло быть и речи: с начала 1930-х гг. его имя стало употребляться, в основном, в негативном контексте. Едва ли не главную роль в «переосмыслении» его места в коми культуре сыграл руководитель Коми издательства и газеты «Коми сикт» И. И. Оботуров (который, как деликатно сказано в «Истории коми литературы», внес «посильный вклад в литературную критику 30-х годов») [1, с. 278]. В статьях «Через коми художественную литературу усилим борьбу с национал-шовинизмом» [32], «Вытащим коми художественную литературу из болота национал-шовинизма» [33], опубликованных в 1930 г. в журнале «Ордым», И. И. Оботуров призвал бороться с идеализацией дореволюционных коми буржуазных и мелкобуржуазных писателей ученых (Г. С. Лыткина, К. Ф. Жакова и др.), искоренять национал-шовинизм в литературе. К борьбе с «национал-шовинизмом» добавились борьба с «кулацкой идеологией» и «религиозным дурманом».

Призывая сражаться с национал-шовинистами за «социалистическую культуру», И. И. Оботуров писал: «Коми интеллигенция <...> после революции устремилась к прошлому истории коми народа. Старательно изучали все более или менее значительные произведения. <...> Извлечь из этой литературы, из истории коми народа самое ценное необходимо. Но на этом выросшая к 1917–1923 гг. коми интеллигенция не остановилась. Она все литературное наследство Лыткина, Жакова, Д. Попова и др., без критического, марксистского анализа, целиком положила в основу новой коми культуры, которая бурно стала развиваться с первых же лет Октябрьской революции. Это означало скатывание к буржуазным теориям и теоретикам представителей коми торговой буржуазии и кулачества. Надо развенчать всех буржуазных и мелкобуржуазных героев коми торговой буржуазии и кулачества и выбросить их в мусорный ящик истории. Под клинком марксистско-ленинского анализа сызнова пересмотреть все литературное наследство коми интеллигенции. <...> Национал-шовинистические слои коми интеллигенции игнорировали классовую борьбу среди коми, как до революции, так и после революции, откровенно перешли на теоретические позиции буржуазии. Принялись за создание некоей «самобытной» коми культуры, превращавшейся на самом деле в орудие борьбы коми буржуазии против социалистического строительства. <...> Стремилась привить молодежи националистические идеи, воспитывая ее по существу на жалких представителях дореволюционной коми интеллигенции» [34].

И. И. Оботуров подверг резкой критике В. И. Лыткина за «неклассовый подход», проявившийся, по его мнению,

в частности, в книге «Коми гижысьяс», в которую В. И. Лыткин включил очерки о Г. С. Лыткине и К. Ф. Жакове: «Нас интересует, почему Илля Вась и другие коми писатели идеализировали таких мелкобуржуазных идеалистических апостолов» и проводили «политику охвостьев коми торговой буржуазии и коми кулачества» [29]. И. И. Оботурова поддержали и некоторые другие коми литературные и околотраурные деятели. Например, М. П. Доронин в 1930 г. писал, что Г. С. Лыткин и др. останутся в истории коми литературы только как «мелкобуржуазные» писатели, «до мозга костей националисты»; произведения Г. С. Лыткина он называл «мелкобуржуазной писаниной» и недвусмысленно предупредил, что начинается борьба с теми, кто придерживается иной точки зрения (М. П. Доронин был позднее репрессирован как «нацшвинист»).

В. И. Лыткин под давлением руководства Коми ассоциации пролетарских писателей вынужден был «признать» свои «литературные недостатки» и «переоценку» значения трудов Г. С. Лыткина и К. Ф. Жакова, однако призвал объективно подходить к оценке их творчества, видеть в нем положительные черты, а «взятые с потолка слова – ругань или хвала – большой пользы не принесут» [35]. В 1933 г. В. И. Лыткина арестовали и осудили как члена мифического «Союза освобождения финских народностей», якобы намеревавшегося организовать восстания в финно-угорских автономиях, отделиться от Советского Союза и создать финно-угорскую федерацию «под протекторатом Финляндии» [36]. Книга «Коми гижысьяс» исчезла из употребления, словно ее никогда и не было: этот важный, знаковый для коми литературы труд, где была предпринята первая попытка познакомить читателей с жизнью и деятельностью всех известных тогда коми писателей, не был упомянут в фундаментальной трехтомной «Истории коми литературы» (1980).

В 1932 г. вышла книга историка Н. И. Ульянова «Очерки истории народа коми-зырян», в которой в резкой форме критиковался «букет кулацко-националистических тенденций, пышно распускавшийся с 1921 г.» [37, с. 173] (т. е. со времени создания Коми автономной области) на страницах областной печати. «Канонизируются и воздвигаются в сан апостолов национальной культуры коми все сколько-нибудь видные фигуры старой буржуазной интеллигенции. Пишутся полные теплоты и задушевности статьи памяти Г. С. Лыткина» [там же, с. 174]. При этом о самом Г. С. Лыткине Н. И. Ульянов отзывался довольно уважительно и назвал его книгу «Зырянский край...» «одним из наиболее ярких проявлений национальной культуры коми», а самого Г. С. Лыткина характеризовал как «субъективно честнейшего человека, горевшего искренней любовью к своему народу» [там же, с. 115, 117] (замечу, что книга вышла не в Коми издательстве, где подобные высказывания уже не пропустили бы, а в центральном – «Партиздате»). Но в конце концов Н. И. Ульянов сделал вывод, что Г. С. Лыткин принес «своей деятельностью трудящимся коми больше вреда, чем пользы», «объективно играл самую реакционную русификаторскую роль» и являлся «агентом и проводником русского великодержавного влияния», поскольку выступал за то, чтобы коми могли изучать русский язык,

необходимый в общественной жизни. Н. И. Ульянов осудил Г. С. Лыткина и за то, что тот чтит память Стефана Пермского – по оценке Н. И. Ульянова, «первого порабитителя коми народа» [там же, с. 117, 118]. Книга Н. И. Ульянова – классический образец работ советской исторической школы 1930-х гг., когда любая проблема рассматривалась с позиций большевистской партии. Это, однако, не помешало ее автору оказаться в заключении за «контрреволюционную троцкистскую деятельность» [38, с. 35].

Своего рода итог «переосмыслению» роли Г. С. Лыткина «с точки зрения марксистско-ленинской идеологии» подвела в 1933 г. двухтомная работа историка-марксиста В. М. Подорова «Очерки по истории коми (зырян и пермяков)». Во втором томе содержался специальный раздел «Г. С. Лыткин, как идеолог русского великодержавного национализма» [39, с. 69–77]. По словам В. М. Подорова, Г. С. Лыткин являлся «крупнейшим идеологом русского великодержавного национализма», «наиболее видным проводником великодержавнической политики царского правительства по отношению к коми» [там же, с. 69], «русской великодержавнической политики по насильственной русификации населения, по развращению классового мировоззрения коми рабочих и крестьян литературой духовно-нравственного содержания» [там же, с. 71]. «Как типичный чиновник, идейно преданный русскому самодержавию, Лыткин ревностно выполнил казенный заказ <...> и дал работу, которая должна была помочь коми молодежи основательно изучить русский язык» [там же]. «Зырянский край...», – утверждал В. М. Подоров, – представляет собой крупнейшую работу по обслуживанию русификаторской политики самодержавия, а ее автор «являлся идеологом той части национальной коми буржуазии, которая в торгово-промышленном отношении была тесно связана с русской торгово-промышленной буржуазией» [там же, с. 72] и сам представлял собой крупнейшего представителя «нарождавшейся коми буржуазии» [там же, с. 73]. В то же время В. М. Подоров находил, что Г. С. Лыткин «как коми интеллигент, признававший право на существование, изучение и даже допущение коми языка в школы, уже тем самым являлся известным выразителем идеологии местного национализма» [там же]. П. Г. Доронин в 1965 г. писал: «Сумбурность взглядов, прожектерские выводы и склонность к резонерству "историка" В. Подорова – факт неоспоримый. Выводы его <...> необъективны и весьма ошибочны. Но в свое время это частное мнение <...> привело к тому, что все книги, принадлежавшие к авторству Г. С. Лыткина, были изъяты из обращения и уничтожены» [22, л. 90]. Работа В. М. Подорова на долгие годы закрепила однозначно отрицательную оценку деятельности Г. С. Лыткина.

В марте 1934 г. руководитель областной парторганизации А. А. Семичев «поставил перед писателями вопрос об усилении борьбы с чуждыми, антипролетарскими тенденциями в коми литературе» [40]. Одним из первых откликнулся на призыв И. И. Оботуров, уже 30 марта опубликовавший статью «За большевистскую партийность в литературе», в которой заявил, что «националистические элементы» «популяризировали реакционных буржуазных коми ученых-литераторов – Г. С. Лыткина <...>

и белоэмигранта проф. Жакова К.Ф.» «Оба они защищали самодержавный строй, боролись с усиливающимся революционным движением. За переводы на коми язык кучи религиозных книг Г. С. Лыткин получил одобрение царицы и главы российской реакции Победоносцева». «Местные националистические элементы в течение ряда лет восхваляли Жакова и Лыткина. Делали публичные доклады, печатали восторженные статьи. Националистическое, кулацко-буржуазное влияние проникло в коми литературу. Наиболее ярко в художественной литературе с националистическими идеями выступил Илья Вась (В. И. Лыткин). Он написал ряд, поэм, стихотворений, статей о Г. С. Лыткине и Жакове. Для Илья Вась Г. С. Лыткин – «отец коми литературы» [41].

В публикациях середины – второй половины 1930-х гг. Г. С. Лыткина характеризовали как «самого отъявленного реакционера» (И. И. Оботуров), называли «прямым реакционером, миссионером, вышедшим из слоев коми кулачества» (Г. А. Старцев), «жалким карликом» «рядом с гигантской фигурой Куратова» (П. Г. Доронин). Примечательно, что тот же П. Г. Доронин, работая в Коми издательстве, составляя осенью 1935 г. проект программы по истории коми литературы для средней школы, предложил включить в нее изучение рассказов К. Ф. Жакова «В коми деревне» и «Богословский завод», за что подвергся резкой критике со стороны своего начальника И. И. Оботурова. Тот в статье «Против протаскивания буржуазных идей в коми советскую школу», опубликованной в том же году в газете «За новый Север» заявил, что П. Г. Доронин предлагает «воспитывать коми детей на реакционных произведениях белогвардейца Жакова и прочих негодных произведениях», которые, по мнению сурового критика, «дают извращенное представление о старой коми деревне» и «должны быть бесспорно изгнаны из советской школы» [42]. (Позднее И. И. Оботуров пытался избежать ареста за свое «буржуазно-националистическое контрреволюционное вредительство» и в конце концов покончил с собой [29].

Этнограф Г. А. Старцев в статье «Критиковать и собственные ошибки» (в рукописи она носила более «боевое» название – «Огонь по двурушникам-националшовинистам») «разоблачал» «прямых реакционеров, вышедших из слоев коми кулачества» Г. С. Лыткина и К. Ф. Жакова, и своих коллег «националистов» В. И. Лыткина, А. С. Сидорова, А. А. Чеусова, В. А. Молодцова и др. (все они были репрессированы; та же участь постигла и Г. А. Старцева) [43].

Его однофамилец А. А. Старцев в 1936 г. предупреждал, что «оценка, данная Лыткину буржуазными националистами, разоблачена еще далеко не полностью» и писал, что Г. С. Лыткин – «один из основоположников буржуазно-национализма», «всю свою жизнь посвятил служению эксплуататорским классам», «все его творческие труды были призваны выполнять реакционную роль в истории коми народа». «Лыткин, возведенный в прошлом коми буржуазными националистами в коми патриота, был прислужником русского царизма. Его литературная и общественная деятельность помогала самодержавию, русской и коми буржуазии поработать коми народ» [44]. П. Г. Доронин позднее (в упоминавшейся выше работе), характеризуя

литературную жизнь 1930-х гг., отметил, что «одна группа критиков Лыткина», ссылаясь на теорию «ва-коми» языка, «утверждала, что Г. С. Лыткин является основоположником коми буржуазного национализма, идеологом коми буржуазии», а другая группа, наоборот, считала Г. С. Лыткина «великодержавным националистом» и «русификатором» [22, л. 87–89].

Однозначно отрицательные официальные оценки деятельности Г. С. Лыткина сохранялись до середины 1950-х гг. Так, в «Очерках по истории Коми АССР» 1955 г. (авторы соответствующего раздела Л. П. Лашук, О.Н.Воздвиженская и К. В. Сивков) говорится, что «вся деятельность Лыткина была направлена на духовное закабаление народа коми и служила интересам самодержавия и реакционного духовенства». Только в конце 1950–1960-х гг. были предприняты первые (не вполне реализованные) попытки вернуться к более объективной оценке деятельности Г. С. Лыткина. Очень много сделал для пересмотра негативного отношения к Г. С. Лыткину реабилитированный в 1956 г. В. И. Лыткин; в частности, в 1959 г. в статье «Пермские языки» он отмечал большую роль Г. С. Лыткина в истории коми языкознания. Противоречивые оценки деятельности Г. С. Лыткина давались в уже упоминавшейся работе П. Г. Дорониной, в «Очерках истории коми литературы» (авторы раздела А. Н. Федорова и Ф. В. Плесовский, 1958 г.), монографии А. К. Микушева «Коми литература и народная поэзия» (1961), монографии Я. Н. Безносикова «культурная революция в Коми АССР» (1968). Но особо следует отметить работы калмыцкого ученого А. В. Бадмаева. В то время, когда коми ученые спорили о заслугах и недостатках Г. С. Лыткина, их коллега в Калмыкии отдавал должное «замечательному ученому России, талантливому сыну братского народа коми, одному из крупных калмыковедов, <...> труды которого с большим интересом изучают специалисты во многих областях калмыковедения» [45]. Поднимался даже вопрос об увековечении памяти Г. С. Лыткина в Калмыкии и, в частности, об установке ему памятника. В Коми республике относительно объективные оценки деятельности Г. С. Лыткина утвердились лишь в 1970-е гг. Но это уже выходит за хронологические рамки настоящей работы.

Таким образом, можно заключить, что в первое советское десятилетие творчество Г. С. Лыткина оценивалось очень высоко – не только в историческом плане, но и как сохраняющая свою ценность в современную эпоху. Некоторые исследователи даже называли его основоположником коми литературы, но это мнение не является общепризнанным. Масштаб дарования Г. С. Лыткина как писателя чрезвычайно трудно по достоинству оценить, учитывая утрату большей части его литературного наследия. В конце 1920-х гг. в силу общественно-политической ситуации в стране произошла радикальная переоценка ценностей, и в предвоенное (а также и в послевоенное) десятилетие научная, литературная и просветительская деятельность Г. С. Лыткина стала рассматриваться как явление в лучшем случае незначительное, а в худшем – как приносившее лишь вред коми народу и его культуре. Потребовалось немалое время для пересмотра этой точки зрения и признания того, что исследования Г. С. Лыткина стали одной из

важнейших вех на пути развития научных исследований Коми края, ознаменовали собой переход от «предыстории» коми науки к ее непосредственному становлению; что литературное творчество является неотъемлемой и значительной составной частью истории коми литературы; и что просветительская сторона деятельности Г. С. Лыткина была гораздо более значима для развития образования и культуры региона, чем это предполагалось ранее.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. История коми литературы / отв. ред.: А. Е. Ванеев, В. И. Мартынов. – Сыктывкар, 1980. Т. 2. – 328 с.
2. Лыткин, В. И. Георгий Степанович Лыткин / В. И. Лыткин, В. Н. Демин // Писатели Коми: библиографический словарь. – Сыктывкар, 1996. – Т. 1. – С. 352–362.
3. Туркин, А. И. Лыткин Георгий (Юрий) Степанович / А. И. Туркин // Коми язык: энциклопедия. – Москва, 1998. – С. 243–246.
4. Демин, В. Н. Лыткин Георгий Степанович / В. Н. Демин // Коми литература: энциклопедический словарь школьника. – Сыктывкар, 1995. – С. 157–160.
5. Мартынов, В. И. Литераторы земли Коми: библиографический словарь-справочник / В. М. Мартынов. – Сыктывкар, 2000. – 224 с.
6. История Коми с древнейших времен до современности / под. ред.: И. Л. Жеребцова, А. А. Попова, А. Ф. Сметанина. – Сыктывкар, 2011. – 544 с.
7. Жеребцов, И. «Безукоризненное служение науке» / И. Жеребцов // Связь времен. – Сыктывкар, 2000. – С. 187.
8. Туркин, А. И. Лыткин Георгий (Юрий) Степанович / А. И. Туркин // Республика Коми: энциклопедия. – Сыктывкар, 1999. – Т. 2. – С. 239.
9. Жеребцов, И. Л. К. Ф. Жаков в оценках советских исследователей / И. Л. Жеребцов // К. Ф. Жаков. Проблемы творчества. – Сыктывкар, 1993. – С. 21–27.
10. Чеусов А. А. Г. С. Лыткин / А. А. Чеусов // Удж. 1921. – 8 мая.
11. Г. С. Лыткин // Югыд туй. – 1922. 5 апр.
12. Г. С. Лыткин (К 88-й годовщине рождения) // Коми му. 1924. – № 4–6. – С. 42–43.
13. Грен, А. Н. Зырянская (коми) литература / А. Н. Грен // Пермский краеведческий сборник. – Пермь, 1927. Вып. 3. – С. 80–86.
14. Югыд туй. – 1925. – 4 янв.
15. Югыд туй. – 1924. – 29 февр.
16. Удж. – 1921. – 21 февр.
17. Борисов Д. К развитию коми письменности / Д. Борисов // Коми му. – 1929. – № 1. – С. 29–65.
18. Зоргенфрей, Г. Г. С. Лыткин: библиографический очерк / Г. Зоргенфрей // Коми му. – 1927. – № 4–5. – С. 47–49.
19. Чеусов, А. К воспоминаниям о Георгии Степановиче Лыткине / А. К. Чеусов // Коми му. – 1924. – № 4–6. – С. 43–44.
20. Чеусов А. А. Г. С. Лыткин / А. А. Чеусов // Югыд туй. – 1924. – 4 апр.
21. Югыд туй. – 1926. – 26 февр.
22. Доронин, П. Г. Письменность и литература коми до Октябрьской социалистической революции. Часть I. 1965 / П. Г. Доронин // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп 11. Д. 250.
23. Лимеров, П. Ф. Каллистрат Фалалеевич Жаков – исследователь Русского Севера / П. Ф. Лимеров // Сохранение памяти: духовное наследие Бориса Шергина и Евгения Коковина: сборник материалов VI Шергинских чтений. – Архангельск, 2023. – С. 53–85.
24. Лыткин Георгий Степанович // А. Веселовский, А. Веселовский. Вологжане-краеведы. – Вологда, 1923. – С. 58–59.
25. Сидоров, А. С. Финно-угорский сборник. Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных странах Академии наук / А. С. Сидоров // Коми му. – 1928. – № 2. – С. 41–44.
26. Поппе, Н. Н. Этнографическое изучение финноугорских народов СССР / Н. Н. Поппе. – Ленинград, 1928. – С. 27–76.
27. Андреев, А. И. Обзор русских исторических работ по изучению финно-угорских народностей СССР / А. И. Андреев // Финно-угорский сборник. – Ленинград, 1928. – С. 243–329.
28. Бубрих, Д. В. Финно-угорское языкознание в СССР / Д. В. Бубрих // Финно-угорский сборник. – Ленинград, 1928. – С. 77–134.
29. Жеребцов, И. Л. Клином марксистско-ленинского анализа / И. Л. Жеребцов // Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. – Сыктывкар : Коми кн. Изд-во, 1998. – Т. 1. с. 434 С. 426–467.
30. Оботуров, И. И. Небдинса Витторлөн юбилей да коми культуралон могъясис // Ордым. – 1928. – № 11–12. – С. 6–14.
31. Они любили край родной / сост. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1993. – С. 63–68.
32. Оботуров, И. И. Коми художествова литература пыр тыш-касьны национал-шовинизмкөд / И. И. Оботуров // Ордым. – 1930. – № 7–8. С. 41–46
33. Оботуров, И. И. Кыскам коми художествова литература националшовинизм нюръсь / И. И. Оботуров // Ордым. – 1930. – № 9. – С. 22–25.
34. Оботуров, И. И. За социалистическую культуру / И. И. Оботуров // Ленин туйод. – 1930. – № 9. – С. 45–50.
35. Демин, В. Н. В. И. Лыткин: жизнь и творчество / В. Н. Демин, И. Л. Жеребцов, Г. А. Некрасова. – Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1997. – 57 с.
36. Жеребцов, И. Л. Остров «Архипелага ГУЛАГ» на Европейском Северо-Востоке России / И. Л. Жеребцов // Российские и славянские исследования. – Минск : БГУ, 2014. – Вып. IX. – С. 339–346.
37. Ульянов, Н. И. Очерки истории народа коми-зырян / Н. И. Ульянов. – Москва; Ленинград : Партиздат, 1932. – 180 с.

38. Хлыбов, Е. В. Николай Ульянов. Одиссея XX века / Е. В. Хлыбов // Регион. – 2019. – № 5. – С. 32–38.
39. Подоров, В. М. Очерки по истории коми (зырян и пермяков) / В. М. Подоров. – Сыктывкар, 1933. – Т. 2. – 276 с.
40. За новый Север. – 1934 – 21 марта.
41. Оботуров, И. И. За большевистскую партийность в литературе / И. И. Оботуров // За новый Север. – 1934. – 30 марта.
42. Жеребцов, И. Л. Научная и литературная деятельность П. Г. Доронина в довоенный период / И. Л. Жеребцов // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «История и филология». – 2024. – № 1. – С. 87–99.
43. Старцев, Г. А. Критиковать и собственные ошибки / Г. А. Старцев // За новый Север. – 1935. – 20 июня.
44. Старцев, А. А. Несколько слов о Г. С. Лыткине / А. А. Старцев // За новый север. – 1936. – 10 авг.
45. Бадмаев, А. В. Г. С. Лыткин как калмыковед. К истории калмыцкой письменности / А. В. Бадмаев // Ученые записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Серия филологии. Вып. 5. – Элиста, 1967. – С. 115–124.
13. Gren, A. N. Zyryanskaya (komi) literatura [Zyryan (Komi) literature] / A. N. Gren // Perm local history collection. – Perm, 1927. – Issue. 3. – P. 80–86.
14. Yugyd tui [Bright path]. – 1925, January 4.
15. Ibid. – 1924, February 29.
16. Udzh [Labour]. – 1921, February 21.
17. Borisov, D. K razvitiyu komi pismennosti [Towards the development of Komi writing] / D. Borisov // Komi mu. – 1929. No. 1. – P. 29–65.
18. Sorgenfrey, G. G. S. Lytkin. Bibliograficheskii ocherk [Bibliographical essay] / G. Sorgenfrey // Komi mu. – 1927. No. 4–5. – P. 47–49.
19. Cheusov, A. K vospominaniyam o Georgii Stepanoviche Lytkine [To the memories of Georgy Stepanovich Lytkin] / A. Cheusov // Komi mu. – 1924. No. 4–6. – P. 43–44.
20. Cheusov, A. A. G. S. Lytkin // Yugyd tui [Bright path]. – 1924, April 4.
21. Yugyd tui [Bright path]. – 1926, February 26.
22. Doronin, P. G. Pismennost' I literatura komi do Oktyabrskoiu socialisticheskoi revoliucii [Writing and literature of the Komi People before the October Socialist Revolution]. Part I. 1965 / P. G. Doronin // Scientific Archive of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. F.1. Op. 11. D. 250.
23. Limerov, P. F. Kallistrat Falaleevich Zhakov – issledovatel' Russkogo Severa [Kallistrat Falaleevich Zhakov – researcher of the Russian North] / P. F. Limerov // Preservation of Memory: spiritual heritage of Boris Shergin and Evgeny Kokovin. Collection of materials of the VI Shergin Readings. – Arkhangelsk, 2023. –P. 53–85.
24. Lytkin Georgy Stepanovich // A. Veselovsky. Vologda residents - local historians. – Vologda, 1923. – P. 58–59.
25. Sidorov, A. S. Finno-ugorsky sbornik. Trudy Komissii po izucheniyu plemennogo sostava naseleniya SSSR i sopredelnyh stranah [Finno-Ugric collection. Proc. of the Commission for the Study of the Tribal Composition of the Population of the USSR and Neighboring Countries of the Academy of Sciences] / A. S. Sidorov // Komi mu. – 1928. No. 2. – P. 44. P. 41–44.
26. Poppe, N. N. Etnograficheskoe izuchenie finno-ugorskih narodov SSSR [Ethnographic Study of the Finno-Ugric Peoples of the USSR] / N. N. Poppe. – P. 55. P. 27–76.
27. Andreev, A. I. Obzor russkikh istoricheskikh rabot po izucheniyu finno-ugorskih narodnostei SSSR [Review of Russian historical works on the study of the Finno-Ugric peoples of the USSR] / A. I. Andreev // Finno-Ugric collection. – Leningrad, 1928. – P. 243–329.
28. Bubrikh, D. V. Finno-ugorsakoe yazykoznanie v SSSR [Finno-Ugric linguistics in the USSR] / D. V. Bubrikh. – P. 115. P.77–134.
29. Zherebtsov, I. L. [By the Blade of Marxist-Leninist Analysis] / I. L. Zherebtsov // Repentance: Komi Republican Martyrology of Victims of Mass Political Repressions. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1998. – Vol. 1. – P. 434. P. 426–467.
30. Oboturov, I. I. Nebdinsa Vittorlon yubilei da komi kulturalon mogyasys [Nebdinsa Vittor anniversary and Komi culture mogyasys] / I. I. Oboturov // Ordym, 1928. – No. 11–12. – P. 6–14.

References

- Istoriya komi literatury [History of Komi literature]. – Syktyvkar, 1980. – Vol. 2. – 328 p.
- Lytkin, V. I. Georgy Stepanovich Lytkin / V. I. Lytkin, V. N. Demin // Writers of Komi. Biobibliographical dictionary. – Syktyvkar, 1996. – Vol. 1. – P. 352–362.
- Turkin, A. I. Lytkin Georgy (Yuri) Stepanovich / A. I. Turkin // Komi language. Encyclopedia. – Moscow, 1998. – P. 243–246.
- Demin, V. N. Lytkin Georgy Stepanovich / V. N. Demin // Komi literature. Encyclopedic dictionary for schoolchildren. – Syktyvkar, 1995. – P. 157–160.
- Martynov, V. I. Literatory zemli Komi. Bibliograficheskii slovar'-spravochnik [Writers of the Komi land. Biographical dictionary-reference book] / V. I. Martynov. – Syktyvkar, 2000. – 224 p.
- Istoriya Komi s drevneishih vremen do sovremennosti [History of Komi from ancient times to the present]. – Syktyvkar, 2011. – 544 p.
- Zherebtsov, I. "Bezukuriznennoe sluzhenie nauke" [«Impeccable service to science»] / I. Zherebtsov // Connection of times. – Syktyvkar, 2000. – P. 187.
- Turkin, A. I. Lytkin Georgy (Yuri) Stepanovich / A. I. Turkin // Komi Republic. Encyclopedia. – Syktyvkar, 1999. – Vol. 2. – P. 239.
- Zherebtsov, I. L. K. F. Zhakov v ocenках sovetskikh issledovatelei [K. F. Zhakov in the assessments of Soviet researchers] / I. L. Zherebtsov / / K.F.Zhakov. Problems of creativity. – Syktyvkar, 1993. – P. 21–27.
- Cheusov, A. A. G. S. Lytkin / A. A. Cheusov // Udzh [Labour]. – 1921, May 8.
- G.V. G. S. Lytkin // Yugyd tui [Bright path]. – 1922, April 5.
- G.S. Lytkin (to the 88th birth anniversary) // Komi mu. – 1924. No. 4–6. – P. 42–43.

31. Oni lyubili krai rodnoi [They loved their native land] / Comp. I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1993. – P. 63–68.
32. Oboturov, I. I. Komi hudozhestvoa literatura pyr tyshkasny nacional shovinismkod [The struggle against national chauvinism in Komi fiction] / I. I. Oboturov // Ordym [Labour], 1930. – No. 7–8. – P. 41–46.
33. Oboturov, I. I. Kyskam komi hudozhestvoi literatura nacionalshovinism nyurys [Let's pull Komi fiction out of the swamp of nationalism] / I. I. Oboturov // Ordym, 1930. – No. 9. – P. 22–25.
34. Oboturov, I. I. Za socialisticheskuyu kulturu [For socialist culture] / I. I. Oboturov // Lenin tuyöd [Lenin's way], 1930. – № 9. – P. 45–50.
35. Demin, V. N. V. I. Lytkin: zhizn' i tvorchestvo [V. I. Lytkin: life and work] / V. N. Demin, I. L. Zherebtsov, G. A. Nekrasova. – Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 1997. – 57 p.
36. Zherebtsov, I. L. Ostrov "Arhipelaga GULAG" na Evropeiskom Severo-Vostoke Rossii [The Island of the "Gulag Archipelago" in the European North-East of Russia] / I. L. Zherebtsov // Russian and Slavic Studies. – Minsk: Belarussian State Univ., 2014. – Issue. IX. – P. 339–346.
37. Ulyanov, N. I. Ocherki istorii naroda komi-zyryan [Essays on the history of the Komi-Zyryan people] / N. I. Ulyanov. – Moscow - Leningrad: Partizdat, 1932. – 180 p.
38. Khlybov, E. V. Nikolay Ulyanov. Odisseya XX veka [Odyssey of the XX century] / E. V. Khlybov // Region. – 2019. No. 5. – P. 32–38.
39. Podorov, V. M. Ocherki po istorii komi (zyryan i permyakov) [Essays on the history of the Komi (Zyryans and Permians)] / V. M. Podorov. – Syktyvkar. – 1933.– Vol. 2. – 276 p.
40. Za novii Sever [For the new North]. – 1934, March 21.
41. Oboturov, I. I. Za bolshevistskuyu partiiinost' v literature [For the Bolsheviks' adherence to the Party principles in literature] / I. I. Oboturov // For the new North. – 1934, March 30.
42. Zherebtsov, I. L. Nauchnaya i literaturnaya deyatelnost' P. G. Doronina v dovoennii period [Scientific and literary activity of P. G. Doronin in the pre-war period] / I. L. Zherebtsov // Proc. of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. Series «History and Philology». – 2024. No. 1. – P. 87–99.
43. Startsev, G. A. Kritikovat' i sobstvennie oshibki [Criticize your own mistakes] / G. A. Startsev // For the new North. – 1935, June 20.
44. Startsev, A. A. Neskolko slov o G. S. Lytkine [A few words about G. S. Lytkin] / A. A. Startsev // For the new North. – 1936, August 10.
45. Badmaev, A. V. G. S. Lytkin kak kalmykoved. K istorii kalmytskoi pismennosti [G. S. Lytkin as a Kalmyk scholar. On the history of Kalmyk writing] / A. V. Badmaev // Sci. notes of the Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History. Philology series. – Issue 5. – Elista, 1967. – P. 115–124.

Информация об авторе:

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Author:

Igor L. Zherebtsov – Dr. Sci. (History), Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Для цитирования:

Жеребцов, И. Л. Деятельность Г. С. Лыткина в оценках советских исследователей и литературных критиков 1920–1930-х годов / И. Л. Жеребцов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 6 (72). – С. 51–58.

For citation:

Zherebtsov, I. L. The activity of G. S. Lytkin in the assessments of Soviet researchers and literary critics of the 1920s - 1930s / I. L. Zherebtsov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». 2024. – No. 6 (72). – P. 51–58.

Дата поступления рукописи: 23.09.2024

Прошла рецензирование: 23.09.2024

Принято решение о публикации: 27.09.2024

Received: 23.09.2024

Reviewed: 23.09.2024

Accepted: 27.09.2024

Коллективизация на страницах газеты «Знамя коммуны» Новочеркасского района в 1930 году

М. П. Мерзляков

Раздорский этнографический музей-заповедник,
станция Раздорская
mix.merzo@yandex.ru

Аннотация

В статье впервые рассматривается отражение процессов коллективизации на территории Новочеркасского района в 1930 г. в местной газете «Знамя коммуны». Среди основных сюжетов выделяются проблемы наращивания темпов коллективизации, разукрупнения и укрупнения колхозов, борьбы с классовым врагом, ликвидации кулачества как класса, экономического образования сельских жителей. В то же время в исследовании представлены «красные обозы» как государственный инструмент сбора налогов на селе и раскрываются агитационные и пропагандистские возможности районной периодики по мобилизации местного населения на выполнение решений партии и правительства.

Ключевые слова:

«Знамя коммуны», Новочеркасский район, газета, колхоз, коллективизация, кулачество

К началу 1930-х гг. позиции советской власти на Дону выглядели достаточно стабильными: белое движение было давно разгромлено, извне на власть большевиков открыто уже никто не посягал. В то же время на повестку дня встал новый, приведший к очередному расколу казачьей станицы вопрос образования крупных коллективных хозяйств. Проведение ускоренной и насильственной коллективизации было связано с принятой сталинским руководством индустриализацией СССР. Сельское хозяйство, представлявшее собой в годы НЭПа множество мелких крестьянских хозяйств с низкой товарностью и полунатуральным характером производства, не могло стать основой для успешной реорганизации экономики советского государства. Колхозы представляли собой инструмент, который позволил бы максимально эффективно изымать из сельскохозяйственной сферы средства на индустриализацию.

Выполняя директивы Центрального комитета ВКП(б) о коллективизации крестьянских хозяйств, местные партийные и советские органы повсеместно, в том числе и на Дону, форсировали создание колхозов и развертывали жесткую борьбу с теми, кто не желал объединяться

Collectivization on the pages of the newspaper «Banner of the Commune» of the Novocherkassk region in 1930

M. P. Merzlyakov

Razdor Ethnographic Museum-Reserve,
Razdorskaya village
mix.merzo@yandex.ru

Abstract

The paper for the first time considers the reflection of collectivization processes on the territory of the Novocherkassk region in 1930 in the local newspaper “Banner of the Commune”. Among the main subjects are the problems of increasing the pace of collectivization, the unbundling and consolidation of collective farms, the fight against the class enemy, the elimination of the Kulaks as a class, the role of the “red wagons” in collecting taxes in rural areas, and the economic education of rural residents. At the same time, the study reveals the agitation and propaganda capabilities of regional periodicals to mobilize the local population to implement the decisions of the party and government.

Keywords:

“Banner of the Commune”, Novocherkassk region, newspaper, collective farm, collectivization, kulaks

в коллективные хозяйства. В газете «Правда» от 7 ноября 1929 г. была опубликована статья И. В. Сталина «Год великого перелома», которая провозгласила переход к сплошной коллективизации, несовместимой с принципами новой экономической политики [1]. Статья содержала принципиальную установку на массовую коллективизацию, подразумевавшую вовлечение подавляющего большинства сельского населения в эти процессы. Важное место в пропаганде новых форм организации жизнедеятельности села и донских станиц, в частности, отводилось печати, игравшей одну из решающих ролей в восприятии процессов коллективизации широкими массами населения, как совершенно справедливого, необходимого действия, которое совершалось во имя «светлого будущего» [2].

Актуальность заявленной темы исследования в том, что местная периодика является особым источником изучения коллективизации. Через газету раскрывалась роль колхозов как нового явления жизни донских станиц. Печать участвовала в формировании общественного мнения, направленного на складывание благоприятной морально-психологической обстановки на селе, соответствующей провозглашенной государственной политике.

Следует подчеркнуть, что обозначенные проблемы имели как общие черты с процессами, наблюдавшимися на всей территории Советского государства, так и отличия, обусловленные казачьей спецификой.

Еще в 1991 г. Е. Н. Осколков опубликовал труд о специфике экономической политики государства в 1932–1933 гг. по отношению к единоличникам [3, с. 78]. Вопросы многоукладных социально-экономических отношений в деревне Северо-Кавказского края в конце 1920-х гг. получили освещение в работах Н. А. Токаревой [4, с. 19]. В монографии А. В. Баранова детально раскрываются такие вопросы, как развертывание политики «чрезвычайщины» в Северо-Кавказском крае в конце 1920-х гг., нарастание административно-налогового давления на крестьянские и казачьи хозяйства и протестная реакция сельских жителей, в том числе и казаков [5, с. 32]. В рамках изучения коллективизации и соответствующих пропагандистских мероприятий в СССР интересны работы В. А. Бондарева [6]. В целом в отечественной (преимущественно постсоветской) историографии нашли освещение: положение и роль российского крестьянства в социально-экономических преобразованиях в конце 1920–1930-х гг.; состояние колхозного и единоличного укладов аграрной экономики в 1930-х гг.; трудовой героизм крестьянства, специфика коллективной психологии жителей колхозной деревни и др. Авторы опирались на разные источники, но периодическая печать, в том числе районная, была не в полной мере использована в их трудах.

Цель данного исследования – выявить особенности отражения в местной газете «Знамя коммуны» процессов организации колхозов и борьбы с кулачеством на территории Новочеркасского района Азово-Черноморского края в 1930 г.

Газета «Знамя коммуны» издавалась с 3 сентября 1930 г. в качестве печатного органа Новочеркасского райкома ВКП(б), районного исполнительного комитета Совета народных депутатов, районного профсоюзного секретариата и городского Совета и имела широкое распространение по Новочеркасскому району. При пятидневной рабочей неделе выпускалось два номера. В 1930 г. вышло 54 номера газеты. Стандартная подписная плата на месяц составляла 50 коп., на 6 месяцев – 3 руб., на год – 6 руб. Для учреждений устанавливалась оплата в 60 коп. за номер, на год – 7 руб.; для жителей г. Новочеркаска – 4 коп., на год – 4 руб. 80 коп.

После тарификации, проведенной в начале 1930 г., средняя заработная плата рабочих составляла 60–90 руб. в месяц. Низкооплачиваемые группы рабочих получали 30–50 руб., высокооплачиваемые – порядка 180. При ценах на рынке на пуд муки 20–30 руб. (3 руб. – в кооперации), килограмм мяса – 3–4 руб. (70 коп. – в кооперации), пуд картошки – 9 руб. (в кооперации – 8 коп. за 1 кг), десяток яиц – 2 руб. (50 коп. – в кооперации) [7, с. 351]. Приобрести газету за 4 коп. мог позволить себе практически каждый городской житель. Газета распространялась также в киосках «Союзпечати». На селе газету можно было прочитать в станичном Совете или избе-читальне.

Анализ содержания газеты за год позволяет констатировать, что уже с первого номера определились основные направления публикаций: борьба за повышение темпов коллективизации, организация и повседневность колхозов, антирелигиозная пропаганда, борьба с чуждыми советской власти классами.

В условиях, когда в станицах и хуторах Нижнего Дона были сильны контрреволюционные настроения, обусловленные тем, что земля и скот принадлежали крепким хозяевам из казачьего сословия, зачастую служившим в белой армии, перед редакцией газеты стояла важная идеологическая задача нейтрализации их влияния на снижение темпов коллективизации, тесно переплетавшаяся с темой борьбы с кулачеством. Заголовки материалов носили характер пропагандистских лозунгов, были хлесткими и зачастую жесткими. Обращают на себя внимание такие заголовки, как: «Колхозный буксир – на поля единоличников», «Колхозный фронт», «Вон из колхоза кулацких ставленников», «Колхозными победами увлечь единоличника», «Настойчиво бороться за каждого колхозника», «Вон из колхоза подкулачников», «Колхозы, берите на буксир единоличников», «Без колхоза работать невыгодно», «Возглавить колхозный прилив», «В колхозе – жить лучше». Ключевая мысль, содержащаяся в заголовках: колхоз – это лучшая форма организации труда, главный враг колхоза – кулак. По подсчетам автора, всего слово «колхоз» встречается в публикациях 1930 г. 1284 раза. Такое количество упоминаний свидетельствует о том, что тема колхозного строительства являлась ведущей в условиях государственной реконструкции аграрного сектора в рассматриваемый период. И все опубликованные материалы прямо или косвенно были с ней связаны. В № 6 в статье «Шире развернуть борьбу новых колхозников» был описан пример хутора Ажинова Багаевского сельского совета. Отмечалось, что сельсовет организовал 32 супруги¹ для осеннего сева, до каждого посевищика, работавшего на осеннем севе, довели план. Несмотря на то, что в колхозе отсутствовала вербовочная комиссия при сельсовете, были и первые успехи – 37 хуторян подали заявления о приеме в колхоз: «...это был увесистый довод для всех теоретиков и практиков оппортунизма, пытающихся сорвать завершение сплошной коллективизации» [8]. На волне успеха газета призывала организовать волну нового прилива в колхозы.

Закономерно и то, что в заголовках систематически упоминалось слово коллективизация. Всего за 1930 г. оно встречается 58 раз, примерно, в следующих контекстах: «Выше знамя сплошной коллективизации», «Несут знамя сплошной коллективизации» и т. д.

Напрямую процессы наращивания темпов образования коллективных хозяйств были связаны с возможностями советской власти идеологически и психологически переломить крепкого хозяина-единоличника (кулака, подкулачника, классового врага) и одновременно лишить его материальной базы. Газета, являющаяся своеобразным рупором советской власти, на своих страницах пропагандировала и предлагала методы борьбы с классовыми вра-

¹ Супруга – рабочий скот, запряженный для совместной обработки земли.

гами-единоличниками. Председатели колхозов могли запретить им молотить зерно на мельницах. Таким образом подрывались экономические основы ведения хозяйства зажиточных односельчан.

Жители станиц и хуторов пытались обойти подобные ограничения. На такие уловки станичников обращали внимание авторы статей. Так, в статье «Колхозным натиском добить класс кулаков» описывается сюжет, как кулачка Хохлова передала свое зерно единоличнице Поповой из Багаевской станицы, а кулачка Юзова сумела обмолотить свой бывший посев, используя хитрую схему в собственной семье: «Она, жившая с отцом, отделилась к брату, оставив у него обмолоченный хлеб, и снова перешла к отцу на Рогачевку» [9]. Искали станичники и способы сбыта зерновых в обход запретов властных структур. В материале А. Выборгского «Решено и подписано» констатируется: «В ночь на 14 сентября задержали 4 человек с мешками, пытавшихся переправить хлеб через передаточный пункт Багаевский в город» [10]. И таких примеров в газете «Знамя коммуны» приводится множество.

Через газетные статьи, являвшиеся идеологическим инструментом, советская власть целенаправленно стремилась повысить производительность труда, всех вовлечь в колхоз, а также обличала врагов, ругала за халатность. Корреспонденты газеты разъясняли местному населению, на первый взгляд не ярко выраженные средства противодействия и замедления темпов коллективизации, использовавшиеся кулаками и подкулачниками. Так, в статье «Колхозным натиском добить кулака» отмечалось, что прямым вредительством кулаки не занимаются, но их провокационные заявления мешают бороться за новых членов колхоза. В заключении данной статьи автор предлагал усилить дружный натиск на кулака, а «глубокомысленным оппортунистам», говорившим об отсутствии кулака, «присмотреться к действиям Багаевского кулака» [9].

20 сентября был организован первый совместный «красный обоз» единоличников и колхозников [11]. Это была форма сдачи хлеба по твердым ценам на государственные ссыпные пункты. Практически в каждом номере есть упоминания об этих событиях. Только в 11 номерах из 55, вышедших в 1930 г., не встречается тема «красного обоза». Это тема стала одной из ведущих, так как данное мероприятие превратилось в инструмент борьбы с кулаками. Так, в № 17 обнаружено шесть статей, три заголовка, 11 упоминаний о «красном обозе». Всего в газетных номерах за 1930 г. было 25 статей, в которых 81 раз упоминался «красный обоз».

Следует отметить, что борьба с кулачеством в очередной раз расколола не только сельский мир, но и, подобно тому, как это было в годы Гражданской войны, семьи станичников. Советская власть призывала публично отказываться от родственников, которые были признаны классовыми врагами. С целью психологического воздействия и идеологической проработки населения в газете печатались такие публичные отказы. Самыми драматичными среди них были отказы детей от родителей. Оформлялись они в основном как письма в редакцию. Такие письма можно было прочитать в номерах 6, 18, 42, 43, 47, 52 за

1930 г. Во всех текстах прописывались трагические слова, в которых скрывался сакральный смысл, идущий от веры и народных традиций: «отказываюсь от отца», «...от родителей» – по три раза. Пытаясь оградить себя и детей от проблем со стороны советской власти, жены отказывались от своих супругов: «Я, Данилова П. А. и трое моих детей: Иван – 7 лет, Анна – 4 лет и Александр – 1 год, отрекаемся от своего мужа кулака Никольцева Дм. Ив. и не желаем иметь с ним связь» [12]. Таким образом, отказ от родственников стал распространенной практикой защиты от репрессий и сохранения жизни в условиях развернувшейся классовой борьбы на фоне сплошной коллективизации.

К классовым врагам причисляли, наряду с кулаками и подкулачниками, бывших белогвардейцев и реэмигрантов, причем один человек мог быть одновременно во всех или нескольких указанных статусах. В частности, попытка восстановления Багаевским избиркомом в избирательных правах бывшего белого офицера Кандейкина развернула на страницах выпуска бурную полемику по вопросу лишения и восстановления в избирательных правах жителей казачьих станиц. Автор статьи под псевдонимом «Колхозник» в статье «Ошибка или кулацкая политика?», обращаясь к инструкциям ВЦИК и напоминая, что не могут быть лишены избирательных прав «земледельцы, нанимающие сезонную рабочую силу во время страдной поры», а также привлеченные в свое время в ряды белых армий путем мобилизации рабочие, трудовые крестьяне и казаки, кулаки и ремесленники, указывает на перегибы в ее применении в отношении середняков. В частности: «Бобырев Иван – потомственный батрак, лишен прав потому, что 1 месяц служил в милиции при белых, т. к. не хотел идти на фронт стрелять в красных» [13]. В № 40 три статьи бичуют бывших членов белой армии. Заголовки недвусмысленно определяют вектор критики: «Белогвардейские банды на К.-В. Ж/д», «Вредителей расстрелять!»

Среди основных сюжетов обращают на себя внимание и процессы разукрупнения и укрупнения колхозов. Советская власть в начальном этапе своего становления использовала форму тозов и созов, что впоследствии и привело к созданию микроколхозов из 10-15 хозяйств. С началом коллективизации нужда в маленьких хозяйствах отпала. Появление крупных хозяйств – это явление политического характера, направленное на обобществление техники, скота, земли и, главное, более легкий сбор сельхозналогов. Тема разукрупнения получила освещение в номерах 7, 11, 16, 43. Например, в № 16 указывается: «По Старочеркасскому стансовету разукрупнение уже проведено. Создано два новых колхоза – "Красная Заря" – в Краснодворске и "Знамя Коммуны" в Алитубе», а в статье «Ленинец требует внимания» из № 41 констатируется следующее: «При разукрупнении Багаевского колхоза "Память Ильича" из трех хуторов – Белянина, Краснодонского и Голые бугры был организован самостоятельный колхоз "Ленинец"» [14].

Проблема укрупнения колхозов рассматривается в номерах 8, 35, 42. В № 35: «Арпачинские политшколы поставили живую, действенную пропаганду Ленинского пути развития сельского хозяйства, явившись настоящи-

ми ячейками коллективизации. Собрание бедноты, молодежи, женские делегатские собрания, советский актив, квартальные собрания – все было поднято на обсуждение вопроса о создании сплошного Арпачинского колхоза. И, в результате, на месте трех карликовых колхозов по 12–15 хозяйств был создан мощный колхоз, охвативший 88 процентов хозяйств хутора» [15]. С помощью информации из № 42 выявлена непосредственная дата образования колхоза: «В хуторе Красном Буденовского сельсовета от 24 октября 1930 года организован новый колхоз "Идея Ленина"» [16].

Материалы газеты выполняли также и образовательную миссию, например, помогая экономически малограмотному населению разобраться в различных формах ведения коллективного хозяйства. Так, в статье «Против недооценки Созов» констатировалось, что создание простейших производственных объединений – товариществ по совместной обработке земли – будет способствовать окончательному переходу единоличника в колхоз [17]. Подобные статьи можно отнести к появившемуся в 1930-е гг. в советской периодике жанру агропропаганды, направленной на повышение производственной культуры казаков и крестьян и трансформацию социально-производственного облика станицы и хутора. С этой целью в газете широко освещались новые методы развития колхоза, который со следующего года приступил к специализации огородничества и бахчеводства. Отмечалось, что по Багаевскому юрту рожь с 1 га давала за последние 5 лет не более 16 ц, пшеницы, даже в колхозе – 18 ц с 1 га. В то же время капуста – 350 ц, картофель – 130 ц, помидоры – 170 ц, огурцы – от 60 тыс. до 120 т. Согласно статье, багаевцы в будущем году планировали сократить посеы зерновых на 60 %, но одновременно удвоить посеы под бахчи и овощи. Планировалось объединить в одно колхозное хозяйство 150 га одиночных садов. Закладывалось 20 га садов, 23 га шелковицы для развития шелководства, 4200 парниковых рам вместо 170, расширялись площади консервно-томатного завода. Разумно планировалось взять курс на обеспечение ранними овощами близлежащих районов г. Новочеркаска. Для увеличения эффективности труда в Багаевскую направлялись 120 трудоспособных переселенцев из Сальского округа и 118 из хутора Краснодарского. Обращение к традиционным методам ведения хозяйства было верным решением, так как станицы Нижнего Дона никогда не были ориентированы на выращивание зерновых культур. Основу их сельского хозяйства составляли виноград, рыба и бахчи.

В заключение следует отметить, что новочеркасская районная газета «Знамя коммуны» в 1930 г. являлась инструментом мобилизации населения на выполнение решений партии и правительства, направленных на ускорение темпов коллективизации. С первого сентябрьского выпуска количество статей с колхозной тематикой неуклонно росло. Пик публикаций в этой теме был достигнут в декабре, когда было опубликовано 20 статей из 86 изданных за четыре месяца с момента выхода первого номера газеты. Это вполне объяснимо, так как наращивались темпы коллективизации, одновременно увеличивалась публикаци-

онная активность по теме организации колхозов. Напрямую с проблемами коллективизации была связана борьба с классовыми врагами и ликвидация кулачества. Статьи с упоминанием в названии слова «кулак» выходили в диапазоне от 97 до 116 публикаций в месяц: в сентябре вышло 97 статей, в октябре – 101, в ноябре – 116, а к декабрю этот показатель остановился на отметке 110.

Процессы раскулачивания имели насильственный характер. Редакция уделяла внимание и таким общественно-резонансным событиям, как отказ родственников от кулаков, демонстрирующим усиление в обществе тенденций превалирования государственных задач над частными, семейными. Трагедия семьи, когда дети отказывались от родителей, чтоб сохранить имущество, политические права, продолжала разрушать патриархальную систему ценностей дореволюционной семьи. Закономерна и динамика публикаций о «красных обозах», являвшихся с сентября 1929 г. одним из основных инструментов сбора налога с частного собственника. В сентябре их вышло всего 6, а уже в октябре – 51, однако к ноябрю наблюдается спад интереса к этой теме, обусловленный снижением организации «красных обозов». В ноябре их деятельности было посвящено 16 заметок, а в декабре – всего 8.

Таким образом, в период сплошной коллективизации местная периодическая печать и, в частности, газета «Знамя коммуны» Новочеркасского района была не только источником информации, но являлась также средством агитации и пропаганды. Советская власть через газету навязывала и формировала определенное представление о процессах организации колхозов и раскулачивания, что способствовало закреплению штампов и созданию стереотипов, формированию у местного населения крайне негативного образа кулака. Содержание статей позволяло реконструировать процесс образования колхозов Новочеркасского района и выявить особенности их деятельности на начальных этапах становления.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Сталин, И. В. Год великого перелома: к XII годовщине Октября / И. В. Сталин // Правда. – 1929. – 7 нояб. – № 259.
2. Бердинских, В. А. ГУЛАГ как неизбежность развития советской системы (1920-е годы) / В. А. Бердинских // Известия Коми НЦ УрО РАН. Серия «История и филология». – 2023. – № 1. – С. 103–110.
3. Осколков, Е. Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае / Е. Н. Осколков. – Ростов-на-Дону, 1991. – 91 с.
4. Токарева, Н. А. Деформация социально-экономических отношений в станицах и селах Северо-Кавказского края в 1928–1929 гг.: причины и последствия: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. А. Токарева. – Ростов-на-Дону, 1994. – 19 с.
5. Баранов, А. В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической

- политики: (1921–1929 гг.) / А. В. Баранов. – Санкт-Петербург : Нестор, 1996. – 353 с.
6. Бондарев, В. А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополя / В. А. Бондарев. – Ростов-на-Дону : СКНЦ ВШ, 2005. – 580 с.
 7. Осокина, Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 / Е. А. Осокина. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 351 с.
 8. Ажиновский. Шире развернуть борьбу за новых колхозников / Ажиновский // Знамя коммуны. – 1930. – № 6. – С. 2.
 9. Колхозным натиском добить класс кулаков // Знамя коммуны. – 1930. – № 6. – С. 3.
 10. Выборгский, А. Решено и подписано / А. Выборгский // Знамя коммуны. – 1930. – № 6. – С. 3.
 11. Сильнее ударить по кулаку // Знамя коммуны. – 1930. – № 9. – С. 1.
 12. Знамя коммуны. – 1930. – № 42. – С. 6.
 13. Ошибка или кулацкая политика // Знамя коммуны. – 1930. – № 38. – С. 1.
 14. Забыли про колхоз // Знамя коммуны. – 1930. – № 4. – С. 3.
 15. В борьбе за сплошной колхоз // Знамя коммуны. – 1930. – № 35. – С. 2.
 16. Калинин. Ленинец требует внимания / Калинин // Знамя коммуны. – 1930. – № 41. – С. 3.
 17. Жданов. Против недооценки Созов / Жданов // Знамя коммуны. – 1930. – № 6. – С. 2.
 5. Baranov, A. B. Social'noe i politicheskoe razvitie Severnogo Kavkaza v usloviyah novojj ekonomicheskoy politiki: (1921–1929 gg.) [Social and political development of the North Caucasus under the conditions of the new economic policy: (1921–1929)] / A. V. Baranov. – St. Petersburg: Nestor Publ., 1996. – 353 p.
 6. Bondarev, V. A. Fragmentarnaya modernizaciya postoktyabr'skoj derevni: istoriya preobrazovanij v sel'skom hozyajstve i evolyuciya krest'yanstva v konce 20-h – nachale 50-h godov XX veka na primere zernovyh rajonov Dona, Kubani i Stavropo'l'ya [Fragmentary modernization of the post-October village: the history of transformations in agriculture and the evolution of the peasantry in the late 1920s – early 1950s of the XX century on the example of the grain regions of the Don, Kuban and Stavropol] / V. A. Bondarev. – Rostov-on-Don: North Caucasus Research Center of Higher Education, 2005. – 580 p.
 7. Osokina, E. A. Za fasadom "stalinskogo izobilija": Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializacii. 1927–1941 [Behind the façade of "Stalinist abundance": Distribution and market in supplying the population during the years of industrialization. 1927–1941] / E. A. Osokina. – Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Foundation of the first President of Russia B.N. Yeltsin – 2008. – 351 p.
 8. Azhinovsky. Shire razvernut' bor'bu za novyh kolхозnikov [To expand the struggle for new collective farmers] / Azhinovsky // Znamja kommuny [Banner of the Commune]. – 1930. – No. 6. – P. 2.
 9. Kolhoznyy natiskom dobit' klass kulakov [Finish off the kulak class with a collective farm attack] // Znamja kommuny [Banner of the Commune]. – 1930. – No. 6. – P. 3.
 10. Vyborgsky, A. Resheno i podpisano [Resolved and signed] / A. Vyborgsky // Znamja kommuny [Banner of the Commune]. – 1930. – No. 6. – P. 3.
 11. Sil'nee udarit' po kulaku [Hit the Kulak harder] // Znamya kommuny [Banner of the Commune]. – 1930. – No. 9. – P. 1.
 12. Znamja kommuny [Banner of the commune]. – 1930 – No. 42. – P. 6.
 13. Oshibka ili kulackaya politika [Error or kulak politics] // Znamja kommuny [Banner of the Commune]. – 1930. – No. 38. – P. 1.
 14. Zabyli pro kolhoz [Forgot about the collective farm] // Znamja kommuny [Banner of the Commune]. – 1930. – No. 4. – P. 3.
 15. V bor'be za sploshnoj kolhoz [In the struggle for a continuous collective farm] // Znamja kommuny [Banner of the Commune]. – 1930. – No. 35. – P. 2.
 16. Kalinin. Leninec trebuet vnimaniya [Leninist demands attention] / Kalinin // Znamja kommuny [Banner of the Commune]. – 1930. – No. 41. – P. 3.
 17. Zhdanov. Protiv nedoocenki Sozov [Against the underestimation of Sozov] / Zhdanov // Znamja kommuny [Banner of the Commune]. – 1930. – No. 6. – P. 2.

References

1. Stalin, I. V. God velikogo pereloma: K XII godovshchine Oktyabrya [The year of the great turning point: To the XII anniversary of the October Revolution] / I. V. Stalin // Pravda. – 1929. November 7. – No. 259.
2. Berdinskikh, V. A. GULAG kak neizbezhnost' razvitiya sovetskoj sistemy (1920-e gody) [GULAG as the inevitability of the development of the Soviet system (1920s)] / V. A. Berdinskikh // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2023. – No. 1. – P. 103–110.
3. Oskolkov, E. N. Golod 1932 / 1933. Hlebozagotovki i golod 1932 / 1933 goda v Severo-Kavkazskom krae [Famine of 1932/1933. Grain procurement and famine of 1932/1933 in the North Caucasus region] / E. N. Oskolkov. – Rostov-on-Don, 1991. – 91 p.
4. Tokareva, N. A. Deformaciya social'no-ekonomicheskikh otnoshenij v stanicah i selah Severo-Kavkazskogo kraja v 1928–1929 gg.: prichiny i posledstviya: avtoref.diss. ... kand. ist. nauk [Deformation of socio-economic relations in the villages of the North Caucasus region in 1928–1929: causes and consequences: abstract of diss... Cand. Sci. (History)] / N. A. Tokareva. – Rostov-on-Don, 1994. – 19 p.

Информация об авторе:

Мерзляков Михаил Петрович – директор «Раздорского этнографического музея-заповедника» (346560, Российская Федерация, станция Раздорская, ул. Калинина, д. 117; e-mail: mix.merzo@yandex.ru).

Author:

Mikhail P. Merzlyakov (Melikhovskaya station) – Director of the “Razdor Ethnographic Museum-Reserve” (117, Kalinina st., Razdorskaya village 346560, Russian Federation; e-mail: mix.merzo@yandex.ru)

Для цитирования:

Мерзляков, М. П. Коллективизация на страницах газеты «Знамя коммуны» Новочеркасского района в 1930 году / М. П. Мерзляков // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 6 (72). – С. 59–64.

For citation:

Merzlyakov, M. P. Collectivization on the pages of the newspaper «Banner of the Commune» of the Novocherkassk region in 1930 / M. P. Merzlyakov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2024. – No. 6 (72). – P. 59–64.

Дата поступления рукописи: 11.03.2024

Прошла рецензирование: 15.03.2024

Принято решение о публикации: 22.03.2024

Received: 11.03.2024

Reviewed: 15.03.2024

Accepted: 22.03.2024

Из опыта организации и деятельности истребительных батальонов на Западной Украине в 1940–1950 годы

А. Е. Епифанов

Научно-исследовательский центр
Академии управления МВД России,
г. Москва
mvd_djaty@mail.ru

Аннотация

В статье с историко-правовых позиций раскрываются регламентация и практика деятельности истребительных батальонов по борьбе с националистическими бандформированиями на территории Западной Украины в 1940–1950-е гг. Автор анализирует опыт организации истребительных батальонов, порядок их формирования и оперативно-служебной деятельности, основные результаты работы. В основу исследования положены впервые вводимые в научный оборот архивные материалы Главного управления внутренних войск НКВД, МВД и МГБ СССР.

Ключевые слова:

истребительные батальоны, Западная Украина, националистические бандформирования, органы внутренних дел

Организация и деятельность советских истребительных батальонов явились темой для многих исследований по истории добровольческих вооруженных формирований Великой Отечественной войны. В основанных на архивных документах работах Ф. Г. Банникова [1], С. В. Биленко [2], В. Е. Никулина [3], М. Н. Петрова [4], А. Н. Терновского [5] и др. детально раскрывается их вклад в разгром гитлеровских захватчиков и их пособников. Отдельные работы, в частности Т. Д. Медведева [6], С. Н. Ткаченко [7] и др., уделяли внимание истребительным батальонам и иным вооруженным формированиям из представителей местного населения в борьбе с националистическим подпольем и его бандами в западных областях Белоруссии, Украины и Прибалтики. При этом были раскрыты их период функционирования, численность, вооружение, организационная и территориальная структура, формы участия в направленных против националистов чекистско-войсковых операциях. Не умаляя заслуг бойцов и командиров истребительных батальонов в борьбе с националистами, вместе с тем представляется необходимым скорректировать сложившиеся представления в этой сфере и дополнить их с учетом не исследованных ранее архивных оперативно-служебных материалов внутренних войск.

From the experience of organizing and operating Fighter Battalions in Western Ukraine in the 1940s–1950s

A. E. Epifanov

Scientific Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow
mvd_djaty@mail.ru

Abstract

The paper reveals the regulation and practice of the activities of fighter battalions to combat nationalist gangs on the territory of Western Ukraine in the 1940s – 1950s from a historical and legal point of view. The research is based on archival materials of the Main Directorate of the Internal Troops of the NKVD, the Ministry of Internal Affairs and the Ministry of State Security of the USSR, which were introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords:

Fighter Battalions, Western Ukraine, nationalist gangs, internal affairs bodies

С началом 1945 г. региональное руководство органов внутренних дел Западной Украины настойчиво устанавливало в каждом населенном пункте такой порядок, который делал недоступным каждое село и каждый дом для националистического подполья и его бандформирований [8, с. 22]. Согласно постановлению пленума ЦК КП(б)У от 10 января 1945 г., жителями всех населенных пунктов была образована так называемая самообрана. На нее возлагалась задержание и доставка в сельсоветы всех появившихся в темное время суток неизвестных лиц. Списки самообраны и график ее круглосуточных дежурств составляли председатели сельсоветов. Установленный порядок обеспечивали участковыми уполномоченными милиции, каждому из которых вверялись по два села. Аналогичные формирования создавались на предприятиях из числа рабочих. Кроме того, на предмет борьбы с националистическими бандами названным постановлением было предписано создавать в каждом районном центре и большом селе истребительные батальоны из местных жителей. При этом их основу были призваны составить бывшие партизаны и иные лица, обладавшие навыками боевых действий, с оуновцами в частности. Также в каждом из населенных пунктов образовывались группы содействия истребительным батальонам [9, с. 117].

Идея активизировать местное население в борьбе с националистическими бандформированиями зародилась в ноябре 1945 г. среди оперативных работников Управления внутренних войск (далее – УВВ) Украинского округа [10, с. 182]. С тем чтобы добиться помощи с его стороны, было признано необходимым надлежащим образом организовать местных жителей. По мысли специалистов УВВ Украинского округа, бандитам следовало противопоставить организованное население. Более того, этой организации предполагалось придать принудительный характер. Как ожидалось, население воспримет такую форму собственной организации более благосклонно, нежели добровольную. Подобные формирования было предложено именовать бригадами (отрядами) самообороны. В первую очередь их рекомендовалось организовывать в тех населенных пунктах, где дислоцировались гарнизоны внутренних войск и частей РККА, т. е. при наличии «вооруженной опоры». В названные бригады предполагалось включать прежде всего людей несемейных, не имеющих хозяйств, пришлых и им подобных. Считалось, что эта категория лиц подвержена влиянию бандитов менее всего. Затем предлагалось рекрутировать членов бригад самообороны из числа отслуживших в Красной армии, сочувствующих или преданных советской власти местных жителей. В качестве организаторов и руководителей названных бригад выдвигались сотрудники райотделов НКВД и НКГБ, райвоенкоматов, партийных органов, на которых возлагалась ответственность за состояние и работу каждой бригады.

Во главе бригад надлежало ставить опытных, авторитетных и энергичных представителей местного населения. В отдельных случаях допускалось замещение данных постов оперативными работниками и офицерами внутренних войск. В свою очередь на начальника бригады возлагался подбор ее личного состава. О поддержании авторитета начальника бригады надлежало неустанно заботиться. Мелочное командование им не допускалось. В управлении бригадой ему следовало предоставить необходимую самостоятельность. Использование бригады допускалось только через ее начальника [11, с. 82].

По поводу организации бригады и включения в нее того или иного местного жителя предполагалось издавать приказ за подписью соответствующего начальника райотдела НКВД, райвоенкома или председателя районного совета депутатов. Признавалось необходимым создание для членов бригад самообороны определенных стимулов и заинтересованности, вплоть до введения для них СНК УССР определенных льгот.

Бригады самообороны подлежали вооружению в обязательном порядке, но дифференцированно. Как справедливо полагали специалисты УВВ Украинского округа, без оружия данные формирования в целом, равно как и их отдельные члены, будут служить только мишенью для бандитов. Вместе с тем они не исключали возможности изъятия или нейтрализации выданного бригадам самообороны вооружения, а также его использования против внутренних войск. В этой связи было признано целесообразным на первых порах поделить личный состав

каждой бригады на две части: вооруженную и безоружную. В вооруженную часть подлежали зачислению более проверенные и наименее подверженные страху местные жители. Учитывая местные условия, а также потребности борьбы с бандитизмом бригады самообороны в этой части предполагалось держать на казарменном положении, ночью в частности. В безоружную часть было рекомендовано зачислять как можно больше местных жителей, даже «мало сочувствующих» советской власти, с тем, чтобы скомпрометировать их перед националистами. По сути, эта безоружная группа была призвана служить ширмой для основной вооруженной группы. Давать им какие-либо «частные задания» не разрешалось. Безоружных членов бригад самообороны полагалось держать подальше от вооруженных, избегая при этом посвящать их в деятельность последних и использовать для проведения лишь «общих мероприятий» [там же, с. 82 об.].

Насколько можно судить по имеющимся архивным материалам, активная фаза организации истребительных батальонов развернулась к середине 1946 г. Так, особенностью наступившего во 2 квартале нового этапа борьбы с националистическими бандформированиями УВВ Украинского округа признавалось создание во всех населенных пунктах Западной Украины по инициативе ЦК КП(б)У в помощь органам и войскам МВД вооруженных истребительных групп из местного населения, укомплектованных из наиболее близких советской власти слоев населения, а также демобилизованных бойцов Красной армии. На истребительные отряды возлагались большие надежды в деле окончательного «искоренения» бандитов. Предполагалось, что при правильном подходе к комплектованию, организации их боевой подготовки и политического воспитания личного состава, бандиты будут окончательно выбиты из населенных пунктов, лишены источников продовольствия, одежды и информации. Кроме того, организация истребительных отрядов рассматривалась в качестве показателя политической активности населения и его отношения к оуновцам [12, с. 182].

Националисты со своей стороны сознавали ту опасность, которую представляли для них истребительные отряды и всеми силами стремились не допустить их укрепления и дальнейшего развития. С этой целью они пытались прежде всего подорвать их изнутри путем засылки своих агентов из числа бывших бандитов, ранее легализовавшихся или остававшихся неразоблаченными. Пробравшись в истребительные отряды, подобные лица, пользуясь недостаточной бдительностью их руководства, проводили разложеческую работу и при каждом удобном случае выстрелами в спину убивали своих командиров и оперативный состав районных отделений МВД.

Еще одним способом борьбы с истребительными отрядами, который избрали оуновцы, явилось их разоружение. Благодаря этому они также имели возможность пополнять свои значительно оскудевшие запасы вооружения и боеприпасов. В общей сложности, за 2 квартал 1946 г. внутренними войсками были зафиксированы 122 случая нападений на истребительные отряды и их разоружения [13, с. 129].

Характерно, что в общем количестве зарегистрированных в апреле 1946 г. внутренними войсками бандитских проявлений первое место занимали именно случаи нападения оуновцев на истребительные отряды и их разоружение (51 случай, или 39 % к общему числу бандпроявлений) [12, с. 273]. Ни одного случая оказания истребительными отрядами сопротивления разоружению их бандитами при этом не зафиксировано. Напротив, отмечалась добровольная сдача «по взаимной договоренности» истребительными отрядами своего оружия бандитам. Часто бойцы истребительных отрядов примыкали к бандеровцам и активно участвовали в террористических актах против совпартактива и сотрудников местных органов внутренних дел и госбезопасности. Так, имел место факт разоружения истребительной группой с. Лучинцы (Станиславская область) истребительной группы соседнего с. Бабухова. Закопав свое и захваченное оружие, названная истребительная группа распустила слух о своем разоружении неизвестной оуновской бандой. Шесть бойцов этой группы принимали активное участие в убийствах уполномоченных райотдела МВД [там же, с. 273]. Разведорганами внутренних войск в составе истребительных отрядов были разоблачены активные бандиты, связники и пособники оуновцев [14, с. 34].

Большое количество подобных проявлений вызывалось допущенной при комплектовании истребительных отрядов поспешностью, в результате которой в их состав проникли сочувствующие оуновцам лица и даже бывшие бандиты; недостаточным политическим воспитанием истребительных отрядов; беспечностью и «небдительностью» руководящего и оперативного составов истребительных отрядов. Необходимо отметить, что негативное влияние на организацию и деятельность истребительных отрядов оказало снятие гарнизонов Красной армии в населенных пунктах, в результате чего тем пришлось действовать самостоятельно, без надлежащей подготовки.

Хотя и в меньшем объеме, случаи разоружения оуновцами истребительных отрядов отмечались летом 1946 г. Вместе с тем, оуновцы пытались проникнуть в ряды истребительных отрядов и использовать их в своей преступной деятельности [15, с. 58].

Также для рассматриваемого периода был характерен возврат к прежней преступной деятельности многих ранее легализовавшихся бандитов. Так, в ночь на 24 мая 1946 г. в местечке Коропец бандгруппой оуновцев было ограблено помещение райпотребсоюза и ранен секретарь райкома ЛКСМУ. 15 июня того же года в Коропецком районе у с. Гравек националистами были обстреляны пять бойцов 86-го стрелкового полка внутренних войск, следовавшие вместе с 1-м секретарем райкома КП(б)У П. Б. Криворотом и сопровождавшими его лицами. В ходе нападения один из военнослужащих внутренних войск был убит. Ранены сержант и работник райкома КП(б)У.

Из показаний одного из захваченных бандитов выяснилось, что названные преступления были совершены бандой главаря по прозвищу Камень. Проведенные оперативно-розыскные мероприятия привели к аресту пяти легализовавшихся ранее бандитов, восьми бойцов истребительного батальона и председателя местного сельсо-

вета. Следствие установило, что все арестованные входили в состав названной банды и принимали участие в ее злодеяниях. Один из арестованных «истребков» при этом являлся станичным руководителем ОУН. Как выяснилось, Камень по мере необходимости собирал своих бандитов для совершения тех или иных вылазок и вооружал их. После их завершения бандиты разоружались и распускались по домам [12, л. 373].

Нападения на истребительные группы и их разоружение составили в этом периоде 15 % (18 случаев) от общего числа бандитских вылазок. Так, 17 июня 1946 г. в с. Быстрице Подбужского района бандиты напали на местный истребительный отряд, убив при этом шесть человек и ранив одного бойца, а также захватив три винтовки [там же, л. 382]. По-прежнему в ряде случаев оуновцам удавалось проникать в ряды бойцов истребительных отрядов и совершать свои злодеяния под их прикрытием. Например, 7 июня 1946 г. в с. Дроздовице Городецкого района пятью вступившими в истребительный отряд оуновцами были убиты командир отряда, его жена и местный житель [там же].

Снизить количество бандпроявлений этой категории некоторым образом позволили меры по организационному укреплению истребительных отрядов. В частности, в их ряды были направлены свыше 150 подлежащих демобилизации сержантов внутренних войск. Начальники гарнизонов последних усилили контроль за организацией и деятельностью истребительных отрядов, состоянием их боевой готовности, оказывали им помощь в боевой и политической подготовке [там же, л. 381].

В июле 1946 г. к руководству органов внутренних дел и командованию внутренних войск пришло осознание бесперспективности организации и деятельности истребительных отрядов в сложившихся формах. Представление об общем положении дел в этой сфере позволяет составить справку начальника внутренних войск МВД СССР, одновременно являвшегося уполномоченным названного министерства по Станиславской области, генерала-лейтенанта П. В. Бурмака, подготовленная 10 июля 1946 г. [16, л. 302–305]. Из нее следовало, что на 1 апреля того же года только в этом регионе числилось 506 подобных батальонов. Их личный состав насчитывал 10 221 чел. Как отмечал генерал-лейтенант П. В. Бурмак, формирование названных батальонов осуществлялось без достаточной проверки бойцов. По этой причине истребительные батальоны в значительной степени оказались засорены неблагонадежными элементами. Агентурная работа по их освещению также была поставлена плохо. Так, в с. Лучинцы Бурштывского района связанный с бандой боец истребительного батальона Б. Т. Палацкий по ее заданию организовал групповое предательство. В результате весь батальон численностью в 20 чел., совершив убийство находившегося в селе по делам службы уполномоченного райотдела МВД П. Д. Грищенко, захватил оружие и ушел в лес [там же].

Отсутствие контроля и руководства со стороны территориальных органов внутренних дел, засоренность истребительных батальонов неблагонадежными элементами привели к тому, что за период с 1 января по 30 мая

1946 г. в 10 районах области оуновцами были разоружены 40 истребительных батальонов из 700 бойцов. 605 стволов оружия оказались в распоряжении националистов. Только в трех случаях «истребки» оказали националистам сопротивление при разоружении.

В апреле – мае 1946 г. оперативным составом областного и районных управлений МВД проводилась работа по укреплению боеспособности истребительных батальонов, их очистке от неблагонадежных элементов. По состоянию на 1 июня 1946 г. были проверены все 506 батальонов. При этом из их состава были исключены 4229 чел. и 57 арестованы. По результатам проверки 137 батальонов были расформированы. Одновременно были сформированы 22 новых истребительных батальона, насчитывавших 774 бойца. На 1 июня 1946 г. их количество в Станиславской области достигло 351, а личный состав – 6066 бойцов [там же, л. 303].

В своей практической деятельности по борьбе с националистическими бандформированиями истребительные батальоны имели весьма скромные результаты. С 1 января по 1 июня 1946 г. в Станиславской области ими были убиты 38 бандитов и 122 их пособника, 147 оуновцев и 336 их сообщников захвачены живыми.

Проверка состояния истребительных батальонов установила исключительно неблагоприятное материальное положение их бойцов. Фактически все они находились на самообеспечении. В связи с необходимостью несения службы и участия в борьбе с бандитизмом, «истребки» оказывались оторванными от своих хозяйств и оставались на полном иждивении родственников, которые в большинстве случаев не имели никакой возможности ни кормить, ни одевать их.

Уже в мае 1946 г. во многих районах области наблюдались неоднократные случаи отказа бойцов от службы в истребительных батальонах по причине их материальной необеспеченности. Часть бойцов, не желая служить в истребительном батальоне, переходила на нелегальное положение. Многие, бросив оружие, уходили в города на заработки.

Местные партийные и советские органы должных мер по обеспечению истребительных батальонов продовольствием и обмундированием не принимали. В свою очередь, «экономическая» необеспеченность «истребков» не позволяла эффективно их использовать в борьбе с оуновцами. Агитационно-пропагандистская работа среди личного состава истребительных батальонов была поставлена плохо.

Учитывая, что изложенные обстоятельства самым негативным образом сказывались на боеспособности истребительных батальонов, генерал-лейтенант П. В. Бурмак наряду с мерами, предпринятыми по их очистке и укреплению, выдвинул ряд предложений, призванных коренным образом улучшить положение в рассматриваемой сфере. Прежде всего, он потребовал расформировать все истребительные батальоны, действовавшие в области. По его мнению, из их личного состава следовало отобрать наиболее преданных бойцов, проверенных в борьбе с бандитизмом и сформировать из их числа по три истребительные группы при райотделах МВД, до 50

чел. каждая. В общей сложности, по мысли П. В. Бурмака, общее количество «истребков» по области должно было составить 1800 чел.

На предмет повышения заинтересованности бойцов истребгрупп, создания им обеспечивающих служебную деятельность благоприятных материальных условий, Б. В. Бурмак предложил взять их на полное государственное обеспечение. При этом каждому из них предполагалось выплачивать денежное пособие в размере 200 руб. в месяц, выдать продовольственную карточку и поношенное обмундирование двух-трех сроков носки со складов ОУВС МВД. Названные мероприятия П. В. Бурмак предлагал считать временными и только на период 1946 г. После укрепления партийно-советского аппарата на местах, истребительные батальоны, по его мнению, подлежали расформированию в полном составе [там же, л. 305].

В августе 1946 г. количество случаев разоружения бандеровцами истребительных отрядов оставалось значительным. Используя свою агентуру среди их бойцов, в основном ранее легализовавшихся бандитов, а также слабую работу с личным составом истреботрядов, оуновцы стремились «подорвать» их, разоружая и убивая наиболее стойких. Более того, в отдельных случаях и не безуспешно националисты пытались использовать истреботряды как свое оружие. Порой дело доходило до того, что некоторые истребительные отряды практически в полном составе представляли собой националистические бандформирования и принимали активное участие в оуновских терроре и диверсиях. Так, 20 августа 1946 г. по показаниям двух захваченных бандитов в с. Красне Ланчинского района отрядом 450 стрелкового полка внутренних войск была «изъята» и разоружена истребгруппа из 28 чел. 14 из них сразу же были разоблачены как участники бандитских вылазок, в отношении остальных возбуждено расследование [12, с. 469].

В общей сложности внутренними войсками Украинского округа в 1946 г. были зарегистрированы 238 нападений на истребительные батальоны, с последующим их разоружением. По данным МВД СССР, за 11 месяцев 1946 г. бандитами были убиты и уведены в плен 395 их бойцов [17, с. 143].

Как показало дальнейшее развитие событий, командиры подразделений внутренних войск не испытывали особого энтузиазма от привлечения «истребков» к чекистско-войсковым операциям против националистических бандформирований. После смены ведомственной принадлежности внутренних войск на МГБ СССР, положение в рассматриваемой сфере в лучшую сторону так и не изменилось. Вместе с тем, командование внутренних войск МГБ СССР настойчиво требовало от вверенных частей и соединений всячески привлекать местное население на свою сторону, любыми способами использовать его в борьбе с националистическим подпольем и его бандформированиями. Одной из форм такого сотрудничества явилось формирование в пораженных бандитизмом регионах так называемых «баз содействия», члены которых использовались главным образом в оперативно-розыскных мероприятиях.

В этой связи директивой Главного управления внутренних войск (далее – ГУВВ) МГБ СССР № 1/00567 от 15 марта 1947 г. внимание командиров всех соединений Украинского округа было обращено на недостаточную политико-воспитательную работу среди местного населения и его слабое использование в борьбе с бандитизмом. По планам партийных комитетов и в тесной увязке с ними, командирам частей и подразделений внутренних войск было предписано широко развернуть массовую политико-воспитательную работу среди местных жителей и на этой основе добиться увеличения баз содействия и активизации их деятельности по оказанию помощи войскам в борьбе с бандитизмом. При этом надлежало воспользоваться наступившим изменением обстановки, выразившемся в успешном выполнении и перевыполнении государственного плана хлебозаготовок, значительном увеличении притока крестьян в колхозы и усилении «нажима» на кулацкие элементы. Кроме того, надлежало использовать значительно укрепившиеся к тому времени местные органы советской власти.

По данным штабов дивизий внутренних войск, за июнь – сентябрь 1947 г. в базы содействия были вовлечены 225 чел. В общей сложности количество их участников на 1 октября 1947 г. составило 519 чел., что было признано недостаточным [18, л. 264].

Командование внутренних войск МГБ Украинского округа отмечало, что крайне слабая работа среди местного населения предопределила и низкие результаты его участия в уничтожении банд националистов. В течение названного периода были убиты лишь 27 и захвачены живыми 23 оуновца. По мнению начальника ГУВВ МГБ СССР генерала-майора С. М. Фадеева, значительная часть офицерского состава не уяснила роли баз содействия в осуществлении поставленных перед внутренними войсками задач по разгрому националистов.

Факты свидетельствовали о том, что, если с местными жителями проводилась соответствующая работа, они оказывали серьезную помощь войскам в борьбе с бандитизмом [19, с. 215]. Так, 9 мая 1947 г. командиру 3 стрелковой роты 331 стрелкового полка от одного из членов бригады содействия поступили сведения о том, что на хуторах в районе с. Копычинцы скрывается группа бандитов. В результате умелых и решительных действий внутренних войск была полностью ликвидирована бандбоекка «Береза», причем два бандита были убиты и четверо захвачены живыми. Вместе с тем, отмечалось, что подобные проявления носили единичный характер.

Учитывая наступление зимнего периода, роль базы содействия приобрела особое значение, в связи с усилением тяготения бандитов к населенным пунктам. В целях повсеместного всемерного усиления работы с местным населением, а также эффективного использования базы содействия в окончательном разгроме оуновского подполья и его банд директивой командования УВВ МГБ Украинского округа № 002034 от 18 ноября 1947 г., командирам вверенных частей и соединений было предписано принять все меры к вовлечению в члены БС проверенной части местного населения, особенно из среды колхозни-

ков, беднейшей части крестьянства и сельского актива, всемерно активизировать их деятельность по оказанию помощи войскам в борьбе с бандитами.

Всех членов базы содействия, по данным которых были ликвидированы бандгруппы националистов, оуновские организации или отдельные бандиты, предписывалось представлять к поощрению ценными подарками через начальников районных отделов и областных управлений МГБ. Все случаи результативной работы войсковых нарядов, по данным членов БС, подлежали подробному описанию в месячных оперативных справках [18, л. 264–268].

Несмотря на переформирование истребительных батальонов в группы защиты народа и охраны общественного порядка в 1948 г., это наименование по-прежнему сохранилось в обиходе внутренних войск, а также органов внутренних дел и госбезопасности. Вместе с тем, к названным группам перешли и свойственные истребительным батальонам проблемы. 20 марта 1950 г. П. В. Бурмак в своей записке по ВЧ отметил, что командиры подразделений внутренних войск, привлекая бойцов народной защиты и групп охраны общественного порядка для выполнения служебно-оперативных задач, их подготовку не проводили, боеготовность не проверяли и от руководства ими устранились [20, л. 14]. По этой причине при столкновении с бандитами они бездействовали и несли неоправданные потери, а бандиты безнаказанно уходили. На предмет подъема боеспособности названных бойцов П. В. Бурмак обратился к начальнику УВВ МГБ Украинского округа с предложением в каждом отдельном случае при привлечении к выполнению служебно-оперативных задач в обязательном порядке проводить их тщательную подготовку. При этом особое внимание обращалось на состояние боеготовности, вооружения и руководства подразделениями.

28 июня 1951 г., например, 22 бойца из группы охраны общественного порядка приняли участие в уничтожении оуновской банды районного проводника «Горобец» в Радеховском и Лопатинском районах Львовской области. Группам охраны общественного порядка и милиции при этом были поручены отвлекающие поисковые мероприятия в окрестных селах, а также перекрытие путей отхода бандитов. Основной их задачей было заставить националистов покинуть населенные пункты и выйти на болото. Никакого участия в боевых действиях 88 стрелкового полка внутренних войск они не принимали [21, л. 137, 142].

30 декабря 1952 г. органы и войска МГБ СССР получили от ЦК КПСС предписание об окончательной ликвидации нацподполья и его банд в западных областях УССР. 24 января 1953 г. министр государственной безопасности С. Д. Игнатьев в этой связи издал приказ об осуществлении соответствующих мер в феврале–апреле того же года, согласно которому, к ликвидации бандитизма и розыску нелегалов были привлечены милиция, истребительные батальоны, группы защиты народа и охраны общественного порядка [22, л. 5–7]. В таком порядке названные формирования продолжали действовать вплоть до их формальной ликвидации в 1954 г.

С учетом изложенного необходимо отметить, что организация истребительных батальонов и иных вооруженных формирований из числа местных жителей в рассмотренный период ожидаемого эффекта не принесла. Их личный состав надежностью и необходимой боеспособностью не отличался, использовался в основном на второстепенных участках борьбы с националистическим подпольем и его бандами. Практиковавшиеся формы и методы формирования и деятельности истребительных батальонов повлекли их нежизнеспособность и низкую эффективность. Недочеты, допущенные при комплектовании батальонов, во многих случаях позволили националистам использовать последние, а также их вооружение в своих целях. Представляется, что извлеченный в настоящей статье опыт по организации и деятельности истребительных батальонов заслуживает внимания при проведении аналогичных мероприятий в современных условиях и может помочь избежать подобных ошибок в ходе формирования нынешних подразделений территориальной обороны.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Банников, Ф. Г. Истребительные батальоны НКВД СССР в Великой Отечественной войне. 1941-1945 гг. / Ф. В. Банников. – Москва, 1968. – 72 с.
2. Биленко, С. В. На охране тыла страны. Истребительные батальоны и полки в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. / С. В. Биленко. – Москва : Наука, 1988. – 256 с.
3. Никулина, В. Е. Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне: формирование и деятельность / В. Е. Никулина // Российская история: проблемы, мнения, оценки. Учёные записки. Вып. 3. – Пятигорск, 2004. – С. 181-188.
4. Петров, М. Н. Истребительные батальоны НКВД / М. Н. Петров // Новгородский архивный вестник. – 1999. – № 1. – С. 93-108.
5. Терновский, А. Н. Роль истребительных батальонов в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. / А. Н. Терновский // Актуальные вопросы современной науки. – 2013. – Вып. 28. – С. 89-99.
6. Медведев, Т. Д. Истребительные батальоны НКВД в западных республиках СССР: процессы создания, способы комплектования, особенности применения (осень 1943-весна 1945 года) / Т. Д. Медведев // The Soviet and Post-Soviet Review. – 2022. – № 49. – С. 274-303.
7. Ткаченко, С. Н. Повстанческая армия (тактика борьбы) / С. Н. Ткаченко. – Москва : АСТ, 2000. – 148 с.
8. Епифанов, А. Е. Реабилитация иностранцев, осужденных за военные преступления / А. Е. Епифанов // Российская юстиция. – 2001. – № 1. – С. 21-22.
9. Политическое руководство Украины: 1938-1989 / сост. В. Ю. Васильев [и др.]. – Москва : Росспэн, 2006. – С. 117.
10. Ашихмина, А. В. Механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации / А. В. Ашихмина, А. Е. Епифанов, В. М. Абдрашитов. –

Волгоград : Издательство Волгоградского государственного университета, 2008. – 222 с.

11. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 38650. Оп. 1. Д. 257. Л. 81 – 82 об.
12. РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 145. Л. 272.
13. РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 140. Л. 129.
14. Епифанов, А. Е. Особые государственно-правовые режимы в отечественной теории государства и права / А. Е. Епифанов, Я. Р. Джамбалаев // Право и практика. – 2012. – № 1. – С. 30-36.
15. Епифанов, А. Е. Организационные и правовые основы деятельности комиссий по установлению и расследованию гитлеровских злодеяний / А. Е. Епифанов // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16, № 4. – С. 54-61.
16. РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 144. Л. 302-305.
17. РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 241. Л. 143.
18. РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 229. Л. 264-268.
19. Долгих, Ф. И. История государства и права России: учебник / 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Университет «Синергия», 2021. – 322 с.
20. РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 437. Л. 14.
21. РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 465. Л. 137, 142.
22. РГВА. Ф. 40600. Оп. 1. Д. 238. Л. 5-7.

References:

1. Bannikov, F. G. Istrebitelnye batalyony NKVD SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne. 1941-1945 gg. [Fighter battalions of the NKVD of the USSR in the Great Patriotic War. 1941-1945] / F. G. Bannikov. – Moscow, 1968. – 72 p.
2. Bilenko, S. V. Na oxrane tyla strany. Istrebitelnye batalyony i polki v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945 gg. [Guarding the rear of the country. Fighter battalions and regiments in the Great Patriotic War of 1941-1945] / S. V. Bilenko. – Moscow: Nauka, 1988. – 256 p.
3. Nikulina, V. E. Istrebitelnye batalyony v Velikoj Otechestvennoj vojne: formirovanie i deyatelnost' [Fighter Battalions in the Great Patriotic War: formation and activity] / V. E. Nikulina // Rossijskaya istoriya: problemy, mneniya, ocenki. Uchyonye zapiski [Russian history: problems, opinions, assessments. Scientific notes]. Issue 3. – Pятигорск, 2004. – P. 181-188.
4. Petrov, M. N. Istrebitelnye batalyony NKVD [NKVD Fighter Battalions] / M. N. Petrov // Novgorodskij arxivnyj vestnik [Novgorod Archival Bulletin]. – 1999. № 1. – P. 93-108.
5. Ternovsky, A. N. Rol' istrebitelnyh batalyonov v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945 gg. [The role of Fighter Battalions in the Great Patriotic War of 1941-1945] / A. N. Ternovsky // Aktualnye voprosy sovremennoj nauki [Current issues of modern science]. – 2013. – Issue 28. – P. 89-99.
6. Medvedev, T. D. Istrebitelnye batalyony NKVD v zapadnyh respublikah SSSR processy sozdaniya, sposoby komplektovaniya, osobennosti primeneniya (Osen' 1943-vesna 1945 goda) [NKVD Fighter Battalions in the Western Republics of the USSR: creation processes, methods of recruitment, features of use (Autumn 1943-Spring 1945)] / T. D. Medvedev // The Soviet and Post-Soviet Review. – 2022. – № 49. – P. 274-303.

7. Tkachenko, S. N. Povstancheskaya armiya (Taktika borby) [Rebel Army (Fighting tactics)] / S. N. Tkachenko. – Moscow: ACT, 2000. – 148 p.
8. Epifanov, A. E. Reabilitaciya inostrancev, osuzhdennyh za voennye prestupleniya [Rehabilitation of foreigners convicted of war crimes] / A. E. Epifanov // Rossijskaya yusticiya [Russian justice]. – 2001. – № 1. – P. 21–22.
9. Politicheskoe rukovodstvo Ukrainy: 1938–1989 [Political leadership of Ukraine: 1938–1989]. – Moscow: Rosspen, 2006. – P. 117.
10. Ashikhmina, A. V. Mehanizm ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii. [Mechanism of restriction of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation] / A. V. Ashikhmina, A. E. Epifanov, V. M. Abdrashitov. – Volgograd: Volgograd State Univ. Publ., 2008. – 222 p.
11. Rossijskij gosudarstvennyi voennyj arhiv [Russian State Military Archives] (RGVA). F.38650. Op. 1. D. 257. L. 81–82 ob.
12. Ibid. F. 38650. Op. 1. D. 145. L. 272.
13. Ibid. F. 38650. Op. 1. D. 140. L. 129.
14. Epifanov, A. E. Osobyе gosudarstvenno-pravovye rezhimy v otechestvennoj teorii gosudarstva i prava [Special State and Legal Regimes in the Russian Theory of State and Law] / A. E. Epifanov, Ya. R. Dzhambalaev // Pravo i praktika [Law and practice]. – 2012. – No. 1. – P. 30–36.
15. Epifanov, A. E. Organizacionnye i pravovye osnovy deyatel'nosti komissij po ustanovleniyu i rassledovaniyu gitlerovskih zlodeyanij [Organizational and Legal Basis for the activities of the Commissions for the Establishment and Investigation of Hitler's Atrocities] / A. E. Epifanov // Pravovaya paradigma [The legal paradigm]. – 2017. – Vol. 16, № 4. – P. 54–61.
16. RGVA. F. 38650. Op. 1. D. 144. L. 302–305.
17. Ibid. F. 38650. Op. 1. D. 241. L. 143.
18. Ibid. F. 38650. Op. 1. D. 229. L. 264 – 268.
19. Dolgikh, F. I. Istoriya gosudarstva i prava Rossii: uchebnik [History of State and Law of Russia: Textbook] / 3rd ed., revised and updated / F. I. Dolgikh. – Moscow: Universitet «Sinergiya» [“Synergy” University], 2021. – 322 p.
20. RGVA. F. 38650. Op. 1. D. 437. L. 14.
21. Ibid. F. 38650. Op. 1. D. 465. L. 137, 142.
22. Ibid. F. 40600. Op. 1. D. 238. L. 5 – 7.

Информация об авторе:

Епифанов Александр Егорович – профессор, доктор юридических наук, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России; Scopus Author ID: 57216007693 <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770> (125171, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8; e-mail: mvd_djaty@mail.ru).

Author:

Alexandr E. Epifanov – Prof., Dr. of Law, Chief Researcher of the Department for the Study of the Problems of the History of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Academy of Management of the Internal Affairs of Russia; Scopus Author ID: 57216007693 <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770> (8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh, Moscow 125171, Russian Federation; e-mail: mvd_djaty@mail.ru).

Для цитирования:

Епифанов, А. Е. Из опыта организации и деятельности истребительных батальонов на Западной Украине в 1940–1950 годы / А. Е. Епифанов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 6 (72). – С. 65–71.

For citation:

Epifanov, A. E. From the experience of organizing and operating Fighter Battalions in Western Ukraine in the 1940s–1950s // A. E. Epifanov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». 2024.– No. 6 (72). – P. 65–71.

Дата поступления статьи: 19.07.2024

Прошла рецензирование: 23.09.2024

Принято решение о публикации: 27.09.2024

Received: 19.07.2024

Reviewed: 23.09.2024

Accepted: 27.09.2024

Развитие вечернего обучения в системе среднего специального образования на европейском севере России в 1950–1960-е годы

А. М. Мацук

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
almmatsuk@gmail.com

Аннотация

В представленной статье на материалах региональных статистических сборников и ежегодных отчетов средних специальных учебных заведений прослежен процесс развития вечерней формы обучения в данной системе на территории европейского севера России. Хронологические рамки исследования обоснованы проводимой в данный период в СССР реформой образования, одним из значимых аспектов которой являлось развитие рассматриваемой формы обучения. Удалось выявить, что к концу 1960-х гг. в системе среднего специального образования на европейском севере РСФСР заметно расширился список техникумов и училищ, в которых функционировали вечерние отделения, и значительно возросло количество учащихся на данных отделениях. Благодаря развитию вечерней формы обучения техникумам и училищам удалось существенно увеличить подготовку специалистов среднего звена.

Ключевые слова:

среднее специальное образование, европейский север России, техникумы, вечернее обучение, 1950–1960-е гг.

Среди реформ Н. С. Хрущева реформа системы образования в СССР принесла, на наш взгляд, заметный положительный эффект для быстрого развития страны и проведения научно-технической революции. Без подготовленных кадров, в первую очередь средней квалификации, невозможно было внедрять новую технику в производство и выстраивать новые технологические процессы, позволяющие резко увеличить производительность труда. Речь шла о повсеместной замене ручного труда трудом механизированным. Однако старые подходы к образовательной системе вообще и системе среднего специального образования, в частности, затрудняли ее развитие и, как следствие, развитие страны. Реформаторам предстояло в короткое время решить несколько важных задач. В области школьного образования – повысить образовательный уровень выпускников школ. В области среднего специального и высшего образования – в максимальной возможной степени приблизить подготовку

Development of evening education in the system of secondary specialized education in the European North of Russia in the 1950–1960s

A. M. Matsuk

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
almmatsuk@gmail.com

Abstract

In the presented paper, based on the materials of regional statistical collections and annual reports of secondary specialized educational institutions, the process of development of the evening form of education in this system in the territory of the European North of Russia is traced. The chronological framework of the study is justified by the educational reform carried out in the USSR at that time, one of the significant aspects of which was the development of the form of education under consideration. It was revealed that by the end of the 1960s, in the system of secondary specialized education in the European North of the RSFSR, the list of technical schools and colleges in which evening departments functioned, noticeably expanded, and the number of students in these departments increased significantly. Thanks to the development of the evening form of education, technical schools and colleges managed to significantly increase the training of mid-level specialists.

Keywords:

secondary specialized education, European North of Russia, technical schools, evening education, 1950s–1960s.

специалистов к нуждам модернизирующейся экономики как через подготовку студентов и учащихся на новейшем оборудовании, так и через значительное увеличение подготовки специалистов из лиц, уже работающих на производстве. Для этого необходимо было стимулировать развитие систем обучения, позволяющих работающим практикам повышать свой образовательный уровень через вечернюю и заочную формы обучения. В области образования необходимо было снять ограничение в получении среднего школьного, среднего специального и высшего образования, выражавшееся в его платности. Это ограничение было снято в 1956 г. путем отмены взимания платы за обучение в старших классах средних школ, в средних специальных и высших учебных заведениях (Постановление Совета Министров СССР № 768 от 6 июня 1956 г.) [1].

В данной работе мы рассмотрим вопрос о развитии вечерней формы обучения в системе среднего специального образования в 1950–1960-х гг., т. е. проследим не только

конкретный ход реформы в выбранных для исследования регионах, но и ее последствия уже после окончания хрущевской эпохи советской истории (после октября 1964 г.).

Цель исследования – рассмотреть вопрос об успешности реформы образования в данном аспекте развития вечерней формы обучения в среднем специальном образовании. Поставленный вопрос мы изучим на материалах, европейского севера РСФСР (Архангельской, Вологодской и Мурманской областях, а также Карельской и Коми автономных республиках (АССР)), привлекая по мере необходимости сведения в целом по РСФСР.

Система вечернего обучения, сыгравшая существенную положительную роль в развитии школьного образования в дореволюционной России и СССР, нашла свое отражение и в подготовке кадров средней квалификации для народного хозяйства страны: «За годы Советской власти была создана государственная система высшего и среднего специального вечернего образования. Уже в 20–30-е гг. при высших (преимущественно гуманитарных) и средних специальных учебных заведениях стали открываться вечерние факультеты и отделения, были организованы самостоятельные вечерние вузы и техникумы (в 1940 г. работало 8 таких вузов и 47 техникумов)» [2].

Развитие вечернего обучения в целом (вечерние школы рабочей молодежи, вечерние отделения вузов и средних специальных учебных заведений) и в средних специальных учебных заведениях, в частности, было частью общей реформы образования 1950-х гг., направленной на подготовку кадров в условиях начавшейся технической и технологической революции (так называемая научно-техническая революция). В системе среднего специального образования перед реформаторами стояли задачи: 1. привлечение выпускников средних школ в техникумы и училища; 2. повышение квалификационного уровня практиков, находящихся на низких и средних руководящих должностях (прорабы, мастера, технологи, руководители цехов, ферм, колхозов и отделений совхозов и т. д.). Первую задачу попытались решить через введение в систему дневного обучения этих учебных заведений групп ускоренной подготовки из числа окончивших 10 классов; вторую – через развитие вечернего и заочного обучения в техникумах, училищах и других средних специальных учебных заведениях.

В целом вопрос о существовании вечернего образования в средних специальных учебных заведениях как фрагментарно, так и более подробно затрагивался во многих работах по истории среднего специального образования субъектов РСФСР, истории отдельных техникумов и училищ, в обобщающих научных работах по истории областей и республик европейского севера России и отдельных городов, энциклопедических изданиях и др. [см., напр.: 3–12 и др.]. В то же время нам неизвестно ни одной работы, в которой прослежено развитие данного вида обучения на протяжении исследуемого периода, хотя именно такой подход позволяет увидеть результативность работы реформаторов в этом вопросе.

Первое известное нам крупное решение, касающееся вечернего обучения в средних специальных учебных

заведениях в 1950-х гг., было зафиксировано в Постановлении Совета Министров СССР и ЦК КПСС № 1863 от 30 августа 1954 г. «Об улучшении подготовки, распределения и использования специалистов с высшим и средним специальным образованием», к которому были приложения: «Мероприятия по развитию и улучшению заочного и вечернего высшего и среднего специального образования» и «Об установлении дополнительных оплачиваемых отпусков студентам вечерних и заочных высших и средних специальных учебных заведений и о порядке оплаты некоторых категорий работников высших учебных заведений» [13]. Это Постановление впервые рассматривало вечернюю и заочную формы обучения в высшей и средней специальной школах как равные дневной форме обучения.

Принятый 24 декабря 1958 г. закон СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» [14] значительно усилил данную тенденцию. Закон не только продекларировал, что «**В новых условиях особое значение приобретает подготовка специалистов в высших и средних специальных учебных заведениях путем заочного и вечернего обучения (выделено нами – А. М.)**. Заочная и вечерняя система высшего и среднего специального образования должна строиться таким образом, чтобы люди, занимаясь полезным трудом в обществе, в свободное от работы время имели при желании возможность получить высшее или среднее специальное образование или повысить свою квалификацию». Но и были предложены конкретные меры развития данных форм подготовки специалистов, в том числе и среднего звена. В статье 25 закона говорилось, что «**Расширение и улучшение заочного и вечернего образования, как основной формы подготовки специалистов со средним специальным образованием (выделено нами – А. М.)**, проводить путем укрепления заочных и вечерних техникумов, а также организации заочных и вечерних отделений при стационарных учебных заведениях, имеющих квалифицированные кадры преподавателей и соответствующую учебно-материальную базу. На вечернее и заочное обучение принимать преимущественно лиц, работающих по профессиям, родственным избранной специальности».

Статья 29 закона декларировала приоритетное положение указанных форм обучения и в высшей школе: «Признать необходимым всемерное улучшение и расширение вечернего и заочного образования путем укрепления заочных и вечерних вузов, развития сети вечернего и заочного образования на базе стационарных вузов, организации вечерней и заочной подготовки специалистов непосредственно при крупных промышленных и сельскохозяйственных предприятиях».

Закон требовал от Совета Министров СССР и Советов Министров союзных республик разработать и осуществить мероприятия по реализации положений данного закона, в частности, «предоставление дополнительных льгот для студентов старших курсов вузов и техникумов, обучающихся без отрыва от производства;

е) укрепление материально-технической базы вечернего и заочного высшего и среднего специального обра-

зования, обеспечивающее широкое использование кино, радио, телевидения и других современных научно-технических средств».

Наконец, статья 42 закона определяла, что «перестройку высшего и среднего специального образования осуществить в течение трех-пяти лет, начиная с 1959/60 учебного года, с учетом национальных и местных особенностей и таким образом, чтобы количество выпускаемых ежегодно специалистов для народного хозяйства, науки и культуры неуклонно повышалось в соответствии с растущими потребностями в них».

На прошедшем в начале 1959 г. внеочередном XXI съезде КПСС было подчеркнуто, что «в 1959–1965 гг. намечается значительное <...> расширение вечернего и заочного высшего и среднего специального образования» [15]. На основании чего было принято Постановление Совета Министров СССР № 720 от 2 июля 1959 г. «О льготах для студентов вечерних и заочных вузов и учащихся вечерних и заочных средних специальных учебных заведений», в котором с 1959/60 учебного года для указанных категорий учащихся устанавливались дополнительные отпуска с сохранением заработной платы (на период выполнения лабораторных работ, сдачи зачетов и экзаменов, подготовки и защиты дипломного проекта), дополнительные выходные на первые 10 учебных месяцев перед началом выполнения дипломного проекта (работы) или сдачи государственных экзаменов с сохранением 50 % от заработной платы и пр. [16].

Исходя из приведенных данных, мы считаем, что указанные выше документы были рубежными в формировании идеологии реформирования среднего специального образования и значительном увеличении роли вечернего и заочного обучения в развитии системы подготовки кадров средней квалификации в стране в целом и РСФСР в частности.

До проведения масштабной реформы образования в ряде министерств и ведомств СССР и РСФСР существовали вечерние отделения и даже вечерние средние специальные учебные заведения. Так, у Министерства просвещения РСФСР в 1952/53 учебном году в подчинении было 389 дневных училищ, два вечерних училища (оба – дошкольные) и пять вечерних отделений (одно при школьном педагогическом училище, три – при дошкольных и одно – при художественно-графическом училищах) [17]. Однако это явление не имело широкого распространения в прочих министерствах, в подчинении которых находились различные техникумы и училища.

В 1940 – начале 1950-х г., по крайней мере, в одном регионе европейского севера России существовала форма вечернего обучения в средних специальных учебных заведениях. Так, в Архангельской области статистики отмечают наличие учащихся средних специальных учебных заведений, обучающихся на вечерних отделениях в 1945/46 учебном году (0,1 тыс. чел.) [18] и 1950/51 учебном году (0,3 тыс. чел.) [19]. Всего на вечерних отделениях средних специальных учебных заведений и отдельных вечерних техникумах в РСФСР в целом в 1950/51 году обучалось 41,5 тыс. чел., следовательно, доля Европейского Севера

составляла 0,72 %. В то же время доля всех учащихся средних специальных учебных заведений европейского севера России в общей численности таких учащихся РСФСР в этом году равнялась 3,75 % (30,4 тыс. чел. из 810 тыс. чел.).

После начала указанной реформы положение стало меняться. Резко увеличились темпы развития вечернего обучения в системе среднего специального образования РСФСР в целом и регионах европейского севера России в частности. В 1958/59 учебном году в РСФСР вечерников, получающих среднее специальное образование, насчитывалось 220,2 тыс. чел., в 1959/60 учебном году – уже 231,6 тыс. чел. [20].

Рассмотрим ситуацию с этим вопросом на европейском севере России. Для этого приведем конкретные данные по разным регионам европейского севера РСФСР за вторую половину 1950-х г.

В Архангельской области вечерние отделения в 1958/59 учебном году действовали в восьми средних специальных учебных заведениях из 25 существовавших [21, л. 41–46 об.].

В Маймаксанском лесопильно-деревообрабатывающем техникуме в группах основного отделения и ускоренной подготовки изучали специальность «Лесопильно-деревообрабатывающее производство». В 1958/59 учебном году на вечернем отделении уже действовали три курса, т. е. оно было открыто 1956/57 учебном году. Всего в этом техникуме обучалось вечерников 77 чел. [там же, л. 46].

В Архангельском строительном техникуме на вечернем отделении по специальности «Промышленное и гражданское строительство» обучалось 88 чел. Само отделение было открыто в 1957/58 учебном году [там же, л. 45 об.].

Одним из наиболее старых по времени существования в Архангельской области было вечернее отделение в Северодвинском строительном техникуме. Оно существовало как минимум с 1953/54 учебного года. Еще одна особенность этого вечернего отделения – вечерников было больше, чем учившихся на дневном отделении. На вечернем отделении по специальности «Промышленное и гражданское строительство» обучался 191 чел., а на дневном отделении по той же специальности – 164 чел. [там же, л. 45 об.].

Таким же старым было вечернее отделение в Северодвинском судостроительном техникуме. Оно также существовало как минимум с 1953/54 учебного года. В этом техникуме на вечернем обучении действовали группы основных отделений и ускоренной подготовки и курсы мастеров. Подготовка проходила по специальностям: «Электрооборудование судов»; «Обработка металлов резанием»; «Судокорпусостроение»; «Судовые машины и механизмы»; «Литейное производство черных металлов». Всего на вечернем отделении этого техникума в 1958/59 учебном году обучалось 464 чел. [там же, л. 45].

В Архангельском коммунально-строительном техникуме вечернее отделение было создано только в 1958/59 учебном году, когда и был произведен первый набор учащихся (30 чел.) по специальности «Промышленное и гражданское строительство» [там же, л. 44].

В Архангельском мореходном училище вечернее отделение, вероятно, было открыто в 1956/57 учебном году, причем сначала там были лишь курсы мастеров по специальности «Судокорпусостроение». В следующем году открыли группы основного отделения по специальностям: «Судоремонт»; «Судовые машины и механизмы». И в 1958/59 учебном году произведен первый набор в группу по специальности «Морское судовождение». Всего в этом техникуме на вечернем отделении обучалось 146 чел. [там же, л. 43 об., 44].

В Лимендском речном техникуме как минимум с 1953/54 учебного года на вечернем обучении работало отделение стажистов, готовивших специалистов средней квалификации по специальности «Судовые машины и механизмы». Всего по состоянию на 1958/59 учебный год, там обучалось 146 вечерников [там же, л. 43 об.].

В Первом Архангельском медицинском училище в 1958/59 учебном году открыли вечернее отделение, на котором по специальности «Фельдшер» готовились 27 чел. [там же, л. 41 об.].

Всего в Архангельской области на вечерних отделениях обучалось в 1958/59 учебном году 1169 чел. [там же, л. 41–46 об.].

В Вологодской области в 1958/59 учебном году действовало четыре вечерних отделения и один вечерний техникум [там же, л. 1–5 об.].

В Сокольском целлюлозно-бумажном техникуме вечернее обучение действовало, вероятно, с 1954/55 учебного года (мы основываем это предположение из данных о наличии учащихся на 1–5 курсах вечернего отделения, отмеченных в статистическом отчете за 1958/59 учебный год [там же, л. 5 об.]), хотя в литературе присутствует мнение, что оно действовало с 1956 г. [12, с. 443]. В техникуме функционировали: основное отделение, на котором готовили кадры средней квалификации по специальности «Электрики промышленных предприятий», и курсы мастеров по трем специальностям: «Электрики промышленных предприятий»; «Технологи целлюлозно-бумажной промышленности»; «Механики целлюлозно-бумажной промышленности». Всего в техникуме обучалось 128 вечерников [21, л. 5 об.].

Вечернее отделение в Череповецком строительном техникуме было открыто, скорее всего, не позднее 1953/54 учебного года, где по специальности «Промышленное и гражданское строительство» обучались 235 чел. [там же, л. 5].

В Вологодском техникуме железнодорожного транспорта на вечернем отделении действовали только курсы мастеров. На них обучалось по специальности «Паровозное и вагонное хозяйство» 47 чел. [там же, л. 4].

В Великоустюгском речном училище, вероятно, в 1957/58 учебном году было открыто вечернее отделение, где по специальности «Штурманское отделение» обучалось 47 чел. [там же, л. 3 об.].

Какое-то время действовало вечернее отделение в Вологодском медицинском училище, которое выпускало фельдшеров. Последний выпуск специалистов произошел в 1957/58 учебном году [там же, л. 2].

На вечерних отделениях в 1958/59 учебном году обучалось 457 чел.

В Вологодской области в 1950-х гг. функционировал единственный на европейском севере РСФСР вечерний техникум – Красавинский (позднее – Вологодский) вечерний текстильный техникум. Вероятно, он был открыт в 1953/54 учебном году, так как его архивный фонд включает в себя документы начиная с 1953 г. [6, с. 162]. Там происходило обучение по специальностям: «Технологи по ткачеству»; «Технологи по отделке тканей» и «Механики ткацкого производства». В 1958/59 учебном году там обучалось 92 чел. [21, л. 4 об.].

Таким образом, всего на вечерней форме обучения в отделениях и вечернем техникуме в Вологодской области в 1958/59 учебном году получали среднее специальное образование 548 чел. [там же, л. 1–5 об.].

В начале 1959/60 учебного года в Вологодском вечернем текстильном техникуме обучался 161 чел. [22].

В 1958/59 году в Мурманской области вечерние отделения были в двух из пяти имевшихся в области средних специальных учебных заведений: Кировском горно-химическом и Мончегорском горно-металлургическом техникумах.

В Кировском горно-химическом техникуме на вечернем отделении учащиеся в четырех группах изучали специальности: «Горная электромеханика»; «Разработка рудных и россыпных месторождений»; «Обогащение полезных ископаемых» и «Промышленное и гражданское строительство». Причем последняя специальность была введена в изучение на данном отделении лишь в 1958/59 учебном году. Всего в этом техникуме на вечернем отделении обучалось 254 чел. [23, л. 1].

В Мончегорском горно-металлургическом техникуме на вечернем отделении изучали также четыре специальности: «Разработка рудных и россыпных месторождений»; «Горная электромеханика»; «Металлургия тяжелых цветных металлов»; и «Промышленное и гражданское строительство». Всего в этом техникуме в 1958/59 учебном году обучалось 249 вечерников [там же, л. 2].

Всего в 1958/59 учебном году в Мурманской области на вечерних отделениях средних специальных учебных заведений училось 503 чел.

В 1958/59 учебном году на вечерних отделениях средних специальных учебных заведений Карельской АССР обучалось 0,5 тыс. учащихся [24].

В 1959/60 учебном году в Карельской АССР из 12 средних специальных учебных заведений вечерние отделения действовали в четырех: Петрозаводском лесотехническом техникуме, Петрозаводском строительном техникуме, Петрозаводском автодорожном техникуме и Петрозаводском медицинском училище.

В Петрозаводском лесотехническом техникуме на вечернем отделении действовали основное отделение, группы ускоренной подготовки и курсы мастеров. На всех перечисленных отделениях проходило обучение по одной специальности «Обработка металла резанием». На основном отделении ранее изучалась специальность «Оборудование лесозаготовительных предприятий», но в 1958/59

учебном году состоялся последний выпуск подготовленных специалистов по этой специальности (28 чел.). То же было и на курсах мастеров – в 1958/59 учебном году выпустили последнюю группу по специальности «Обработка металла резанием» (22 чел.) и фактически курсы мастеров перестали существовать. Всего на вечернем отделении этого техникума в 1959/60 учебном году обучалось 153 чел. [25, л. 85].

В Петрозаводском строительном техникуме на вечернем обучении работало только основное отделение с изучением базовой специальности «Промышленное и гражданское строительство». На вечернем отделении обучалось 270 чел. [там же, л. 86].

В указанных двух техникумах вечерние отделения были открыты, возможно, в 1955/56 учебном году. Это предположение базируется на том, что там были учащиеся на всех пяти курсах.

В Петрозаводском автодорожном техникуме вечернее отделение было открыто, вероятно, в 1958/59 учебном году. В 1959/60 учебном году на это отделение прошел лишь второй набор. Там действовала одна группа основного отделения с изучением специальности «Эксплуатация и ремонт автомобильной техники». На вечернем отделении обучалось в 1959/60 учебном году 64 чел. [там же, л. 88].

В Петрозаводском медицинском училище вечернее отделение было открыто в 1959/60 учебном году. На основное отделение по специальности «Медицинские сестры общего профиля» было принято 66 чел. [там же, л. 92].

Всего в Карельской АССР в 1959/60 учебном году обучалось на вечерних отделениях 553 чел.

В Коми АССР впервые вечерние отделения были открыты в 1956/57 учебном году в двух техникумах: Воркутинском горном и Ухтинском горно-нефтяном.

В Воркутинском горном техникуме в этом году на вновь открытое вечернее отделение были приняты 35 чел. На отделении работала одна группа по специальности «Подземная разработка угольных месторождений» [26, л. 21]. На такую же специальность набирались в этом году учащиеся основных отделений и группы ускоренной подготовки дневного обучения.

В Ухтинском горно-нефтяном техникуме открывшееся вечернее отделение предлагало учащимся изучать две специальности в группах: «Технология переработки нефти и газа и искусственного жидкого топлива» (набрано 28 учащихся) и «Оборудование нефтегазоперерабатывающих заводов» (24 чел.). Всего на вечернее обучение набрано в 1956/57 учебном году 52 чел. [там же, л. 20]. Необходимо отметить, что указанные специальности не изучались на отделениях дневного обучения.

Вероятно, в Воркутинском горном техникуме желающих заниматься на вечернем отделении было много. Поэтому в 1957/58 учебном году там значительно увеличился контингент вечерников. Вечернее отделение разделили на группу основных отделений (на базе 7 классов общеобразовательной школы) (набрано 17 чел.) и группу ускоренной подготовки для лиц, имеющих среднее образование в рамках 10 классов (29 чел.). На вечернем отделении были

также открыты курсы мастеров с двух- и трехгодичным сроками обучения. Было набрано соответственно 25 и 22 чел. Всего в Воркутинском горном техникуме на вечернем отделении обучалось 118 чел. [27, л. 17].

В Ухтинском горно-нефтяном техникуме отмечалось несколько другое положение. В 1957/58 учебном году прием вечерников осуществлялся только в группу, изучающую технологию переработки нефти и газа и жидкого топлива (принято 20 чел.). Всего же в этом техникуме в данном году вечерников было 66 чел. [там же, л. 26].

В 1958/59 учебном году в Воркутинском горном техникуме обучалось 163 вечерника, в Ухтинском горно-нефтяном техникуме – 96 [28]. В 1959/60 учебном году в данных техникумах обучалось уже 328 и 144 чел. соответственно [29, л. 51, 54].

Итак, в 1956/57 учебном году на вечерних отделениях двух техникумов Коми АССР обучалось 87 учащихся; в 1957/58 учебном году – 184; в 1958/59 – 259 и в 1959/60 – 472 чел., т. е. в течение четырех лет произошел рост числа учащихся вечерних отделений более чем в пять раз.

Кроме того, с 1 сентября 1959 г. были открыты два вечерних филиала Воркутинского горного техникума: в пос. Комсомольский г. Воркуты на месте строительства одной из крупнейших угольных шахт страны и г. Инте. В связи с этим численность учащихся-вечерников значительно выросла: 80 чел. были приняты в Воркутинский филиал, 74 чел. – в Интинский [там же, л. 53].

Итак, во второй половине 1950-х гг. во всех областях и республиках европейского севера РСФСР работали вечерние отделения ряда средних специальных учебных заведений. Причем ежегодно начиная с 1956/57 учебного года такие отделения открывались во все новых техникумах и училищах. Всего в конце 1950-х гг. на европейском севере России действовало 20 вечерних отделений и один вечерний техникум. Численность учащихся в них в 1958/59 учебном году составляла около 3 тыс. чел.

В 1960-х гг. указанный процесс развития вечернего среднего специального образования продолжался. Это совпадало с тенденциями, характерными для РСФСР в целом. Так, в РСФСР число вечерников в 1960/61 учебном году составляло 267 тыс. чел.; в 1961/62 – 349; в 1963/64 – 379 [30]; в 1964/65 – 411 [31]; в 1965/66 – 438; в 1966/67 – 468; в 1967/68 – 489 [32]; в 1968/69 – 493 [33]; в 1969/70 учебном году – 464 тыс. чел. [34].

Были открыты новые вечерние отделения в разных средних специальных учебных заведениях и еще один вечерний техникум. Проиллюстрируем процесс открытия новых вечерних отделений на примере Коми АССР: еще в 1961/62 учебном году вечерние отделения были, как и в конце 1950-х гг., в двух техникумах – Воркутинском горном и Ухтинском горно-нефтяном [35]. Через два года, в 1963/64 учебном году, уже в восьми средних специальных учебных заведениях республики были вечерние отделения: в Воркутинском горном техникуме, Ухтинском горно-нефтяном техникуме, Интинском индустриальном техникуме (изначально он преобразован из вечернего отделения Воркутинского горного техникума и почти сразу там было создано вечернее отделение), Сыктывкарском

медицинском училище, Воркутинском медицинском училище, Сыктывкарском музыкальном училище, Сыктывкарском педагогическом училище им. И. А. Куратова и Печорском речном техникуме [36, л. 32–40].

Фиксируется также синхронное открытие вечерних отделений средних специальных учебных заведений, подведомственных одному министерству. Так, в начале 1960-х гг. были открыты вечерние отделения в музыкальных училищах Министерства культуры РСФСР во всех регионах европейского севера РСФСР. Так, вечерние отделения в Архангельском, Мурманском и Петрозаводском музыкальных училищах Карельской АССР были открыты, вероятно, в 1960/61 учебном году; в Вологодском и Сыктывкарском музыкальных училищах Коми АССР – в 1962/63 учебном году. В них в 1963/64 учебном году обучалось: в Архангельском – 39 чел., Вологодском – 29, Мурманском – 36, Петрозаводском – 83 и в Сыктывкарском – 31 чел. [37]. Мы считаем, что открытие вечерних отделений во всех музыкальных училищах европейского севера России не было изолированным явлением и отражало выполнение прямого указания закона СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Напомним, что статья 35 закона утверждала следующее: «При подготовке специалистов с высшим и средним образованием в области музыки, живописи, театрального и других видов искусства **большее распространение должна получить система обучения без отрыва от производства** (выделено нами – А. М.) с тем, чтобы обеспечить возможности для получения этого образования широкими кругами трудящихся и выявления талантов из народа».

Также на европейском севере России фиксируется положительная, по сравнению со второй половиной 1950-х гг., динамика численности учащихся-вечерников.

В Архангельской области на вечерних отделениях средних специальных учебных заведений в 1960/61 учебном году обучалось 1,4 тыс. чел., в 1965/66 – 1,9 тыс. чел., в 1966/67 – 2,2; и в 1970/71 учебном году – 1,7 тыс. чел. [18; 19].

В Вологодской области данный процесс также проходил. Кроме того, там развивалось вечернее обучение через работу вечерних техникумов. В 1960-е гг. в Вологодской области уже действовало два таких средних специальных учебных заведения: Вологодский вечерний текстильный техникум и Череповецкий вечерний металлургический техникум.

В Вологодском вечернем текстильном техникуме обучалось в 1964/65 учебном году 340 чел., в 1965/66 – 333 чел., в 1966/67 – 323, и в 1970/71 учебном году – 145 чел. [38, с. 157; 39].

В Череповецком вечернем металлургическом техникуме обучалось в 1964/65 учебном году 1696 чел., в 1965/66 – 1712, в 1966/67 – 1738, и в 1970/71 учебном году – 1474 чел. [38, с. 158; 39], т. е., только в этих двух вечерних техникумах в общей сложности обучалось в 1965/66 учебном году 2045 учащихся, в 1966/67 – 2061 и в 1970/71 учебном году – 1619 чел.

В Мурманской области на вечерних отделениях средних специальных учебных заведений в 1960/61 учебном году обучалось 657 чел.; в 1965/66 – 1070 чел.; в 1970/71 учебном году – 1211 чел. [40].

В Карельской АССР на вечерних отделениях изучаемых учебных заведений в 1965/66 учебном году обучалось 1,1 тыс., в 1966/67 учебном году – 1,3 тыс. чел. [24]. В 1970/71 учебном году численность вечерников там составляла 1,1 тыс. чел. [41].

В Коми АССР на вечерних отделениях техникумов и училищ в 1960/61 учебном году обучалось 700 чел. [42], 1961/62 – 879 [35], 1963/64 – 1585 чел. [36, л. 32], 1965/66 – 2,600, в 1970/71 учебном году – 2,800 [43].

Итак, одним из положительных моментов реформирования народного образования в СССР в 1950-х гг. явилось развитие вечернего образования в целом и вечернего среднего специального образования в частности. Во введении в жизнь действительно массового вечернего обучения для подготовки специалистов среднего звена реформа Н. С. Хрущева, на наш взгляд, была успешной. По всей стране сотни тысяч практиков получили благодаря ей среднее специальное образование и соответствующую профессиональную подготовку. Это, в свою очередь, позволило резко ускорить темпы модернизации экономики страны на пути научно-технической революции. Европейский север РСФСР – в то время динамично развивавшийся регион – в результате дополнительно получил тысячи специалистов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Народное образование в СССР: сборник документов. 1917–1973 / сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев [и др.]. – Москва : Педагогика, 1974. – С. 192.
2. Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. – Москва : Издательство Советская энциклопедия, 1971. – Т. 4. – С. 596.
3. Безносиков, Я. Н. Развитие народного образования в Коми АССР / Я. Н. Безносиков. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1973. – 176 с.
4. Золотарев, О. В. Народное образование в Республике Коми (1941–2009 годы) / О. В. Золотарев. – Сыктывкар : КГПИ, 2009. – 133 с.
5. Котов, П. П. В начале пути (система дошкольного воспитания в городе Сыктывкаре в 1918–1945 годах) / П. П. Котов, Т. А. Мартыничук; отв. ред. д.и.н. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар : Коми республиканская типография, 2023. – 68 с.
6. Мацук, А. М. Среднее специальное образование на Европейском Севере России в 1950–1980-е годы: историография и источники / А. М. Мацук; отв. ред. д.и.н., проф. А. А. Попов. – Сыктывкар : ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2019. – 172 с.
7. История Карелии с древнейших времен до наших дней / под общ. ред. Н. А. Кораблева [и др.]. – Петрозаводск : Периодика, 2001. – С. 743.

8. Очерки истории Карелии / редколлегия: В. И. Машезерский (ответственный редактор) [и др.]. – Петрозаводск : Карельское книжное издательство, 1964. – Т. 2. – С. 472.
9. Очерки по истории Коми АССР / отв. ред. Д. А. Чугаев; ред.: Я. Н. Безносиков, В. Н. Давыдов и Л. Н. Сурина. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1962. – Т. 2. – С. 468–469.
10. История Сыктывкара / гл. ред. И. Б. Берхин. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1980. – С. 257.
11. Поморская энциклопедия : в 5 т. – Т. 4 : Культура Архангельского Севера / гл. ред. Т. С. Буторина. – Архангельск : Северный (Арктический) федеральный университет, 2012. – Т. 4. – С. 54, 65.
12. Вологодская энциклопедия / гл. ред. Г. В. Судаков. – Вологда : ВГПУ, Издательство «Русь», 2006. – С. 97, 443–444.
13. Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов / сост.: В. Н. Малин и А. В. Коробов. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1958. – Т. 4. – С. 295–308, 308–309, 310.
14. Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР. – Москва : Известия, 1958. – 31 с.
15. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. изд. 9, доп. и испр. – Москва : Издательство политической литературы, 1986. – Т. 9, – С. 394.
16. Собрание постановлений правительства СССР за 1959 г. № 1–20 / Упр. делами Совета Министров СССР. – Москва : Госюриздат, б. г. – № 14, С. 367–369.
17. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А374. Оп. 30. Д. 1567. Л. 46–52.
18. Архангельская область в цифрах. Статистический сборник. – Архангельск : Северо-Западное книжное издательство, 1967. – С. 78.
19. Народное хозяйство Архангельской области в цифрах. Статистический сборник. – Архангельск : Северо-Западное книжное издательство, 1972. – С. 185.
20. Народное хозяйство РСФСР в 1959 году. Статистический ежегодник. – Москва : Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. – С. 525.
21. ГАРФ. Ф. А374. Оп. 31. Д. 1771.
22. Народное хозяйство Вологодской области. Статистический сборник. – Вологда : Госстатиздат, 1960. – С. 118.
23. ГАРФ. Ф. А374. Оп. 31. Д. 1775.
24. Карельская АССР за 50 лет. Статистический сборник. – Петрозаводск : Карельское отделение издательства «Статистика», 1967. – С. 126.
25. ГАРФ. Ф. А374. Оп. 31. Д. 4786.
26. ГУРК «Национальный архив Республики Коми» (далее – ГУРК НАРК). Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 5194.
27. ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 5197.
28. ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 5206. Л. 12, 13.
29. ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 5209.
30. Народное хозяйство РСФСР в 1963 году. Статистический ежегодник. – Москва : Издательство «Статистика», 1965. – С. 483.
31. Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. Статистический ежегодник. – Москва : Издательство «Статистика», 1965. – С. 434.
32. Народное хозяйство РСФСР в 1967 году. Статистический ежегодник. – Москва : Издательство «Статистика», 1968. – С. 461.
33. Народное хозяйство РСФСР в 1968 году. Статистический ежегодник. – Москва : Издательство «Статистика», 1969. – С. 380.
34. Народное хозяйство РСФСР в 1969 году. Статистический ежегодник. – Москва : Издательство «Статистика», 1970. – С. 403.
35. ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 5927. Л. 37.
36. ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 6927.
37. ГАРФ. Ф. А374. Оп. 32 а. Д. 11050. Л. 6, 11, 28, 52.
38. Народное хозяйство Вологодской области за годы Советской власти. Статистический сборник. – Вологда : Вологодское отделение издательства «Статистика», 1967. – 168 с.
39. Народное хозяйство Вологодской области в восьмой пятилетке. Статистический сборник. – Вологда : Северо-Западное книжное издательство, 1971. – С. 172.
40. Народное хозяйство Мурманской области за 60 лет со дня образования СССР. Статистический сборник. – Мурманск : Госстатиздат, 1982. – С. 119.
41. Народное хозяйство Карельской АССР. Статистический сборник. – Петрозаводск : «Карелия», 1985. – С. 89.
42. ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 5916. Л. 23.
43. Коми АССР в девятой пятилетке. Статистический сборник. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1976. – С. 133.

References

1. Narodnoe obrazovanie v SSSR: Sbornik dokumentov. 1917–1973 [Public education in the USSR: Collected documents. 1917–1973]. – Moscow: Pedagogika Publ., 1974. – P. 192.
2. Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia [Great Soviet Encyclopedia] / Ed. A. M. Prokhorov. – Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 1971. – Vol. 4, edition 3. – P. 596.
3. Beznosikov, Ya. N. Razvitie narodnogo obrazovaniia v Komi ASSR [Development of public education in the Komi ASSR] / Ya. N. Beznosikov. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1973. – 176 p.
4. Zolotarev, O. V. Narodnoe obrazovanie v Respublike Komi (1941–2009 gody) [Public education in the Komi Republic (1941–2009)] / O. V. Zolotarev – Syktyvkar: Komi State Pedag. Inst., 2009. – 133 p.
5. Kotov, P. P. V nachale puti (sistema doshkol'nogo vospitaniia v gorode Syktyvkare v 1918–1945 godakh) [At the beginning of the way (the system of preschool education in Syktyvkar in 1918–1945)]. / P. P. Kotov, T. A. Martynchuk; Ed. Dr. Sci. (History) I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Komi Republican Printing House, 2023. – 68 p.
6. Matsuk, A. M. Srednee spetsial'noe obrazovanie na Evropeiskom Severe Rossii v 1950–1980-e gody: istoriografiia i istochniki [Secondary specialized education in the Eu-

- ropean North of Russia in the 1950s–1980s: historiography and sources] / A. M. Matsuk; Ed. Dr. Sci. (History), Prof. A. A. Popov. – Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2019. – 172 p.
7. Istoriiia Karelii s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Karelia from ancient times to the present day]. – Petrozavodsk: Periodika Publ., 2001. – P. 743.
 8. Ocherki istorii Karelii [Essays on the history of Karelia]. – Petrozavodsk: Karelian Book Publ. House, 1964. – Vol. 2. – P. 472.
 9. Ocherki po istorii Komi ASSR [Essays on the history of the Komi ASSR] / Resp. Ed. D. A. Chugaev; Eds. Ya.N. Beznosikov, V. N. Davydov, L. N. Surina. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1962. – Vol. 2. – P. 468–469.
 10. Istoriiia Syktyvvara [History of Syktyvkar]. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1980. – P. 257.
 11. Pomorskaia entsiklopediia [Pomor Encyclopedia] : in 5 vols. – Vol. 4 : Kul'tura Arkhangel'skogo Severa [Culture of the Arkhangelsk North] / Ed. T. S. Butorina. – Arkhangelsk: Northern (Arctic) Federal Univ., 2012. – Vol. 4. – P. 54, 65.
 12. Vologodskaia entsiklopediia [Vologda Encyclopedia] / Ed. G. V. Sudakov. – Vologda: Vologda State Pedagog. Univ., "Rus" Publ., 2006. – P. 97, 443–444.
 13. Direktivy KPSS i Sovetskogo Pravitel'stva po khoziaistvennym voprosam. Sbornik dokumentov [Directives of the CPSU and the Soviet Government on economic issues. Collection of documents]. – Moscow: State Publ. House of Political Literature, 1958. – P. 295–308, 308–309, 310.
 14. Zakon SSSR ob ukreplenii svyazi shkoly s zhizn'iu i o dal'neishem razvitii sistemy narodnogo obrazovaniia v SSSR ot 24.12.1958 g. [The Law on strengthening the connection of school with life and on the further development of the public education system in the USSR]. – Moscow: Izvestiia Publ., 1958. – 31 p.
 15. Kommunisticheskaia partiia Sovetskogo Soiuz v rezolutsiiakh i resheniiakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. – Moscow: Publ. House of Political Literature, 1986. – Vol. 9, edition 9, revised and updated. – P. 394.
 16. Sobranie postanovlenii pravitel'stva SSSR za 1959 g. № 1–20 [Collection of resolutions of the USSR government for 1959 No. 1–20] / Administration of the Council of Ministers of the USSR. – Moscow: Gosyurizdat [State Legal Publ. House]. – No. 14. – P. 367–369.
 17. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation (hereinafter GARF)]. F. A374. Op. 30. D. 1567. L. 46 – 52.
 18. Arkhangel'skaia oblast' v tsifrakh. Statisticheskii sbornik [Arkhangelsk region in figures. Statistical collection]. – Arkhangelsk: North-Western Book Publ. House, 1967. – P. 78.
 19. Narodnoe khoziaistvo Arkhangel'skoi oblasti v tsifrakh. Statisticheskii sbornik [National economy of the Arkhangelsk region in figures. Statistical collection]. – Arkhangelsk: North-Western Book Publ. House, 1972. – P. 185.
 20. Narodnoe khoziaistvo RSFSR v 1959 godu. Statisticheskii ezhegodnik [National economy of the RSFSR in 1959. Statistical Yearbook]. – Moscow: Gosstatizdat TsSU SSSR [State Stat. Publ. House of the Central Stat. Office under the Council of Ministers of the USSR], 1960. – P. 525.
 21. GARF. F. A374. Op. 31. D. 1771.
 22. Narodnoe khoziaistvo Vologodskoi oblasti. Statisticheskii sbornik [National economy of the Vologda region. Statistical collection]. – Vologda: Gosstatizdat [State Stat. Publ. House], 1960. – P. 118.
 23. GARF. F. A374. Op. 31. D. 1775.
 24. Kareliiskaia ASSR za 50 let. Statisticheskii sbornik [Karelian ASSR for 50 years. Statistical collection]. – Petrozavodsk: Karelian Branch of "Statistics" Publ. House, 1967. – P. 126.
 25. GARF. F. A374. Op. 31. D. 4786.
 26. GURK «Natsional'nyi arkhiv Respubliki Komi» [National Archive of the Komi Republic (hereinafter GURK NARK)]. F. P-140. Op. 2. D. 5194.
 27. Ibid. F. P-140. Op. 2. D. 5197.
 28. Ibid. F. P-140. Op. 2. D. 5206. L. 12, 13.
 29. Ibid. F. P-140. Op. 2. D. 5209.
 30. Narodnoe khoziaistvo RSFSR v 1963 godu. Statisticheskii ezhegodnik [National economy of the RSFSR in 1963. Statistical Yearbook]. – Moscow: Statistika Publ., 1965. – P. 483.
 31. Narodnoe khoziaistvo RSFSR v 1964 godu. Statisticheskii ezhegodnik [National economy of the RSFSR in 1964. Statistical Yearbook]. – Moscow: Statistika Publ., 1965. – P. 434.
 32. Narodnoe khoziaistvo RSFSR v 1967 godu. Statisticheskii ezhegodnik [National economy of the RSFSR in 1967. Statistical Yearbook]. – Moscow: Statistika Publ., 1968. – P. 461.
 33. Narodnoe khoziaistvo RSFSR v 1968 godu. Statisticheskii ezhegodnik [National economy of the RSFSR in 1968. Statistical Yearbook]. – Moscow: Statistika Publ., 1969. – P. 380.
 34. Narodnoe khoziaistvo RSFSR v 1969 godu. Statisticheskii ezhegodnik [National economy of the RSFSR in 1969. Statistical Yearbook]. – Moscow: Statistika Publ., 1970. – P. 403.
 35. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 5927. L. 37.
 36. Ibid. F. P-140. Op. 2. D. 6927.
 37. GARF. F. A374. Op. 31a. D. 11050. L. 6, 11, 28, 52.
 38. Narodnoe khoziaistvo Vologodskoi oblasti za gody Sovetskoi vlasti. Statisticheskii sbornik [National economy of the Vologda region during the years of Soviet power. Statistical collection]. – Vologda: Vologda Branch of "Statistics" Publ. House, 1967. – 168 p.
 39. Narodnoe khoziaistvo Vologodskoi oblasti v vos'moi pitatiletke. Statisticheskii sbornik [National economy of the Vologda region in the 8-th five-year plan. Statistical collection]. – Vologda: North-Western Book Publ. House, 1971. – P. 172.
 40. Narodnoe khoziaistvo Murmanskoi oblasti za 60 let so dnia obrazovaniia SSSR. Statisticheskii sbornik [National

- al economy of the Murmansk region for 60 years since the formation of the USSR. Statistical collection]. – Murmansk: Gosstatizdat [State Stat. Publ. House], 1982. – P. 119.
41. Narodnoe khoziaistvo Karel'skoi ASSR. Statisticheskii sbornik [National economy of the Karelian ASSR. Statistical collection]. – Petrozavodsk: "Karelia" Publ., 1985. – P. 89.
42. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 5916. L. 23.
43. Komi ASSR v deviatoi piatiletke. Statisticheskii sbornik [Komi ASSR in the 9-th five-year plan. Statistical collection]. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1976. – P. 133.

Благодарность (госзадание):

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Acknowledgements (state task)

The publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS.

Информация об авторе:

Мацук Александр Михайлович – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археологии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: almmatsuk@gmail.com).

Author:

Aleksandr M. Matsuk – Cand. Sci. (History), Head of the Laboratory of Archaeography and Publication of Documents on the History of the Development of the European North of Russia of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation. e-mail: almmatsuk@gmail.com).

Для цитирования:

Мацук, А. М. Развитие вечернего обучения в системе среднего специального образования на европейском севере России в 1950-1960-е годы / А. М. Мацук // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 6 (72). – С. 72–80.

For citation:

Matsuk, A. M. Development of evening education in the system of secondary specialized education in the European North of Russia in the 1950-1960s / A. M. Matsuk // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2024. – No. 6 (72). – P. 72–80.

Дата поступления рукописи: 19.07.2024

Прошла рецензирование: 22.07.2024

Принято решение о публикации: 26.07.2024

Received: 19.07.2024

Reviewed: 22.07.2024

Accepted: 26.07.2024

Коммеморативные практики Республики Таджикистан в 1991–1999 годы

Н. А. Косяк

Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь
nik.kosyak.1998@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены аспекты формирования и развития исторической политики Республики Таджикистан в 1990-е гг. Значительное внимание обращено на выступления Президента Республики Таджикистан Э. Ш. Рахмона, подчеркивающие вклад династии Саманидов в основание таджикской государственности. Проанализированы досаманидский и саманидский конструкты исторической памяти как основные этапы обоснования исторической памяти в государстве в 1990-е гг. Обращено внимание на фигуру И. Самани как праотца таджикской государственности. Рассмотрены нормативно-правовые акты, свидетельствующие о формировании коммеморативных практик в Республике Таджикистан с 1991 по 1999 г.

Ключевые слова:

коммеморативные практики, политика памяти, досаманидский и саманидский варианты памяти, топонимические преобразования

Как известно, Республика Таджикистан является единственной персоязычной страной среди всех постсоветских государств. Данное положение несомненно накладывает отпечаток на политику коммеморации, подчеркивая независимость персоязычного народа в отличие от находящегося вокруг тюркоязычного элемента. Конструирование этой уникальности отражается и в вопросах исторической памяти о прошлом в трех направлениях: господства национального языка как фактора подчеркивания национальной идентичности и самосознания; досаманидского и саманидского конструктов памяти; мягких процессов декоммунизации республики с последующей иранизацией топонимического ландшафта.

Подчеркивание национальной идентичности после провозглашения независимости началось с тезиса о государственном статусе таджикского языка. Еще в 1989 г. был принят закон «О языке»¹ [1], согласно которому государственным языком провозглашался таджикский (фарси) [1, ст. 1], а языком межнационального общения – русский [1, ст. 2].

¹ «День таджикского языка» в республике ежегодно отмечался 22 июля (до 2010 г.). С 2010 г. памятный день известен под другим названием «День государственного языка Республики Таджикистан».

Commemoratory practices of the Republic of Tajikistan in 1991–1999

N. A. Kosyak

Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus
nik.kosyak.1998@mail.ru

Abstract

The aspects of the formation and development of the historical policy of the Republic of Tajikistan in the 1990s are considered. Considerable attention was paid to the speeches of the President of the Republic of Tajikistan E.Sh. Rahmon, emphasizing the contribution of the Samanid dynasty to the foundation of Tajik statehood. The pre-Samanid and Samanid constructs of historical memory are analyzed as the main stages in the justification of historical memory in the state in the 1990s. Attention is drawn to the figure of I. Samani as the forefather of Tajik statehood. Regulatory legal acts indicating the formation of commemorative practices in the Republic of Tajikistan from 1991 to 1999 are considered.

Keywords:

commemorative practices, politics of memory, pre-Samanid version of memory, Samanid version of memory, toponymic transformations

В 1989 г. вышло постановление Совета Министров Республики Таджикистан, провозглашавшее сеть мероприятий, запланированных с 1990 по 1995 г., с целью перехода на национальный язык. На государственных предприятиях, министерствах создавались специализированные (краткосрочные) курсы по изучению таджикского языка; учреждались кафедры таджикского языка в университетах [2, с. 143]. С января 1996 г. весь документооборот государственных предприятий должен был быть переведен на таджикский язык.

На волне вопросов о статусности таджикского языка учреждалась «Комиссия по реализации Закона Республики Таджикистан "О языке"» (1995) при Правительстве Республики Таджикистан [3] (далее – Комиссия). Основной задачей Комиссии провозглашалось проведение единой государственной политики по популяризации таджикского языка среди общественности [4, ст. 3].

Апробация работы Комиссии произошла посредством принятия в 1997 г. постановления Правительства Республики Таджикистан «О развитии государственного языка и других языков на территории Таджикистана» [4]. Комплекс мероприятий предусматривал применение таджикского языка во всех сферах деятельности человека; ве-

дение делопроизводства на национальном языке; замену всей иностранной рекламы национальной; преподавание учебных дисциплин в университетах на таджикском; популяризацию национального языка в СМИ [2, с. 146].

Следовательно, вопросы языковой политики в 1990-е гг. были направлены на популяризацию национального языка² во всех сферах функционирования государства с целью подчеркивания национальной идентичности через призму политики коммеморации.

Историческая политика Республики Таджикистан в 1990-е гг. базировалась в двух направлениях: досаманидском и саманидском наследии прошлого. Досаманидская конструкция памяти Таджикистана, в свою очередь, подразделяется на мифологический и арабский дефиниции памяти. В основе мифологической концепции памяти лежит преемственность к богоизбранности таджикской нации. Арабская фокусировка памяти отождествляется с борьбой против насильственной арабизации Мавераннахра через призму поиска прототаджикской государственности досаманидского варианта памяти.

Одним из первых прообразов таджикской государственности стало правление династии Пешдодийцев³ [5, с. 88; 6, с. 131]. Период правления династии Каёнидов⁴ является переходным от мифологизации к исторической объективности, соответствующий деятельности пророка Заратустры [6, с. 131].

В эпоху правления династии Ахеменидов впервые были разработаны нормы и правила взаимоотношения различных народов, этносов, входивших в состав империи, в том числе таджиков, уважавших традиции и обычаи каждой из народностей. Данный аспект нашел отражение в монументальном памятнике права «Столп Кира» [6, с. 132]. Подобные устои государственных взаимоотношений были замечены во время правления государства Хайтолиен (Государство Эфталитов) и династии Сасанидов.

Следующий этап национальной самоидентификации таджиков проявлялся в тенденциях против насильственной арабизации Хорасана и Мавераннахра (VII–VIII вв.). Сопrotивление имело следующие формы: вооруженное восстание, подчеркивание национального создания через «перо и знание» [там же, с. 133]. В условиях борьбы за независимость на первый план выходит фигура Абу Муслима Хуросони (Абу Муслим)⁵, способствовавшая возрождению

² Языковая политика Таджикистана не ущемляла ни русский, ни национальные языки автономных областей республики. Русский язык на протяжении 1990-х гг. по-прежнему выступал языком межнационального общения. Помимо этого, в республике действовала сеть русскоязычных школ в приграничных районах.

В вопросах автономных областей республики языковая политика легла на плечи местной администрации [1, ст. 3]. Вместе с этим, согласно постановлению 1997 г., был разработан комплекс мер по сохранению национальных языков меньшинств и автономных областей.

³ Династия царей (IV–III тыс. до н. э.), упоминавшаяся в «Шахнаме» А. Фирдоуси, зороастрийской Авесте и эпосах древнегреческих философов (Геродот).

⁴ Династия царей (конец III–начало II тыс. до н. э.), упоминавшаяся в зороастрийской Авесте.

⁵ Персидский военачальник (718/719 (723/727)–755), способствовавший свержению Омейядского (Дамасского) халифата и утверждению власти Аббасидов.

национально-политической независимости прототаджикской государственности. Помимо этого, велика роль восстания Муканны⁶, направленного против засилья арабского воздействия на Среднюю Азию [там же, с. 133–134].

Следовательно, досаманидский вариант памяти Республики Таджикистан имел следующие особенности: тезис богоизбранности нации, через принадлежность к мифологическим династиям; построение прототаджикской государственности, в основе которого лежали антиарабские тенденции.

Акцент ираноязычного конструкта отражается в саманидском прошлом. Вопросы коммеморации о персоязычном наследии активно прослеживались в публичных выступлениях Президента Таджикистана. Так, Э. Ш. Рахмон считал, что именно в период династии Саманидов «утвердилась таджикская государственность, что, в свою очередь, создало предпосылки для возрождения языка и древней культуры» [7, с. 5].

Похожая риторика в подтверждении идеи о саманидском прошлом была высказана Президентом в 1998 г. на международном семинаре «Вклад Саманидов в культурное наследие Центральной Азии». В контексте выступления были высказаны тезисы о том, что Саманидская держава – это важнейшая эпоха в истории как Центральной Азии, так и для таджикской государственности, поскольку новый субъект государственного образования способствовал обособленности Центральной Азии от зависимости Арабского Халифата [8, с. 317]. Опыт государственного вектора власти Саманидов может считаться прообразом современного государственного устройства Таджикистана [там же, с. 318–319]; Саманиды способствовали переводу Корана на таджикский язык; популяризировали историко-философские идеи посредством распространения трудов древневосточных мыслителей региона⁷ [там же, с. 320]; в эпоху Саманидов сформировался литературный таджикский язык [там же, с. 321].

Восхваление саманидской модели памяти продолжилось на Международной научной конференции, посвященной 1100-летию государства Саманидов (апрель 1999 г.) [9]. Э. Ш. Рахмоном была выдвинута идея, подчеркивающая связь Таджикистана и державы Саманидов, как прообраза современного государственного устройства. Так, Президент подчеркнул, что именно в эпоху Саманидов начал формироваться таджикский народ [10, с. 91], а их государственное устройство сыграло решающую роль в централизации прототаджикского государства, тем самым завершив процесс формирования таджикской нации в единый этнос, в котором ключевую роль сыграли таджикоязычные народности и их территории [там же, с. 92–93].

⁶ Восстание «людей в белых одеждах» («Восстание Муканны»), произошедшее в 776–783 гг. под предводительством Хашиба ибн Хакима (Муканны). Восстание было подавлено, однако выступление показало слабость политической структуры Аббасидского халифата. Интересен тот факт, что для подавления восстания была приглашена ираноязычная династия Саманидов, которая и сумела подавить мятеж.

⁷ В своем выступлении Президент в качестве примера по данному тезису ссылался на таких мыслителей, как А. Рудаки, Абу Ибн Сино (Авиценна), А. Фирдоуси.

Саманиды сделали огромный вклад в становление и развитие средневосточного Возрождения. Президент акцентировал внимание на том, что на основе переводов на среднеперсидский язык зороастрийской Авесты происходило активное накопление знаний в историко-философском и литературном направлениях, закладывавшее основы современного таджикского фарси-дари языка [там же, с. 91]. Отражение национального самосознания нашло себя в трудах Абу-Наср ал-Фараби⁸, Закария ар-Рази⁹, классиков художественной словесности Абу-Абдуллах Рудаки¹⁰, Абу-Мансур Дакики¹¹ и А. Фирдоуси¹², способствовавших становлению литературного таджикского языка [10, с. 94].

За единицу саманидской идентификации берется фигура Исмаила Самани (Исмоила Сомони)¹³. На протяжении 1990-х гг. личность И. Самани прочно вошла в общенациональный нарратив, оказав влияние на исторический ландшафт государства. Для современного Таджикистана личность эмира является «оплотом и щитом Родины» [11, с. 237].

В 1990-х гг. шел активный процесс увековечивания памяти эмира. Утверждалась именная премия в образовательной сфере для молодых ученых [12, ст. 1]; вводилась одноименная денежная единица (Сомони) [13, ст. 1]; учреждался орден «Исмоили Сомони» трех степеней и почтовая марка с его именем [14, ст. 1]. В июле 1999 г. была проведена международная альпинистская экспедиция в район северного Памира под общим названием «Окно в XXI век», приуроченная к 1100-летию империи Саманидов [15, ст. 2]. Итогом экспедиции стало установление барельефа эмира на вершине пика, носящего его название [там же, ст. 4].

Вехой коммеморативных практик стало активное монументальное увековечивание личности эмира. В сентябре 1999 г. в рамках празднования 1100-летия династии Саманидов был торжественно открыт «Мемориальный комплекс национального примирения и возрождения Таджикистана» на площади Дусти в г. Душанбе, центральной фигурой комплекса стал памятник, посвященный эмиру [16]. Сеть памятников, отображающих имидж И. Самани, украшают следующие города Таджикистана: Канибадам (2018), Истаравшан (2020), Паджакент (2022).

Подчеркивается важная роль «Шахнаме» А. Фирдоуси, поскольку данный труд выступает «уникальным наставлением в области нравственности, поучением в области добра» [11, с. 227]. Эпос А. Фирдоуси – это своеобразная

«настольная книга» для таджикского народа. Из «Шахнаме» можно подчеркнуть информацию об истории арийских народов, их традиций и обычаях; о бессмысленности религиозных и конфессиональных конфликтов; о понятиях свободы и государственного устройства древних центральноазиатских государств [там же, с. 228].

Следовательно, образ династии Саманидов и И. Самани являлся центральным в вопросах коммеморативных практик для таджикского государства через призму популяризации этого тезиса со стороны администрации Президента республики.

Для вопросов таджикской коммеморативной политики в 1990-е гг. были присущи как процессы иранизации урбанистики республики, так и увековечивание памяти видных деятелей советской культуры и науки – уроженцев Республики Таджикистан. Процессы декоммунизации были в нескольких направлениях и затрагивали вопросы изменения в названии административно-территориальных единиц (областей, районов). Уже в 1992 г. был переименован ряд районов Курган-Тюбинской области. Ильчевский район получил название Гозималикского, а Коммунистический – Бохтарского [17]. В 2000 г. Ленинабадская область переименована в Согдийскую [18].

Дальнейшие видоизменения наблюдались в присвоении значимым объектам республики имен выдающихся деятелей прошлого. Так, высочайшая вершина Таджикистана, носившая название пик Коммунизма, получила наименование – пик Исмоила Сомони [15, ст. 1], а гостиница «Октябрьская» сменила свое название на «Авесто» [19, ст. 1].

Вместе с этим, администрация Президента Таджикистана проводила политику увековечивания памяти деятелей культуры и науки советского прошлого, имеющих отношение к Таджикистану. Начиная с 1994 г. через Парламент республики проходит череда законодательных актов, ориентированных на увековечивание выдающихся народных деятелей республики. Так, была почтена память писателей Д. Икрами [20], Р. Джалила [21], поэта М. Миршакара [22], народных артистов Г. Р. Валат-Заде [23] и А. Бобокулова [24], в честь которых названы улицы г. Душанбе и субъектов республики, а их именами – важные государственные объекты страны¹⁴.

В 1997 г. Парламент республики инициировал схожие законы, но в рамках профессорско-преподавательского состава республики, внесшего вклад в становление научного потенциала Советского Таджикистана. Были увековечены фамилии таких академиков, как М. С. Осими [25],

⁸ Мыслитель, философ (870 (872)–951), автор комментариев к трактатам Аристотеля и Платона. Наиболее известные труды: «Книга букв», «Трактат о взглядах жителей добродетельного города».

⁹ Персидский ученый, медик (865–925), автор серии монографий в области медицины. На Западе известен по псевдонимом «Разес».

¹⁰ Поэт, сказатель (860–961). Является отцом-основателем персидско-таджикской литературы.

¹¹ Поэт, писатель (935–977) таджикского происхождения. Первый автор легендарной поэмы «Шахнаме» («Книга царей»), написавший первую тысячу стихов и введение эпоса.

¹² Поэт, писатель (935–1020). Соавтор знаменитой поэмы «Шахнаме».

¹³ Эмир из династии Саманидов (849–907). Его правление ознаменовалось «золотым веком» для державы Саманидов. Известен как великий реформатор, сумевший централизовать государственную власть.

¹⁴ Коммеморация увековечивания вопроса наблюдалась в изменении урбанистики государства. Так, в честь Д. Икрами была названа одна из школ Воссейского района Хатлонской области [20, ст. 2]; в честь Р. Джалила названа школа и создан дом-музей в г. Худжанд Ленинабадской области [21, ст. 2]; имя М. Миршакара присвоено школе в Шугнанском районе Горно-Бадахшанской автономной области [22, ст. 2].

Помимо того, был увеличен тираж произведений литераторов и запущен цикл передач на национальном телевидении о вкладе в культурную жизнь республики [20, ст. 3; 4, 21, ст. 3; 4, 22, ст. 3; 4].

Имя Г. Р. Валат-Заде было присвоено Таджикскому государственному за- служенному ансамблю «Гале» [23, ст. 2]. Именем А. Бобокулова названо музыкальное училище в г. Душанбе и выпущен цикл его воспоминаний [24, ст. 1; 2].

Ш. Хусейн-Заде [26], У. К. Рахматзаде [27], именами которых названы ключевые научные объекты Республики Таджикистан¹⁵.

В результате для коммеморативных практик в 1990-е гг. были характерны мягкие процессы декоммунизации, проявлявшиеся в переименовании административных границ на персоязычный манер; в присвоении географическим и значимым объектам республики имен исторических деятелей, уроженцев Таджикистана и священных реликвий, имеющих отношение к таджикской истории. Так и процессы, направленные на сохранение памяти о советском прошлом в рамках научно-культурного потенциала через призму деятельности выдающихся персоналий страны.

Таким образом, историческая политика Республики Таджикистан в 1990-е гг. включала в себя несколько аспектов: акцентирование самосознания через популяризацию национального языка; поиск исторических корней в далеком прошлом через призму идентификации народа с мифологическими династиями; антиарабская повестка в исторической политике государства досаманидского конструкта памяти; восхваление династии Саманидов и фигуры И. Самани как основоположника таджикской государственности; процессы, направленные на иранизацию топонимики республики и увековечивание памяти деятелей культуры и науки – уроженцев Таджикистана советского периода.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. О языке: постановление Верховного Совета Таджикской ССР от 27 июля 1989 г. № 150 // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. – URL : http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=555#A000000001 (дата обращения: 20.04.2023).
2. Семенова, Е. В. Языковая политика в современном Таджикистане: (по материалам центральной таджикской прессы) / Е. В. Семенова // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2007. – № 5. – С. 143–146.
3. О создании комиссии по реализации Закона Республики Таджикистан о языке при Правительстве Республики Таджикистан: постановление правительства Республики Таджикистан от 31 октября 1995 г. № 662 // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. – URL : http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=4902 (дата обращения: 20.04.2023).
4. О ходе выполнения закона Республики Таджикистан о языке: постановление Правительства Республики Таджикистан от 2 июня 1997 г. № 256 // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. – URL : http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=3703 (дата обращения: 20.04.2023).
5. Бабакулов, И. Исторические корни современности: формирование культуры таджикского народа / И. Бабакулов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2010. – № 1. – С. 85–92.
6. Рахмонов, Э. Ш. Таджикская государственность: от Саманидов до рубежа XXI в. Доклад на торжественном собрании в честь 1100-летия Государства Саманидов и восьмой годовщины независимости РТ (8 августа 1999 г.) / Э. Ш. Рахмонов // Независимость Таджикистана и возрождение нации. – Душанбе : Ирфон, 2006. – Т. 3. – С. 129–150.
7. Рахмонов, Э. Ш. Таджики в зеркале истории / Э. Ш. Рахмонов // Независимость Таджикистана и возрождение нации. – Душанбе : Ирфон, 2006. – Т. 2. – С. 3–12.
8. Рахмонов, Э. Ш. Выступление на международном семинаре «Вклад Саманидов в культурное наследие Центральной Азии» (15 июня 1998 г.) / Э. Ш. Рахмонов // Независимость Таджикистана и возрождение нации. – Душанбе : Ирфон, 2006. – Т. 2. – С. 316–324.
9. О подготовке к сдаче юбилейных объектов в честь 1100-летия Государства Саманидов: постановление Правительства Республики Таджикистан от 10 мая 1999 г. № 198 // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. – URL : http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=6507 (дата обращения: 20.04.2023).
10. Рахмонов, Э. Ш. Великий праздник всех народов. Выступление на международной научной конференции, посвященной 1100-летию Государства Саманидов (Санкт-Петербург, 28 апреля 1999 г.) / Э. Ш. Рахмонов // Независимость Таджикистана и возрождение нации. – Душанбе : Ирфон, 2006. – Т. 3. – С. 90–99.
11. Рахмонов, Э. Ш. Проповедник справедливости, истины, света и мудрости. Выступление на международном симпозиуме, посвященном тысячелетию «Шахнаме» Фирдоуси (5 сентября 1994 г.) / Э. Ш. Рахмонов // Независимость Таджикистана и возрождение нации. – Душанбе : Ирфон, 2006. – Т. 1. – С. 227–232.
12. Об учреждении премий имени Исмоила Сомони для молодых ученых за выдающиеся работы в области науки и техники: Указ Президента Республики Таджикистан от 20 марта 1998 г. № 967 // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. – URL : http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=9010 (дата обращения: 20.04.23).
13. О реализации Указа Президента Республики Таджикистан «О введении в обращение национальной валюты СОМОНИ»: постановление Правительства Республики Таджикистан от 26 октября 2000 г. № 415 // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. – URL : http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=663 (дата обращения: 20.04.2023).

¹⁵ Имя выдающегося ученого Ш. Хусейн-Заде носит школа в г. Канибадам [26, ст. 4]; имя академика М. С. Осими присвоено Таджикскому техническому университету [25, ст. 1]; в честь У. К. Рахматзаде учреждена именная стипендия для студентов бакалавриата по профилю сельскохозяйственных наук [27, ст. 1].

14. О государственных наградах Республики Таджикистан: постановление Правительства Республики Таджикистан от 31 июля 2001 г. № 29 // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. – URL : http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoviev.php?showdetail=&asosi_id=1213 (дата обращения: 17.01.2024).
15. О переименовании пика Коммунизма в пик имени Исмоила Сомони и проведении международной экспедиции, посвященной 1100-летию основания государства Саманидов: постановление Правительства Республики Таджикистан от 03 августа 1998 г. № 297 // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. – URL : http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoviev.php?showdetail=&asosi_id=9897 (дата обращения: 20.04.2023).
16. Визитная карточка Душанбе. Все самое главное о главном памятнике столицы // Asiaplustj.info. – 2020. – 6 сентября. – URL : <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20200906/vizitnaya-kartochka-dushanbe-vse-samoe-glavnoe-o-glavnom-pamyatnike-stolitsi?ysclid=gmazykg7x217491367> (дата обращения: 21.04.2023.)
17. О переименовании Ильичевского и Коммунистического районов Курган-Тюбинской области: постановление Верховного Совета Республики Таджикистан от 12 марта 1992 г. № 579 // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. – URL : http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoviev.php?showdetail=&asosi_id=10456 (дата обращения: 20.04.2023).
18. О переименовании Ленинабадской области в Согдийскую область: постановление Правительства Республики Таджикистан от 10 ноября 2000 г. № 148 // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. – URL : http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoviev.php?showdetail=&asosi_id=931 (дата обращения: 20.04.2023).
19. О переименовании гостиницы «Октябрьская»: постановление Правительства Республики Таджикистан от 03 августа 1998 г. № 325 // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. – URL : http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoviev.php?showdetail=&asosi_id=4033 (дата обращения: 20.04.2023).
20. Об увековечении памяти народного писателя Таджикистана Джалола Икрами: постановление Совета Министров Республики Таджикистан от 19 августа 1994 г. № 410 // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. – URL : http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoviev.php?showdetail=&asosi_id=3954 (дата обращения: 23.04.2023).
21. Об увековечении памяти народного писателя Таджикистана Рахима Джалила: постановление Совета Министров Республики Таджикистан от 19 августа 1994 г. № 409 // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. – URL : http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoviev.php?showdetail=&asosi_id=3954 (дата обращения: 23.04.2023).
22. Об увековечении памяти народного поэта Таджикистана Мирсаида Миршакара: постановление Совета Министров Республики Таджикистан от 19 августа 1994 г. № 411 // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. – URL : http://www.portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoviev.php?showdetail=&asosi_id=3952 (дата обращения: 23.04.2023).
23. Об увековечении памяти Г. Р. Валамат-Заде: постановление Совета Министров Республики Таджикистан от 02 июня 1994 г. № 255 // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. – URL : http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoviev.php?showdetail=&asosi_id=5169 (дата обращения: 23.04.2023).
24. Об увековечении памяти А. Бобокулова: постановление Совета Министров Республики Таджикистан от 29 сентября 1994 г. № 473 // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. – URL : http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoviev.php?showdetail=&asosi_id=5320 (дата обращения: 23.04.2023).
25. Об увековечении памяти академика Осими Мухаммеда Саифитдиновича: постановление Правительства Республики Таджикистан от 07 мая 1997 г. № 70 // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. – URL : http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoviev.php?showdetail=&asosi_id=8466 (дата обращения: 23.04.2023).
26. Об увековечивании памяти профессора Шарифджона Хусейн-Заде: постановление Правительства Республики Таджикистан от 04 апреля 1997 г. № 149 // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. – URL : http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoviev.php?showdetail=&asosi_id=8470 (дата обращения: 23.04.2023).
27. Об увековечении памяти Усмана Курбановича Рахмат-заде: постановление Правительства Республики Таджикистан от 21 октября 1997 г. № 456 // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. – URL : http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoviev.php?showdetail=&asosi_id=8521 (дата обращения: 23.04.2023).

References

1. O yazike: postanovlenie Verhovnogo Soveta Tadjikskoi SSR ot 27 iyulya 1989 № 150 [About language: Resolution of the Supreme Council of the Tajik SSR dated July 27, 1989 № 150] // Informacionnii pravovoi internet portal Respubliki Tadjikistan [Information legal Internet portal of the Republic of Tajikistan]. – URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoviev.php?showdetail=&asosi_id=555#A000000001 (accessed: 20.04.2023).
2. Semenova, E. V. Yazikovaya politika v sovremennom Tadjikistane: (po materialam centralnoi tadjikskoi pressi) [Language policy in modern Tajikistan: (based on materials from the central Tajik press)] / E. V. Semenova //

- The East. African-Asian societies: history and modernity. – 2007. – № 5. – P. 143-146.
3. O sozdanii komissii po realizacii Zakona Respubliki Tadjikistan o yazike pri Pravitelstve Respubliki Tadjikistan: postanovlenie pravitelstva Respubliki Tadjikistan ot 31 oktyabrya 1995 № 662 [On the establishment of a Commission for the implementation of the Language Law of the Republic of Tajikistan under the Government of the Republic of Tajikistan: Resolution of the Government of the Republic of Tajikistan dated October 31, 1995 № 662] // Informacionnii pravovoi internet portal Respubliki Tadjikistan [Information legal Internet portal of the Republic of Tajikistan]. – URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=4902. (accessed: 20.04.2023).
 4. O hode vipolneniya zakona Respubliki Tadjikistan o yazike: postanovlenie pravitelstva Respubliki Tadjikistan ot 2 iyunya 1997 № 256 [On the implementation of the Language Law of the Republic of Tajikistan: Government Resolution dated June 2, 1997 № 256] // Informacionnii pravovoi internet portal Respubliki Tadjikistan [Information legal Internet portal of the Republic of Tajikistan]. – URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=3703 (accessed: 20.04.2023).
 5. Babakulov, I. Istoricheskie korni sovremennosti: formirovanie kulturni tadjikskogo naroda [The historical roots of our time: the formation of the culture of the Tajik people] / I. Babakulov // Bull. of the Peoples' Friendship Univ. of Russia. Series: Philosophy. – 2010. – № 1. – P. 85-92.
 6. Rahmonov, E. Sh. Tadjikskaya gosudarstvennost: ot Samanidov do rubeja XXI v. Doklad na torjestvennom sobranii v chest 1100-letiya Gosudarstva Samanidov i vosmoi godovschini nezavisimosti RT (8 avgusta 1999) [Tajik statehood: from the Samanids to the turn of the 21st century. Report at a solemn meeting in honor of the 1100th anniversary of the State of Samanids and the eighth anniversary of the independence of the Republic of Tajikistan (August 8, 1999)] / E. Sh. Rahmonov // Independence of Tajikistan and the revival of the nation. – Dushanbe: Irfon, 2006. – Vol. 3. – P. 129-150.
 7. Rahmonov, E. Sh. Tadjiki v zerkale istorii [Tajiks in the mirror of history] / E. Sh. Rahmonov. – Independence of Tajikistan and the revival of the nation. – Dushanbe: Irfon, 2006. – Vol. 2. – P. 3-12.
 8. Rahmonov, E. Sh. Vistuplenie na mejdunarodnom seminare «Vklad Samanidov v kulturnoe nasledie Centralnoi Azii» (15 iyunya 1998) [Presentation at the international seminar "The contribution of Samanids to the cultural heritage of Central Asia" (June 15, 1998)] / E. Sh. Rahmonov // Independence of Tajikistan and the revival of the nation. – Dushanbe: Irfon, 2006. – Vol. 2. – P. 316-324.
 9. O podgotovke k sdache yubileinih obektov v chest 1100-letiya Gosudarstva Samanidov: postanovlenie Pravitelstva Respubliki Tadjikistan ot 10 maya 1999 № 198 [On preparations for the commissioning of commemorative objects in honor of the 1100th anniversary of the State of Samanids: Decree of the Government of the Republic of Tajikistan dated May 10, 1999 № 198] // Informacionnii pravovoi internet portal Respubliki Tadjikistan [Information legal Internet portal of the Republic of Tajikistan]. – URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=6507 (accessed: 20.04.2023).
 10. Rahmonov, E. Sh. Velikii prazdnik vseh narodov. Vistuplenie na mejdunarodnoi nauchnoi konferencii, posvyaschennoi 1100-letiyu Gosudarstva Samanidov (Sankt-Peterburg, 28 aprelya 1999) [The great holiday of all peoples. Speech at the international scientific conference dedicated to the 1100th anniversary of the State of Samanids (St. Petersburg, April 28, 1999)] / E. Sh. Rahmonov // Independence of Tajikistan and the revival of the nation. – Dushanbe: Irfon, 2006. – Vol. 3. – P. 90-99.
 11. Rahmonov, E. Sh. Propovednik spravedlivosti, istini, sveta i mudrosti. Vistuplenie na mejdunarodnom simpoziume, posvyaschennom tisyacheletiyu «Shahname» Firdousi (5 sentyabrya 1994) [A preacher of justice, truth, light and wisdom. Speech at the international symposium dedicated to the millennium of Firdousi's "Shahnameh" (September 5, 1994)] / E. Sh. Rahmonov // Independence of Tajikistan and the revival of the nation. – Dushanbe: Irfon, 2006. – Vol. 1. – P. 227-232.
 12. Ob uchrejenii premii imeni Ismoila Somoni dlya molodih uchenih za vidayuschiesya raboti v oblasti nauki i tehniki: Ukaz Prezidenta Respubliki Tadjikistan ot 20 marta 1998 № 967 [On the establishment of the Ismoil Somoni awards for young scientists for outstanding work in the field of science and technology. Decree of the President of the Republic of Tajikistan dated March 20, 1998 № 967] // Informacionnii pravovoi internet portal Respubliki Tadjikistan [Information legal Internet portal of the Republic of Tajikistan]. – URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=9010. (accessed: 20.04.2023).
 13. O realizacii Ukaza Prezidenta Respubliki Tadjikistan «O vvedenii v obraschenie nacionalnoi valyuti SOMONI»: postanovlenie Pravitelstva Respubliki Tadjikistan ot 26 oktyabrya 2000 № 415 [On the implementation of the Decree of the President of the Republic of Tajikistan "On the introduction of the national currency SOMONI": Resolution of the Government of the Republic of Tajikistan dated October 26, 2000 № 415] // Informacionnii pravovoi internet portal Respubliki Tadjikistan [Information legal Internet portal of the Republic of Tajikistan]. – URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=663 (accessed: 20.04.2023).
 14. O gosudarstvennih nagradah Respubliki Tadjikistan: postanovlenie Pravitelstva Respubliki Tadjikistan ot 31 iyulya 2001 № 29 [On state awards of the Republic of Tajikistan: Resolution of the Government of the Republic of Tajikistan dated July 31, 2001 № 29] // Informacionnii pravovoi internet portal Respubliki Tadjikistan [Information legal Internet portal of the Republic of Tajikistan]. – URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=1213. (accessed: 17.01.2024).

15. O pereimenovanii pika Kommunizm v pik imeni Ismoila Somoni i provedenii mejdunarodnoi ekspedicii: posvyaschennoi 1100-letiyu osnovaniya gosudarstva Samanidov: postanovlenie Pravitelstva Respubliki Tadjikistan ot 03 avgusta 1998 № 297 [On renaming the peak of Communism to the peak named after Ismoil Somoni and conducting an international expedition dedicated to the 1100th anniversary of the founding of the Samanid state: Resolution of the Government of the Republic of Tajikistan dated August 03, 1998 № 297] // Informacionnii pravovoi internet portal Respubliki Tadjikistan [Information legal Internet portal of the Republic of Tajikistan]. – URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=9897 (accessed: 20.04.2023).
16. Vizitnaya kartochka Dushanbe. Vse samoe glavnoe o glavnom pamyatnike stolici [The business card of Dushanbe. All the most important things about the main monument of the capital] // Asiaplustj.info. – 2020. – September 6. – URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tadjikistan/society/20200906/vizitnaya-kartochka-dushanbe-vse-samoe-glavnoe-o-glavnom-pamyatnike-stolitsi?ysclid=lgmazykg7x217491367> (accessed: 20.04.2023).
17. O pereimenovanii llichevskogo i Kommunisticheskogo raionov Kurgan-Tyubinskoi oblasti: postanovlenie Verhovnogo Soveta Respubliki Tadjikistan ot 12 marta 1992 № 579 [On renaming of the Illichevsk and Communist districts of the Kurgan-Tyubin region: Resolution of the Supreme Council of the Republic of Tajikistan dated March 12, 1992 № 579] // Informacionnii pravovoi internet portal Respubliki Tadjikistan [Information legal Internet portal of the Republic of Tajikistan]. – URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=10456 (accessed: 20.04.2023).
18. O pereimenovanii Leninabadskoi oblasti v Sogdiiskuyu oblast: postanovlenie Pravitelstva Respubliki Tadjikistan ot 10 noyabrya 2000 № 148 [On renaming the Leninabad region to the Sogdi region: Resolution of the Government of the Republic of Tajikistan dated November 10, 2000 № 148] // Informacionnii pravovoi internet portal Respubliki Tadjikistan [Information legal Internet portal of the Republic of Tajikistan]. – URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=931 (accessed: 20.04.2023).
19. O pereimenovanii gostinici «Oktyabrskaya»: postanovlenie Pravitelstva Respubliki Tadjikistan ot 03 avgusta 1998 № 325 [On renaming the 'Oktyabrskaya' Hotel: Resolution of the Government of the Republic of Tajikistan dated August 03, 1998 № 325] // Informacionnii pravovoi internet portal Respubliki Tadjikistan [Information legal Internet portal of the Republic of Tajikistan]. – URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=4033 (accessed: 20.04.2023).
20. Ob uvekovechenii pamyati narodnogo pisatelya Tadjikistana Djalola Ikrami: postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Tadjikistan ot 19 avgusta 1994 № 410 [On perpetuating the memory of the national writer of Tajikistan Jalol Ikrami: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Tajikistan dated August 19, 1994 No. 410] // Informacionnii pravovoi internet portal Respubliki Tadjikistan [Information legal Internet portal of the Republic of Tajikistan]. – URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=3954 (accessed: 23.04.2023).
21. Ob uvekovechenii pamyati narodnogo pisatelya Tadjikistana Rahima Djalila: postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Tadjikistan ot 19 avgusta 1994 № 409 [On perpetuating the memory of the national writer of Tajikistan Rahim Jalil: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Tajikistan dated August 19, 1994 № 409] // Informacionnii pravovoi internet portal Respubliki Tadjikistan [Information legal Internet portal of the Republic of Tajikistan]. – URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=3954 (accessed: 23.04.2023).
22. Ob uvekovechenii pamyati narodnogo poeta Tadjikistana Mirsaida Mirshakara: postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Tadjikistan ot 19 avgusta 1994 № 411 [On perpetuating the memory of the People's Poet of Tajikistan Mirsaid Mirshakar: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Tajikistan dated August 19, 1994 № 411] // Informacionnii pravovoi internet portal Respubliki Tadjikistan [Information legal Internet portal of the Republic of Tajikistan]. – URL: http://www.portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=3952 (accessed: 23.04.2023).
23. Ob uvekovechenii pamyati G.R. Valamat-Zade: postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Tadjikistan ot 02 iyunya 1994 № 255 [On perpetuating the memory of G.R. Valamat-Zade: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Tajikistan dated June 02, 1994 № 255] // Informacionnii pravovoi internet portal Respubliki Tadjikistan [Information legal Internet portal of the Republic of Tajikistan]. – URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=5169 (accessed: 23.04.2023).
24. Ob uvekovechenii pamyati A. Bobokulova: postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Tadjikistan ot 29 sentyabrya 1994 № 473 [On perpetuating the memory of A. Bobokulov: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Tajikistan dated September 29, 1994 № 473] // Informacionnii pravovoi internet portal Respubliki Tadjikistan [Information legal Internet portal of the Republic of Tajikistan]. – URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=5320 (accessed: 23.04.2023).
25. Ob uvekovechenii pamyati akademika Osimi Muhammeda Saifitdinovicha: postanovlenie Pravitelstva Respubliki Tadjikistan ot 07 maya 1997 № 70 [On perpetuating the memory of Academician Osimi Muhammed Saifitdinovich: Resolution of the Government of the Republic of Tajikistan dated May 07, 1997 № 70] // Informacionnii pravovoi internet portal Respubliki Tadjikistan [Information legal Internet portal of the Republic of Tajikistan]. – URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=8466 (accessed: 23.04.2023).

26. Ob uvekovechivanii pamyati professora Sharifdjona Husein-Zade: postanovlenie Pravitelstva Respubliki Tadjikistan ot 04 aprelya 1997 № 149 [On perpetuating the memory of Professor Sharifjon Huseyn-Zade: Resolution of the Government of the Republic of Tajikistan dated April 04, 1997 No. 149] // Informacionnii pravovoi internet portal Respubliki Tadjikistan [Information legal Internet portal of the Republic of Tajikistan]. – URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=8470 (accessed: 23.04.2023).
27. Ob uvekovechenii pamyati Usmana Kurbanovicha Rahmatzade: postanovlenie Pravitelstva Respubliki Tadjikistan ot 21 oktyabrya 1997 № 456 [On perpetuating the memory of Usman Kurbanovich Rahmatzade: Resolution of the Government of the Republic of Tajikistan dated October 21, 1997 № 456] // Informacionnii pravovoi internet portal Respubliki Tadjikistan [Information legal Internet portal of the Republic of Tajikistan]. – URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=8521 (accessed: 23.04.2023).

Информация об авторе:

Косяк Никита Александрович – магистр исторических наук, аспирант кафедры истории России Белорусского государственного университета (220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр-т Независимости, д. 4; e-mail: nik.kosyak.1998@mail.ru).

Author:

Nikita A. Kosyak – Master of Sciences (History), Post-Graduate Student at the Department of History of Russia at Belorussian State University (4, Nezavisimosti Ave., Minsk 220030, Republic of Belarus; e-mail: nik.kosyak.1998@mail.ru).

Для цитирования:

Косяк, Н. А. Коммеморативные практики Республики Таджикистан в 1991–1999 годы / Н. А. Косяк // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 6 (72). – С. 81–88.

For citation:

Kosyak, N. A. Commemorative practices of the Republic of Tajikistan in 1991–1999 / N. A. Kosyak // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2024. – No. 6 (72). – P. 81–88.

Дата поступления статьи: 19.07.2024

Прошла рецензирование: 23.09.2024

Принято решение о публикации: 27.09.2024

Received: 19.07.2024

Reviewed: 23.09.2024

Accepted: 27.09.2024

Конструирование исторической памяти о революции 1917 года в школьных учебниках Азербайджанской республики (2018–2023 годы)

М. А. Веремейчик

Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь
maxverym@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные концептуальные подходы к изложению событий февральского и октябрьского этапов революции 1917 г. в школьных учебниках Азербайджанской Республики. Значительное внимание уделяется национальному компоненту революции 1917 г. – становлению Первой (Азербайджанской Демократической Республики) и Второй (Азербайджанской ССР) республик. Проанализировано содержание учебников по учебным предметам «История Азербайджана» для 5, 9, 11 классов и «Всеобщая история» для 9, 11 классов, изданных в 2018 – 2023 гг.

Ключевые слова:

коммеморативные практики, революция 1917 г., Азербайджанская Демократическая Республика, школьные учебники по истории, преподавание истории в школе, концентрический принцип

Учебники и учебные пособия по истории – это важный компонент государственной исторической политики и предмет особо пристального внимания как со стороны власти, так и широкой общественности. В период существования Советского Союза в учебниках по истории революция 1917 г. подавалась исключительно с позиции большевизма, в связи с чем февральский этап не рассматривался на должном уровне. Особенности революции в союзных странах также практически не уделялось внимания. Отображение революции в школьных учебниках и учебных пособиях кардинальным образом меняется после 1991 г. Это было обусловлено распадом Советского Союза и появлением вместо него новых независимых государств, которым предстояло разработать новые учебные программы, отражающие государственную историческую политику. Одновременно с разработкой учебных программ началась работа по написанию учебных пособий для средних школ.

Основной источниковедческой базой данного исследования являются учебники по учебному предмету

Constructing the historical memory of the 1917 revolution in school textbooks of the Republic of Azerbaijan (2018–2023)

M. A. Veremeichik

Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus

Abstract

The paper deals with the main conceptual approaches to the presentation of the events of the February and October stages of the 1917 Revolution in the school textbooks of the Republic of Azerbaijan. Considerable attention is paid to the national component of the 1917 Revolution – the formation of the First Republic (Azerbaijan Democratic Republic) and the Second Republic (Azerbaijan SSR). The content of textbooks on academic subjects “History of Azerbaijan” for grades 5, 9, 11 and “General History” for grades 9, 11 published in 2018 – 2023 was analyzed.

Keywords:

commemorative practices, 1917 revolution, Azerbaijan Democratic Republic, school textbooks on history, teaching history at school, concentric principle

«История Азербайджана» для 5, 9, 11 классов и «Всеобщая история» для 9 и 11 класса на русском языке, изданные в период с 2018 по 2023 г.

В современном Азербайджане при изучении истории в общеобразовательных школах применяется концентрический принцип¹. Для азербайджанских учебников по истории характерно использование трех концентров. На первом концентре, приходящемся на пятый класс, учащиеся знакомятся с историей Азербайджана с древности по настоящее время (учебник был издан в 2020 г.). Второй концентр включает в себя 6–9 классы, где история Азербайджана изучается на более глубоком уровне. Так, в 6 классе изучается период с древнего мира по VI в., в 7 – VI–XVI вв., в 8 – с середины XVI в. по первые десятилетия XIX в., в 9 классе с 30-х гг. XIX в. по настоящее время (учебник издан в 2020 г.). Также начиная со второго концентра

¹ Концентрический принцип структурирования содержания основывается на неоднократном обращении к одному и тому же материалу на разных ступенях образования с учетом возрастных особенностей и познавательных способностей учащихся.

учащиеся общеобразовательных школ изучают учебный предмет «Всеобщая история». В рамках третьего центра школьники продолжают изучение учебного предмета «История Азербайджана». Так, в 10 классе изучение истории охватывает период с древнейших времен до конца XVIII в., а в 11 – с XIX – по начало XXI в.

При анализе содержания каждого из концентров рассматривались следующие концептуальные основы: отображение февральского и октябрьского этапов революции 1917 г., представление государственного строительства Первой республики – Азербайджанской Демократической Республики (далее – АДР), являющейся, в свою очередь, частью революции 1917 г., отображение идей тюркизма, формирование образа Российской империи и Советского Союза.

Первый концентр, как уже отмечалось ранее, носит общий характер и знакомит учащихся со всей историей Азербайджана с древности до наших дней. Непосредственно революционным событиям 1917 г. посвящено лишь несколько предложений в § 39 «Однажды поднятое знамя...». В тексте упоминается февральский этап революции в связи с падением монархии, при этом события октябрьского этапа опускаются, ограничиваясь лишь информацией о приходе большевиков к власти и образованием Советского государства: «В феврале 1917 г. в России было свергнуто царское правительство. Вскоре здесь образовалось Советское государство. Большевики хотели вновь оставить нашу родину под властью России» [1, с. 142]. Далее следуют рассуждения о разграблении большевиками нефтяных запасов Азербайджана: «... наше "черное золото" грабили и перевозили в Россию. В этих целях большевики использовали заклятых врагов нашего народа – армян. Против нашего народа был организован геноцид».

Период становления АДР традиционно является одним из ключевых аспектов в исторической политике Азербайджанской Республики, что находит непосредственное отражение в учебниках по истории. Провозглашение АДР 28 мая 1918 г. преподносится в качестве «восстановления независимой государственности», что является следствием исторической политики по удревлению истории азербайджанской государственности. Вместе с провозглашением АДР указываются имена нескольких «отцов-основателей» «Мамед Эмин Расулзаде, Алимардан бек Топчибашев, Фатали хан Хойский, Насиб бек Юсифбейли» [там же].

Тюркизм находит глубокое отражение в школьных учебниках. Так, в § 39 Османское государство называется «братским» по причине заключения договора о мире и дружбе, в связи с которым оно оказало АДР «военную помощь». Под военной помощью подразумевается отправление на территорию АДР вооруженных сил Османской империи во главе с Нуру-пашой для ее защиты перед угрозой Бакинского Совета [там же, с. 143]. Кроме того, олицетворением тюркизма в учебнике 5 класса является § 42 «Братская помощь», посвященный в том числе Нариману Нариманову². В данном параграфе сообщается об обра-

² Азербайджанский культурный и политический деятель, принял активное участие в установлении советской власти на территории Азербайд-

нии Мустафы Кемаля Ататюрка за помощью к «братскому Азербайджану». Н. Нариманов положительно ответил, после чего «между Нариманом Наримановым и Ататюрком установились дружеские, братские отношения, духовная близость <...> были отправлены тонны бензина и другого топлива, 500 кг золота» [там же, с. 154]. Однако представляется сомнительным, чтобы Азербайджан, находившийся под контролем Москвы и XI Красной армии, принимал самостоятельные решения о помощи сопредельному государству, как это преподносится в учебнике.

Еще одним примером особых отношений служит письмо Н. Нариманова Ататюрку: «Мой паша, у тюрков брат брату не дает в долг. Брат всегда протянет руку помощи своему брату. Мы братья и поэтому всегда будем оказывать вам помощь» [там же]. Отсюда следует, что идеи тюркизма и особые отношения с Турцией реализуются через синонимические словосочетания: «дружеские отношения», «братские отношения», «духовная близость», «братский турецкий народ», «братский Азербайджан».

Во всех рассмотренных параграфах встречается упоминание Российской империи или Советского государства. Зачастую информация носит негативный характер. Например, в § 37 «Султан бек Султанов» говорится об усилении азербайджанского освободительного движения в начале XX в. и стремлении царской России воспрепятствовать данному процессу, используя армянские организации и политическую партию «Дашнакцутюн» [там же, с. 134–137]. При этом, в предыдущем учебнике, изданном в 2018 г., отсутствует прямое упоминание России, препятствующей развитию национально-освободительного движения [2, с. 136]. В начале § 39 дана характеристика более чем столетнему нахождению азербайджанских земель в составе Российской империи. Потеря государственности после Гюлистанского и Туркменчайского договоров, по мнению авторов, привела к колониальной зависимости от Российской империи, сопровождавшейся притеснением языка, культуры и религии [1, с. 142].

Негативная характеристика также дана большевикам и Бакинскому Совету через образ С. Шаумяна. Так, § 38 «Мартовский геноцид» представляет собой рассказ, посвященный произошедшему в Баку погрому в марте 1918 г. Одним из главных виновников и организаторов которого авторы учебника называют С. Шаумяна, стоящего во главе Бакинского Совета [там же, с. 138]. В § 39 авторы, давая негативную оценку С. Шаумяну, ставят под сомнение его причастность к большевистской партии и относят его к сторонникам армянской политической партии «Дашнакцутюн»: «Это правительство, возглавляемое Степаном Шаумяном, организатором мартовского геноцида против нашего народа, в действительности было армяно-дашнакским правительством. Замаскировавшись словом "советский", оно тем самым скрывало свою истинную сущность» [там же, с. 144]. Содержание данных параграфов способствует формированию негативного образа северного соседа. В первом случае Российской империи, препятству-

жана после падения АДР в 1920 г. Занимал должность председателя Совета Народных Комиссаров Азербайджанской ССР.

ющей усилению азербайджанского национального движения, а во втором – Советской России, которую олицетворяет С. Шаумян, руководитель Бакинского Совета.

Однако существуют исключения. Вопреки азербайджанской исторической политике, представляющей советское прошлое в исключительно негативной коннотации, стоит отметить положительное отношение к советскому и азербайджанскому политическому деятелю – Н. Нариманову. Учебники формируют его положительный образ: «Благодаря решительности Наримана Нариманова, Нахчыван, Гарабаг, Загатала остались в составе Азербайджана» [там же, с. 154]. Помимо посвящения ему отдельных параграфов в учебнике истории, его имя, наряду с М. Расулзаде, присутствует в символическом пространстве Азербайджана. Главным образом это связано с его активными усилиями, направленными на борьбу с отчуждением отдельных территорий Азербайджана сопредельным государствам после установления советской власти. Следовательно, принадлежность к СССР не является основным маркером для оценки личности исторической политикой.

В учебнике для 5 класса отсутствует информация об октябрьском этапе революции 1917 г. При этом серьезное внимание уделено установлению советской власти на территории Азербайджана, ставшему возможным в результате похода XI Красной армии. В качестве причин авторы называют наличие нефти близ Баку: «Большевистско-советское правительство России, сменившее царское правительство, но не отказавшееся от своих захватнических замыслов, никак не хотело примириться с независимостью Азербайджана, в первую очередь не хотело терять бакинскую нефть» [там же, с. 150]. Поход Красной армии в учебнике оценивается как «захват» и «очередная оккупация Азербайджана»: «Целью этой армии, 27 апреля 1920 года вступившей на нашу территорию, был захват всего Азербайджана. При этом, захватчики, скрывая свою главную цель, заявляли, что прибыли на помощь азербайджанскому народу, совершившему революцию. В действительности это была не революция, а очередная оккупация Азербайджана <...> Наша государственная независимость была вновь потеряна» [там же, с. 151]. В свою очередь Советская Россия преподносится в качестве правопреемницы Российской империи: «Российская империя, сменившая белый цвет на флаге на красный цвет, готовила захват Азербайджана» [2, с. 155]. В качестве синонимов в отношении Советской России используются термины «чужеземцы» и «иноземцы», подчеркивающие негативное отношение к новым властям.

В § 50, посвященном восстановлению независимости Азербайджана в 1991 г., дважды дана характеристика советскому периоду истории Азербайджана в исключительно негативной коннотации. Первое упоминание посвящено утрате независимости АДР: «После ее падения начался период 70-летнего гнета Советской империи» [1, с. 183]. Второе упоминание касается уже восстановления государственной независимости в 1991 г.: «Эта независимость была итогом 70-летней борьбы нашего народа против советского оккупационного режима» [там же, с. 185].

Как отмечалось ранее, учащиеся 5 класса изучают историю Азербайджана в рамках первого концентратора, т. е. информация, представленная в учебнике, носит пропедевтический характер. Материал в учебниках для 5 класса (издания 2018 и 2020 гг.) дан фрагментарно, носит ярко выраженный эмоциональный окрас, а повествование построено от первого лица. При этом анализируемые параграфы не претерпели концептуальных изменений. Использование вышеперечисленных синонимических оборотов и текстов с яркой эмоциональной окраской объясняется уязвленным чувством утраты государственной независимости в лице АДР в исторической памяти Азербайджана.

В рамках второго концентратора осуществляется значительное приращение учебного материала, в виду чего предметно рассматриваются революционные процессы 1917–1920 гг. Кроме того, на втором концентре вводится учебный предмет «Всеобщая история», в котором также присутствует информация о революции 1917 г.

В «Истории Азербайджана» для 9 класса детально представлено развитие государственного строительства в странах Южного Кавказа после февральского этапа революции 1917 г. Рассмотрена деятельность Особого Южнокавказского (Закавказского) комитета (Озаком), Южнокавказского (Закавказского) комиссариата, Южнокавказского (Закавказского) сейма и Южнокавказской (Закавказской) Федеративной Республики [3, с. 79–84]. Концептуальным отличием от предыдущего концентратора является акцент на национальную составляющую революции. Государственное строительство после февральского этапа революции излагается в контексте национально-освободительного движения. Среди основных целей движения выделены следующие: «предотвращение дискриминационной политики Временного правительства по отношению к азербайджанскому народу» и «борьба против противоречившей национальным интересам азербайджанского народа политики Бакинского совета, руководство которого состояло из русских и армян» [там же, с. 80].

В § 20 «Азербайджан в период после Февральской революции 1917 года» появляется информация об октябрьском этапе революции. Стоит отметить, что в учебнике данное событие именуется «переворотом», в отличие от февральского этапа, который носит название революции [там же, с. 81]. В учебнике для 9 и 11 классов по учебному предмету «Всеобщая история» октябрьский этап революции 1917 г. также называется переворотом [4, с. 66; 5, с. 47].

Взаимодействию Османской империи и азербайджанского национального движения в период становления АДР посвящено гораздо больше информации. Отсюда следует, что солидарность тюркских сил на политической арене демонстрирует единство Кавказской исламской армии, состоящей из тюрко-азербайджанских вооруженных частей [3, с. 94], единая позиция вместе с Портой в отношении Армянского государства на Парижской мирной конференции [там же, с. 107], а также тот факт, что Османская империя стала первым государством, признавшим АДР [там же, с. 106]. Значимость тюркских идей находит свое отражение в описании цветов государственного флага

АДР, использовании азербайджанского языка и дружбе сначала с Османской империей, а позднее Турцией.

В учебнике «История Азербайджана» для 9 класса следует обратить внимание на обращение авторов к проблеме возвращения исторических названий различным топонимам. В тексте приводятся два примера: «Национальное правительство предприняло важные шаги по восстановлению исторических топонимов. Елизаветполь был переименован в Гянджу, а Карягинский уезд – в Джабраильский» [там же, с. 97].

Бакинский Совет и его руководитель С. Шаумян без изменений преподносятся в исключительно негативной коннотации. В первую очередь это касается целей Бакинского Совета, указанных в учебнике: во-первых, «осуществить план Советской России по захвату Баку и завладению нашими нефтяными ресурсами», во-вторых, «уничтожить социальную базу партии "Мусават", являвшуюся основной соперницей большевиков», в-третьих, «уничтожив тюрко-мусульманское население, превратить Баку в русско-армянский город» и, в-четвертых, «уничтожить национальные политические силы, обезглавить освободительную борьбу нашего народа» [там же, с. 90]. Кроме того, в учебнике приводятся аргументы, обосновывающие причастность С. Шаумяна и В. Ленина к погромам 30 марта 1918 г. в Баку. В качестве подтверждения приводится отчет С. Шаумяна В. Ленину, где азербайджанское население называется «контрреволюционным элементом», с которым велась решительная борьба [там же, с. 90].

Как и в учебнике для 5 класса, в адрес Советской России звучат обвинения в агрессивной политике в отношении АДР: отказ признания независимости Первой республики и стремление восстановить Российскую империю в прежних границах [там же, с. 107]. Данное обстоятельство подразумевало «захват сначала Азербайджана, а следом – Грузии и Армении» [там же, с. 111]. Тогда как период нахождения азербайджанских земель в составе Российской империи трактуется в качестве колониального периода.

Образ Советской России и Советского Азербайджана формируется через отображение негативных последствий установления власти большевиков. Для этого в тексте учебника используются следующие синонимические словосочетания: «красный террор», «нарушение гражданских прав и свобод», «нарушение права на свободу совести», «апрельская оккупация», «оккупационный режим», «карательные органы», «советский режим», «русские захватчики». Отдельное место при формировании образа занимает информация о репрессиях на территории Советского Азербайджана: «...состоятельные слои населения были разорены, многие были физически уничтожены» [там же, с. 114]. В § 30 «Народное движение против советского режима» приводятся следующие цифры: «С апреля 1920 года до августа 1921 года советские карательные органы уничтожили в Азербайджанской ССР 48 тыс. человек» [там же, с. 111].

В то же время в учебнике продолжает создаваться благородный образ Н. Нариманова. Отмечаются его исключительные заслуги по спасению от преследования большевиками знаменитых деятелей Азербайджана в условиях установления советской власти. В § 20 «Установление советского режима» приводится пример спасения Г. З. Тагиева [там же, с. 114]. Также, в отличие от предыдущего центра, в данном учебнике говорится о том, что реальной власти у Н. Нариманова, занимавшего пост председателя СНК Азербайджанской ССР, фактически не было: «Реальная власть в советском Азербайджане не принадлежала этому правительству, а находилась в руках Центрального комитета АКП(б) <...>. Бакинский комитет отменял даже решения Н. Нариманова» [там же, с. 113].

В § 47 «Восстановление государственной независимости» делается акцент на военном конфликте Азербайджанской и Армянской республик. При этом не появляются новые характеристики советского периода, отличные от тех, что приводились в учебнике для 5 класса [там же, с. 114].

В рамках третьего центра, представленного учебниками «История Азербайджана» для 11 класса (издания 2018 и 2023 гг.), видно еще большее приращение учебного материала, что прямо сказывается как на объемах учебника, так и на полноте отражения исторических событий. Следует отметить отличие стиля написания рассматриваемых учебников для 11 класса от учебников для 5 и 9 классов: стилистика первых отличается большей сдержанностью, дипломатичностью и научным языком изложения.

Важно заметить, что в учебнике для 11 класса впервые из рассматриваемых употребляется термин «I русская революция» применительно к февральскому этапу революции 1917 г. [6, с. 74]. При этом к октябрьскому этапу по-прежнему применяется термин «переворот» [там же, с. 77].

Однако смягчение риторики не мешает появлению нового термина, характеризующего вступление XI Красной армии на территорию АДР. Так, в § 20 «Большевистская оккупация и ее последствия» повествуется о падении АДР в результате завоевания ее «русско-большевистскими» силами. В этом же параграфе содержится колониальный нарратив: «С созданием Азербайджанской ССР здесь была фактически восстановлена власть России, которая была утрачена в 1917 году. Это означало восстановление колониального господства России, только в другой форме» [7, с. 113]. А в отношении Советского Союза в § 28 «Восстановление государственной независимости» применяется термин «Советская империя» [6, с. 162], тем самым обозначая преемственность с Российской империей и связанную с ней концепцию колониального периода.

С другой стороны, авторы учебника стремятся найти положительные явления в построении государственности на советской основе: «Азербайджанская ССР стала Первой Советской республикой нового типа во всем мусульманском мире» [7, с. 115].

На страницах учебника для 11 класса (издания 2018 и 2023 гг.) авторы объясняют концепцию оккупации АДР

с последующим становлением Второй республики – Азербайджанской ССР: «Поскольку в создании Азербайджанской ССР участвовали и местные большевики, этот этап вошел в историю как период Второй республики» [6, с. 109; 7, с. 113].

Следует обратить внимание на структуру раздела «Содержание» учебника 2018 и 2023 гг. Если в учебнике 2018 г. в названии глав присутствуют хронологические рамки изучаемого периода, то в издании 2023 г. в названии глав имеется указание на принадлежность к конкретной по счету республике. Первая Республика – АДР, Вторая Республика – Азербайджанская ССР и Третья Республика – современная Азербайджанская Республика, ведущая свой отсчет с 1991 г.

Также необходимо отметить, что ввиду написания учебников разными авторскими коллективами возникает ряд разночтений при написании названий исторических событий. Ярким примером служит написание названия февральского этапа революции в учебнике для 11 класса (издание 2018 г.). Лишь на одной странице размещено три варианта написания: «февральская революция», «Февральская революция» и «Февральская Революция» [7, с. 74].

Еще одним средством отображения общетюркских идей можно отметить методический аппарат учебников для 11 класса, представленного, в том числе цитатами выдающихся деятелей азербайджанского национального движения. Например, в § 15 «Северный Азербайджан на пути восстановления и укрепления национальной государственности» приводится цитата «отца-основателя» АДР – М. Э. Расулзаде, посвященная тюркизму и взаимопомощи: «Анатолийские войны, пав смертью храбрых в Баку, подарили тюркству новый облик <...> Да, во всех уголках Азербайджана вы можете встретить по образному выражению поэта «могилы покрытые плющом», которые превратились в место поклонения тем, кто откликнулся на братский призыв о помощи» [там же, с. 88]. В свою очередь явной особенностью учебников для 11 класса является акцент, сделанный при оценке внешнеполитической деятельности Турции в первой половине 1920-х гг., характеризующийся сдержанно-нейтральным отношением. Например, «Национально-освободительные силы Турции под руководством Мустафа Кемаль Паши вели тяжелую борьбу с интервентами Антанты и наладили тесные политические и военно-экономические отношения с Советской Россией. В связи с этим не представлялось возможным оказание помощи этой страной АДР» [там же, с. 105]. Данное обстоятельство является уникальным явлением, поскольку везде до этого прослеживается четкий нарратив о дружбе и взаимовыручке АДР и Османской империи/Турции.

При анализе содержания учебников ясно прослеживаются нарративы государственной исторической политики: удревнение традиций азербайджанской государственности, популяризация становления АДР как первого светского мусульманского государства Востока, симпатия к тюркистским идеям и отражение современно-

го азербайджано-армянского конфликта. В большинстве своем текст параграфов ориентирован на «удревнение» государственности Азербайджана. Первым независимым государством на территории Азербайджана принято считать Азербайджанскую Демократическую Республику, однако в тексте делаются постоянные отсылки к более ранним формам государственности. Так, в § 41 (учебник 5 класса, 2020 г.) после упоминания АДР делается акцент на восстановлении древних традиций государственности, а «название Азербайджан вновь от понятия территории переросло в понятие независимого государства» [1, с. 150]. Современный армяно-азербайджанский конфликт играет немаловажную роль в школьных учебниках. Находя свое отражение в истории революции 1917 г., где армяне и члены политической партии «Дашнакцутюн»³ называются одной из сторон конфликта и пособниками большевиков. В частности, на них возлагается доля ответственности за падение АДР.

Еще одним элементом государственной исторической политики является специфика использования терминов «Южный Кавказ» и «Закавказье». В тексте учебника термин «Закавказье», широко распространенный в русскоязычной и советской историографии, выносится за скобки, как правило, вместо него используется термин «Южный Кавказ». Примечательно, что это применяется, в том числе к государственным образованиям периода революции 1917 г. Например, упоминавшаяся ранее Закавказская Демократическая Федеративная Республика называется Южнокавказская Демократическая Федеративная Республика, или Демократическая Федеративная Республика. А Особый Закавказский Комиссариат упоминается как Особый Южно-Кавказский Комиссариат, при этом в скобках дается его историческое название [6, с. 74]. Аналогичное употребление терминов наблюдается в отношении иных государственных образований. Связано это в первую очередь с тем фактом, что термин «Закавказье» исторической политикой Азербайджанской Республики воспринимается в негативной коннотации.

Таким образом, содержание учебников, изданных в Азербайджанской Республике в 2018–2023 гг., является азербайджаноцентричным и полностью отражает государственную историческую политику в сфере образования. Содержание азербайджанских учебников отражает национальную и антиимперскую/антисоветскую парадигмы. Анализ содержания учебников по учебным предметам «История Азербайджана» и «Всеобщая история» позволил выделить следующие концептуальные подходы к оцениванию национальной истории Азербайджана: а) пребывание азербайджанских земель в составе Российской империи – колониальный период; б) вторжение XI Красной армии на территорию АДР – большевистская оккупация с последующим становлением Второй республики; в) период с 1989 г. по настоящее время – восстановление национальной государственности и становление Третьей республики. Указанные концептуальные подходы позво-

³ В содержании учебников члены «Дашнакцутюн» зачастую именуются дашнаками.

ляют оценить отношение исторической политики Азербайджана к Советскому Союзу в целом и октябрьскому этапу революции 1917 г. в частности.

Важной особенностью азербайджанских учебников по истории является установление знака равенства между такими историческими формами государств, как Российская империя, Советская Россия, СССР и Российская Федерация, что, в свою очередь, накладывает определенную специфику на формирование у учащихся образа соседа. Негативный образ России и ее предыдущих исторических форм государственности основывается на комплексе проблем, широко освещенных в учебниках: утеря государственности АДР, проблема Нагорного Карабаха, политические репрессии 1920-х и 1930-х гг., партнерские отношения с Республикой Армения и др. Несмотря на это, внешнеполитические отношения двух стран находятся на созидательном уровне.

Революция 1917 г. изучается в учебниках Азербайджана с национальных позиций. В этой связи на первое место выдвигается изучение не февральского и октябрьского этапов, а изучение становления Первой (АДР) и Второй (Азербайджанская ССР) республик.

Как уже отмечалось, в содержании учебников Февральский этап называется «революцией», тогда как к Октябрьскому этапу применяется термин «большевистский/Октябрьский переворот». Стоит отметить, что теме революции уделяется второстепенное внимание. Основной акцент делается национальному компоненту революции 1917 г. – АДР, оттесняя тем самым революцию на второй план.

Азербайджанская Демократическая Республика предстает в качестве главного достижения революции 1917 г. Отношение к Октябрьскому этапу и большевикам носит крайне негативный характер. Это объясняется тем, что потеря государственной независимости в лице АДР, в апреле 1920 г. определяет отношение как к Советской России/ Советскому Союзу, так и Октябрьскому этапу революции.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Махмудлу, Я. История Азербайджана 5 класс: учебник / Я. Махмудлу, Х. Джаббаров, Х. Гусейнова. – Баку : Образовательное издательство «Полиграфия», 2020. – 208 с.
2. Махмудлу, Я. История Азербайджана 5 класс: учебник / Я. Махмудлу, Х. Джаббаров, Х. Гусейнова. – Баку : Образовательное издательство «Полиграфия», 2018. – 207 с.

3. Махмудлу, Я. История Азербайджана 9 класс: учебник / Я. Махмудлу, Г. Алиев, М. Абдуллаев, Л. Гусейнова, Х. Джаббаров. – Баку : Восток-Запад, 2020. – 192 с.
4. Махмудлу, Я. Всеобщая история 9 класс: учебник / Я. Махмудлу, Т. Наджафли, К. Мамедов [и др.]. – Баку, 2020. – 136 с.
5. Шукюров, К. Всеобщая история 11 класс: учебник / К. Шукюров, П. Агаларов, Н. Гулиев [и др.]. – URL: <https://e-derslik.edu.az/portal/book.php?id=810>. (дата обращения: 09.05.2024).
6. Агаларов, П. История Азербайджана 11 класс: учебник / П. Агаларов, Н. Гулиев, Р. Хатамов [и др.]. – Баку : Восток-Запад, 2023. – 224 с.
7. Агаларов, П. История Азербайджана 11 класс: учебник / П. Агаларов, Н. Гулиев, Р. Хатамов [и др.]. – Баку : Восток-Запад, 2018. – 208 с.

References

1. Mahmudlu, Ya. Istoriya Azerbaidzana 5 klass [History of Azerbaijan 5th grade: textbook] / Ya. Mahmudlu, H. Dzabbarov, L. Guseinova. – Baku: Educational Publishing House “Polygraphy”, 2020. – 208 p.
2. Mahmudlu, Ya. Istoriya Azerbaidzana 5 klass [History of Azerbaijan 5th grade: textbook] / Ya. Mahmudlu, H. Dzabbarov, L. Guseinova. – Baku: Educational Publ. House “Polygraphy”, 2018. – 207 p.
3. Mahmudlu, Ya. Istoriya Azerbaidzana 5 klass [History of Azerbaijan 9th grade: textbook] / Ya. Mahmudlu, G. Aliev, M. Abdullaev, L. Guseinova, H. Dzabbarov. – Baku: East-West, 2020. – 192 p.
4. Mahmudlu, Ya. Vseobschaya istoriya 9 klass [General History 9th grade: textbook] / Ya. Mahmudlu, T. Nadzafli, K. Mamedov, S. Bahramova, S. Agaev. – Baku, 2020. – 136 p.
5. Shukyurov, K. Vseobschaya istoriya 11 klass [General History 11 grade: textbook] / K. Shukyurov, P. Agalarov, N. Guliev, H. Dzabbarov, E. Guseinov, R. Tanryverdi. – URL: <https://e-derslik.edu.az/portal/book.php?id=810>. (accessed: 09.05.2024).
6. Agalarov, P. Istoriya Azerbaidzana 11 klass [History of Azerbaijan 11th grade: textbook] / P. Agalarov, N. Guliev, R. Khatamov, F. Babaev, E. Gasimov, E. Guseinov, H. Dzabbarov, S. Bakhranova, A. Guseinov. – Baku: East-West, 2023. – 224 p.
7. Agalarov, P. Istoriya Azerbaidzana 11 klass [History of Azerbaijan 11th grade: textbook] / P. Agalarov, N. Guliev, R. Khatamov, F. Babaev, E. Gasimov, E. Guseinov, H. Dzabbarov, S. Bakhranova, A. Guseinov. – Baku: East-West, 2018. – 208 p.

Информация об авторе:

Веремейчик Максим Александрович – магистр исторических наук, аспирант кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета; <https://orcid.org/0009-0001-3674-3135> (220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, д. 4; e-mail: MaxVerym@yandex.ru)..

Author:

Maxim A. Veremeichik – Master of Sciences (History), Post-Graduate Student of the Department of History of Russia, Faculty of History, Belarusian State University; <https://orcid.org/0009-0001-3674-3135> (4, Nezavisimosti Ave., Minsk 220030, Republic of Belarus; e-mail: MaxVerym@yandex.ru).

Для цитирования:

Веремейчик, М. А. Конструирование исторической памяти о революции 1917 года в школьных учебниках Азербайджанской республики (2018-2023 годы) / М. А. Веремейчик // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 6 (72). – С. 89–95.

For citation:

Veremeichik, M. A. Constructing the historical memory of the 1917 revolution in school textbooks of the Republic of Azerbaijan (2018-2023) / M. A. Veremeichik // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". 2024. - No. 6 (72). - P. 89–95.

Дата поступления статьи: 22.07.2024

Прошла рецензирование: 23.09.2024

Принято решение о публикации: 27.09.2024

Received: 22.07.2024

Reviewed: 23.09.2024

Accepted: 27.09.2024

Поминальная традиция южных коми

Ю. И. Бойко

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
boyko_yulia@mail.ru

Аннотация

В статье на основе материалов, собранных в ходе полевых исследований в Прилузском районе Республики Коми, рассматриваются локальные особенности поминальной обрядности летских коми. Поминальный цикл включает индивидуальные поминовения на третий, девятый, двадцатый, сороковой дни, полгода и годовщину, день именин, в настоящее время дни рождения и смерти усопшего. В современной традиции также фиксируется посещение кладбища членами семьи покойного на следующий день и в первую субботу после погребения. К особым календарным поминальным дням относятся Масленичная (мясопустная) родительская суббота *Масленича субѳт*, Радоница *Радульнич*, Троицкая *Стрѳча субѳт*, Покровская *Пѳкрѳв субѳт* и Дмитриевская *Митрей субѳт* родительские субботы, также указывается день поминовения усопших воинов 9 мая. В поминальной обрядности летских коми сохраняются такие локальные особенности, как обычай *кылзсыѳм* 'слушание', поминовение предков под растущим деревом, *кодрасян чышкѳд* 'поминальное полотенце', во время поминальной трапезы накрывание надмогильного памятника полотенцем, *кык субѳт кост* 'между двумя поминальными суббота́ми', представления об особых периодах времени между Радунницей и Троицкой суббота́ми, Покровской и Дмитриевской суббота́ми, и связанный с ними комплекс бытовых и обрядовых запретов.

Ключевые слова:

летские коми, поминальная обрядность, обрядовая пища, локальные особенности

Погребально-поминальная обрядность, позволяющая изучать наиболее архаичные пласты духовной культуры народа, всегда привлекала особое внимание исследователей. В этнографии коми тема, связанная с погребально-поминальной обрядностью, представлена в научных публикациях, исследованиях, посвященных традиционной культуре и мировоззрению коми-зырян, в обобщающих работах [см., например: 1–8]. Расширить имеющиеся сведения по погребально-поминальному ритуальному комплексу, выявить его сходство и различия у отдельных групп коми-зырян позволяет изучение специфических

Funeral tradition of the southern Komi

Yu. I. Boyko

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
boyko_yulia@mail.ru

Abstract

The paper, based on materials collected during field research in the Luza region of the Komi Republic, considers local features of the memorial rituals of the Letka Komi. The memorial cycle includes individual commemorations on the third, ninth, twentieth, fortieth days, half a year and anniversary, name day, the birthday of the deceased, and the day of death. Modern tradition also includes visits to the cemetery by family members of the deceased the next day and on the first Saturday after the burial. Special calendar memorial days include Maslenitsa (meat-free) Saturday *Maslenich Subѳt*, Radonitsa *Radulnich*, Trinity Saturday *Strѳcha Subѳt*, Pokrovskaya *Pѳkrѳv Subѳt*, and Dmitrievskaya *Mithrey Subѳt*, parental Saturdays; the day of remembrance of the dead soldiers on May 9. The memorial rituals of the Letka Komi, despite the simplification of a number of ritual actions and the change in the composition of the participants in the memorial services, include such specific features as the custom of *kylzysѳm* 'listening', commemoration of ancestors under a growing tree, covering a gravestone with a towel *kodrasyan chyshkѳd* 'memorial towel' during a memorial meal; ideas about special periods of time *kыk subѳt kost* 'between two memorial Saturdays', between Radunitsa and Trinity Saturday, Pokrovskaya and Dmitrievskaya Saturdays, and the associated complex of household and ritual prohibitions.

Keywords:

Letka Komi, funeral rituals, ritual food, local features

черт обрядовых деталей, сохраняющихся в локальных традициях.

В статье представлены материалы, репрезентирующие самую южную традицию, локальной группы летских коми, проживающих на территории Прилузского района Республики Коми в бассейне р. Летки. В работе рассмотрены локальные особенности поминальной обрядности летских коми.

Поминальный обряд, составляющий вместе с похоронным единый цикл погребально-поминальной обрядности, представляет отдельный комплекс ритуальных действий,

направленных на облегчение посмертного существования умершего в загробном мире, и включает в себя заупокойное богослужение, поминальные трапезы, посещение кладбища, кормление животных и птиц. Поминальные обряды включают частные поминки, установленные в течение года после смерти конкретного человека, и календарные – по всем умершим родственникам.

Индивидуальные поминовения у летских коми, как правило, приходились на третий, девятый, двадцатый, сороковой дни, полгода и годовщину, день именин, в настоящее время день рождения усопшего и день смерти. В современной традиции фиксируется посещение кладбища членами семьи покойного также на следующий день и в первую субботу после погребения.

Первым днем поминовения умершего считается день похорон. Перед тем, как вынести гроб из дома, присутствующих угощали обедом *бёрья пажун* 'последний обед', которому предшествовало ритуальное кормление домашнего скота: «...*чтобы скотина была сыта, и просят благословения у покойного, чтобы оставил сытый скот*» [ПМА: Е. И. Лобанова]. Родственники и соседи, приходившие проститься с умершим, приносили с собой деньги, продукты.

Сразу после погребения на могиле устраивается поминальная трапеза. Иногда поверх могилы укладывают столешницу *лызан* 'стол', состоящую из нескольких досок, скрепленных между собой, на которой расстилают скатерть и раскладывают еду. Столешницы на могилах не оставляют, а по окончании трапезы приставляют вертикально к стволу рядом растущего дерева или намогильному сооружению, объясняя тем, что в противном случае покойнику будет «тяжело».

Завершающей частью похорон является поминальное застолье в доме умершего для всех участников обрядовых действий. Поминальную трапезу предваряло обязательное чтение молитв с приглашением умерших предков к совместному угощению: «*Приходят с кладбища, сейчас не знаю, сейчас не ждут никаких молитв. А я готовлю стол, до этого заказываю молещницу. Она приходит, читает молитвы. Все встают, крестятся. Кто молится, не молится, но все стоят. После окончания молитв молещница говорит, ну теперь вспоминайте все своих родственников. И потом садятся за стол*» [ПМА: А. И. Югова].

При большом количестве поминающих за стол сажались в несколько смен: в первую очередь усаживались те, кто обмывал усопшего, изготавливал гроб, копал могилу, совершал уборку в доме, затем приглашали присутствующих в зависимости от половозрастной принадлежности покойного: «*Сначала опять садятся те, кто мыл умершего, кто полы мыл. Копальщиков тоже кормили. А если мужчина покойник, опять потом первыми мужчины садятся*» [ПМА: А. И. Югова].

Во время индивидуальных поминовений у летских коми принято оставлять часть пищи рядом с иконами или у окна, а также отводить отдельное место за поминальным столом для умершего: на край стола, обращенного в красный угол, кладут ложку, предварительно зачерпнув в нее яичницу, кашу либо кисель, и накрывают скатертью: «*Под скатерть кладут ложку для покойника, в нее зачерпнут*

кашу или кисель. На окно – стакан чая, стопка вина, в тарелочке хлебушек, яичко разрезанное, папиросы. Пока покойник дома, еду оставляли на окне, и на следующий день после похорон, до девяти дней обязательно. И на другие поминальные дни тоже обязательно»; «ложку с едой до года убирают под скатерть на поминках и пока покойный дома»; «покойного приглашают к столу, на женский или мужской угол стола, там, где мужская или женская лавка стояла, под скатерть кладут ложку. В нее зачерпывают у нас чаще яичницу. Почему под скатерть убирают, чтобы больше ее никто не мог взять, случайно перепутать» [ПМА: М. А. Ичеткина; В. П. Осипова; А. И. Югова].

Традиционными поминальными блюдами, входившими также в состав угощений на кладбище, являлись кислый кисель *шома кисель*, *зёрья шома кисель* 'овсяный кислый кисель', рыбный пирог *черганянь*, яйцо *позтыр*, блины, сусло *чужва*. Кисель являлся обязательным поминальным угощением: «*Это сразу, как покойник в доме появился. Из теста оставшегося дрожжевого, из него готовили кисель. Он все время на столе, чтобы люди приходили и поминали»; «Шома кисель, зёрья шома кисель особенно кодрасян лун сэйлыма сйё. Даже оградаёд нувлывлёма ичот беркарсё*» (Кислый кисель, овсяный кислый кисель особенно в поминальные дни ели. Даже на кладбище относили в маленьких мисках) [ПМА: А. И. Югова; В. С. Лобанова]. Кисель, выставленный в общих тарелках, принято было брать ложкой и есть, предварительно обмакнув в молоко или сладкую воду. В настоящее время кисель на поминальном столе встречается значительно реже, что объясняется информантами сложностью его приготовления.

Важное значение имеют рыбные блюда, поскольку считалось, что «*покойникыс рыба дук ой-ой кылё*» (покойник запах рыбы очень сильно чувствует) [ПМА: В. С. Лобанова]. Так, на поминальном столе присутствуют уха *юка*, жареная рыба, рыбник *черганянь*, пироги с начинкой из мальков *ара нянь*. Рыбный пирог пекут из дрожжевого теста, рыбу выкладывают на одну половину сочня, другой половиной накрывают и зашпиывают края. Во время поминальной трапезы верхнюю половину пирога отделяют от нижней, на которой остается начинка. При изготовлении рыбника существует запрет на использование щуки и налима, объясняющийся тем, что они относятся к хищным рыбам, а налим питается утолщенниками. Подобные представления были распространены и у других этнографических групп коми-зырян, коми-пермяков, русских Вятского региона [9, с. 129-130; 10, с. 116; 11, с. 215].

Особая роль во время поминовений отводится вареному куриному яйцу *позтыр*, его очищают от скорлупы, разламывают руками. Только у летских коми известно блюдо *позтыра блин* (букв.: яичный блин): одно или несколько яиц взбивали и запекали на сковороде. Готовили также яичницу на молоке, *селянку*, обязательными ингредиентами которой являлись яйца, молоко, мелкая рыба *ар*. Блюда, известные под названием *селянка*, рыбная *селянка*, фиксируются также в составе поминального стола коми-пермяков [10, с. 105; 115].

Из мучных изделий для поминальной трапезы наиболее характерны блины, оладьи, шаньги с крупяной и кар-

тофельной начинкой *шыдõса шаньга, картока шаньга, рõсьтигай*¹, пироги с начинкой из полевого хвоща *кузья пирõг*, с грибами *гоба нянь*, колобки мусьник. Блины, свернутые вчетверо, раньше принято было пропитывать топленным маслом: «Сейчас на поминки несут сухие блины, наверно, не хотят мараться. А раньше всегда в масле блины были, складывали два раза и в тарелке с топленным маслом обмакивали» [ПМА: А. И. Югова].

Устойчивыми являются представления об обязательном наличии в доме, в котором находился покойный, свежей выпечки и еды: «Если дома покойник, а печку надо топить, чтобы печь, а это же жарко. Нельзя было. Но, говорили, что нянь дуксõ вõчны все равно колõ (запах хлеба все равно нужно создать). Оладдя да блин все равно пекли. И рыбу жарили. И сразу шом кисель» [ПМА: В. Н. Коснырева].

Важно отметить, что кисель и рыбник у летских коми относятся к ритуальным блюдам, которые не подавались на стол во время свадебного торжества; рыбником и блинами не принято угощать именинников.

До настоящего времени в отношении приготовления поминальных блюд учитывается соблюдение постных дней. В скоромные дни на поминальный стол подают два вида супа: уху и мясной. За исключением постных дней вареное мясо, разрезанное на куски *яй пыриг* 'накрошенное мясо', входит в состав поминальной трапезы на кладбище. Зафиксированы также сообщения о том, что поминать предпочтительнее было курятиной или дичью, при этом упоминается запрет на употребление в пищу зайчатины, возможно указывающий на старообрядческие традиции населения: «На поминки обязательно готовили рыбу и птичье мясо. Закалывали курицу постарше, которая меньше несется. Охотники рябчиков приносили, а заячье мясо, говорили, грех есть» [ПМА: П. Г. Окишева]. Традиция приготовления курицы во время поминальных дней отмечается у коми-пермяков, удмуртов [12, с. 67; 13, с. 143]. Запрет на употребление в пищу зайчатины был распространен также у других групп коми-зырян, коми-пермяков [8, с. 109; 12, с. 62; 14, с. 116].

Исходя из возможностей и в зависимости от времени года, скоромных и постных дней, на поминальный стол подавали различные каши, холодец, окрошку *сюкõся карток* 'картошка с квасом', творог с молоком. В настоящее время в состав поминальных блюд также включены современные закуски: салаты, сыры, колбасные, кондитерские изделия и т. д. Распространенными напитками являлись сусло *чужва*, домашнее пиво *сур*, позднее водка и другие спиртные напитки, чай.

У летских коми среди поминальных блюд не фиксируется кутья, представляющая собой сладкую зерновую кашу. На данную особенность как одну из отличительных характеристик локального сообщества летских коми указывают проживающие по соседству лузские коми: «Мы делаем ма <кутью – Ю. Б.>, а они на Летке не делают. А у нас всегда на кладбище, в первую очередь, этой едой поминуют» [ПМА: А. М. Худяева]. Согласно сведениям информан-

тов, вместо кутьи основными блюдами на поминках у летских коми выступали кисель, поэтыра блин и сусло: «Шом кисель варили из ячменной или овсяной муки и ели со сметаной или со сладкой водой. Его употребляли на поминках вместо кутьи»; «Кутьей у нас не поминали, здесь пõсь чужва вõчлсны (горячее сусло делали)» [ПМА: Е. Н. Потапова; В. С. Лобанова].

В поминальной обрядности летских коми наиболее значимыми являются сороковой день *квайт недель* и годовщина со дня смерти *гõдина*, обозначаемые также термином *вдждьд кодрасян лун* 'большой поминальный день'. На сороковой день обязательно приглашают всех участников обрядовых действий, соседей, родных и близких, поскольку считается, что именно в этот день поминающих должно быть как можно больше, чтобы обеспечить умершему благополучный переход в загробный мир.

У летских коми зафиксирован обычай *кылзсыõм* 'слушание/подслушивание', когда на кладбище «слушали» «как принимают умершего на том свете», при этом отсутствие каких-либо звуков свидетельствовало о благополучном прибытии покойного на «тот свет» [15, л. 129]. Материалы современных полевых записей также содержат сведения о данном обычае. Так, по словам информантов, «слушать» можно вплоть до сорокового дня близким родственникам покойного и одного пола с ним, как правило, втроем: «Женщина мне сказала: “Поедешь на кладбище да послушай, как твою дочь там приняли”. Когда похоронят, на могилу <кладут> стол, потом скатертью накроют, еду поставят. После того как все помянут умершего, убирают все со стола. К этому столу прикладываешь ухо и слушаешь, и все очень хорошо слышно. Я не верила. А потом слышу, как будто дверь скрипит, как будто крышка скрипит, но не может подняться. До сорокового дня, мне сказали, нужно было так слушать. Я потом этой женщине рассказала, что так прямо скрипит, что аж не по себе, она ответила: “она много крови потеряла, вот и нет сил открывать крышку, ты у матери своей покойной попроси благословения, пусть она ей поможет”. Я потом пошла на кладбище, попросила маму. И, вот ты не веришь, а в следующий раз на кладбище пошла и ничего уже не слышно. У некоторых слышно, что птички поют, значит, хорошо приняли» [ПМА: Н. Н. Косолапова].

Информантами подчеркивается, что обязательные поминовения в течение первого года после смерти иногда вынуждали семью покойного к большим расходам: «Покойника нужно целый год поминать, это хуже свадьбы, столько расходов. Кроме этих 9, 20, 40 дней, полгода, год, это шесть раз надо было, а еще кроме этого родительские субботы, потом день рождения. Много надо в первый год на кладбище ходить. В день рождения, говорят, обязательно надо. До году все нужно было угощать, домой приглашали родственников, гробовщика, копальщиков, шофера, обмывальщиков» [ПМА: А. И. Югова]. В настоящее время количество участников обрядовых действий сокращается: функции гробовщиков и обмывальщиков утрачивают свое значение, с людьми, копавшими могилу, принято расплачиваться деньгами. Как правило, поминки совершаются

¹ Рõсьтигай – шаньга с творогом или картофельной начинкой на дрожжевом тесте.

преимущественно в узком кругу, включающем членов семьи, соседей и друзей покойного.

По современным полевым записям особыми календарными днями поминовения у летских коми являются Масленичная (мясопустная) суббота *Масленича субѳт*, Радоница *Радульнич*, Троицкая суббота *Стрѳча субѳт*, Покровская *Пѳкрѳв субѳт* и Дмитриевская *Митрей субѳт* родительские субботы. В последнее время также указывается день поминовения усопших воинов 9 мая: «*Покров, Дмитриевская суббота, Радуница, Троицкая суббота. Сейчас люди ходят на 9 мая, потому что это святой праздник*» [ПМА: Н. Е. Кетова].

Важным поминальным днем считалась Радоница «*самый большой поминальный день*». В этот день на кладбище в качестве основной поминальной пищи приносят крашенные яйца: «*Радуница во вторник бывает, даже выходной день давали в совхозе, чтобы на кладбище можно было сходить. Яйца специально красили на Радуницу, брали на кладбище*» [ПМА: А. И. Югова]. Обычай красить яйца на Радоницу объясняют тем, что «*Радоница – это Пасха для покойников*». В настоящее время в календарном поминальном цикле выделяется Троицкая родительская суббота, именно в этот день, чаще всего, на кладбище собирается большинство родственников, включая и далеко живущих.

У летских коми сохраняются представления об особых периодах времени, обозначаемых термином «*кык субѳт кост*» 'между двумя поминальными субботами': между Радоницей и Троицкой субботой, Покровской и Дмитриевской субботах. В течение обозначенных периодов принято соблюдать комплекс бытовых и обрядовых запретов, связанных, например, с переходом в новый дом, приобретением и продажей скота, совершением свадебного ритуала: «*Сейчас на Радуницу мало кто ходит. А раньше очень ходили. Радуница и Троица это кык субѳт кост, между двумя этими родительскими субботах тоже там что-то... Ну, не надо такие крупные обряды совершать. Нельзя свадьбы играть. И осенью тоже кык субѳт кост – Покров и Митрей субѳт. Скотину нельзя было продавать-то, тогда же продавали осенью, друг другу, вот переезжать из дома в дом*»; «*С Покрова до Дмитриева дня нельзя было начинать ничего нового и переходить в новый дом*»; «*До сих пор есть такое, что между поминальными днями нельзя играть свадьбы, переезжать в другой дом. Например, между Покровской родительской субботой и Дмитриевской. Тогда ведь скот-то и продают дак, или переезжают, или уезжают из деревни на зиму. В этот период нельзя. Кык субѳт костас пѳ ог нин вѳрзьѳ*» (Между двумя поминальными субботах мол уже не тронемся) [ПМА: А. И. Югова; Н. Е. Кетова; М. А. Ичеткина]. Подобные представления обнаруживают близкие аналогии в обрядовом комплексе коми-пермяков [16, с. 498].

Поминальные дни включают в себя посещение кладбища и домашние поминальные трапезы. Накануне поминального дня принято посещать баню, переодеваться в чистое белье: «*Перед тем как на кладбище идти нужно в баню сходить, чтобы чистыми быть*» [ПМА: В. П. Осипова]. Перед отправлением на кладбище готовили обрядовую пищу, часть которой оставляли рядом с иконами, либо

у окна, приглашая умерших предков к трапезе со словами «*сибѳтчи-матѳдччей став родня, став кулѳмаяс*» (собирайтесь-приходите все родные, все умершие): «*В поминальный день печешь, я не помню, чтобы у кого-то дома не было иконки на кухне, у всех иконка на полках. Я вот до сих пор оставляю там выпечку, яйцо, чай, накрываешь ложкой стакан. А потом после обеда эту выпечку и конфеты можно кому-то дать или собакам. Ну, я обычно собакам выношу*» [ПМА: Н. Н. Косолапова].

По воспоминаниям информантов, посещение могил сопровождалось чтением молитв, причитаниями по умершим родственникам, что в настоящее время не фиксируется: «*Раньше ведь перед тем как на кладбище зайти ыджыд ворота саяс пернапас пуктасны, пырасны* (за большими воротами перекрестятся, зайдут), *перед могилками тоже. Это как закон. Очень много молитв-то читали бабушки. Даже устаешь стоять уже, все читают, читают. Потом только накроют на могилку и после только едят. Еще памятник-то шыльѳдыштасны, пырасны да*» (поглядят, когда зайдут); «*И раньше пойдешь на кладбище, я помню это с детства, сначала слышен плач. Возле холмика сидят, вспоминают они жизнь. Неохота было идти на кладбище из-за того, что мама плачет там. У нее мужа не было, она все время плакала у отца, моего дедушки, у бабушки плакала. Если у дедушки поминальный день, то у дедушки плачет, если у бабушки, то у нее. Сейчас не так. А раньше очень плакали, причитали, вспоминали эту жизнь его, жалеют умершего, его вспоминают, как трудился. Не себя надо жалеть, а его жалеть, кого поминуют*» [ПМА: В. М. Жигалова; А. И. Югова].

Описание поминовений, совершаемых на кладбище, у летских коми представлено в научном отчете Л. П. Лашука и Л. Н. Жеребцова за 1959 г.: «*Собираются с утра, часов с девяти. Придя на кладбище, каждый отправляется на могилы своих родственников, встав лицом к кресту у противоположного конца могилы, крестятся и кланяются, читая молитву (причитания можно услышать только у свежих могил), затем расстилают на могильном холме платок и раскладывают принесенное угощение, пьют и закусывают, собираясь группами (знакомые и родственники). Сидят не долго. К 12 часам уже расходятся. Перед уходом, прощаясь, также крестятся, кланяются и читают молитву*» [17, л. 124].

Центральное место в поминальной обрядности занимают ритуальные трапезы, являющиеся, по народным представлениям, необходимыми для продолжения жизни умерших на «том свете»: «*И вон сейчас пожилые говорят: "Меня не будет, дак карток дѳнад коть менѳ кодѳрт* (картошкой хоть меня помяни)". *Просят, чтобы поминали. Человек, говорят, умирает дважды: когда ушел из жизни, но пока его помнят, он живет. Страшнее умирать второй раз, когда тебя никто не помнит. Мортсѳ пыр колѳ кодѳртны. Дугдасны кѳ кодралны, сэсся нин некодлы он кол, тѳнѳ нин некод оз тѳд*» (Человека всегда нужно поминать. Если прекратят поминать, то потом никому уже не нужен, тебя уже никто не знает) [ПМА: А. И. Югова]. Кормление предков осуществляется также посредством оставления пищи на могилах, на ветках деревьев, в специальных кормушках для птиц, которые крепят к стволам деревьев или намогильным со-

оружиям, устанавливают на шестах рядом с могилами: «Столбики с тарелочками это для того, чтобы родителям оставить еду перед уходом, это как бы их стол. А раньше на веточках деревьев в близости оставляли» [ПМА: Г. В. Осипова]. Летские коми также поминуют умерших предков под растущим деревом: «Когда на кладбище не успеваем идти, выходим, под деревом поминаем, рюмочку выпьем, поговорим, что-то из еды оставляем. Почему под деревом поминать выходим, потому что там птичек много» [ПМА: В. П. Осипова].

Часть ритуальной пищи, наделяемой сакральной символикой, принято возвращать с кладбища, угощать ею родственников во время домашней поминальной трапезы, кормить домашних животных. Данный обычай распространен также у северных удмуртов [13, с. 152].

К локальной специфике относится зафиксированный в с. Прокопьевка обычай накрывать надмогильное сооружение специальным полотенцем *кодрасян чышкӧд* во время поминальной трапезы на кладбище: «Возьмут на кладбище его, сходят, потом постирают и обратно уберут. Потом из года в год и носят, когда идут на кладбище, *кодрасян чышкӧд* и *кодрасян пызандӧра* 'поминальная скатерть'. Полотенце это на кладбище вешают на памятник во время поминок» [ПМА: А. И. Югова] (фото). Данная традиция, по-видимому, связана с воззрениями, согласно которым полотенце выступает в качестве границы, противопоставляющей мир живых миру предков, являясь в то же время связующим звеном между ними: «Здесь <на кладбище в с. Прокопьевка> похоронены мать, отец и сестра. Это полотенце специальное, поминальное, только поминать. У меня мать русская была, наполовину коми я. А здесь

Фото. Поминальное полотенце *кодрасян чышкӧд* (с. Прокопьевка). 2023 год.
Photo: Memorial towel *kodrasyan chyshkod* (Prokopyevka village). Photo 2023

<с. Прокопьевка – Ю. Б.> так принято. Это полотенце мама вышивала, всем дочкам раздавала, и каждый приезжает поминать с таким полотенцем. Через это полотенце здороваешься с умершими и приглашаешь их обедать. А в Объячево такой традиции нет. Это только здесь полотенца приносят» [ПМА: Г. В. Осипова].

Таким образом, поминальная обрядность летских коми продолжает сохранять традиционную структуру и состоит из индивидуальных поминовений на третий, девятый, двадцатый, сороковой дни, полгода и годовщину, дни рождения и смерти усопшего, а также особых календарных дней: Масленичной (мясопустной) родительской субботы, Радоницы, Троицкой, Покровской и Дмитриевской родительских суббот. В поминальной обрядности летских коми, несмотря на упрощение ряда ритуальных действий, изменение состава участников поминовений, выделяются такие локальные особенности, как обычай *кылзысьӧм* 'слушание', поминовение предков под растущим деревом, накрывание надмогильного памятника полотенцем *кодрасян чышкӧд* 'поминальное полотенце' во время поминальной трапезы, представления об особых периодах времени *кык субӧт кост* 'между двумя поминальными субботами', и связанный с ними комплекс бытовых и обрядовых запретов. Сохраняются представления о посмертном существовании человека, могуществе предков и необходимости поддержания связи с «иным миром».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сокращения

ПМА – Полевые материалы автора, экспедиции в Прилузский район Республики Коми (информанты с. Объячево: А. М. Худяева, 1935 г.р.; с. Летка: Н. Е. Кетова, 1955 г.р.; Н. Н. Косолапова, 1953 г.р.; с. Черемуховка: В. С. Лобанова, 1937 г.р.; П. Г. Окишева, 1933 г.р.; с. Прокопьевка: М. А. Ичеткина, 1951 г.р.; Е.И. Лобанова, 1930 г.р.; В.П. Осипова, 1938 г.р.; Г. В. Осипова, 1957 г.р.; Е. Н. Потапова, 1930 г.р.; А. И. Югова, 1960 г.р.; д. Талица: В. М. Жигалова, 1958 г.р.; В. Н. Коснырева, 1950 г.р.).

Источники и литература

1. Налимов, В. П. Загробный мир по верованиям зырян / В. П. Налимов // Христианство и язычество народа коми. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2001. – С. 169-185.
2. Белицер, В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX – перв. пол. XX вв. (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 45) / В. Н. Белицер. – Москва : Изд-во АН СССР, 1958. – 393 с.
3. Семенов, В. А. Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера: к реконструкции мифологических представлений коми (зырян) / В. А. Семенов. – Санкт-Петербург : Изд-во СПб. университета, 1992. – 152 с.
4. Лимеров, П. Ф. Мифология загробного мира / П. Ф. Лимеров. – Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 1998. – 128 с.

5. Лимеров, П. Ф. Практика поминальных трапез в коми традиции / П. Ф. Лимеров // Живая старина. – 2022. – № 4. – С. 12–16.
6. Терюков, А. И. Погребально-поминальные обряды // Зырянский мир. Очерки о традиционной культуре коми народа / науч. ред. Н. Д. Конаков. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2004. – С. 312–321.
7. Мифология Коми: Энцикл. уральских мифологий / науч. ред. В. В. Напольских. – Москва : Издательство ДИК, 1999. – Т. 1. – 480 с.
8. Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты / отв. ред. Н. Ф. Мокшин [и др.]. – Москва : Наука, 2000. – 579 с.
9. Чувьюров, А. А. Пищевые предписания и запреты в религиозно-обрядовой культуре коми старообрядцев-беспоповцев / А. А. Чувьюров // Пир, трапеза, застолье в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова (Академическая серия. Вып. 17). – Москва : Сэфер, 2005. – С. 125–143.
10. Чугаева, С. В. Традиционный погребально-поминальный обряд коми-пермяков: конец XIX–XX в.: дис. ... канд. ист. наук / С. В. Чугаева. – Сыктывкар, 2011.
11. Трушкова, И. Ю. Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX – начале XX вв. (система жизнеобеспечения) / И. Ю. Трушкова. – Киров : Вятский государственный университет, 2003. – 722 с.
12. Голева, Т. Г. Петух и курица в традиционной культуре коми-пермяков / Т. Г. Голева // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. – 2014. – № 1. – С. 60–74.
13. Анисимов, Н. В. Пища в современных поминальных практиках удмуртов / Н. В. Анисимов, Г. А. Глухова // Традиционная культура. – 2020. – Т. 21, № 3. – С. 141–156.
14. Власова, В. В. Старообрядческие группы коми: профессиональные особенности социальной и обрядовой жизни / В. В. Власова. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2010. – 172 с.
15. Научный архив Коми научного центра УрО РАН (далее – НА КНЦ) Ф. 5. Оп. 2. Д. 209 «а». Рочев, Ю. Г. Материалы фольклорной экспедиции в Летку Прилузского района в 1976 году / Ю. Г. Рочев. – Сыктывкар, 1976.
16. Черных, А. В. Поминальные обряды в народном календаре русских // Очерки русской народной культуры / отв. ред. и сост. И. В. Власова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – Москва : Наука, 2009. – С. 486–501.
17. НА КНЦ Ф. 1. Оп. 13. Д. 48. Лашук, Л. П. Отчет Прилузской этнографической экспедиции в 1959 г. / Л. П. Лашук, Л. Н. Жеребцов. – Сыктывкар, 1960.
2. Belitser, V. N. Ocherki po etnografii narodov komi. XIX – perv. pol. XX vv. [Essays on the ethnography of the Komi people. XIX–first half of the XX century] (Proc. of Miklukho-Maklay Inst. of Ethnography. New series. Vol. 45) / V. N. Belitser. – Moscow: USSR Ac. Sci. Publ. House, 1958. – 393 p.
3. Semenov, V. A. Tradicionnaya semejnaya obryadnost' narodov Evropejskogo Severa: K rekonstrukcii mifologicheskikh predstavlenij komi (zyryan) [Traditional family rituals of the peoples of the European North: to the reconstruction of the mythological ideas of the Komi (Zyryans)] / V. A. Semenov. – St.Petersburg: St. Petersburg Univ. Publ. House, 1992. – 152 p.
4. Limerov, P. F. Mifologiya zagrobnogo mira [Mythology of the afterlife] / P. F. Limerov. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 1998. – 128 p.
5. Limerov, P. F. Praktika pominal'nyh trapez v komi tradicii [The practice of funeral meals in the Komi tradition] / P. F. Limerov // Zhivaya starina [Live antiquity]. – 2022. – No. 4. – P. 12–16.
6. Teryukov, A. I. Pogrebal'no-pominal'nye obryady [Funeral and memorial rites] // Zyryanskij mir. Ocherki o tradicionnoj kul'ture komi naroda [Zyryan world. Essays on the traditional culture of the Komi people] / Sci. Ed. N. D. Konakov / A. I. Teryukov. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 2004. – P. 312–321.
7. Mifologiya Komi: Encykl. Uralskih mifologii [Mythology of Komi: Encyclopedia of Uralic mythologies] / Sci. Ed. V. V. Napolskikh. – Moscow: DIK Publ. House, 1999. – Vol. 1. – 480 p.
8. Narody Povolzh'ya i Priural'ya. Komi-zyryane. Komi-permyaki. Marijcy. Mordva. Udmurts [Peoples of the Volga and Urals regions. Komi-Zyryans. Komi-Permians. Mari. Mordva. Udmurts]. – Moscow: Nauka, 2000. – 579 p.
9. Chuvyurov, A. A. Pishchevye predpisaniya i zaprety v religiozno-obryadovoj kul'ture komi staroobryadcev-bespovovcev [Food regulations and prohibitions in the religious and ritual culture of the Komi Old Believers-Bespovovtsians] / A. A. Chuvyurov // Pir, trapeza, zastole v slavyanskoj i evrejskoj kul'turnoj tradicii [Feast, meal, tableful in the Slavic and Jewish cultural tradition] / Ed. O. V. Belova (Akademic series. Issue 17). – Moscow: Sefer, 2005. – P. 125–143.
10. Chugaeva, S. V. Tradicionnyj pogrebal'no-pominal'nyj obryad komi-permyakov: konec XIX – XX v. [Traditional funeral and memorial rites of the Komi-Permians: late XIX – XX centuries]: diss... Cand. Sci. (History) / S. V. Chugaeva. – Syktyvkar, 2011.
11. Trushkova, I. Yu. Tradicionnaya kul'tura russkogo naseleniya Vyatskogo regiona v XIX – nachale XX vv. (sistema zhizneobespecheniya) [Traditional culture of the Russian population of the Vyatka region in the XIX – early XX centuries (life supporting system)] / I. Yu. Trushkova. – Kirov. Vyatka State Univ., 2003. – 722 p.
12. Goleva, T. G. Petuh i kurica v tradicionnoj kul'ture komi-permyakov [Rooster and chicken in the traditional culture of the Komi-Permians] / T. G. Goleva // Bull. of Perm State Humanitarian Pedagog. Univ.. Series No. 3. Humanities and social sciences. – 2014. – No. 1. – P. 60–74.

Reference

1. Nalimov, V. P. Zagrobnij mir po verovaniyam zyryan [The afterlife according to the beliefs of the Zyryans] / V. P. Nalimov // Hristianstvo i yazychestvo naroda komi. [Christianity and paganism of the Komi people]. – Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 2001. – P. 169–185.

13. Anisimov, N. V. Pishcha v sovremennyh pominal'nyh praktikah udmurtov [Food in modern funeral practices of the Udmurts] / N. V. Anisimov, G. A. Glukhova // Tradicionnaya kul'tura [Traditional culture]. – 2020. – Vol. 21. – № 3. – P. 141–156.
14. Vlasova, V. V. Staroobryadcheskie gruppy komi: konfessional'nye osobennosti social'noj i obryadovoj zhizni [Komi Old Believer groups: confessional features of social and ritual life] / V. V. Vlasova. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2010. – 172 p.
15. Sci. Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. F. 5. Op. 2. D. 209 "a". Rochev, Yu. G. Materialy fol'klornoj ekspedicii v Letku Priluzskogo rajona v 1976 godu [Materials of the folklore expedition to Letka, Luza region in 1976]. – Syktyvkar, 1976.
16. Chernykh A. V. Pominal'nye obryady v narodnom kalendare russkih [Funeral rites in the Russian folk calendar] / A. V. Chernykh // Ocherki russkoj narodnoj kul'tury [Essays on Russian folk culture] / Ed. and comp. I. V. Vlasova; N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology RAS. – Moscow: Nauka, 2009. – P. 486–501.
17. Sci. Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. F. 1. Op. 13. D. 48. Lashuk, L. P., Zherebtsov, L. N. Otchet Priluzskoj etnograficheskoj ekspedicii v 1959 g. [Report of the Luza ethnographic expedition in 1959]. – Syktyvkar, 1960.

Благодарность (госзадание):

Статья подготовлена в рамках плановой темы сектора этнографии ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Этнокультурные процессы и этнокультурные традиции на европейском севере России: динамика социальных и культурных изменений» (№ государственной регистрации 121042600207-7).

Acknowledgements (state task):

The paper was prepared within the frames of the planned topic of the Sector of Ethnography, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS «Ethnocultural processes and ethnocultural traditions in the European North of Russia: dynamics of social and cultural changes» (state registration No. 121042600207-7).

Информация об авторе:

Бойко Юлия Ивановна – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167000, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: boyko_yulia@mail.ru).

Author:

Yuliya I. Boyko – Cand. Sci. (History), Researcher at the Ethnography Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167000, Russian Federation; e-mail: boyko_yulia@mail.ru)

Для цитирования:

Бойко, Ю. И. Поминальная традиция южных коми / Ю. И. Бойко // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 6 (72). – С. 96–102.

For citation:

Boyko, Yu. I. Funeral tradition of the southern Komi / Yu. I. Boyko // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2024. – No. 6 (72). – P. 96–102.

Дата поступления статьи: 08.07.2024

Прошла рецензирование: 13.06.2024

Принято решение о публикации: 12.07.2024

Received: 08.07.2024

Reviewed: 13.06.2024

Accepted: 12.07.2024

Проблемы традиционной культуры коренных малочисленных народов юга Дальнего Востока России и роли государства в этих процессах (XX–начало XXI века)

Р. В. Гвоздев

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток
groma@inbox.ru

Аннотация

За период XX–XXI вв. из самостоятельных этнических образований аборигенные этносы превратились в составные части большого многонационального государства, с принципиально иной духовной доминантой, иным социальным устройством и типом экономики. Изменения затронули как традиционную материальную, так и духовную культуру. В процессе этих изменений стали размываться грани между традицией и реальностью. Мы сделали попытку оценить роль государства в происходящих процессах, а также сравнить ситуацию по данной проблеме в соседнем Китае, отметить общие тенденции. В исследовании обозначена роль основных факторов, повлиявших на глобальные трансформации в области духовного и материального у коренных малочисленных народов Приморья, а также намечены несколько новые взгляды на проблемы сохранения этнической идентичности.

Ключевые слова:

традиционная культура, коренные народы Дальнего Востока, духовная культура, государственная политика

Сохранение материального и духовного наследия коренных малочисленных народов (далее – КМН) проблема даже не общероссийского, а, скорее, мирового масштаба. Возникающие в связи с этим вопросы имеют много общего для разных государств и народов. О роли хозяйственной деятельности как маркера этнической идентичности коренных народов Дальнего Востока неоднократно упоминалось [1, с. 64–65]. Дальневосточный исследователь-философ А. В. Поповкин, основываясь на теориях К. Ясперса и А. Тойби, предложил типологию культур по преобладающему типу исторического акта. Этим актом, или трансформацией культуры, может являться либо трансгрессия (пересечение границы, качественный скачок), либо транспонирование (перенос какой-либо структуры без изменений в новые условия) как ответ на экзистенци-

Problems of the traditional culture of the indigenous minorities of the South of the Russian Far East and the role of the state in these processes (XX-early XXI centuries)

R. V. Gvozdev

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch, RAS,
Vladivostok
groma@inbox.ru

Abstract

During the XX–XXI centuries, aboriginal ethnic groups turned from independent ethnic formations into constituent parts of a large multinational state, with a fundamentally different spiritual dominant, a different social structure and type of economy. The changes affected both traditional material and spiritual culture. In the process of these changes, the concepts themselves were transformed, the lines between tradition and reality began to blur, since the latter is in constant dynamics. We made an attempt to assess the role of the state in the ongoing processes, as well as to compare the situation with the indigenous minorities in neighboring China, and note general trends. The study identifies the role of the main factors that influenced global transformations in the field of spiritual and material development of the Primorye Territory, as well as outlines a somewhat new understanding of the problem of preserving ethnic identity.

Keywords:

traditional culture, indigenous peoples of the Far East, spiritual culture, state policy

альные вызовы. При транспонирующем типе акта существенные изменения в материальной или духовной сфере (так называемые «вызовы») коренным образом влияют на собственную идентичность и самосознание этноса. В противовес народам с трансгрессирующим типом, при котором идентичность народа не меняется, а как бы переносится (transgress), даже при наличии барьеров в виде существенных изменений в материальной или духовной культуре. У аборигенных этносов Приморья, скорее, преобладает транспонирующий тип реакции на предельные экзистенциальные вызовы и, соответственно, традиционная хозяйственная деятельность во многом является определяющим фактором собственной этнической идентичности [2, с. 621–627].

Для примера обратимся к свидетельствам исследователей. Так, в материалах В. К. Арсеньева мы находим упоминание того, насколько важна хозяйственная деятельность в жизни коренных народов. Говоря о возможных причинах упадка тех же тунгусов (эвенков), он называет их нежелание поступиться трудовым укладом быта предков. Традиционно эвенк прежде всего оленевод и охотник. И он может буквально умирать с голоду, живя на берегу реки, кишасей рыбой. То есть он в состоянии поймать некоторое количество, но не готов начать отлов системно и организованно, вооружившись промышленными орудиями лова. Для тунгуса это означало бы не просто измену устоявшимся хозяйственным навыкам, а фактически целую революцию производственных форм. Именно поэтому в самый разгар осенних рыбалок вместо того, чтобы обеспечить себя рыбой на целый год, как делали те же русские, эвенки предпочитали уходить на охоту, с заранее непредсказуемым результатом [3, с. 38].

Есть и более поздние свидетельства сложности смены сферы хозяйственной деятельности для КМН. Известен случай, когда эвенки, даже лишившись оленей, из-за которых и велась перекочевка, продолжали регулярно перемещать свои палатки на новое место. Хотя в этом полностью отсутствовал практический смысл. Настолько болезненным был их переход к оседлости, ведь принцип каждодневного перемещения являлся самой сутью кочевника [4, с. 8].

Неоднократно упоминаются случаи негативного влияния капиталистических отношений на традиционное хозяйство. Так как колонизация шла по Амуру (от верховьев и со стороны устья), то гиляки (нивхи) раньше других столкнулись с восточными славянами, и их традиционный хозяйственный уклад жизни раньше других подвергся влиянию. Крупные капиталистические рыбопромышленные предприятия с их большими объемами и прогрессивными способами заготовки рыбы, а также соблазнами в виде торговли спиртом, имели разрушительное влияние на своеобразный родовой строй нивхов, превратив их из людей трудоспособных, по словам Арсеньева, в ленивых, «беспечных прожигальщиков» около больших рыбалок [3, с. 56]. В другой раз он пишет, что ольчи (ульчи) проявляют активность только во время хода лососевых рыб. В остальное же время производят впечатление ленивых и инертных людей, несмотря на общую нужду и недостаток корма даже для собственных собак. В итоге ульчи даже забросили часть традиционных для них видов, таких как соболевание и охота на морского зверя, за которым ранее ходили через Амур в бухту Таба и залив Де-Кастри [там же, с. 42].

На показанных выше примерах мы видим, с каким трудом менялись хозяйственные предпочтения и уклад жизни, и как отрицательно влияло на состояние коренных этносов любое нарушение баланса в этих областях. Арсеньев в своих исследованиях о причинах буквального вымирания представителей КМН называет в числе первых именно смену хозяйственной деятельности [5, с. 12]. При этом коренные народы Приморья достаточно легко меняли непосредственно предметную составляющую своего

хозяйства, т. е. именно предметы материальной культуры. На смену копьям, лукам и самострелам – ружья, на смену гребным лодкам пришли моторные и т. д. Таким образом, смена предметов материальной культуры, особенно в практической сфере хозяйственной деятельности происходила достаточно легко и безболезненно для собственного этнического самосознания.

Меняются практически все предметы материальной культуры. Уже сложно встретить представителя коренного этноса в традиционной одежде, кроме как на национальном празднике. Зверя в лесах и рыбы в реках не настолько много, чтобы прокормить все коренное население, меняется привычный уклад. Есть государственная экономика и инфраструктура, присутствующая даже в местах компактного проживания КМН. Да и у самих представителей коренного населения появились новые сферы хозяйствования, такие как огородничество, даже в отдаленных местах развивается сфера услуг и туризма. Большое количество представителей коренных народностей проживает в городах. Таким образом, нельзя как раньше сказать точно, что удэгеец – только охотник, а нанайец, например, рыболов. Соответственно, мы видим картину, что даже при сохранении модели хозяйствования, предметный ряд традиционной материальной культуры в ней не востребован и полностью выключен из процесса. Он переходит в лучшем случае в разряд исторической реконструкции, в коллекции музеев и т. д. И для сохранения этого наследия необходимо прикладывать специальные усилия, так как предметы традиционной материальной культуры уже не представляют собой часть повседневности. В некотором роде уже отжившие предметы материальной культуры переходят как бы в разряд духовных ценностей и составляют саму память народа и являются частью идентичности. Она продолжает существовать в виде национальных ремесел, промыслов и декоративного творчества [6, с. 255; 7, с. 117].

Это же можно применить к традиционно духовным сферам коренных народов, таких как шаманизм, анимизм, фольклор и язык. Взять, к примеру, вопрос о верованиях. Во-первых, они зачастую были связаны именно с хозяйственной деятельностью, в особенности анимизм с его промысловыми культами и духами местности. Во-вторых, основы того же шаманизма на Дальнем Востоке были существенно подорваны еще на заре XX в. И произошло это, главным образом, не по причине поддержки православия государством или агрессивности самих миссионеров. Встречавшиеся при христианизации на протяжении XVIII в. некоторые репрессивные меры (да и то главным образом на Северо-Востоке России) к XIX в. сошли на нет, а крещение было мирным [8, с. 480]. Переход в православие имел ряд преимуществ, одним из основных являлось освобождение от выплаты ясака. Переселение все большего количества восточных славян на Дальний Восток в известной степени также способствовало восприятию христианства. А с другой стороны, на данный процесс повлияла известная, говоря современным языком, толерантность анимизма и шаманизма. То есть переход в христианство не воспринимался как смена вероисповедания,

жизненной, нравственной парадигмы. В сознании аборигенов христианство зачастую просто вливалось в существующий культ. А православные святые или апостолы фактически просто добавлялись в привычный пантеон духов. Наиболее отчетливо это проявлялось в том, что сами представители культа, шаманы, заимствовали для своих обрядов некоторые элементы христианства, даже на их одежде и атрибутике появились восточнославянские и христианские элементы: кресты, лики святых, оружие европейского типа [9, с. 279]. Есть устоявшееся мнение, что шаманизм был на корню загублен в советский период на почве общей борьбы с религией. И для некоторых регионов Сибири и Дальнего Востока это действительно так. Но если брать территорию Приморья, то институт шаманства был подорван гораздо раньше. Тот же Арсеньев еще до революции 1917 г. пишет, что шаманизм остался преимущественно в отдаленных горных районах у удегейцев. Но в целом коренное население в значительной степени отошло от него [10, с. 253].

С начала 1990-х гг. произошел рост национального самосознания у представителей коренных народов. Это привело и к попыткам возрождения шаманизма, веры в духов. Где-то на территории Сибири и Дальнего Востока этот процесс протекает более-менее успешно. По крайней мере шаманизм вернулся как некий элемент традиционной культуры аборигенных этносов. Хотя, в основном, это касается больше обрядовой стороны шаманизма, в то время как шаманизм и анимизм подразумевают и определенную парадигму сознания, о возрождении которой в массах, конечно, речи не идет. В духовных вопросах, в вопросах веры, как нигде важна непрерывность традиции, иначе в результате получается в лучшем случае реконструкция. На юге Дальнего Востока, как мы видим, эта традиция была в целом прервана, исчез особый уклад, когда вера тесно переплетена с реальной жизнью [6, с. 215].

Фольклор также был частью духовной культуры коренных народов Дальнего Востока. А в условиях отсутствия письменности его значение трудно переоценить. Он являлся своеобразной памятью народа, его зашифрованной историей. В наши дни традиционный фольклор изменил свою изначальную функцию. Он как бы есть, зафиксирован в книгах и аудиозаписях, но реальное количество представителей народа им владеющих неуклонно уменьшается. Он больше не отражает саму суть народа, а скорее отражает память о традициях. То есть поменялась функция. В современных условиях меняющегося мира первичная функция оказалась практически невостребованной. Но в этой изменившейся функциональности фольклор продолжает существовать в различных национальных музыкальных творческих коллективах.

Язык также оказался вовлечен в эти процессы по схожей схеме. Да, российское государство никогда не запрещало национальные языки. А в советское время даже прилагало недюжинные усилия для их сохранения и развития. В конце 20-х–30-е гг. XX в. была изобретена письменность, появились словари, начали издаваться книги на языках коренных народов [7, с. 140]. Но при этом вся документация велась на русском языке, в школе

по понятным причинам как основной преподавался тоже русский. Попытки внедрения в школах преподавания на национальных языках еще в советское время не увенчались успехом по целому ряду причин. Во-первых, даже в национальных в школах всегда было большое количество русских учеников, соответственно, преподавание одновременно на двух языках было невозможным. Иногда в одной школе могли обучаться представители нескольких малочисленных этносов сразу. Кроме того, в языках малых народов зачастую существовали очень разные говоры, и преподавание на основе одного учебника также технически было невозможно. А создавать на каждый диалект или говор отдельный учебник – крайне не рационально. Да и проблема с кадрами для преподавания всегда стояла остро [11, с. 263]. Таким образом, снижение функциональности приводит к тому, что языки коренных этносов Приморья сегодня находятся в весьма плачевном состоянии. Буквально единицы представителей коренных народов могут свободно общаться на своих родных языках.

При этом задекларированные проекты по работе над сохранением языка дают низкую эффективность или сворачиваются. Так, например, произошло с удэгейским языком, несмотря на то, что президент России еще в 2019 г. давал правительству поручение о сохранении языка. В итоге московская компания, которая взялась за работу, свернула свою деятельность. Возможно, что в данном случае ее специалистам попросту не хватило ресурсов [12].

Многие программы и меры по спасению культурного наследия так или иначе направлены на попытки интегрировать уже не функционирующие элементы в реально действующую структуру, будь то сфера образования, духовная или хозяйственная. Уже давно ведется диалог о благоприятных условиях для развития народных промыслов – охоты и рыбалки. На практике еще в 2016 г. для КМНС начали формировать рыболовные участки и в 2018 г. уже 14 краевых рыболовных участков были закреплены за общинами КМН. Но при этом оказалось, что у общин нет достаточных мощностей для переработки рыбы. В результате представители коренных народов вынуждены обращаться к крупным промышленным компаниям, которые диктуют им свои, не всегда выгодные условия [там же].

В сложившейся ситуации причина видится в попытке претворить в жизнь изначально убыточные схемы, способные существовать только в случае денежных вливаний, а государству все-таки невыгодно финансировать и содержать на постоянной дотации предприятия, которые не приносят доход. Исходя из этих причин, источники государственных доходов непостоянны [там же]. Да и в целом это удобная ниша для коррупционных схем. Другое дело, что можно не пытаться интегрировать в хозяйство уже отжившие формы. Необходимо либо кардинально их совершенствовать или придумывать новые. Например, то же рыболовство вполне могло бы стать частью туристической индустрии. Если элементы духовной или материальной культуры рассматривать как часть исторической памяти народа, то и меры по сохранению этой памяти должны осуществляться соответствующие. Можно сколько угодно сетовать, что национальные языки уходят,

что никто не хочет их изучать и вкладываться в развитие, но если будет система национальных проектов с включенным изучением языка, фольклора с системой грантов и поощрений, то и желающие изучать язык и фольклорное наследие найдутся. Пусть это и не будет носить массового характера.

Говоря о роли государства в проблеме ассимиляции и утраты традиционной культуры малочисленными аборигенными этносами, необходимо сделать краткий исторический экскурс. Как мы знаем из «Устава об управлении инородцев» первой четверти XIX в., российское государство гарантировало права коренных народов и декларировало свою заинтересованность в сохранении основных способов их хозяйствования [13]. Менялись лишь способы реализации этого права, что и приводило иногда к отрицательным результатам. Например, внезапное внедрение капиталистических отношений в традиционное родовое хозяйство привело к перекосам в сторону одного наиболее востребованного продукта и утрате в итоге тех или иных видов природных ресурсов. Как следствие, разрушался традиционный уклад жизни. Например, из рек или морских прибрежных вод исчезало достаточное количество рыбы или иных биоресурсов. После революции 1917 г. в Советском Союзе проводилась коллективизация. Причем, ее активная фаза началась уже ближе к третьему десятилетию века, когда стало очевидным, что традиционное сельское хозяйство даже в эпоху НЭПа не давало достаточного прироста продукта. Хозяйства были, как правило, небольшими и не могли позволить себе современных средств добычи и обработки продуктов. Налицо была их низкая эффективность. Это совершенно не соответствовало задачам молодой Советской России. Данную проблему и должно было решить укрупнение хозяйств: создание колхозов и совхозов [7, с. 116]. И с экономической точки зрения это решение в значительной степени себя оправдало, хоть и несло в себе отсроченные негативные последствия. А вот если брать культуру коренных малочисленных народов, то укрупнение хозяйств привело к смене всего уклада. Часть коренного населения оказалась буквально оторванной от традиционного образа жизни, который в значительной степени и являлся определяющим для культур коренных этносов Дальнего Востока. Детское и отчасти женское население переместилось в поселки и более не вело привычный образ жизни. Дети вообще зачастую жили и обучались в интернатах. Данная проблема, кстати, не имела однозначного решения. Мы знаем, что для коренных народов характерно дисперсное проживание небольшими группами, так как при существовавшем ранее способе хозяйствования это был единственный способ к выживанию в целом. Таким образом, фактически невозможно одновременно вести традиционный образ жизни и при этом получать хотя бы минимальное школьное образование. Это привело к значительной утрате молодежью навыков традиционного способа ведения хозяйства и иным социальным последствиям, так как члены семей зачастую тесно общались между собой только в периоды каникул. Да и сам интерес к традици-

онному образу жизни был утрачен перед лицом других альтернатив.

Даже в ходе беглого анализа очевидно, что государство не проявляло намерений как можно быстрее ассимилировать коренные малочисленные народы юга Дальнего Востока или поставить их в угнетенное состояние. Применялись адекватные на тот момент меры для сохранения не просто населения, но всей его самобытной материальной и духовной культуры. Однако существовавший тогда уровень знаний о механизмах функционирования этих культур не позволил государству в полной мере реализовать собственные намерения.

К слову, данная ситуация с коренными малочисленными народами не является уникальной. Действия государства обусловлены собственными интересами и взглядами на то, как должна выглядеть национальная политика. За примерами ходить далеко не надо. На Севере Китая проживают хэчжэ, также являющиеся коренным малочисленным народом, известным у нас как нанайцы. Нанайцы и хэчжэ имеют общую этническую историю, но в какой-то момент оказались разделенными государственными границами двух стран. Как и у нанайцев в России, в демографическом плане ситуация выглядит крайне благоприятной: хэчжэ демонстрируют 11-кратный прирост численности за период с 1953 по 2010 г. [14, с. 105]. В то же время так же, как и у нас, здесь наблюдается отход от таких традиционных форм хозяйствования, как рыболовство, точнее, их доля постепенно сокращается [там же, с. 107]. Рыболовство вытесняется животноводством. Современное развитие государства диктует объективные процессы интеграции коренных малочисленных народов в экономику, поскольку это выгодно всем участникам. Что касается языка, то еще в 1930-е гг. хэчжэ, согласно исследованиям, владели своим языком и практически не знали ханьский (китайский), но уже в 1980-е гг. ситуация кардинально поменялась. К этому времени национальным языком владели лишь представители старшего поколения, а молодежь до 30 лет не понимала и не знала его [там же, с. 111]. Более того, в отличие от России, в Китае так и не было создано письменности для хэчжэ. Интересно, связи с данной темой, оценка китайской стороной данных процессов – там они оцениваются как прогрессивные, в общем деле построения китайской нации «чжунхуа миньцзу» [15, с. 161]. Резюмируя роль государства в отношении коренных малочисленных народов, можно констатировать, что оно озабочено, прежде всего, глобальными общенациональными, экономическими и демографическими интересами.

Таким образом, можно отметить, что несмотря на значительные трансформации в культуре коренных народов Дальнего Востока сохраняется значительная роль традиционной хозяйственной деятельности, в том числе и в вопросе этнической самоидентификации. Параллельно происходили ассимиляционные процессы, связанные с влиянием культуры восточных славян или, упрощенно говоря, русской культуры. Русские оказались носителями совершенно иных культурных, религиозных, экономических форм. Кроме того, в количественном отношении они

значительно превосходят аборигенов. Вместе с российской культурой пришла на Дальний Восток и российская государственность. Роль государства в данных процессах очень велика, но достаточно предсказуема и даже типична, как мы увидели в сравнительном примере с Китаем. Многонациональное государство исходит, прежде всего, из постулатов собственной безопасности, в том числе и в национальном вопросе, оно заинтересовано как можно более в равномерном развитии территорий и усредненном уровне жизни для большинства населения. Это выражается в законодательной базе, в правах коренных малочисленных народностей и различных национальных проектах. В качестве закрепления данного вектора государственных инициатив в 2009 г. правительством России был выпущен документ: «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [16]. Таким образом, в связи с усилением роли государства в последние десятилетия политика по отношению к коренным народам постепенно вновь возвращается к идее многонациональности, где каждый этнос – самостоятельная часть в составе большого народа России. Несмотря на многочисленные проблемы в данных вопросах и утрату существенной части традиционной культуры аборигенами, мы можем констатировать, что до сих пор ни один из коренных малочисленных народов юга Дальнего Востока не исчез, не взирая на мрачные прогнозы известного исследователя В. К. Арсеньева, сделанные более 100 лет назад. Дошла до нас, хоть в сильно трансформированном виде, самобытная культура коренных малочисленных народов, а значит, есть еще возможности ее сохранения.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Гвоздев, Р. В. Проблемы взаимопонимания и взаимодействия в сфере культуры коренных народов и восточнославянского населения Дальнего Востока России / Р. В. Гвоздев // Диалог культур Тихоокеанской России и сопредельных стран: межэтнические, межгрупповые, межличностные коммуникации: сборник материалов II Всероссийской научной конференции с международным участием. – Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2019. – С. 60–69.
2. Поповкин, А. В. Транспонирование, как способ бытия «внеисторических культур» / А. В. Поповкин // Тихоокеанская Россия в междивизиационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее (Седьмые Крушановские чтения 2011 г.). – Владивосток : Дальнаука, 2013. – С. 621–627.
3. Арсеньев, В. К. Вымирание инородцев Амурского края / В. К. Арсеньев. – Хабаровск : Типография Канцелярии Приамурского генерал-губернатора», 1914. – 18 с.
4. Тураев, В. А. (а) Охотские звенки в XX веке: от этнокультурной эволюции к социальной деградации / В. А. Тураев // Этнос и культура в условиях общественных

трансформаций. – Владивосток : Дальнаука, 2004. – С. 3–37.

5. История и культура нанайцев. – Санкт-Петербург : Наука, 2003. – 328 с.
6. История и культура орочей. – Санкт-Петербург : Наука, 2001. – 176 с.
7. Тураев, В. А. «Инородческий вопрос» в политике Российского государства (XVII–XIX вв.) / В. А. Тураев // Тихоокеанская Россия в междивизиационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее (Седьмые Крушановские чтения, 2011). – Владивосток : Дальнаука, 2013. – С. 470–483.
8. На грани миров. Шаманизм народов Сибири. – Москва : ИРП Художник и книга, 2006. – 296 с.
9. Арсеньев, В. К. Быт и характер народностей Дальневосточного края / В. К. Арсеньев, Е. И. Титов. – Хабаровск–Владивосток : Книжное дело, 1928. – 84 с.
10. История и культура удэгейцев. – Ленинград : Наука, 1989. – 193 с.
11. Смоляк, А. В. Современные этнические процессы у народов бассейна Нижнего Амура / А. В. Смоляк // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. – Москва : Наука, 1970. – С. 256–279.
12. Коренные приморские: как живут и почему вымирают малые народы. 12.03.2012. Восток Медиа (новостной информационный портал). – URL: <https://vostokmedia.com/news/2021-03-12/korenyye-primorskije-kak-zhivut-i-rochemu-vymirayut-malye-narody-646253> (дата обращения: 15.05.2024).
13. Устав «об управлении инородцев» 1822 гд // «Мудрый юрист» (информационный портал). – URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/42781-ustav-upravlenii-inorodcev-1822> (дата обращения: 1.05.2024).
14. Ставров, И. В. Малый народ большой страны: положение хэчжэ (нанайцев) в современном Китае / И. В. Ставров // Труды ИИАЭ ДВО РАН. Т. 24. – Владивосток, 2019. – № 3. – С. 98–115.
15. Латушко, Ю. В. Сравнительное изучение экономического развития хэчжэ и коренных малочисленных народов Дальнего Востока России / Ю. В. Латушко, И. В. Ставров // Россия и АТР. – 2013. – № 4. – С. 155–170.
16. Распоряжение Правительства РФ от 04.02.2009 N 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Левоневский: правовая библиотека (правовой информационный портал). – URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaru09/raspori/sbor00/text00063.htm> (дата обращения: 15.05.2024).

References

1. Gvozdev, R. V. Problemy vzaimoponimaniya i vzaimodejstviya v sfere kul'tury korennykh narodov i vostochnoslavjanskogo naseleniya Dal'nego Vostoka Rossii [Problems of mutual understanding and interaction in the field of culture of indigenous peoples and the East Slavic population of the Russian Far East] / R. V. Gvozdev // Di-

- alog kul'tur Tikhookeanskoj Rossii i sopredel'nykh stran: mezhehtnicheskie, mezhgruppovye, mezhlichnostnye kommunikacii [Dialogue of cultures of Pacific Russia and neighboring countries: interethnic, intergroup, interpersonal communications]: collection of materials of the II All-Russian Sci. Conf. with intern. Participation. – Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography, Far Eastern Branch, RAS, 2019. – P. 60–69.
2. Popovkin, A. V. Transponirovanie, kak sposob bytiya «vneistoricheskikh kul'tur» [Transposition as a way of being of “ahistorical cultures”] / A. V. Popovkin // Tikhookeanskaya Rossiya v mezhcivilizacionnom i obshcherossijskom prostranstve: proshloe, nastoyashchee, budushchee (Sed'mye krushanovskie chteniya 2011g) [Pacific Russia in the intercivilizational and all-Russian space: past, present, future (7th Krushanov readings 2011)]. – Vladivostok: Dal'nauka, 2013. – P. 621–627.
 3. Arsenyev, V. K. Vymiranie inorodcev Amurskogo kraja [Extinction of foreigners of the Amur region] / V. K. Arsenyev. – Khabarovsk: «Tipografiya Kancelyarii Priamurskogo general-gubernatora [Printing House of the Office of the Amur Governor-General], 1914. – 18 p.
 4. Turaev, V. A. (a) Okhotskie evenki v XX veke: ot ehtnokul'turnoj ehvolyucii k social'noj degradacii [Evenks of Okhotsk in the XX century: from ethnocultural evolution to social degradation] / V. A. Turaev // Ehtnos i kul'tura v usloviyakh obshchestvennykh transformacij [Ethnicity and culture in the context of social transformations]. – Vladivostok: Dal'nauka, 2004. – P. 3–37.
 5. Istoriya i kul'tura nanajcev [History and culture of the Nanai people]. – St. Petersburg: Nauka, 2003. – 328 p.
 6. Istoriya i kul'tura orochei [History and culture of the Orochi]. – St. Petersburg: Nauka, 2001. – 176 p.
 7. Turaev, V. A. «Inorodcheskij vopros» v politike Rossijskogo gosudarstva (XVII–XIX vv.) [“Foreign issue” in the policy of the Russian state (XVII–XIX centuries)] / V. A. Turaev // Tikhookeanskaya Rossiya v mezhcivilizacionnom i obshcherossijskom prostranstve: proshloe, nastoyashchee, budushchee (Sed'mye Krushanovskie chteniya, 2011) [Pacific Russia in the intercivilizational and all-Russian space: past, present, future (7th Krushanov readings 2011)]. – Vladivostok: Dal'nauka, 2013. – P. 470–483.
 8. Na grani mirov. Shamanizm narodov Sibiri [On the edge of the worlds. Shamanism of the peoples of Siberia]. – Moscow: IRP Khudozhnik i kniga [IRP Artist and Book], 2006. – 296 p.
 9. Arsenyev, V. K. Byt i kharakter narodnostej Dal'nevostochnogo kraja. [Life and character of the peoples of the Far Eastern Territory] / V. K. Arsenyev, E. I. Titov. – Khabarovsk-Vladivostok: Knizhnoe delo, 1928. – 84 p.
 10. Istoriya i kul'tura udegejcev [History and culture of the Udege]. – Leningrad., Nauka, 1989. – 193 p.
 11. Smolyak, A. V. Sovremennye ehtnicheskie processy u narodov bassejna Nizhnego Amura [Modern ethnic processes in the peoples of the Lower Amur basin] / A. V. Smolyak // Preobrazovaniya v khozyajstve i kul'ture i ehtnicheskie processy u narodov Severa [Transformations in the economy and culture and ethnic processes in the peoples of the North]. – Moscow: Nauka, 1970. – P.256–279.
 12. Korennye primorskie: kak zhivut i pochemu vymirayut malye narody [Indigenous coastal peoples: how indigenous minorities live and why they die out]. 12.03.2012. Vostok Media (news information portal). – URL: <https://vostokmedia.com/news/2021-03-12/korennye-primorskie-kak-zhivut-i-pochemu-vymirayut-malye-narody-646253> (accessed: 15.05.2024).
 13. Ustav «ob upravlenii inorodcev» 1822 g [Charter “on the management of foreigners” 1822] // «Mudryj yurist» [“Wise lawyer”] (information portal). – URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/42781-ustav-upravlenii-inorodcev-1822>. (accessed: 01.05.2024).
 14. Stavrov, I. V. Malyj narod bol'shoj strany: polozhenie khehchzheh (nanajcev) v sovremennom Kitae [Indigenous minorities of a large country: the position of the Hechzhe (Nanai) in modern China] / I. V. Stavrov // Proc. of the Institute of History, Archeology and Ethnography, Far Eastern Branch, RAS. Vol.24. – Vladivostok. 2019. – № 3. – P. 98–115.
 15. Latushko, Yu. V. Sravnitel'noe izuchenie ehkonomicheskogo razvitiya khehchzheh i korenykh malochislennykh narodov Dal'nego Vostoka Rossii [Comparative study of the economic development of the Hechzhe and indigenous minorities of the Russian Far East] / Yu. V. Latushko, I. V. Stavrov // Rossiya i ATR [Russia and the Asian-Pacific Region]. – 2013. – №4. – P.155–170.
 16. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 04.02.2009 N 132-r “O Konceptii ustojchivogo razvitiya korenykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossijskoj Federacii” [Government order of the Russian Federation dated 04.02.2009 No. 132-r “On the concept of sustainable development of indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation”] // Levonevsky: Law Library (legal information portal). – URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaru09/raspori/sbor00/text00063.htm> (accessed: 15.05.2024).

Информация об авторе:

Гвоздев Роман Витальевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (690950, Российская Федерация, Приморский край, г. Владивосток, ул. Пушкинская, д. 89; e-mail: groma@inbox.ru).

Author:

Roman V. Gvozdev – Cand. Sci. (History), researcher at the Center for Cultural History and Intercultural Communications of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (89, Pushkinskaya st., Vladivostok 690950, Primorsky Krai, Russian Federation; e-mail: groma@inbox.ru).

Для цитирования:

Гвоздев, Р. В. Проблемы традиционной культуры коренных малочисленных народов юга Дальнего Востока России и роли государства в этих процессах (XX–начало XXI века) / Р. В. Гвоздев // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 6 (72). – С. 103–109.

For citation:

Gvozdev, R. V. Problems of the traditional culture of the indigenous minorities of the South of the Russian Far East and the role of the state in these processes (XX-early XXI centuries) / R. V. Gvozdev // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2024. – No. 6 (72). – P. 103–109.

Дата поступления рукописи: 16.07.2024

Прошла рецензирование: 11.06.2024

Принято решение о публикации: 26.07.2024

Received: 16.07.2024

Reviewed: 11.06.2024

Accepted: 26.07.2024

Ценности современной русскоязычной женщины (по материалам Владивостокского новогоднего дерева желаний)

Т. В. Краюшкина

Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток
krayushkina@ihaefe.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию ценностей русскоязычной современной женщины. В качестве материала для исследования были выбраны пожелания с Владивостокского новогоднего дерева желаний (2020), в которых адресатом или адресантом является женщина. Изученный материал указывает на то, что ценности современной русскоязычной женщины – этап эволюции традиционных российских ценностей, одна из которых – крепкая семья. В целом очевидно стремление современной женщины к созданию семьи (чему предшествует поиск любимого и/или достойного мужчины), продолжению рода, сохранению добрых отношений с родными. Автор приходит к следующим выводам: если сама современница имеет представление о характеристиках необходимых ей ценностей, то другие люди демонстрируют обобщенное представление. Оба комплекса схожи внешне, но отличаются предпочтительностью компонентов.

Ключевые слова:

человек, исследование человека, женщина, современные ценности, ценности женщины, духовные ценности, гендерные отношения, естественная письменная речь, новогодние пожелания, Новый год

Изучение человека по праву считается одним из магистральных направлений современной гуманитаристики. Каждая из наук, опираясь на присущий ей материал исследования, вносит собственный вклад в осмысление этой проблемы. Значимым становится изучение нашего современника, что способствует решению не только ряда теоретических задач, но и задач практического плана, важных для России как в пространстве ее внутренних противоречий, так и для формулировки адекватных ответов на вызовы современности.

Безусловно, ценны для осмысления человека данные, полученные посредством анкетирования. Но представляет научный интерес материал и иного рода – предметы быта, снабженные разного рода надписями-характеристиками, к примеру, на одежде, посуде, автотранспорте

Values of a contemporary Russian-speaking woman (based on the materials of the Vladivostok New Year Tree of Wishes)

T. V. Krayushkina

Institute of History, Archeology and Ethnology,
Far Eastern Branch, RAS,
Vladivostok
krayushkina@ihaefe.ru

Abstract

The paper deals with the study of the values of a Russian-speaking contemporary woman. Wishes from the Vladivostok New Year Tree of Wishes (2020), in which the addressee or the addresser is a woman, were selected as the material for the study. The studied material indicates that the values of a modern Russian-speaking woman are a stage in the evolution of traditional Russian values, one of which is a strong family. In general, the desire of a modern woman to create a family (which is preceded by the search for a beloved and / or worthy man), procreation, and maintaining good relations with relatives is obvious. The following conclusions are made: if the contemporary woman has an idea of the characteristics of the values she needs, then other people demonstrate a generalized idea. Both complexes seem similar, but differ in the preference of components.

Keywords:

man, human study, woman, modern values, woman's values, spiritual values, gender relations, natural written speech, New Year wishes, New Year.

и пр., позволяющими отдать предпочтение тому или иному утверждению и так проявить собственные жизненные позиции и установки. Составленные другими людьми эти надписи как вид выражения мировоззрения дают возможность выбрать понравившийся вариант. Не стоит упускать из внимания и способность подобных надписей формировать мировоззрение.

Еще один вид письменного материала интересен тем, что в нем жизненные позиции и установки формулируются уже самим человеком. Речь идет о жанре, который в современной лингвистике принято называть жанром естественной письменной речи. К нему относятся записки, поздравления, пожелания и прочие подобного рода тексты. Естественную письменную речь определяют как «речевую деятельность (и ее результат – тексты), кото-

рая занимает свое место в парадигме, построенной по координатам «устная / письменная» и «естественная/искусственная (искусная) речь» [1, с. 4]. Данному виду речи присущи три признака: письменная форма, спонтанность и непрофессиональность исполнения [там же, с. 5].

Материалом для данного исследования послужили карточки новогоднего дерева желаний жителей г. Владивостока, приуроченного ко встрече 2020 г. и размещенного на центральной площади администрацией города (для лаконичной подачи количественных данных в скобках указывается число, обозначающее количество, частоту употребления. При цитировании текстов пожеланий орфография и пунктуация авторов сохранены, цитаты даны курсивом. Была произведена полная выборка).

На символическое дерево, представляющее собой арку с натянутыми по правой и левой сторонам в четыре ряда веревками, было помещено 500 карточек из белого картона размером 6 x 10,5 см. В результате на карточках оказалось 868 пожеланий, написанных на русском (743, в том числе 1 латиницей), корейском (70), китайском (25), японском (9), английском (7), вьетнамском (6), узбекском (3), армянском (2), казахском (1) языках. Всего на иностранных языках было 125 пожеланий, языки двух из них, написанных кириллицей, определить не удалось из-за нечитаемых почерков. К сожалению, материал не предполагает возможности вычленив мигрантов, их потомков или гостей города или полно охарактеризовать адресантов и адресатов. Но материал достоин осмысления, поскольку отражает ценности современника в их совокупности.

Материал исследования отличается новизной. Владивосток, основанный как военный пост, сегодня – столица Дальнего Востока – город с активной и разноплановой миграционной историей и в начале своего основания, и в советский период (когда был закрытым городом), и в настоящее время. Поэтому особенно интересны ценностные ориентиры, выявленные на уникальном материале (это был первый и на данный момент единственный опыт, вызвавший большой отклик у жителей и гостей столицы Дальнего Востока). *Новизна* данного исследования заключается также в том, что в качестве материала для выявления комплекса ценностей, присущих и приписываемых женщинам, выступает один из жанров естественной письменной речи – новогоднее пожелание.

Именно русскоязычные женщины оказались самыми активными адресантами и популярными адресатами этого жанра, что дало богатый материал для исследования. В данной статье предлагается анализ пожеланий, написанных женщинами, а также те, в которых упоминаются женщины (сюда включены представительницы всех возрастных групп).

Цель статьи – определение комплекса ценностей русскоязычной современницы, связанного с празднованием Нового года. Обращение к исследованию ценностей актуально как в научном плане, поскольку нацелено на исследование мировоззрения современного человека, так и в практическом плане, так как научное осмысление – один из неперенных этапов реализации защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей,

которой посвящен Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (от 09.11.2022 г. № 809) [2].

Среди общего количества пожеланий на русском языке было выявлено 172, в которых адресантом или адресатом являются женщины. Тексты были поделены на пять групп. В первую из них включены пожелания женщины самой себе (93), во второй – предназначенные женщине (39, причем адресантом в пяти из них является женщина и в пяти – мужчина, в 29 карточках пол адресанта не вычленяется), в третьей группе женщина шлет пожелания самой себе и другим женщинам (т. е. адресантами и адресатами являются женщины (38)). Четвертая и пятая группы включают в себя по одному пожеланию: женщина загадывает желание, связанное с потребностями мужчины, а в другом – шлет приветствие, упоминая свой город. Интерес для исследования представляют первая, вторая и третья группы.

Ценности женщины заявляются предметом исследования ряда современных гуманитарных и общественных наук: к ним обращаются этнографы и этнологи, психологи и педагоги, философы и социологи, литературоведы и лингвисты. В центре внимания исследователей чаще оказываются традиционные и семейные ценности, ценности материнства, т. е. те, что связаны с женским бытием и бытом. Исследование ценностей современниц позволяет выявить изменения, происходящие в женском мировосприятии.

И. Г. Сухина определяет ценность следующим образом: «Ценность всегда есть нечто положительное с позиции удовлетворения материальных, социальных или духовных потребностей человека <...>. <...> ценность <...> – это отношение человека к действительности, причем релевантное удовлетворению его положительных потребностей <...>» [3, с. 370].

Существуют многочисленные классификации ценностей. Остановимся на нескольких из них. Так, первая связана со сферой их реализации: социальные, духовные и материальные [там же]. О. В. Белановская вместо социальных выделяет социально-политические ценности (и чуть ниже говорит уже об общественно-политических), включая туда «свободу, братство, справедливость, равенство» [4, с. 109]. Эта же исследовательница упоминает и о синтетических ценностях: патриотизме, труде, общении с людьми [там же].

В. С. Волченков приводит более развернутую классификацию: «1) альтруизм (безвозмездная помощь окружающим); 2) трансцендентные ценности (религия, преданность идее, ценностям); 3) деятельностная активность (карьера, профессиональная деятельность, учеба, познание, творчество); 4) гедонистические ценности (отдых, развлечения, наслаждения благами жизни); 5) самоактуализация (саморазвитие, самореализация); 6) межличностные отношения (общение, любовь); 7) материальные ценности (обеспеченность материальными благами); 8) семья (супруг (а), дети, дом); 9) ценности переживания (красота, гармония, удовлетворение от самой жизни); 10) личностное благополучие (счастье, здоровье)» [5, с. 11].

Образ женщины-адресанта в новогодних пожеланиях описан двумя способами. Во-первых, непосредственно, т. е. с помощью подписей, которые оставили авторы посланий. Во-вторых, опосредованно, через вычленение из пожеланий данных о ее возрасте, семейном и социальном статусах, месте жительства. Подписи использовались в 28 % текстов (52). Но стоит обратить внимание и на то, что в 135 пожеланиях подписи отсутствовали (72 %), т. е. подпись в данном речевом жанре не является значимым компонентом самоидентификации. В качестве подписи выявлены имя, имя и фамилия, автограф или аккаунт в социальной сети.

Более разнообразную информацию дает опосредованная идентификация адресанта, связанная с семейным статусом, наличием или отсутствием детей, мужа. Она находится в трудоспособном возрасте, учится или ходит в детский сад; испытывает проблемы с жильем; водит машину; любит путешествовать. Значимым для нее является вопрос здоровья и внешнего вида, взаимодействия с другими людьми. Схожие характеристики имеет и образ женщины-адресантки (к сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет подробно осветить эти данные).

Исследователи заявляют значимыми женскими ценностями семью (счастливую семейную жизнь), любовь, здоровье, нравственные качества, межличностные отношения, деятельностную активность, жизненную мудрость, материально обеспеченную жизнь [5–9]. Для бездетных женщин, согласно анкетированию, ценны «любовь, здоровье, проявления добра, будущность, творчество, счастье, душевное спокойствие, самоактуализация, достижение собственных целей» [5, с. 11]. М. Б. Мехтиева и О. В. Пашкун, подводя итоги своего исследования, утверждают: «Наиболее важными современные молодые женщины считают роли любящей матери (27 %) и заботливой жены (23 %)» [10, с. 14].

Комплекс ценностей современницы в ее собственном восприятии был вычленен из первой и третьей групп пожеланий (всего – 131 пожелание). Во-первых, самым ценным для нашей современницы, как показал анализ пожеланий, стали взаимоотношения с представителем противоположного пола. Сюда относятся:

а) замужество (33). Значимы формулировки, связанные с замужеством. Лишь в одном случае речь идет о повторном замужестве (*снова выйти замуж*). Во всех прочих пожеланиях сообщается или о первом замужестве, или же предыдущий брачный опыт оказывается не стоящим упоминания. Женщина заявляет о своей потребности получить мужа (15), *выйти замуж* (12). Из текстов пожеланий становится очевидным: муж предполагается как ресурс или необходимый для счастья атрибут, способствующий повышению социального статуса. Об этом свидетельствуют подобные тексты: *Здоровья, мужа, благополучия, денег; Хочу купить квартиру, выйти замуж, и быть счастливой*.

Е. В. Плешакова, исследуя выбор супруга на этапе создания семьи, утверждает: «...смысловой выбор супруга практически никогда не связан только с одной-единственной индивидуальной семейной ценностью у женщи-

ны, а всегда будет иметь связь с несколькими ценностями. И не просто ценностями, а слабо связанными между собой функционально» [12, с. 85]. Тексты пожеланий в большинстве своем не имеют перечня качеств, ожидаемых от мужа. Упомянутые же качества сводятся к следующим. Муж подразумевается *хороший* (3); *любящий и любимый* (2); *самый лучший мужчина* (1). Делается акцент на его непременно финансовом благополучии, реализации в профессии: *хороший состоятельный* (1); *богатый и самый лучший* (1); *богатый* (1); *успешный* (1), т. е. муж должен быть способен оградить жену от финансовых проблем.

Одно из пожеланий указывает не только на потребность в финансовом благополучии, но и на инфантильное представление о браке, потребность в романтике (*хочу получить предложение с кольцом из белого золота с бриллиантом*). Формулировки ряда пожеланий позволяют заключить: в большинстве случаев кандидат в мужья еще не найден.

Порой упоминаются имена конкретных мужчин (5). Очевидно, что инициатором брака выступает женщина. Двух из них интересует *предложение руки и сердца* от *Дюши* или *Димы*, третью – *свадьба с любимым Леней Б.* Четвертая имеет зрелое представление о замужестве, об ответственности в семье (*Пусть в 2020 году мы с Костей поженимся и у нас будет счастливая и крепкая семья. Пусть будет так! Благодарю!*). И лишь одно пожелание свидетельствует о взаимном желании мужчины и женщины создать семью, их совместных планах хотя бы на ближайшее будущее (*Хотим в 2020 жениться и уехать отдыхать. Кирилл и Юля ♡*).

б) любовь (27). Женщины считают ценностью *любовь* (13), *взаимную любовь* (7), *возможность любить* (4), *быть любимой* (3). Взаимная любовь имеет прямое отношение к законному браку: именно с мужем женщина хочет взаимных чувств, поэтому в пожеланиях несколько раз упоминается как *ценность любящий и любимый муж*. Значима и любовь мужа (*Чтобы любил очень муж!*). Задумываются женщины и о максимальной продолжительности взаимной любви, они хотят *любовь взаимную и навсегда; быть с любимым всегда*. Для других женщин большей ценностью является наличие любимого, а не любящего человека, только это подарит счастье (*встретиться с любимым человеком и ощутить себя по-настоящему счастливой*).

в) мужчина (14). Кроме законного мужа, женщины мечтают о взаимности с идеальным мужчиной. Они именуют его *мужчиной* (6), *парнем* (5), *любимым человеком* (1), *тем самым* (1), *мужиком* (1). Требования к парню минимальны: его необходимо *найти* (5), он должен быть *нормальным* (1) и ответить *взаимностью* (1). Требования к мужчине выше. Это должен быть *мужчина своей/моей мечты* (3), он должен ответить *взаимностью* и создать с адресанткой *крепкую семью* (1); быть *порядочным, любимым, хорошим* (1); *любимым* (1); *хорошим* (1). Но и мужчина мечты, подобно мужу, стоит в ряду атрибутов, должных принести счастье женщине: *Встретить своего любящего порядочного любимого мужчину и купить себе квартиру. С любимым человеком желают встретиться, а того самого – встретить*. В ряду необходимых атрибутов женского счастья, к которым не

предъявляют завышенных требований, значитесь мужик. Формулировка текста позволяет заключить, что его основная функция связана с физиологическими потребностями женщины (*Пусть в 2020 сбудется желание бабушки! Доча поступит в 1 класс. А я буду счастлива! И мужика. Марина*).

г) После того, как адресантка встретила мужчину своей мечты или даже вышла за него замуж, проявляется потребность в еще одной ценности – гармоничных отношениях в паре (10). Одна из адресанток конкретно описывает желаемое: *Хочу внимания, подарков, много совместно проведенного времени с любимым*. Отношения, их наличие и продолжительность – уже ценность для женщины (адресантка хочет *долгих отношений с Даней*, мечтает, что *Б. ее не бросит*).

Во-вторых, *счастье* (30). Счастье – одна из ценностей, которую так трудно охарактеризовать. Как правило, о счастье говорится в перечне других ценностей, никаких особых качеств ему не приписывается. Но существует привязка к будущему: например, наступающему временному циклу (*Я хочу чтобы этот год был самым счастливым. Олеся*) или смене периода несчастья, мерой (*Я действительно желаю наконец-то <...> ощутить себя по-настоящему счастливой*).

Третье и четвертое места поделили между собой *здоровье* (15) и *ребенок* (15). Для женщины значимым оказывается ее здоровье, но при этом конкретизация в пожеланиях отсутствует. Лишь в одном случае женщина желает себе *крепкого здоровья*. А два других текста говорят о наличии у нее серьезной болезни, она хочет стать здоровой (*Олеся. Я очень сильно хочу выздороветь пожалуйста*).

М. Б. Мехтиева и О. В. Пашкун, исследовав семейные ценности молодой женщины, приходят к неутешительному выводу: «К сожалению, в последнее время наблюдается снижение ценности материнства. Значительная часть современных российских женщин воспринимает материнство не как свое призвание, а как бремя, препятствие профессиональному развитию» [10, с. 13]. Проанализированный для написания этой статьи материал показывает иную картину. Ребенок все также входит в число основных ценностей женщины, хотя ему и не отводится первое место.

В преобладающем числе пожеланий, судя по формулировкам, ценным считается именно сам ребенок, причем конкретизация пола используется нечасто. Речь идет о рождении одного ребенка (10). В одном случае это ожидание ребенка в многодетной семье (*Чтобы появился четвертый ребенок У. А.*). Мечтают и о двух детях (2), количество детей из формулировок неясно, но минимум двое (*детей*) (2). Пол ребенка может и не оговариваться: женщина желает родить *ребенка* (3), *деток, детей* (2), *малыша* (1). Если речь идет об ожидании двух детей, то они разнополые (*Хочу сыночка и лапочку Дочку; Родили со Светиком сына и дочку в 2020 г.*). Рождение дочери для женщины оказывается предпочтительнее рождения сына (*Чтоб у нас родилась дочь! Оля и Игорь*) (2). Любопытно, но о рождении здоровых детей упоминается только дважды (*Здоровых деток; В 2020 я рожаю здорового ребенка*).

Оказалось возможным в ряде случаев вычленивать, для кого женщина собирается рожать детей. Она желает это сделать для себя (*Хочу родить в 2020 малыша! Дай Дед Мороз мне малыша!; Я хочу себе дом, мужа, сына*) (2), для себя и супруга (*Пусть в 2020 году мы с Ромой станем родителями нашей любимой дочурки Ульяшки!*) (3). Другие пожелания не заостряют внимания на этом моменте (9). И только в одном случае происходит подмена ценностей: рождение ребенка указывает на другую, более значимую для женщины ценность – продолжительный отдых, который она усматривает в декретном отпуске (*Хочу в новом году выйти замуж и уйти в декрет*).

Другие ценности упоминаются реже, поэтому они будут идти в общем списке. Значимо для женщины *жилье* (8). Речь идет о квартире (4), о доме (2), о квартире или доме (1), о *жилье (А я страстно желаю собственную благоустроенную приватизированную квартиру или дом!)* (1). Женщина хочет жилье себе (*Я хочу себе дом, мужа, сына*) (2) или мечтает о совместной квартире (*В 2020 году я живу в счастливом браке с любящим и любимым мужем в нашей квартире*) (1), в остальных пожеланиях местоимения не использованы (*Хочу жилье*). Как ценность заявляется место жительства, предположительно, это не тот город, где женщина живет сейчас (*Хочу жить в Сочи НГ 2022 в Сочи!!! Оля; Хочу жить во Владике*) (4).

Значимыми для адресантки оказываются *путешествия*, поездки в отпуск, в том числе с мужем или дочерью и матерью (8), говорится о необходимости закрыть ипотеку (т. е. ценностью является освобождение от финансовых обязательств) (2). Вообще финансовая независимость, стабильность, благосостояние как ценность проявляются не только в возможности купить жилье, закрыть ипотеку, оплатить дорогие поездки, потребности выйти замуж за состоятельного мужчину. Порой женщина открыто заявляет ценностью деньги, получение которых связано с работой (3). Финансовая независимость может не конкретизироваться (*высокая з/п; Мне – суперскую, денежную творческую работу!*) (2) или же женщина озвучивает весь необходимый ей перечень (1). Из текста очевидно, на каком месте для нее стоит благосостояние, а на каком – любовь: *Мне успешного бизнеса, 15 клиентов каждый месяц. Доход 1 млн руб в месяц, путешествия (2 страны посетить). Построить дом. Купить новую машину. Доход в месяц 1 000 000 руб. Счастья в личной жизни, любви. Потенциальный источник дохода может не озвучиваться (Здоровья, мужа, благополучия, денег; Денег, здоровья, счастья, не ругаться с мамой)* (2) или же конкретно называться (*Желаю в новом году мужа богатова, денег, счастья*) (1).

Ценностью заявляется и карьера, куда могут быть отнесены сдача экзаменов (6), получение золотой медали (1), поступление в вуз (1), работа (3), карьерный рост (1). «Обращает на себя внимание тот факт, что в сознании современной молодежи, прежде всего самих женщин, на первый план выходят образованность <...>, целеустремленность, ум, профессионализм современной женщины» [13, с. 102]. Проанализированный в статье материал, скорее, не подтверждает это высказывание.

Адресантка считает ценностью собственную внешность (хочет обрести красоту, стать желанной, иметь красивую одежду) или душевные, ментальные качества (стать добрее, изменить мышление). Для нее являются ценными взаимоотношения с другими людьми (родными, детьми, дочерью, отцом, одноклассниками).

М. Д. Леонтьева и А. П. Макарова отмечают: «...женщины <...> считают, что в жизни необходимы материальные ценности и не любят изменчивую жизнь, которая наполнена новизной» [14, с. 25]. Обширен список материальных ценностей, привлекающих адресантку. В них очевидно деление на детские и взрослые, причем детские преобладают. Среди них – куклы (LOL (2), феечка (1), пупси слайм с домиком (1)). Кроме кукол, девочки заказывают книжку (1), большой набор маркеров (1). Ценными считаются гаджеты: новые смартфоны и телефоны (Я хочу Большой набор маркеров chamellion ♥ и iphon (подпись)) (3), фотоаппарат (Хочу фотоаппарат, настоящий. Ксю 4 года) (1), планшет (1), 3D ручка (1). Девочкам оказываются интересны игрушки, предназначенные мальчикам: конструктор LEGO (1), машинка на пульте (1). Девочки мечтают и о домашних животных. Причем если порода собаки оговаривается (Я хочу Померанского шпица!!! Э. А.) (1), то кошка ценна в принципе (Хочу кошечку, которую нужно кормить Арина) (1).

Материальные ценности как подарки для ценностного мира взрослой женщины не характерны. Женщина мечтает о собственном жилье, машине, но пытается на них заработать сама или совместно с мужем, если речь идет о способах их получения. Упоминания о них как о подарке были встречены только в одном пожелании, который был условно отнесен к пожеланиям взрослой женщины, хотя возраст адресантки может начинаться с юного (адресантка заявляла о своем желании получить в подарок драгоценное украшение).

Комплекс ценностей современниц в представлениях других людей как женщин, так и мужчин был вычленен в текстах второй и третьей групп (89 пожеланий). Пожелания были адресованы матери (19 единиц), дочери (13), любимой (3), внучке (3), бабушке (2), жене (2), сестре (1). Сюда же были добавлены пожелания, предназначенные представительницам женского пола с упоминанием имени, чей статус относительно адресанта неясен (12), а также *всем, тебе, родным, близким, семье*, поскольку эти категории включают и лиц женского пола (58).

Было вычленено несколько групп пожеланий. Самой популярной ценностью стало *здоровье* (40). Показательно, что здоровье в пожеланиях, преимущественно, не имеет характеристик (*Боже! Дай здоровья моей дочке Соне. Маша В.*) (36), только один раз пожелали крепкого здоровья (*В Новом году хочу всем крепкого здоровья*). Выявлены и пожелания, связанные с отсутствием болезни (*Хочу, чтобы мама не болела*) (3). Пожелание здоровья чаще других пожеланий имеет конкретного адресата, является ценностью для конкретного члена семьи: для мамы (13), дочери (4), бабушки (2), жены (1), сестры (1).

Второй по значимости ценностью оказалось счастье (14), в том числе матери (1) и дочери (1) (*Хочу чтобы <...> мама была здорова и счастлива; Доченьке здоровья, люб-*

ви, счастья!). Счастье не имеет характеристик, значимым является лишь его наличие. Но в двух пожеланиях была выявлена характеристика, которую можно обозначить как охват счастья: оно предназначено всем без исключения (счастья желают *во всем мире; счастья всей моей семье*).

Любви и замужества пожелали одинаковое количество раз (по 8), при этом замужество имеет чаще конкретного адресата, чем любовь. Создание семьи желают дочери (3) и внучке (1) (*Хочу чтобы моя внучка вышла замуж и нашла достойную работу*). Любовь конкретному адресату – дочери – желают только один раз.

Меньшей значимостью обладает исполнение желаний, которое является воплощением воли, ценности воли самой женщины (четыре единицы, в том числе одно из желаний адресовано бабушке). Продолжительность жизни и рождение детей были упомянуты по три раза, причем первое пожелание дважды имеет конкретного адресата – мать, а второе – трижды (все позиции адресованы конкретному адресату: дочери, жене, внучке, т. е. продолжение рода является внутрисемейной ценностью).

Ряд пожеланий упоминался дважды. *Радость* не имеет конкретно названного адресата, а прочие имеют (*достойную работу* желают внучке и дочери, *отца* – названным по именам девочкам без определения их семейного статуса по отношению к адресанту, *поступление в вуз* – дочери и названной по имени женщине, *путешествие* – матери и названной по имени женщине).

15 пожеланий использовались по одному разу. При этом для дочери ценным считается поступление в школу; для матери – наличие собственного жилья и брака; для любимой – способность улыбаться, не обижаться (*Желаю нам с любимой чтоб все было хорошо*); для названной по имени женщины – покупка машины (*Купить Даше машину!!! Спасибо*). Для семьи, родных и близких и всех ценностью является совместное существование, взаимопонимание, способность веселиться, спокойный год, мир, добро, способность не влюбляться в недостойного, найти вторую половинку (*Хочу пожелать в 2020 году <...> одиноким найти вторые половинки*).

Итак, новогодние пожелания, обладающие достаточной степенью достоверности, оказались значимыми для выявления комплекса ценностей современниц. Поскольку в 63 % пожеланий адресат является и адресантом, то между ними есть значительные совпадения. Различия заключаются в следующем: об адресате чаще, чем об адресанте, становится известно, что она не замужем или замужем, бездетна или не имеет достаточного количества детей. Чаще упоминается о родных и близких адресата в целом и членах семьи (родителях, детях, сиблингах), т. е. об адресате в пожеланиях содержится больше данных, чем об адресанте, что связано со спецификой материала.

Проведенный анализ позволил выявить ценности современниц как изнутри (т. е. те, о которых заявляют сами женщины), так и извне (т. е. приписываемые им другими людьми). Комплекс ценностей самой современницы и комплекс ее ценностей в восприятии других в общем схожи, но отличаются предпочтительностью компонентов и характеристиками. Если в первом случае они более содер-

жательны, порой снабжены подробностями, то во втором случае тяготеют, скорее, к констатации ценности. То есть если в первом случае значимым оказывается не только наличие, но и соответствие желаемым параметрам, то во втором – превалирует некое обобщенное представление.

Исследованный материал указывает на то, что ценности современной русскоязычной женщины – этап эволюции традиционных российских ценностей, одной из которых является «крепкая семья» [2]. В целом очевидно стремление современной женщины к созданию семьи (чему предшествует поиск любимого и/или достойного мужчины), продолжению рода, сохранению добрых отношений с родными.

Остановимся в выводах на семи самых популярных ценностях. Если для самой женщины это замужество, счастье, любовь, здоровье, ребенок, мужчина, гармоничные отношения в паре, то для женщины в восприятии других – здоровье, счастье, любовь, замужество, исполнение ее желаний, продолжительность жизни, рождение детей. То есть для самой женщины значимыми являются компоненты, относящиеся к группам личностного благополучия, семьи, межличностных отношений, а в приписываемых ей ценностях – личностного благополучия, межличностных отношений, семьи и ценности переживания.

Если рассматривать семейные ценности, включающие в себя три компонента: ценности супружества, родительства и родства, то наиболее важным для самой женщины и в восприятии других оказывается супружество, ему существенно уступает материнство, родство же занимает третье место. То есть для современницы наиболее приоритетной является потребность быть женой (т. е. создать собственную семью, речь идет о планировании семьи), чем матерью или родственницей, а быть матерью немалого значимее, чем иметь любимого (т. е. незарегистрированные отношения). При этом для самой женщины материнство оказалось более ценным, чем в восприятии другими людьми.

В восприятии же других людей самым приоритетным для женщины является ее физическое и душевное благополучие, что вновь приводит к семье как значимой структуре, но на сей раз к семье, уже существующей, наделенной многочисленными родственными связями, к семье, где женщина выполняет конкретную функцию.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Лебедева, Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования / Н. Б. Лебедева // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. – 2001. – № 1–2. – С. 4–10.
2. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (от 09.11.2022 г. № 809). – URL : // <https://www.garant.ru> (дата обращения: 10.04.2024).

3. Сухина, И. Г. Ценность как универсальный антропологический феномен: основы философского анализа / И. Г. Сухина // Российский гуманитарный журнал. – 2015. – Т. 4, № 5. – С. 368–380. DOI: 10.15643/libartrus-2015.5.5
4. Белановская, О. В. Жизненные планы и жизненные ценности у женщин возраста ранней и средней зрелости / О. В. Белановская // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2017. – № 10–3 (30). – С. 108–113.
5. Волченков, В. С. Ценности мужчин и женщин с разным уровнем и типом личностной зрелости в ранней зрелости / В. С. Волченков // Горизонты зрелости: сб. тез-ов уч-ков Пятой Всерос. науч.-практ. конф. по психологии развития / под ред.: Л. Ф. Обуховой, И. В. Шаповаленко, М. А. Одинцовой. – Москва : МГППУ, 2015. – С. 10–13.
6. Арутюнян, М. Н. Женщина как хранительница традиционных духовно-нравственных ценностей семьи / М. Н. Арутюнян, А. А. Лобков // Актуальные проблемы экономики, социологии и права. – 2016. – № 4. – С. 12–13.
7. Грицкевич, Н. К. Психологическая характеристика системы ценностей женщины-матери / Н. К. Грицкевич, А. А. Долгих, Н. Я. Большунова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3 (156). – С. 14–18.
8. Исаева, О. В. Анализ приоритетов личностных ценностей мужчин и женщин в современном обществе / О. В. Исаева // Живая психология. – 2018. – Т. 5, № 2 (18). – С. 107–122. DOI: 10.18334/р.5.2.39220
9. Киселева, М. С. Связь женских образов послепасхальных песен Приморского края с архаическими представлениями о весне / М. С. Киселева, А. А. Зборовская // Диалог культур Тихоокеанской России и сопредельных стран: межэтнические, межгрупповые, межличностные коммуникации: сб. материалов III Национ. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. Т. В. Краюшкина. – Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2020. – С. 40–46.
10. Мехтиева, М. Б. Семейные ценности молодых женщин / М. Б. Мехтиева, О. В. Пашкун // Сборник материалов международных научно-практических конференций / под ред. Я. А. Коротких. – Москва : Центр научного развития «Большая книга», 2019. – С. 13–15.
11. Кошемлюк, И. А. Семейные ценности женщин разных возрастных групп / И. А. Кошемлюк // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2016. – № 44. – С. 13–15.
12. Плешакова, Е. В. Структурность в семейных ценностях женщины и смысловой выбор супруга на этапе создания семьи / Е. В. Плешакова // Наукосфера. – 2020. – № 12–2. – С. 84–87.
13. Голубева, И. В. Концепт «женщина» в системе ценностей современного общества / И. В. Голубева // Система ценностей современного общества. – 2008. – № 4. – С. 100–104.
14. Леонтьева, М. Д. Система ценностей современной женщины / М. Д. Леонтьева, А. П. Макарова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. – 2018. – № 1 (09). – С. 22–27.

References

1. Lebedeva, N. B. Estestvennaya pis'mennaya russkaya rech' kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Natural written Russian speech as an object of linguistic research] / N. B. Lebedeva // Vestnik Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bull. of Barnaul State Pedagog. Univ.]. – 2001. – № 1–2. – P. 4–10.
2. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej» [Decree of the President of the Russian Federation “On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values”] (dated 09.11.2022 No. 809) // <https://www.garant.ru> (accessed: 10.04.2024).
3. Sukhina, I. G. Cennost' kak universal'nyj antropologicheskij fenomen: osnovy filosofskogo analiza [Value as a universal anthropological phenomenon: foundations of philosophical analysis] / I. G. Sukhina // Rossijskij gumanitarnyj zhurnal, [Russian Humanitarian J.]. – 2015. – Vol. 4. – № 5, – P. 368–380.
4. Belanovskaya, O. V. Zhiznennye plany i zhiznennye cennosti u zhenshchin vozrasta rannej i srednej vzroslosti [Life plans and life values in women of early and middle adulthood] / O. V. Belanovskaya // Aktual'nye nauchnye issledovaniia v sovremennom mire [Current scientific research in the modern world]. – 2017. – № 10–3 (30). – P. 108–113.
5. Volchenkov, V. S. Cennosti muzhchin i zhenshchin s raznym urovnem i tipom lichnostnoj zrelosti v rannej vzroslosti [Values of men and women with different levels and types of personal maturity in early adulthood] / V. S. Volchenkov // Gorizonty zrelosti [Horizons of maturity]: collection of abstracts of the 5-th All-Russian Sci. Pract. Conf. on developmental psychology / Eds. L. F. Obukhova, I. V. Shapovalenko, M. A. Odintsova. – Moscow: Moscow State Pedagog. Univ., 2015. – P. 10–13.
6. Arutyunyan, M. N. Zhenshchina kak hranitel'nica tradicionnyh duhovno-nravstvennyh cennostej sem'i [A woman as the keeper of the traditional spiritual and moral values of the family] / M. N. Arutyunyan, A. A. Lobkov // Aktual'nye problemy ekonomiki, sociologii i prava [Current problems of economics, sociology and law]. – 2016. – № 4. – P. 12–13.
7. Gritskevich, N. K. Psihologicheskaja harakteristika sistemy cennostej zhenshchiny-materi [Psychological characteristics of the value system of a mother woman] / N. K. Gritskevich, A. A. Dolgikh, N. Ya. Bolshunova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bull. of Tomsk State Pedagog. Univ.]. – 2015. – № 3 (156). – P. 14–18.
8. Isaeva, O. V. Analiz prioritetoj lichnostnyh cennostej muzhchin i zhenshchin v sovremennom obshchestve [Analysis of the priorities of the personal values of men and women in modern society] / O. V. Isaeva // Zhivaia psihologija [Live psychology]. – 2018. – Vol. 5. – № 2 (18). – P. 107–122.
9. Kiseleva, M. S. Svyaz' zhenskikh obrazov postepaskhal'nykh pesen Primorskogo kraja s arkhaiskimi predstavleniyami o vesne [The connection of female images of post-Easter songs of the Primorsky Territory with archaic ideas about spring] / M. S. Kiseleva, A. A. Zborovskaya // Dialog kul'tur Tikhookeanskoy Rossii i sopredel'nykh stran: mezhetnicheskie, mezhrupponyve, mezhlchnostnye kommunikatsii [Dialogue of cultures of Pacific Russia and neighboring countries: interethnic, intergroup, interpersonal communications]: collected materials of the III National Sci. Conf. with intern. participation / Ed. T.V. Krayushkina. – Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnology, Far-Eastern Branch, RAS, 2020. – P. 40–46.
10. Mekhtieva, M. B. Semejnye cennosti molodyh zhenshchin [Family values of young women] / M. B. Mekhtieva, O. V. Pashkun // Sbornik materialov mezhdunarodnyh nauchno-prakticheskikh konferencij [Collected materials of Intern. Sci. Pract. Conf.] / Ed. Ya. A. Korotkikh. – Moscow: Center for Scientific Development “Big Book”, 2019. – P. 13–15.
11. Koshemlyuk, I. A. Semejnye cennosti zhenshchin raznykh vozrastnykh grupp [Family values of women of different age groups] / I. A. Koshemlyuk // Sborniki konferencij NIC Sociosfera [Collections of conferences of the Scientific Research Center Sociosphere] – 2016. – № 44. – P. 13–15.
12. Pleshakova, E. V. Strukturnost' v semejnyh cennostyah zhenshchiny i smyslovoj vybor suprug na etape sozdaniya sem'i [Structurality in the family values of a woman and the semantic choice of a spouse at the stage of creating a family] // Naukosfera [Sciencesphere]. – 2020. – № 12–2. – P. 84–87.
13. Golubeva, I. V. Koncept «zhenshchina» v sisteme cennostej sovremenno obshchestva [The concept of “woman” in the value system of modern society] / I. V. Golubeva // Sistema cennostej sovremenno obshchestva [The value system of modern society]. – 2008. – № 4. – P. 100–104.
14. Leontyeva, M. D. Sistema cennostej sovremennoj zhenshchiny [The value system of a contemporary woman] / M. D. Leontyeva, A. P. Makarova // Vestnik Severo-vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Filosofiya [Bull. of M. K. Ammosov North-Eastern Federal Univ. Series: Pedagogy. Psychology. Philosophy]. – 2018. – № 1 (09). – P. 22–27.

Благодарность (госзадание):

Автор выражает благодарность Управлению физической культуры и спорта администрации г. Владивостока за предоставленные карточки новогоднего дерева желаний.

Acknowledgements (state task):

The author expresses gratitude to the Department of Physical Culture and Sports of the Vladivostok Administration for providing the cards for the New Year Tree of Wishes.

Информация об авторе:

Краюшкина Татьяна Владимировна – доктор филологических наук, профессор ДВО РАН, главный научный сотрудник, заведующая центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (690001, Российская Федерация, г. Владивосток, ул. Пушкинская, д. 89; e-mail: krayushkina@ihaefe.ru).

Author:

Tatyana V. Krayushkina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Chief Researcher, Head of the Center for Cultural History and Intercultural Communications of the Institute of History, Archeology and Ethnology, Far Eastern Branch, RAS (89, Pushkinskaya st., Vladivostok 690001, Russian Federation; krayushkina@ihaefe.ru).

Для цитирования:

Краюшкина, Т. В. Ценности современной русскоязычной женщины (по материалам Владивостокского новогоднего дерева желаний) / Т. В. Краюшкина // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 6 (72). – С. 110–117.

For citation:

Krayushkina, T. V. Values of a contemporary Russian-speaking woman (based on the materials of the Vladivostok New Year Tree of Wishes) / T. V. Krayushkina // Proc of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». 2024. – No. 6 (72). – P. 110–117.

Дата поступления статьи: 26.07.2024

Прошла рецензирование: 24.09.2024

Принято решение о публикации: 27.09.2024

Received: 26.07.2024

Reviewed: 24.09.2024

Accepted: 27.09.2024

Финская литература в переводах В. И. Лыткина

Н. А. Ракин

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
nikrakin@yahoo.com

Аннотация

Статья посвящена анализу переводческой деятельности известного коми ученого и поэта В. И. Лыткина, направленной на публикацию на коми языке произведений финской литературы. Материалами исследования являются выполненные В. И. Лыткиным переводы 41-й руны «Калевалы» и поэзии Ю. Х. Эркко, а также исходные оригиналы на финском языке. Путем сопоставления текстов на двух языках установлен уровень соответствия переводов подлинникам, выявлены расхождения и их причины.

Ключевые слова:

В. И. Лыткин, коми переводы, финская поэзия, «Калевала», Ю. Х. Эркко

Введение

Василий Ильич Лыткин (Илля Вась, 1895–1981) – один из основоположников коми науки (доктор филологических наук, специалист в области коми и финно-угорского языкознания) и коми литературы (поэт, переводчик, автор произведений для детей) [1]. В. И. Лыткин первым в коми литературе обратился к переложению с финно-угорских языков – на коми он публиковал поэзию Ашальчи Оки, Шандора Петёфи и других удмуртских и венгерских авторов [2; 3]. В поле зрения исследователя и поэта была и финская литература [4].

Коми переводная литература имеет длительную историю, однако художественный перевод на коми язык остается малоизученной областью, в особенности это относится к переводам между коми и другими родственными финно-угорскими языками, включая и коми-финское направление. Ранее вопросы коми-финских литературных связей и переводов затрагивали в статьях на русском и коми языках литературоведы и лингвисты А. И. Туркин, В. Н. Дёмин, В. А. Латышева, Е. В. Остапова, О. В. Ведерникова, Е. В. Ельцова [5–11]. Имеется ряд исследований переводческой деятельности В. И. Лыткина, но они – за исключением статьи финской исследовательницы П. Кокконен [12], некоторых замечаний венгерского литературоведа П. Домокоша и др. [13] – не затрагивают его переложений из финской литературы [14–19].

Finnish literature in translations by V. I. Lytkin

N. A. Rakin

Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktvykar
nikrakin@yahoo.com

Abstract

The paper deals with the analysis of the translation activity of the famous Komi scientist and poet V. I. Lytkin, aimed at publishing works of Finnish literature in the Komi language. The research materials are V. I. Lytkin's translations of the XLI Rune of "Kalevala" and the poetry of Juhana Heikki Erkko, as well as originals of translated works in Finnish. By comparing texts in two languages, the level of compliance of translations with the originals is established, discrepancies and their causes are identified.

Keywords:

V. I. Lytkin, Komi translations, Finnish poetry, "Kalevala", J. H. Erkko

Таким образом, несмотря на наличие определенного количества публикаций по данной тематике коми-финская переводческая деятельность в сфере художественной литературы, включая творчество В. И. Лыткина, по-прежнему остается слабоизученной областью.

Материалы и методы

Материалами исследования являются выполненные В. И. Лыткиным переводы 41-й руны «Калевалы» и поэзии Ю. Х. Эркко, а также исходные оригиналы на финском языке.

В работе автор применяет качественные методы исследования: сравнительно-сопоставительным путем анализирует адекватность текстов на целевом языке (коми) текстам на исходном языке (финском).

Подстрочный русский перевод цитат с финского («Калевала», стихи Ю. Х. Эркко) и коми языков (переводы В. И. Лыткина) автора статьи (Н. А. Ракина).

Цифры в скобках после цитат из текста «Калевалы» на финском языке (оригинала) [20] и текста на русском языке в переводе Л. П. Бельского [21] указывают на порядковый номер строк в 41-й руне.

«Калевала» – карело-финский поэтический эпос, национальный эпос Финляндии, составленный Э. Лённротом (1802–1884) на основе собранных на территории совре-

менной Республики Карелия фольклорных текстов (издан в 1835 и 1849 гг. – так называемая старая и новая «Калевала»). Состоит из 50 рун (песен), в которых затрагиваются такие темы, как сотворение земли и неба, описываются похождения и подвиги мифических героев и т. п. (единого сюжета у эпоса нет). «Калевала» – самое переводимое финское произведение, существует более 200 версий на 60 языках, в том числе на коми [22, с. 20–35].

Юхана Хейкки Эркко (Juhanan Heikki Erkko, 1849–1906) – поэт, драматург. Многие его лирические стихи стали песнями. В патриотических произведениях поэт воспевал национальное единство и национально-освободительную борьбу финского народа. Ю. Х. Эркко также известен своими афоризмами. В драматургии на основе Библии и «Калевалы» он поднимал актуальные социальные вопросы [23].

Результаты и их обсуждение

«Калевала»

В 1923 г. в сборнике для школьного чтения «Виль туй-ёд» («Новым путем») в переводе В. И. Лыткина был опубликован отрывок из 41-й руны «Калевалы»: «Вейнемейнелон кантелеон ворсём» («Игра Вьянямейнена на кантеле») [24, с. 192–193]. Позже, в 1929 г., этот же перевод В. И. Лыткин поместил в свой сборник стихов «Кывбурьяс» («Стихи») [25, с. 215–218]. Данный перевод является первой публикацией финской литературы на коми языке и, судя по всему, первым переводом из «Калевалы» на финно-угорские языки России. Перевод был выполнен в 1922 г., до того, как В. И. Лыткин начал осваивать финский язык во время своей стажировки в Финляндии в 1926 г. Таким образом, можно предположить, что переложение осуществлено не напрямую с оригинала, а с русского издания финского эпоса. Скорее всего, в основу коми перевода был положен текст Л. П. Бельского 1888 г. [26, с. 64–65].

41-я руна «Калевалы» повествует о том, как главный персонаж эпоса Вьянямейнен играет на кантеле. Все обитатели леса, моря и воздуха – как реально существующие, так и мифологические – собираются, чтобы послушать его. Всем нравится игра Вьянямейнена, все плачут от радости и удовольствия. Слезы появляются и у самого исполнителя, они попадают в море и превращаются там в жемчужины. Утка собирает их и приносит обратно старцу-заклинателю.

Опущения

Коми текст В. И. Лыткина в несколько раз короче оригинала – 91 строка вместо 266. Переводчик, с точки зрения содержания, точно передает эпизоды, в которых говорится о зверях, птицах, рыбах, прибывших послушать игру Вьянямейнена на кантеле.

У В. И. Лыткина:

Ворсны кутіс Вейнемейнен, / Эз коль зъверыс паськыд вѳрас: / Став нѳль кока олысь пытшъыс / Быдѳн кывзыштнысѳ локтіс, / Шензигтырйи нимкодъасыны. / Гажа уръяс гыжъясигтыр / Пуысь пуй чеччалісны. / Матыстчисны сьѳдбѳж чукѳр, / Пуксялісны потшѳс пѳлѳн. / Йѳра чеччаліс эрд вылын, / Весиг рысьлы нимкодъ вѳлі. / Садъмис

кѳйн нуръяс вылын. / Тшѳкыд коз пу лапъяс пытшкын, / Лыа вылын, пожѳм пѳвстын / Чеччис-сүвтис ачыс ошкыс.

'Играть стал Вейнемейнен, / Не осталось зверей в широком лесе: / Из всех четвероногих / все послушать пришли, / Удивляясь радоваться. / Веселые белки царапаясь / С дерева на дерево прыгали. / Приблизилась стая горностаев, / Присели вдоль изгороди. / Лось скакал на поляне, / Даже рыси было радостно. / Проснулся волк на болотах. / В густых еловых ветвях, / На песке, среди сосен, / Встал сам медведь.

В оригинале «Калевалы»:

Soitti vanha Väinämöinen. / Ei ollut sitä metsässä / jalan neljän juoksevata, / koivin koikkelehtavata, / ku ei tullut kuulemahan, / iloa imehtimähän. / Oravat ojentelihe / lehväselältä lehväselälle; / tuohon kärpät kääntelihe, / aioillen asettelihe. / Hirvet hyppi kankahilla, / ilvekset piti iloa. / Heräsi susiki suolta, / nousi karhu kankahalta (31–44).

'Играл старый Вьянямейнен. / Не было такого в лесу / на четырёх ногах бегающего, / сильно запинаящегося, / кто не пришел послушать, / радости подивится. / Белки прыгают-растягиваются / с ветки на ветку; / горностаи прибежали, / на ограде разместились. / Лоси по борам скакали, / рыси радовались. / Проснулся волк на болоте, / поднялся медведь в бору'.

Или же эпизод с перечислением рыб. У В. И. Лыткина:

Ваын, юын эз коль некод, / Кодлѳн тювкъасыны эм бордныс. / Эз коль сэтчѳ чери чукѳр. / Ставыс лоткіс ворсысь дінѳ / Шензигтырйи нимкодъасыны. / Сүвтис ылѳджык сир чукѳр. / Сьѳмга рифъяс дорысь локтіс, / Джуджыд инъясысь сиг воис, / Уйис гѳрд синдора ѳкыш, / Корушкаяс локталісны, / Камыш бердѳ сүвталісны, / Косѳ петалісны найѳ, / Сьылѳм сьылысьлысь кывзыны, / Ворсѳм вылас нимкодъасыны.

'В воде, в реке не осталось никого, / у кого плескаться есть плавник, / Не осталось там рыбной стаи. / Все пришли к играющему / Удивляясь радоваться. / Остановилась подалеже стая щук. / Сѳмга прибыла из рифов, / Из глубоких мест прибыл сиг, / Приплыл окунь с красными веками, / Корюшки прибыли, / В камыше остановились, / На сушу вышли они, / Песню певца послушать, / На игру порадоваться'.

В оригинале «Калевалы»:

Ei sitä oloista ollut, / ei ollut ve'essäkänä / evän kuuen kulkevata, / kalaparvea parasta, / ku ei tullut kuulemahan, / iloa imehtimähän. / Uipi hauit hangotellen, / ve'en koirat vengotellen, / lohet lu'oilta samosi, / siikaset syväntehiltä. / Säret pienet, ahvenetki, / mujehetki, muut kalatki / rinnoin ruokohon ajaikse, / rantahan rakenteleikse / virttä Väinön kuulemahan, / soittoa tajuamahan (117–132).

'Не было таких созданий, / не было и в воде / шестью плавниками передвигающихся, / стаи рыбной лучшей, / кто бы не приплыл послушать, / радости подивится. / Приплыли щуки изгибаясь, / водяные собаки скручиваясь, / лососи прибыли из омута, / сѳги из глубин. / Сестры маленькие, окуни, / ряпушка, другая рыба / грудью в камыш направились, / на берег устроились, / мелодию Вьянямейнена послушать, / игру уловить'.

Точно передан и отрывок, перечисляющий разнообразных птиц, прилетевших на звуки кантеле (77–94).

Однако полностью опускаются места, рассказывающие о мифических существах, которые также прибыли послушать игру старца. В перевод не вошли эпизоды о повелителе леса Тапио и хозяйке леса (57–70), о девах-духах природы и воздуха, о Деве-Солнце и Деве-Месяце (95–105), о повелителе волн Ахто и хозяйке вод (132–142, 155–164). Такие как:

Tapiolan tarkka ukko, / itse Metsolan isäntä, / ja kaikki Tapiolan kansa, / sekä piiat jotta poiät, / kulki vuoren kukkulle / soittoa tajuamahan. / Itseki metsän emäntä, / Tapiolan tarkka vaimo, / sinisukkahan siroikse, / punapaulahan paneikse; / loihe koivun konkelolle, / lepän lengolle levahti / kanteloista kuulemahan, / soittoa tajuamahan.

Тапиолы мудрый старец, / сам Метсолы хозяин, / и весь народ Тапиолы / и девицы, и парни, / пришли на вершину холма / игру послушать. / Сама хозяйка леса, / Тапиолы мудрая жена, / в синие чулки нарядилась, / красные шнурки повязала; / на упавшую березу устроилась, / на изгиб ольхи прилегла / кантеле послушать, / игру уловить'.

Itse ilman luonnottaret, / ilman impyet ihanat, / iloa imehtelivät, / kanteloista kuuntelivat / [...] / Tuo Kuutar, korea impi, / neiti Päivätär pätevä...

'Сами воздуха девы, / воздуха девицы прелестные, / веселью дивятся, / кантеле слушают / [...] / Это Дева-Месяц, прекрасная девица, / Дева-Солнце искусная...

Ahto, aaltojen kuningas, / ve'en ukko ruohoparta, / ve'en kalvolle veäikse, / luikahaikse lumpehelle; / siinä kuunteli iloa.

Ахто, волн повелитель, / старец вод с травяной бордой, / на поверхность вод вышел, / на кувшинку взгромоздился / слушает оттуда веселье.

Itseki ve'en emäntä, / ve'en eukko ruokorinta, / jopa nousevi merestä / ja lapaikse lainehesta; / ruokorintahan rivahti, / väännäikse vesikarille / tuota ääntä kuulemahan, / soitantoa Väinämöisen.

'Сама воды хозяйка, / вод тростниковогрудая старуха, / поднялась из моря, / выбралась из волн, / шмыгнула в тростник, / этот звук послушать, / игру Вайнямёйна'.

Отсутствует в переводе и заключительная часть руны, в которой рассказывается о поиске уткой слез Вайнямёйна в море (185–266):

Itsensäki Väinämöisen / kyynel vierii kyykähteli. / Tippui tilkat silmistänsä, / vierivät vesipisarat / [...] / Vierivät vesipisarat / luota vanhan Väinämöisen / rannalle meren sinisen, / rannalta meren sinisen / alle selvien vesien, / päälle mustien murien / [...] / Sanoi vanha Väinämöinen: / "Use'in, sininen sotka, / suullasi suketteleihat, / ve'essä vilotteleihat: / käypä, poimi kyyneleni / alta selvien vesien!" / [...] / Kävi sotka poimimahan / Väinämöisen kyyneleitä / alta selvien vesien, / päältä mustien murien. / Poimi kyynleet merestä, / kanto Väinölle kätehen: / jo oli muiksi muuttunehet, / kasvanehet kaunoisiksi, / helmiksi heristynehet, / simpukoiksi siintynehet, / kuningasten kunnioiksi, / valtojen iki-iloiksi.

'У самого Вайнямёйна / слеза потекла. / Капают капли из его глаз, / текут капли воды / [...] / Текут капли воды / от старого Вайнямёйна / на берег моря синего, / с берега моря синего, / под светлые воды, / на чёрное дно / [...] / Сказал старый Вайнямёинен: / «Часто, синяя утка, / ты с головой ныряешь / в воде скользишь: / сходи, собери мои слёзы / из-под светлых вод!» / [...] / Отправилась утка собирать / Вайнямёйна слёзы / из-под светлых вод, / с черного ила. / Собрала слёзы в море, / принесла в руки Вайнё: / превратилась уже они в другие, / в прекрасные выросли, / в бисер преобразились, / в жемчуг обернулись, / королям для славы, / властителям на вечную радость'.

У В. И. Лыткина руна заканчивается следующим образом:

Bördö ачыс Вейнемейнен. / Ёна петö сылön синва. / Синсыыс гöгыльтчöны войтьяс, / Жемчуг кодьöсь гылалöны.

'Плачет сам Вайнямёинен. / Сильно идут у него слёзы. / Из глаз катятся капли, / Похожие на жемчуг падают'.

Поэтические средства

Как известно, основными особенностями поэтической формы «Калевалы» являются параллелизм и аллитерация.

Суть параллелизма (ф. *kerto, parallelism*) заключается в том, что содержащаяся в какой-либо строке мысль в видоизмененном виде повторяется в следующей строчке. При параллелизме каждому понятию из главной строки в последующих соответствуют либо синонимичные, либо аналогичные, либо противоположные понятия. При этом в последующих строках не может быть таких элементов, которые отсутствовали бы в главном элементе параллелизма. Основная строка параллелизма обычно выражает мысль более сухо, более обще, а повторы добавляют оттенки, краски, проявляют характерные особенности того, о чем было сказано в заглавной строчке. Функция приема параллелизма, таким образом, заключается в том, что, останавливая внимание на какой-либо мысли, развивая, конкретизируя ее, он усиливает художественное воздействие сказанного [27, с. 141; 28; 29, с. 304; 30].

К аллитерации (ф. *alkusointu, allitteraatio*) относят созвучие согласных и гласных в начале слова. Аллитерация является одной из ведущих стилистических черт звуковой организации так называемого калевальского стихосложения.

Часто отмечается связь аллитерации и параллелизма. Оба эти явления являются особыми видами широкой категории повторов. Множественные повторы звуков, слов, строк, эпизодов и идей, к которым относятся и аллитерация с параллелизмом, являются одним из естественных компонентов рунических стихов. Через параллелизм развивается образ, и аллитерация играет свою роль в этом развитии. Она помогает исполнителю более ярко вести образ дальше [26].

Пример параллелизма из приведенного выше отрывка: *Itsensäki Väinämöisen / kyynel vierii kyykähteli. / Tippui tilkat silmistänsä, / vierivät vesipisarat.* Аллитерация: *kyynel – kyykähteli, tippui – tilkat, vierivät – vesipisarat.*

В переводе В. И. Лыткина параллелизм и аллитерация практически отсутствуют, если они время от времени и встречаются в коми тексте, то в случае с аллитерацией являются следствием случайного попадания друг к другу одинаково начинающихся слов (*Пуксялісны потшӧс пӧлӧн* 'Сели вдоль изгороди'), а в случае с параллелизмом (*Став тӧвйывса лэбалысьъяс, / Став кык бордья пӧткаясыс / Жбыракылӧ локталісны* 'Все по ветру летающие, / Все двукрылые пернатые, / Порхая прибыли'), возможно, из-за точного следования тексту, с которого делался перевод на коми язык. Во время работы над переводом В. И. Лыткину, скорее всего, было еще неизвестно об основных особенностях формы финского эпоса.

Русский перевод «Калевалы» Л. П. Бельского 1888 г.

Некоторые моменты в коми тексте указывают на то, что В. И. Лыткин использовал русский перевод Л. П. Бельского. Так, в процитированном выше отрывке о рыбах у В. И. Лыткина появляется *гӧрд синдора ёкыш* 'окунь с красными веками', чего нет в оригинале. Вместо ф. *tuje* 'ряпушка' используется русское заимствование *корюшка* 'корюшка'. Все это можно обнаружить и у Л. П. Бельского: *Собрались от рифов семги, / Из глубин сиги приплыли, / Выплыл окунь красноглазый, / Корюшки приплыли стаей...* (125–128). В эпизоде с птицами вместо овсянок – *Pieniäki peiposia, / lintuja livertäviä, / sirkkuja satalukuisin...* (87–89) 'И мелкие зяблики, / птицы щебечущие, / овсянки сотнями...' – появляются чижики: *Весиг дзува-люва кылысь, / Ичӧт зяблик кыськӧ лэбзис, / Отлан чижикъяскӧд локтіс ...* 'Даже щебечущий, / Маленький зяблик откуда-то прилетел, / Вместе с чижиками прибыл...'. Текст Л. П. Бельского: *Даже зяблики-малютки, / Что так весело щебечут, / Сотни чижиков слетелись...* (87–89).

Ю. Х. Эркко

«Laulu Vuoksella» («Песнь на Вуоксе») – «Тӧв ныр» («Буря»)

В 1924 г., еще до поездки на стажировку, В. И. Лыткин переводит произведение Ю. Х. Эркко «Laulu Vuoksella» («Песнь на Вуоксе») с русского языка, которому дает название «Тӧв ныр» («Буря»). Текст на коми языке был опубликован в журнале «Коми му – Зырянский Край» в 1925 г. [31], а затем также вошел в сборник стихов 1929 г. [25, с. 37–38]. Скорее всего, переложение на коми было осуществлено с русского перевода В. Брюсова, опубликованного в «Сборнике Финляндской литературы» [32, с. 187–188].

В оригинале, написанном в 1872–1878 гг. (и в переводе В. Брюсова), говорится о р. Вуокса, текущей из Финляндии в Россию, из озера Сайма в озеро Ладога, о водопаде Иматра на этой реке. Волны Вуоксы бьются о скалистые берега, однако скалы не могут их ни разбить, ни остановить. Ритм водопада передан ритмом стихотворения [23, с. 25]. Картина водопада напоминает Ю. Х. Эркко человеческие судьбы. В последней строфе автор оригинала говорит, что «проснувшийся» финский народ, наподобие могучих вод Вуоксы, справится со всеми невзгодами, «разрушит стены зла»:

Mahtavasti, / Voimakkaasti, / Saimaan aallot vyöryy Vuoksessa [...]

Niinp' on kansa Suomenmaan, / Herättyään, noustuaan, / Mahtavasti, / Voimakkaasti, / Ilkivaltain muurit murtava.

'Могущественно, / Сильно, / Саймы волны катятся в Вуоксе [...]

Так народ Финляндии, / Проснувшись, встав, / Могущественно, / Сильно, / Насилия стены разрушит.

При переводе В. И. Лыткин изменяет содержание оригинала (и русского перевода В. Брюсова) – заменяет воды бурно текущей Вуоксы на ветер, а скалистые берега – на коми тайгу. Сильный ветер гнет, ломает вековые деревья – таким образом пробивает себе путь через могучий непроходимый лес. Коми текст заканчивается призывом к коми народу, подобно ветру, прокладывая путь к новой, лучшей жизни:

Börpu шувгӧ, / Кылӧ увгӧм – / Ыджыд тӧв ныр муно шкувгӧмӧн [...]

Tӧв ныр мозыс сувт вай, ёрт! / Чеччы, мездмӧм коми морт! / Аддзан: увгысь / Тӧв ныр шувгӧ – / Письтіс вӧля вылӧ шкувгӧмӧн!

'Лес бушует, / Слышен шум – / Большая буря идет, гремя [...]

Как буря поднимись, товарищ! / Встань, освобожденный коми человек! / Видишь: шумящая / Буря бушует – / Пробилась на волю, гремя!

Концовка русского текста у В. Брюсова:

Встань, подобен вихрю вод, / Спящий, скованный народ! / Видишь: волны, / Гневом полны, / К воле вырвались, упорные! [32, с. 188].

Таким образом, в коми тексте полностью заменено содержание, хотя осталась структура, форма оригинала. Коми переложение ближе к переводу Брюсова, чем к оригиналу, с которым был не знаком переводчик.

Скорее всего, в русской антологии финской литературы это произведение привлекло В. И. Лыткина своим патриотическим, даже революционным характером, оптимистическим настроением на светлое будущее просыпающегося финского народа, сравнением его с бурно текущими водами порожистой реки. Однако финские реалии, такие как самое большое озеро страны Сайма, и вытекающая из него порожистая, бурная река Вуокса со своими скалистыми берегами и водопадом Иматра были еще не знакомы, чужды В. И. Лыткину. К тому же, в Коми почти нет быстрых бурных рек с порогами и водопадами. Все это, на наш взгляд, могло подтолкнуть переводчика на замену на более понятные коми читателю тайгу и ветер, при сохранении посыла, настроения, атмосферы оригинала.

Текст В. И. Лыткина – скорее, собственное произведение по мотивам стихотворения Ю. Х. Эркко, нежели перевод, даже очень вольный. Поэтому коми текст переводчик сопровождает подзаголовком «Финн поэт Эркко "Песня Вуоксы" серти» – 'По мотивам "Песни Вуоксы" финского поэта Эркко'.

Позже, во время своей стажировки в Финляндии в 1926 г. – как свидетельствуют фотоматериалы, хранящиеся в Национальном музее Республики Коми и Музее про-

свещения Коми края – В. И. Лыткин побывал на р. Вуокса у водопада Иматра [33; 34].

Также, будучи на учебе в Финляндии, в Хельсинки, в 1927 г., В. И. Лыткин напрямую с оригинала переводит еще несколько стихотворений Ю. Х. Эрко: «Missä kukka» («Где цветок») и «Nyt ja sitten» («Теперь и потом»). На коми – «Кöні дзоридз» («Где цветок») и «Öні да мöдысь» («Теперь и потом»).

«Nyt ja sitten» («Теперь и потом») – «Öні да мöдысь» («Теперь и потом»)

«Öні да мöдысь» было опубликовано в 1928 г. в журнале «Ордым» [35], а затем в поэтическом сборнике 1929 г. [25, с. 133]. Переводчик очень точно, дословно передает содержание оригинала. В стихотворении говорится о том, что дома люди могут рассчитывать на поддержку близких, но за его пределами надо надеяться только на себя. Несомненно, мысли и настроение этого стихотворения Ю. Х. Эрко были близки В. Лыткину, в 1926–1927 гг. находящемуся далеко от родины, в Финляндии и Венгрии, поэтому он и выбрал для перевода именно это произведение. В журнале «Ордым» была допущена опечатка в фамилии финского поэта (Эчкко вместо Эрко). Возможно, из-за этого начиная со сборника «Кывбурьяс» в более поздних публикациях стихотворение идет только с подзаголовком «Финн кыв вылысь» ‘С финского языка’ без указания автора произведения. Автора оригинала – Ю. Х. Эрко – подтвердила финская исследовательница П. Кокконен.

Ю. Х. Эрко:

Astele, armas pienoinen, / Äitisi ohjaa lastaan; / Et voi langeta, lintunen, / Äitisi ottaa vastaan. / Lankeatko, no, nostetaan, / Luonas on auttajoita. / Mutta, kun joudut maailmaan, / Turhaan huutelet noita: / Siellä ne töykkii toisiaan, / Harva on valmis nostamaan.

‘Ступай, милый малыш, / Твоя мать направит своего ребенка; / Ты не можешь упасть, птичка, / Твоя мать поймает. / Если упадешь, ну, поднимут, / Рядом помощники. / Но, когда попадешь в мир, / Напрасно будешь взывать к ним: / Там они толкают друг друга, / Редкий готов поднять.

В. И. Лыткин:

Ветлöдлы, сьöлöмшöр кагиньöй, / Дждожд кузя тані. / Он вермы усьны тэ – уськöдчас / Мамыд тэд паныд. / Усьлан кöть, тэрыба лэптасны, / Гöгöрыд видзысь. / Быдман да йöз костö петан кор, / Оз нин ло сідзи: / Быдöн сэн той-ыштöм вöзйö – / Лэптыныс некод оз кöсьы.

‘Ходи, дорогой ребеночек, / По полу тут. / Не сможешь ты упасть – / бросится твоя мать тебе навстречу. / Если и упадешь, быстро поднимут, / Вокруг тебя няньки. / Когда вырастешь и в люди выйдешь, / Не будет уже так: / Все там толкаются – / Поднять никто не хочет.

«Missä kukka» («Где цветок») – «Кöні дзоридз» («Где цветок»)

«Кöні дзоридз» в сборнике 1929 г. «Кывбурьяс» [25, с. 185] и затем в различных изданиях публиковалось как собственное стихотворение В. И. Лыткина, без указания, что это перевод с финского. Однако П. Кокконен удалось

выяснить, что это также стихотворение Ю. Х. Эрко под названием «Missä kukka», написанное в 1867–1870 гг. Стихотворение в афористическом стиле В. И. Лыткин переводит дословно, изменив лишь последнюю строчку:

Köni дзоридз, / Сэні гожöм. / Köni кодзув, / Сэні енэж. / Köni муслун – / Шуд оз куслы.

‘Где цветок, / Там лето. / Где звезда, / Там небо. / Где любовь – / Счастье не погаснет.

Оригинал:

Missä kukka, / siellä kesä, / missä tähti, / siellä taivas, / missä lempi, / siellä autuus.

‘Где цветок, / там лето, / где звезда, / там небо, / где любовь, / там блаженство’.

Заключение

В. И. Лыткин первым из коми обратился к финно-угорским литературам, в том числе к финской. Владея финским языком, имея возможность работать с оригиналами, им, однако, было опубликовано на коми всего несколько переводов.

Для переложения В. И. Лыткин выбирает одну из самых известных рун «Калевалы» – 41-ю. При этом из ее содержания он опускает все мифологические элементы, возможно, посчитав их трудными для перевода, либо же из идеологических соображений.

Помимо этого, поэт обращается к поэзии Ю. Х. Эрко. Почему для перевода В. И. Лыткин выбирает произведения именно этого автора, а не более известные произведения более знаменитых финских авторов? «Песнь на Вуоксе», как уже говорилось выше, могла привлечь внимание переводчика своим патриотическим, революционным настроением и образностью, связанной с северной, суровой природой. Тема борьбы проснувшегося народа за свое лучшее, светлое будущее была одной из основных в литературах России после революции 1917 г., в том числе и в делающей свои первые шаги коми литературе. Два других стихотворения своей лаконичностью, несложностью в языковом плане не были тяжелы для понимания и переложения на родной язык для начинающего осваивать финский язык коми поэта.

Тематика выбранных для переложения произведений (как отрывка из «Калевалы», так и стихов Ю. Х. Эрко) была близка творчеству В. И. Лыткина как поэта и коми литературе тех лет в целом.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

1. Исследователи коми языка. Библиографический указатель / под ред. Е. А. Цыпанова. – Сыктывкар: Анбур, 2017. – 351 с.
2. Ракин, Н. А. Венгерская литература на коми языке / Н. А. Ракин // Финно-угорский мир. – 2016. – № 4. – С. 53–56.
3. Ракин, Н. А. Коми-удмуртские взаимные переводы / Н. А. Ракин // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые

- вызовы: сборник статей по материалам VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов (Ижевск, 4–7 июня 2019 г.). – Ижевск : Изд-во Анны Зелениной, 2019. – С. 269–272.
4. Ракин, Н. А. Финская литература на коми языке / Н. А. Ракин // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2021. – № 4. – С. 88–93.
 5. Ведерникова, О. В. «Калевала» и «Биармия»: сопоставительный аспект / О. В. Ведерникова // Тайо сьылӧм – коми олӧм: коми литературалы подув пуктысьяс йылысь уджъяс / ред. В. А. Лимерова. – Сыктывкар : Кола, 2008. – С. 92–99.
 6. Демин, В. Н. «Калевала» и коми литература / В. Н. Демин // Коми литература. Энциклопедический словарь школьника / сост.: В. Н. Демин, В. Н. Головина. – Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1995. – С. 88–93.
 7. Ельцова, Е. В. Финская поэзия и «Калевала» в творчестве коми поэта В. Т. Чисталёва / Е. В. Ельцова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2016. – № 1. – С. 117–125.
 8. Латышева, В. А. А. И. Туркин – финн эпос «Калевалась» юкӧньяс комиӧдысь // Вопросы коми филологии / отв. ред. М. С. Федина. – Сыктывкар : Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 2006. – Вып. 2. – С. 14–17.
 9. Остапова, Е. В. «Калевала» как один из источников создания художественных произведений на коми языке / Е. В. Остапова // Финно-угорский мир. – 2011. – № 1. – С. 11–15.
 10. Остапова, Е. В. Литература финно-угорских народов: учебное пособие / Е. В. Остапова. – Сыктывкар : ГОУ ВО КРАГСиУ, 2019. – 141 с.
 11. Туркин, А. И. Финско-коми литературные связи / А. И. Туркин // Север. – 1998. – № 9. – С. 155–160.
 12. Кокконен, П. Илля Васьлӧн финн кывйысь кывбуръяс комиӧдӧм / П. Кокконен // В. И. Лыткин и финно-угорский мир: матер. Междун. конференции. – Сыктывкар, 1999. – С. 145–149.
 13. Домокош, П. Формирование литератур малых уральских народов / П. Домокош. – Йошкар-Ола : Марийск. кн. изд-во, 1993. – 286 с.
 14. Остапова, Е. В. В. И. Лыткин: штрихи к портрету переводчика / Е. В. Остапова // В. И. Лыткин: грани наследия: материалы Международной научной конференции. – Сыктывкар, 2010. – С. 125–129.
 15. Ракин, Н. А. Венгерская поэзия в коми переводах В. И. Лыткина / Н. А. Ракин // Вестник угроведения. – 2016. – № 3. – С. 69–76.
 16. Туркин, А. И. Илля Вась – Шандор Петёфиӧс комиӧдысь / А. И. Туркин // Войвыв кодзув. – 1979. – № 12. – С. 51–53.
 17. Bartens, R. V. I. Lytkin Friedrich Schillerin kääntäjänä / R. Bartens // V. I. Lytkinin satavuotismuisto. Helsingissä 15. 12. 1995 järjestetyn permiläisten kielten symposiumin esitelmä. (Castrenianumin toimitteita. 52) / toim. J. Laakso. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997. – Pp. 12–20.
 18. Domokos, P. Litkin Vaszilij – Petöfi komi (zürjén) fordítója / P. Domokos // Irodalomtörténet. – 1962. – № 2. – Pp. 325–329.
 19. Turkin, A. Petöfi komi fordítója / A. Turkin // Szovjet irodalom. – 1979. – № 11. – Pp. 158–160.
 20. Лённрот, Э. Калевала. Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен / пер.: Э. Киуру, А. Мишин. – Петрозаводск : Карелия, 1998. – 583 с.
 21. Калевала / перевод с фин. Л. П. Бельского. – Ленинград : Лениздат, 1984. – 574 с.
 22. Ракин, Н. А. «Калевала» на коми языке в контексте некоторых аспектов теории и практики художественного перевода / Н. А. Ракин. – Тарту: University of Tartu Press, 2014. – 339 p.
 23. Хурмеваара, А. Творчество Ю. Х. Эркко и «Калевала» / А. Хурмеваара. – Петрозаводск : Госиздат Карел. АССР, 1957. – 109 с.
 24. Вьль туйӧд. Шолаын лыӧдысан нӧга. – Сыктывдин кар : Коми нӧга лэзан ин, 1923. – 234 с.
 25. Ыльля Вас. Кывбуряс / В. И. Лыткин. – Сыктывдинкар : Коми нӧга лэзан ин, 1929. – 262 с.
 26. Мишин, А. И. Путешествие в «Калевалу» / А. И. Мишин. – Петрозаводск : Карелия, 1988. – 166 с.
 27. Kuopainen, U. Lyhyt runousoppi / U. Kuopainen – Helsinki: WSO, 1957. – 89 p.
 28. Piela, U. Kalevalamitta // Kalevalan kulttuurihistoria / Toim. Ulla Piela, Seppo Knuutila, Pekka Laaksonen. – Helsinki: SKS, 2008. – Pp. 304–305.
 29. Steinitz, W. Der Parallelismus in der finnisch-karelischen Volksdichtung. Untersucht an Den Liedern Des Karelischen Sängers Arhippa Perttunen / W. Steinitz. – Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1934. – 219 p.
 30. Leino, P. Strukturaalinen alkuointu suomessa / P. Leno. – Helsinki: SKS, 1970. – 322 p.
 31. Тӧвныр (Финн поет Эркко «Песни Вуӧксы» – сьръӧ) // Коми му – Зырянский край. – 1925. – № 3–4. – С. 86–87.
 32. Сборникъ Финляндской литературы / подъ редакцией В. Брюсова, М. Горькаго. – Петроградъ : Парусъ, 1917. – 490 с.
 33. Поэт и ученый Василий Ильич Лыткин (1895–1981). Каталог личного фонда / сост. Л. Д. Ильчукова. – Сыктывкар : Национальный музей Республики Коми, 2006. – 67 с.
 34. Василий Ильич Лыткин – ученый, поэт, педагог. Сборник документов, материалов, воспоминаний. Каталог личного фонда / сост. М. И. Бурлыкина, Л. А. Митрошина. – Сыктывкар : Музей истории просвещения Коми Края, 2005. – 213 с.
 35. Ӧні да мӧдіс (Финн поет Еркко вылыс) // Ордым. – 1928. – № 8. – С. 52.

References

1. Issledovateli komi yazyka. Bibliograficheskiy ukazatel [Researchers of the Komi language. Bibliographic Index] / Ed. E. A. Tsyanov. – Syktyvkar: Anbur Publ., 2017. – 351 p.

2. Rakin, N. A. Vengerskaya literatura na komi yazyke [Hungarian literature in the Komi language] / N. A. Rakin // Finno-ugorskiy mir [Finno-Ugric World]. – 2016. – No. 4. – P. 53–56.
3. Rakin, N. A. Komi-udmurtskiye vzaimnyye perevody [Komi-Udmurt mutual translations] / N. A. Rakin // Finno-ugorskiy mir v polietnicheskom prostranstve Rossii: kulturnoye naslediyе i novyye vyzovy [The Finno-Ugric world in the multi-ethnic space of Russia: cultural heritage and new challenges]. Collection of papers of the VI All-Russian Sci. Conf. of Finno-Ugrians (Izhevsk, June 4–7, 2019). – Izhevsk: Anna Zelenina Publ. House, 2019. – P. 269–272.
4. Rakin N. A. Finskaya literatura na komi jazyke [Finnish literature in the Komi language] / N. A. Rakin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. – 2021. – No. 4. – P. 88–93.
5. Vedernikova, O. V. “Kalevala” i “Biarmia”: сопоставительный аспект [“Kalevala” and “Biarmia”: a comparative aspect] / O. V. Vedernikova // Tajö sjylöm – komi olöm: komi literaturaly poduv puktysjas jylys ydzjas [This song is Komi life: works about the founders of the Komi literature] / Ed. V. A. Limerova. – Syktyvkar: Kola Publ., 2008. – P. 92–99.
6. Demin, V. N. Kalevala i komi literatura [“Kalevala” and Komi literature] / V. N. Demin // Komi literatura. Enciklopedicheski slovar shkolnika [Komi Literature. Encyclopedic dictionary of a schoolboy] / Comp. V. N. Demin, V. N. Golovina. – Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 1995. – P. 88–93.
7. Eltsova, E. V. Finskaya poeziya i “Kalevala” v tvorchestve komi poeta V. T. Chistaleva [Finnish poetry and “Kalevala” in the works of komi poet V. T. Chistalev] / E. V. Eltsova // Bull. of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanities and Social Sciences”. – 2016. – No. 1. – P. 117–125.
8. Latysheva, V. A. A. I. Turkin – finn epos «Kalevalays» yukönjas komiödys [A. I. Turkin – translator of excerpts from the Finnish epos “Kalevala”] / V. A. Latysheva // Voprosy komi filologii [Problems of Komi philology] / Ed. M. S. Fedina. – Syktyvkar: Syktyvkar State Univ. Publ., 2006. – Issue 2. – P. 14–17.
9. Ostapova, E. V. Kalevala kak odin iz istochnikov sozdaniya hudozhestvennykh proizvedeniy na komi yazyke [Kalevala as a source of creating artistic works in the Komi language] / E. V. Ostapova // Finno-ugorskiy mir [Finno-Ugric World]. – 2011. – No. 1. – P. 11–15.
10. Ostapova, E. V. Literatura finno-ugorskiy narodov. Uchebnoe posobie [Literature of the Finno-Ugric peoples. Textbook] / E. V. Ostapova. – Syktyvkar: Komi Republican Academy of State Service and Management Publ., 2019. – 141 p.
11. Turkin, A. I. Finsko-komi literaturnye svyazi [Finnish-Komi literary relations] / A. I. Turkin // Sever [North]. – 1998. – No. 9. – P. 155–160.
12. Kokkonen, P. Illya Vaslön finn kyvjys kyvburjas komiödöm [Translation of Finnish poems into Komi by Illya Vas] / P. Kokkonen // V. I. Lytkin i finno-ugorski mir [V. I. Lytkin and the Finno-Ugric world]. – Syktyvkar, 1999. – P. 145–149.
13. Domokos, P. Formirovanie literatur malyh uralskiy narodov [Development of literatures of the Ural minorities] / P. Domokos. – Ioshkar-Ola: Mari Book Publ. House, 1993. – 286 p.
14. Ostapova, E. V. V. I. Lytkin: shtrihi k portretu perevodchika [V. I. Lytkin: touches to the portrait of the translator] / E. V. Ostapova // V. I. Lytkin: grani nasledia [V. I. Lytkin: facets of heritage]. Materials of Intern. Sci. Conf. – Syktyvkar, 2010. – P. 125–129.
15. Rakin, N. A. Vengerskaja poezia v komi perevodah V. I. Lytkina [Hungarian poetry in Komi translations by V. I. Lytkin] / N. A. Rakin // Vestnik ugrovedeniya [Bull. of Ugric Studies]. – 2016. – No. 3. – P. 69–76.
16. Turkin, A. I. Illya Vas – Shandor Petefiös komiödys [Illya Vas – Shandor Petöfi’s translator into Komi] / A. I. Turkin // Voivyv kodzuv [North Star]. – 1979. No. 12. – P. 51–53.
17. Bartens, R. V. I. Lytkin Friedrich Schillerin kääntäjänä [V. I. Lytkin as a translator of Friedrich Schiller] // R. Bartens // V. I. Lytkin satavuotismuisto. Helsingissä 15. 12. 1995 järjestetyn permiläisten kielten symposiumin esitelmiä [Centenary commemoration of V. I. Lytkin. Presentations of the Permian languages symposium held in Helsinki on December 15, 1995] / Ed. J. Laakso. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura Publ., 1997. – P. 12–20.
18. Domokos, P. Litkin Vaszilij – Petöfi komi (zürjén) fordítója [Vasily Lytkin – translator of Petöfi into Komi] / P. Domokos // Irodalomtörténet [History of literature]. – 1962. – No. 2. – P. 225–329.
19. Turkin, A. Petöfi komi fordítója [Petöfi’s Komi translator] / A. Turkin // Szovjet irodalom [Soviet Literature]. – 1979. No. 11. – P. 158–160.
20. Lönnrot, E. Kalevala. Epicheskaya poema na osnove drevnih karelskiy i finskiy narodnykh pesen [Epic poem based on ancient Karelian and Finnish folk songs] / Transl. by E. Kiuru, A. Mishin / E. Lönnrot. – Petrozavodsk: Karelia Publ., 1998. – 583 p.
21. Kalevala / Transl. from Finnish by L. P. Bel’sky. – Leningrad: Lenizdat Publ., 1984. – 574 p.
22. Rakin, N. A. “Kalevala” in the Komi language in the context of some aspects of the theory and practice of literary translation / N. A. Rakin. – Tartu: Univ. of Tartu Press, 2014. – 339 p.
23. Hurmevaara, A. Tvorchestvo J. H. Erkko i “Kalevala” [Creativity of J. H. Erkko and “Kalevala”] / A. Hurmevaara. – Petrozavodsk: State Publ. House of Karelian ASSR, 1957. – 109 p.
24. Vyl tujed. Shkolayn lyddisan kniga [Along the new road. Book for reading at school]. – Syktyvdinkar: Komi Book Publ. House, 1923. – 234 p.
25. Illya Vas. Kyvburjas [Poems] / V. I. Lytkin. Syktyvdinkar: Komi Book Publ. House, 1929. – 262 p.
26. Mishin, A. I. Puteshestvie v “Kalevalu” [A trip to “Kalevala”] / A. I. Mishin. – Petrozavodsk: Karelia Publ., 1988. – 166 p.
27. Kuopiainen, U. Lyhyt runousoppi [A Brief Guide to Poetry] / U. Kuopiainen. – Helsinki: WSO Publ., 1957. – 89 p.
28. Piela, U. Kalevalamitta. Kalevalan kulttuurihistoria [Cultural history of Kalevala] / U. Piela. – Helsinki: SKS Publ., 2008. – P. 304–305.

29. Steinitz, W. Der Parallelismus in der finnisch-karelischen Volksdichtung. Untersucht an Den Liedern Des Karelischen Sängers Arhippa Perttunen / W. Steinitz. – Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1934. – 219 p.
30. Leino, P. Strukturaalinen alkusointu suomessa [Structural overture in Finnish] / P. Leno. – Helsinki: SKS Publ., 1970. – 322 p.
31. Tovnyr (Finn poet Erkko „Pesni Vuoksy“ – serti) [Storm (based on the “Song of Vuoksa” by the Finnish poet Erkko) // Komi mu – Zyriansky kraj [Zyryan region], 1925. – No. 3–4. – P. 86–87.
32. Sbornik Finlandskoi literatury [Collection of Finnish Literature] / Eds. V. Bryusov, M. Gorky. – Petrograd: Parus Publ., 1917. – 490 p.
33. Poet i uchoni Vasili Ilich Lytkin (1895–1981). Katalog lichnogo fonda [Poet and scientist Vasily Ilyich Lytkin (1895–1981). Catalog of personal fund] / Comp. L. D. Ilchukova. – Syktyvkar: National Museum of the Republic of Komi Publ., 2006. – 67 p.
34. Vasilij Iljich Lytkin – uchonyi, poet, pedagog. Sbornik dokumentov, materialov, vospominanij. Katalog lichnogo fonda. [Vasily Ilyich Lytkin – scientist, poet, teacher. Collection of documents, materials, memoirs. Personal fund catalog] / Comps. M. I. Burlykina, L. A. Mitroshina. – Syktyvkar: Museum of the History of Education of the Komi Region, 2005. – 213 p.
35. Őni da mödis (Finn poet Erkko vilis) [Now and then (From the Finnish poet Erkko)] // Ordym [Pathway]. – 1928. – No. 8. – P. 52.

Благодарность (госзадание):

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

Acknowledgements (state task):

The publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, state registration No. of the project FUUU-2021-0008 «The Permian languages in the linguocultural space of the European North and the Urals».

Информация об авторе:

Ракин Николай Анатольевич – доктор философии (PhD), научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: nikrakin@yahoo.com).

Author:

Nikolai A. Rakin – PhD, Researcher of the Department of Language, Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: nikrakin@yahoo.com).

Для цитирования:

Ракин, Н. А. Финская литература в переводах В. И. Лыткина / Н. А. Ракин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 6 (72). – С. 118–125.

For citation:

Rakin, N. A. Finnish literature in translations by V. I. Lytkin / N. A. Rakin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2024. – No. 6 (72). – P. 118–125.

Дата поступления статьи: 16.05.2024

Прошла рецензирование: 10.06.2024

Принято решение о публикации: 21.06.2024

Received: 16.05.2024

Reviewed: 10.06.2024

Accepted: 21.06.2024

Рецензии

Бурлыкина, М. И. Сыктывкарскому университету – 50 лет: страницы истории. – Сыктывкар : Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, 2022. – 740 с.: 96 ил.

Burlykina, M. I. Syktyvkar University is 50: pages of history. - Syktyvkar: Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, 2022. - 740 p: 96 ill.

Начало 2020-х г. было богато на памятные даты в истории высшего образования Республики Коми: исполнилось 90 лет с начала работы первенца высшей школы республики – Коми пединститута, и минуло полвека с образования Сыктывкарского государственного университета. Эти два символично совпадающих по времени события вновь обратили внимание общественности к истории вузов региона. За последние годы из печати вышел ряд изданий, посвященных истории СГУ им. Питирима Сорокина и Коми пединститута [1–3].

Через юбилейных изданий завершилась публикацией монографии «Сыктывкарскому университету – 50 лет: страницы истории». Над этой книгой много лет работала М. И. Бурлыкина – доктор культурологии, профессор, заслуженный работник Республики Коми, основатель музея университета. М. И. Бурлыкина не новичок в области исследований по истории вуза. Ее перу принадлежит несколько изданий по истории СГУ [4–6]. Оно и не удивительно. Майя Ивановна работает в университете с первых дней его основания. Она стояла у истоков создания СГУ, в течение десятилетий собирала, изучала и систематизировала материал по истории университета. М. И. Бурлыкина входила в ректорскую группу по созданию СГУ. Поэтому она знакома с работой и историей вуза не только по архивным материалам и воспоминаниям. Она – свидетель становления и развития крупнейшего в республике высшего учебного заведения. И этот факт придает ее работе особую ценность.

Можно говорить о том, что это – первое серьезное исследование по истории авторитетнейшего в республике вуза, ведь выходявшие до сих пор книги, несмотря на их ценность, все же не давали полного представления о работе СГУ, лишь частично освещая различные стороны деятельности вуза. Данная книга фактически подитоживает серию изданий, подготовленных М. И. Бурлыкиной.

В рецензируемом издании представлена разнообразная научная, образовательная и культурная деятельность университета с момента его основания в 1972 г., дана предыстория развития высшего образования в Зырянском крае, отражены основные этапы деятельности классического университета, изменения в структуре, формы и методы образовательного процесса, важнейшие результаты научных исследований и культурные мероприятия, получившие широкую известность на всероссийском и международном уровнях. За полвека своей работы СГУ подготовил тысячи высококвалифицированных специалистов для различных отраслей экономики, медицины, образования, науки и культуры.

Сам текст книги свидетельствует, что университет был участником значимых и весомых для республики событий. Автор фактически описывает историю превращения университета из молодого, только встающего на ноги высшего учебного заведения в ведущий вуз республики. Читатель получает представление о разных периодах «биографии» вуза, его становлении и развитии, о научных и образовательных успехах.

Издание охватывает все хронологические периоды истории университета. Оно состоит из трех больших разделов: «Сыктывкарский университет. 1972–1990 годы», «Сыктывкарский университет. 1990–2012 годы», «Сыктывкарский университет. 2012–2022 годы».

Методический подход, выработанный М. И. Бурлыкиной, предполагает анализ истории образовательной организации сквозь призму деятельности ее семи руководителей (совершенно разных по личностному складу и стилю организационно-управленческой деятельности). На наш взгляд, он оказался довольно удачным и плодотворным.

Книга М. И. Бурлыкиной написана на обширной документальной базе, богато иллюстрирована, издана в прекрасном полиграфическом исполнении. Исторический экскурс М. И. Бурлыкиной сопровождается рядом уникальных фотоизображений, запечатлевших основные события университетской жизни. Подобная наглядность заметно облегчает восприятие происходивших событий.

Материалы монографии, ее широкая источниковая база доказывают, что это исследование задумывалось давно. Хотя автор отмечает, что при написании книги использованы в основном открытые источники информации, однако важно отметить, что благодаря введению в научный оборот значительного количества новых источников, М. И. Бурлыкиной удалось восполнить целый ряд пробелов, имевшихся в описании истории вуза. Так, ряд сюжетов, таких как деятельность комсомольской и партийной организаций, международное сотрудничество, культурно-воспитательная деятельность, вопросы библиотечной работы получили качественно иное освещение. Весьма интересны и страницы, посвященные деятельности музейного комплекса СГУ.

Важно акцентировать внимание и на том, что М. И. Бурлыкина, перу которой принадлежит несколько книг биографического жанра [7–9 и др.], прекрасно осознает, что история слагается, прежде всего, из действий людей, определенных личностей. Именно поэтому она не поспешила на биографические материалы (и это, на наш взгляд, весьма правильный методологический прием). Ведь благодаря этим страницам мы можем узнать о людях, внесших значительный вклад в развитие университета.

Интересным и полезным представляется и заключающее издание приложения: список литературы по истории вуза и перечень сотрудников университета, защитивших кандидатские и докторские диссертации.

Однако несмотря на все достоинства исследования, оно, к сожалению, не избежало целого ряда недостатков и просчетов. Не будем касаться досадных опечаток и неточностей, которые прокрались в издание. Важнее заострить внимание на анализе содержания. Оно вызывает некоторые нарекания. Мы остановимся только на некоторых из имеющихся недостатков.

Прежде всего, хотелось бы заметить, что порой автор излишне увлечена описанием собственно историей университета, забывая, что она является неотъемлемой частью истории страны и региона. В итоге нередко не совсем понятно, почему руководство вуза было вынуждено принимать то или иное решение, ибо общий фон происшедших событий выглядит несколько размытым.

Далее вызывает определенные сомнения хронология разделов. Возможно, первый раздел следовало бы закончить 1991 г. (а не 1990 г.). Ведь именно тогда начались эпохальные перемены в истории нашей страны в целом и высшем образовании, в частности, связанные с распадом СССР и рыночными реформами. Не совсем ясно, почему второй раздел заканчивается 2012 г. Сорокалетний юбилей университета? Вряд ли это столь весомый рубеж, который настолько значителен, чтобы подводить итоги.

На наш взгляд, более правильным было бы взять за рубежную метку объединение университета и пединститута. Кстати, эта страница истории высшего образования республики освещена в книге весьма скупо. Ей отведено всего лишь семь страниц (с. 431–438). Для сравнения: больше места заняло описание процесса создания памятного бюста первого ректора университета (с. 446–455). К тому же не дана оценка этому событию. А ведь это волюнтаристское решение фактически отбросило на многие годы назад развитие высшего педагогического образования в республике.

Да и в целом, на наш взгляд, автор несколько идеализирует историю университета, уделяя мало внимания сложностям и трудностям в его становлении и развитии. А ведь наличие подобного рода сюжетов не только существенно ее дополнило, но и показало авторитет и управленческое мастерство руководства вуза, сумевшего все же разрешить проблемы, вставшие на пути развития университета, придало бы колорита и полноты истории СГУ.

Несколько странным выглядит и раздел «Заключение» (с. 707–718). В нем не столько подведены итоги развития университета за 50 лет, сколько рассказано о юбилейных торжествах и приведены тексты поздравлений вузу.

Неполным выглядит и обзор литературы об университете. Так, из него «выпали» статьи в газетах и журналах, материалах научных конференций, посвященных различным аспектам самого авторитетного в Коми республике вуза.

В связи с последним замечанием хотелось бы сказать о том, что, возможно, следовало бы несколько расширить и справочный аппарат издания. Например, можно было бы

дополнить его именованным указателем. Что в определенной степени облегчило бы исследователям работу с текстом.

Однако заметим, это только первый опыт подготовки академического издания истории СГУ. Первый опыт всегда сложен, ошибки и неточности здесь неизбежны. Хотелось бы, чтобы работа в этом направлении была бы продолжена. И через некоторое время дополненное и исправленное издание университетской истории порадовало бы коми читателя.

Тем более, что, несмотря на все замеченные (и, возможно, пропущенные) погрешности, текст рецензируемой книги очень ценен. Интерес, внимание людей к этому легендарному времени, времени возникновения и становления ведущего вуза республики будет возрастать. Ведь это повествование и об истории нашей республики за последние полвека. Текст издания позволяет читателю проследить, как развивались образование и наука, что тревожило и радовало разные поколения нашей республики. И все это – через судьбу Сыктывкарского университета, в которой преломилась история страны.

Конечно, сложности нынешнего времени не могли не сказаться на реализации начинания штатного историографа университета М. И. Бурлыкиной. Так, хочется посетовать на небольшой (даже для сегодняшних времен) тираж книги – всего 300 экземпляров. Тем более, что он быстро нашел своего читателя. Монография была направлена во все централизованные библиотечные системы Коми республики. Это делает ее доступным для заинтересованного читателя.

В заключении надо указать, что книга М. И. Бурлыкиной уже заняла подобающее место среди исторических изданий, что вышли в республике в последние годы.

Итожим. Главное высшее учебное заведение республики получило прочтение своей истории; монография – положительную оценку не только рецензентов: профессора МГУ им. М. В. Ломоносова В. А. Снакина, профессора КРАГ-СиУ А. К. Гагиевой и ученого секретаря Национального музея Республики Коми В. А. Сова. Издание стало призером конкурса для региональных издательств «Золотая полка "Алой ленты"». Данный конкурс прошел при поддержке Министерства культуры и архивного дела Республики Коми, Министерства национальной политики Республики Коми, а также спонсоров с целью развития местного книгоиздания и продвижения чтения среди населения региона [10]. Книга приняла участие во Всероссийском конкурсе «Университетская книга – 2024», получив на нем высшую оценку – звание лауреата в номинации «Лучшее издание по истории образования» [11].

Но не только... Она уже нашла полезное применение в учебном процессе при преподавании коми истории в средней школе, техникумах и вузах. Но она интересна не только для учащихся и педагогов, ученых-историков, но и для людей, любящих родной край, желающих знать его историю.

В заключение хотелось бы отметить большую работу, проделанную Майей Ивановной Бурлыкиной по подбору и сохранению материалов и документов, относящихся к истории СГУ, подготовке текста монографии. Что касает-

ся руководства СГУ, то, наверное, ему следует продолжить публикацию материалов по истории высшего образования республики.

Литература

1. Летопись Коми государственного педагогического института (1932–2014) / гл. ред. О. А. Сотникова; сост.: В. Н. Исаков, О. Е. Бондаренко, Н. В. Захарова [и др.]. – Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. – 204 с.
2. Коми пединститут: время инновационного развития. 1973–2014»: сборник материалов и воспоминаний / гл. ред. В. Н. Исаков. – Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2022. – 774 с.
3. Сыктывкарский государственный университет в воспоминаниях современников / отв. редактор и составитель М. А. Бурлыкина. – Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. – 230 с.
4. Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина: энциклопедия / М. А. Бурлыкина. – Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2018. – 257 с.
5. Бурлыкина, М. И. История Сыктывкарского государственного университета: годы становления / М. И. Бурлыкина, В. Н. Задорожный. – Сыктывкар : Изд-во СГУ, 2012. – 200 с.
6. Летопись Сыктывкарского государственного университета (1972–2012) // отв. ред. В. Н. Задорожный; сост.: М. И. Бурлыкина, А. А. Юрпалова. – Сыктывкар: Изд-во СГУ, 2012. – 168 с.
7. Бурлыкина, М. И. Валентина Витязева: сотворение судьбы / М. И. Бурлыкина, В. Н. Задорожный. – Сыктывкар: Изд-во СГУ, 2011. – 200 с.
8. Бурлыкина, М. И. Ученый-энциклопедист А. С. Сидоров / М. И. Бурлыкина. – Сыктывкар : Изд-во СГУ, 2007. – 497 с.
9. Бурлыкина, М. И. Финно-угровед Василий Лыткин (Илля Вась) / М. И. Бурлыкина. – Сыктывкар : Изд-во СГУ, 2013. – 432 с.
10. Книга «Сыктывкарскому университету – 50 лет» стала призером «Золотой полки». – URL: <https://www.syktsu.ru/news/132088/> (дата обращения: 05.08.2024).
11. Издание СГУ им. Питирима Сорокина – лауреат Всероссийского конкурса. – URL: <https://www.syktsu.ru/news/133001/> (дата обращения 05.08.2024).

*О. В. Золотарев,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории и методики обучения
общественно-правовым дисциплинам
Института истории и права
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный
университет им. Питирима Сорокина»*

Юбилей

Анатолий Николаевич Ракин

18 июня 2024 г. 75 лет исполнилось главному научному сотруднику Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, доктору филологических наук, одному из ведущих финно-угроведов и общественных деятелей, широко известному не только в Республике Коми, России, но и за рубежом, председателю Комитета финно-угроведов Российской Федерации **Анатолию Николаевичу РАКИНУ**.

Родился Анатолий Николаевич 18 июня 1949 г. в с. Деревянк Усть-Куломского района Коми АССР. После окончания Деревянской средней школы поступил на историко-филологический факультет Коми государственного педагогического института. В 1971 г. приступил к работе в Институте языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, в том же году был направлен в аспирантуру при Институте языкознания АН СССР в Москву. Научным руководителем был назначен профессор В. И. Лыткин. С целью сбора материала по теме диссертации Анатолий Николаевич неоднократно выезжал в разные районы Коми республики в составе диалектологических экспедиций Коми филиала АН СССР, занимался сбором полевого материала в Пермской и Мурманской областях. После завершения курса аспирантуры А. Н. Ракин вернулся в г. Сыктывкар. Вся его дальнейшая жизнь была тесно связана с наукой и Институтом языка, литературы и истории: в 1976–1982 гг. работал в должности младшего научного сотрудника, в 1982–1985 гг. являлся ученым секретарем ИЯЛИ, в 1985–1987 гг. – заведующим сектором языка, с 1987 г. – старшим научным сотрудником, с 1997 г. – ведущим научным сотрудником, а в 2004 г. стал главным научным сотрудником отдела языка ИЯЛИ.

Диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Лексика флоры коми языка» Анатолий Николаевич защитил в Тартуском госу-

Anniversaries

Anatoly N. Rakin

ниверситете в 1977 г. Это было первое специальное исследование одной из отраслей коми народной ботанической номенклатуры. В работе рассмотрено более 1500 названий дикорастущей травянистой и ягодной флоры.

Одним из важнейших направлений научной деятельности А. Н. Ракина стало комплексное исследование антропотоминимической лексики, легшее в основу диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук «Антропотоминимическая лексика в пермских языках» (Йошкар-Ола, 1997). В данном исследовании впервые в финно-угроведении прослеживается эволюция формирования антропотоминимической системы на важнейших этапах развития пермских языков: в прауральскую, прафинно-угорскую, прафинно-пермскую, прапермскую, пракоми и современную эпохи.

Научные интересы Анатолия Николаевича весьма обширны и охватывают различные аспекты коми языка. Прежде всего они связаны с проблемами лексикологии и лексикографии, этимологии, истории языка. Общий список научных трудов ученого включает более 530 наименований на коми, русском, венгерском, финском, немецком и английском языках, в том числе монографические исследования «Ботаническая терминология коми языка» (1981) и «Антропотоминимическая лексика в пермских языках» (1996). Исследования Анатолия Николаевича составляют новое направление в финно-угроведении и являются важным вкладом в фундаментальную науку.

Большую ценность имеют лексикографические работы ученого: «Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь» (1998), «Коми анатомический словарь» (1991), «Краткий коми-русский, русско-коми зоонимический словарь» (1993), «Пемӧс нимъяслӧн кывкуд (словарь названий животных)» (2001), «Быдмӧг нимъяслӧн кывкуд (словарь названий растений)» (2006), «Вӧр-васа олысьяс (Обитатели природы)» (2017). Краткие коми-русские, русско-коми ботанический и зоологический словари представляют собой первые систематизированные своды ботанической и зоонимической лексики коми языка, включающие в себя как общеупотребительные названия, так и слова, имеющие территориально ограниченный характер употребления. «Словарь названий животных» и «Словарь названий растений» являются переработанными и дополненными изданиями кратких словарей.

Работа «Вӧр-васа олысьяс (Обитатели природы)» (2017) является значимым научным достижением автора. Данная публикация содержит 113 научно-популярных энциклопедических очерков на коми языке о животных, птицах, насекомых. Актуальность и практическая значимость книги обусловлены как ее содержанием, так и тем обстоятельством, что аналогичных изданий пока не существует ни по одному из финно-угорских языков Российской Федерации. Эта уникальная работа А. Н. Ракина заняла первое место в Республиканском конкурсе «Лучшая книга года» и отмечена дипломом Министерства Ре-

спублики Коми. Она также получила премию Программы родственных народов в категории научных исследований на уральских языках, присуждаемых в Эстонии.

Пять работ Анатолием Николаевичем были опубликованы в серии препринтов «Научные доклады» Коми научного центра: «Основные принципы номинации трав и ягод в коми языке и народная этимология» (1977), «Этимологии коми названий растений» (1980), «Лексика низшей флоры пермских языков» (1985), «Сомонимическая лексика в пермских языках» (1990), «Остеонимическая лексика в пермских языках» (1995).

Статьи Анатолия Николаевича, опубликованные в ведущих российских научных журналах, рекомендованных ВАК РФ, а также в зарубежных изданиях, индексируемых в международных библиографических и реферативных базах данных Web of Science и SCOPUS, посвящены актуальным проблемам лексикологии, этимологии, истории и современного состояния словарного состава пермских языков. В них отражены значимые результаты исследований коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского языков.

Ученого интересовали также проблемы стилистики коми языка. В коллективной монографии «Современный коми язык. Лексикология» (Москва, 1985) А. Н. Ракину принадлежит глава «Функционально-стилистическая характеристика лексики коми языка», в которой даны характеристики основных стилей коми литературного языка, определены их функциональные и экспрессивно-стилистические признаки.

Анатолий Николаевич – один из основных исполнителей научной энциклопедии «Коми язык» (1998), издание которой стало значительным событием в жизни Республики Коми, а также является соавтором энциклопедии «Республика Коми» (1999).

А. Н. Ракин активно участвует в работе различных международных, всероссийских, региональных конференций и симпозиумов. Он выступал с докладами на Международных конгрессах в Турку, Сыктывкаре, Дебрецене, Ювяскюля, Тарту, Йошкар-Оле, Пилишчабе, Оулу. По его инициативе в Сыктывкаре в 2004 г. была проведена III Всероссийская научная конференция финно-угроведов.

Во время подготовки в Сыктывкаре VI Международного конгресса финно-угроведов Анатолий Николаевич являлся ученым секретарем Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, в связи с чем в сфере его деятельности оказалось не только организационное обеспечение исследований по языкознанию, фольклористике, литературоведению, искусствоведению, истории, археологии, этнографии и социологии, но и решение конкретных вопросов по проведению самого крупного международного научного форума финно-угроведов.

Большой заслугой юбиляра является популяризация научных знаний. Результаты своих работ он регулярно публикует в журналах «Арт» и «Войвыв кодзув», на страницах газет, в детском журнале «Бикинь». Разработки по словарному составу и языку художественной литературы

включены в школьные учебники и хрестоматии, лексикографические издания применяются в качестве учебных пособий на уроках и практических занятиях в школах и вузах.

Кроме исследовательской деятельности А. Н. Ракин большое внимание уделял и подготовке научных кадров, под его руководством четверо аспирантов успешно защитили кандидатские диссертации. Он часто является оппонентом на защитах диссертаций по финно-угорским языкам, долгое время был членом специализированного совета по защите докторских диссертаций при Мордовском государственном университете.

Свою научную работу А. Н. Ракин успешно сочетал с преподавательской деятельностью. По совместительству преподавал на должности профессора на финно-угорском факультете Сыктывкарского государственного университета, с 2008 по 2011 г. занимал должность профессора кафедры русского и коми языков Коми государственного педагогического института. В 2006 и 2007 гг. по приглашению Шведского университета в течение 5 месяцев находился в рабочей командировке в Швеции, во время которой в университете г. Уппсала читал лекции и проводил семинары по коми языку для студентов, аспирантов и преподавателей финно-угорской кафедры университета.

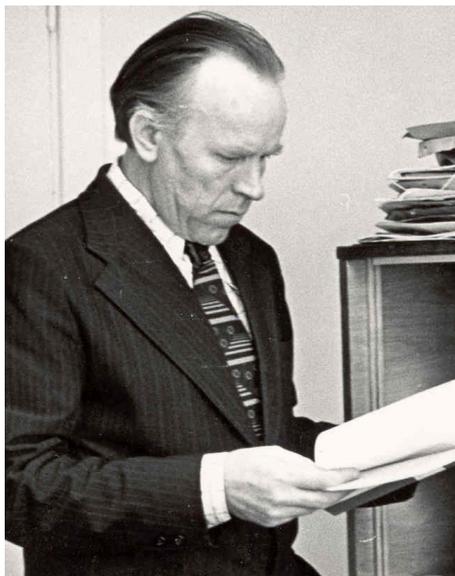
Многогранная научная и общественная деятельность А. Н. Ракина получила заслуженную признательность как в нашей стране, так и за рубежом: он является членом Международного комитета конгрессов финно-угроведов, председателем Комитета финно-угроведов Российской Федерации, членом Комиссии Правительства Республики Коми по наименованиям географических объектов. В 1997 г. избран зарубежным членом Финно-угорского общества (Финляндия), был (до 2023 г.) членом совета по защите докторских диссертаций при Мордовском государственном университете, входит в состав редколлегий четырех рецензируемых научных журналов и сборников, входящих в перечень ВАК.

Плодотворный научный труд ученого, его вклад в развитие пермского и в целом финно-угорского языкознания отмечены многочисленными наградами: Почетная грамота Совета Министров Коми АССР (1985), Республики Коми (1999), лауреат премии Коми комсомола (1982), лауреат Государственной премии Республики Коми (1999), Заслуженный работник Республики Коми (2005), Почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации (2020), медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2010).

С уважением и глубокой признательностью поздравляем Анатолия Николаевича с юбилеем! Желаем крепкого здоровья, творческого долголетия, успехов в реализации новых идей и проектов, неиссякаемой энергии и благополучия! Кузь нэм да бур шуд!

*Коллектив сектора языка
Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО РАН*

Вспоминая Г. Г. Бараксанова (к 90-летию со дня рождения)

12 сентября 2024 г. исполнилось бы 90 лет со дня рождения **Геннадия Григорьевича БАРАКСАНОВА** – известного коми языковеда, организатора науки, кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника, крупного специалиста в области исследования истории литературного языка, коми диалектов, лексикографии, вузовского преподавателя, автора учебников коми языка для средней школы.

Геннадий Григорьевич родился 12 сентября 1934 г. в г. Сыктывкаре, однако с 1938 г. после смерти отца семья переехала в с. Сёська (по-русски – Шошка). Мать всю жизнь проработала в колхозе. Кроме Геннадия в семье были также сын и дочь. После окончания семи классов в родном селе в 1949 г. юноша отправился учиться в Сыктывкарское педагогическое училище, после завершения которого поступил на первый курс историко-филологического факультета Коми государственного педагогического института. Во время учебы студент Гена Бараксанов проявил себя не только как пытливый исследователь родного языка, но и как активный общественник, комсомольский активист, спортсмен, музыкант, который в 1957 г. в составе делегации был участником Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. В 1958 г. Г. Г. Бараксанов завершил учебу в вузе, получив диплом по специальности «Преподаватель коми языка и литературы, русского языка и литературы в средней школе». Далее, с августа 1958 г. по февраль 1960 г., он проходил службу в Советской армии в г. Свердловске, после чего работал в Коми книжном издательстве редактором сельскохозяйственной литературы. В октябре 1960 г. поступил в аспирантуру Коми филиала АН СССР, где учился с прикомандированием в Москву в Институт языкознания АН СССР. После окончания аспирантуры в октябре 1963 г. недолго проработал младшим

Remembering G. G. Baraksanov (on the 90th birth anniversary)

научным сотрудником Коми филиала АН СССР, а в феврале 1964 г. по семейным обстоятельствам переехал в Москву, где у него уже была семья, жена и дочь.

Московский период научной деятельности Г. Г. Бараксанова ознаменовался защитой в Институте языкознания АН СССР 26 июня 1964 г. его кандидатской диссертации на тему «Коми литературный язык, его формирование и диалектная основа», которая была написана под научным руководством доктора филологических наук профессора В. И. Лыткина. В столице страны молодой ученый продуктивно работал в разных организациях: в Государственном институте театрального искусства им. А. В. Луначарского преподавателем коми языка для студентов из Коми АССР, будущих драматических артистов (1967–1968), в Научно-исследовательском институте национальных школ при Академии педагогических наук СССР старшим научным сотрудником, ученым секретарем (1967–1968), младшим научным сотрудником сектора социолингвистических исследований в Институте языкознания АН СССР (1969–1970).

В январе 1971 г. в связи с созданием сектора языка в организованном в 1970 г. в составе Коми филиала АН СССР Института языка, литературы и истории Г. Г. Бараксанов был приглашен на работу в Сыктывкар на должность заведующего сектором языка. Коми гуманитарная наука тогда получила высококвалифицированного специалиста, хорошего организатора науки, имевшего связи как с ведущими отечественными, так и зарубежными финно-угроведами. На руководящем посту ученый проработал до октября 1985 г., после чего, до выхода на пенсию в марте 1993 г., занимал должность старшего научного сотрудника отдела языка. 16 марта 1997 г. после продолжительной болезни Г. Г. Бараксанов скончался, похоронен в с. Шошка Сыктывдинского района Республики Коми.

Научная деятельность Г. Г. Бараксанова осуществлялась в нескольких направлениях: изучение истории коми литературного языка и становления его норм, диалектология, лексикография и составление учебников коми языка для средних школ.

Геннадий Григорьевич Бараксанов считается первым и основным крупным специалистом в изучении коми литературного языка. Процессам становления, принятия норм литературного языка он посвятил ряд работ, в том числе монографию «Формирование языковых норм коми литературного языка» (Сыктывкар, 1964). В период подготовки диссертационной работы ученый впервые предпринял экспериментально-измерительное фонетическое исследование гласных и согласных в родном присыктывкарском диалекте, который был взят в качестве диалектной основы литературного языка еще в 1918 г.

Г. Г. Бараксанов впервые дал краткую характеристику фонемного состава и некоторых звуковых закономерностей присыктывкарского диалекта, основы литературного коми языка. Экспериментальных исследований по фонетике коми языка в то время практически не было (кроме

некоторых экспериментов В. И. Литкина). На основе полученных экспериментальным методом палатограмм и рентгенограмм ученым детально изучена и описана экспериментальная сторона каждого звука. Несмотря на простоту, традиционные методы экспериментально-фонетического исследования позволили ученому получить множество сведений об организации звукового потока, составляющих основу фонетических знаний. Хотя палатография дает в ряде случаев меньше сведений о положении языка, чем рентгенография, тем не менее она имеет то преимущество, что совершенно безвредно для здоровья человека. Полученные палатограммы дали возможность уточнить место артикуляции согласных, объективно показали различия в их образовании. Описание фонетических закономерностей произведено с демонстрацией результатов отдельных исследований (палатограмм, схем положения языка). Результаты такого анализа помогли уточнить и некоторые орфоэпические нормы коми литературного языка, которые разработаны, системно и последовательно описаны Геннадием Григорьевичем в диссертационном исследовании. Он обобщил все основные принципы формирования языковых норм коми языка, нормирования его графической, орфографической, орфоэпической, лексической и грамматической систем. Позже он не раз обращался к данной теме, она оставалась основной в его научной деятельности. Его плодотворная работа в данном направлении осуществлялась в публичных выступлениях, где он говорил о чистоте коми языка и совершенствовании его норм. Г. Г. Бараксанов был активным членом Термино-орфографической комиссии при Министерстве по делам национальностей Республики Коми, сформированной в 1994 г., много времени уделял пропаганде литературного языка в разных сферах его функционирования.

Ученый внес существенный вклад также в изучение и описание коми диалектов. В соавторстве с коллегами ученый подготовил описательные монографии по присыктывкарскому и среднесысольскому диалектам (см. список в конце статьи), редактировал другие монографии по диалектам. Неоднократно выезжал в диалектологические экспедиции в различные районы Республики Коми, на Кольский полуостров, в Омскую область.

В последний период работы в ИЯЛИ Г. Г. Бараксанов вплотную занимался коми лексикографией, изучал словарный материал с точки зрения создания первых словарей, рукописных и печатных словарей XVIII–XX вв. По данной теме ученым написан отчет, сокращенный вариант которого опубликован в коллективной монографии «Современный коми язык. Лексикология» в разделе «Лексикография» (Москва, 1985). На настоящий момент эта работа является единственным трудом, где более подробно изучен исторический процесс составления словарей коми языка, дана оценка почти всем лексикографическим трудам, изданным до 1985 г. Всего из-под пера Г. Г. Бараксанова вышло 78 опубликованных научных работ, 32 статьи в республиканских газетах, четыре его рукописные работы хранятся в архиве Коми научного центра УрО РАН.

Научный мир знает и помнит Г. Г. Бараксанова и как крупного организатора различных форумов. Так, он был ос-

новным организатором таких крупных научных мероприятий, проведенных в Сыктывкаре, как XI и XVI Всесоюзные конференции финно-угроведов, VI Международный конгресс финно-угроведов (1995). Организацию последнего форума международное сообщество финно-угроведов доверило лишь на основе большого авторитета Г. Г. Бараксанова в научном сообществе. Этот конгресс был первым всемирным форумом, успешно проведенным в одной из столиц финно-угорских автономий РСФСР в составе СССР.

Большое внимание исследователь уделял преподаванию коми языка в школе и вузе. Он – автор учебников для средних школ, учебных программ. В 1972 г. в столице Коми АССР был организован новый Сыктывкарский государственный университет имени 50-летия СССР, где в числе основных был создан историко-филологический факультет. Для организации обучения по направлению «Коми филология» был приглашен Г. Г. Бараксанов, который практически собрал кафедру коми языка и литературы, разработал и читал основные курсы по коми языку (фонетика, лексикология, введение в финно-угроведение и др.), руководил первыми курсовыми и дипломными работами студентов, многие годы работал председателем государственной экзаменационной комиссии.

По своему характеру Геннадий Григорьевич был очень доброжелательным человеком, готовым помочь советом всем, особенно молодым ученым, которым охотно предлагал поступать в аспирантуру по коми языкознанию. Многие из первых выпускников Сыктывкарского государственного университета помнят его интересные лекции по фонетике, лексикологии коми языка, основам финно-угорского языкознания, прочитанные хорошо поставленным дикторским языком. Ученый охотно консультировал работников СМИ, артистов драмтеатра, учителей коми языка по проблемным вопросам использования языка в публичной сфере.

Г. Г. Бараксанов являлся членом Советского комитета финно-угроведов, членом редколлегии журнала «Советское финно-угроведение», зарубежным членом Финно-угорского общества Финляндии (с 1985 г.).

За многолетний труд, большие заслуги в развитии коми языкознания был награжден Почетными грамотами Совета Министров Коми АССР (1971, 1984), Президиума Верховного совета Коми АССР (1980). В 1994 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Коми». Хочется напоследок сказать ему по-коми: «Югыдін да шоныдін тэныд, Геннадий Григорьевич».

Основные публикации Г. Г. Бараксанова

1. Бараксанов, Г. Г. Коми литературный язык, история его формирования и диалектная основа: автореф. дис.... канд. филол. наук / Г. Г. Бараксанов. – Сыктывкар, 1964. – 16 с.
2. Бараксанов, Г. Г. Формирование языковых норм коми литературного языка / Г. Г. Бараксанов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1964. – 64 с.
3. Артемова, Е. Г. Коми кыв. Восьмилетнёй да среднёй школаса 5-öd класслы учебник / Е. Г. Артемова,

- Г. Г. Бараксанов. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1971. – 167 лб. (разные переиздания).
4. Жилина, Т. И. Присыктывкарский диалект и коми-литературный язык / Т. И. Жилина, Г. Г. Бараксанов. – Москва : Наука, 1971. – 276 с.
 5. Колегова, Н. А. Среднесыольский диалект коми языка / Н. А. Колегова, Г. Г. Бараксанов. – Москва : Наука, 1980. – 226 с.
 6. Бараксанов, Г. Г. Развитие коми филологической науки / Г. Г. Бараксанов, В. И. Мартынов. – Сыктывкар, 1975. – 41 с. (Серия препринтов «Научные доклады». Коми филиал АН СССР. Вып. 20).
 7. Бараксанов, Г. Г. Лексикография / Г. Г. Бараксанов // Современный коми язык. Лексикология. – Москва : Наука, 1985. – С. 174–205.
 8. Бараксанов, Г. Г. История коми литературного языка и проблемы языковой нормы / Г. Г. Бараксанов. – Сыктывкар, 1986. – 19 с. (Серия препринтов «Научные доклады». Коми филиал АН СССР).
 9. Бараксанов, Г. Г. Омские коми / Г. Г. Бараксанов, Н. Д. Конаков, Ю. Г. Рочев. – Сыктывкар, 1987. – 23 с. (Серия препринтов «Научные доклады». Коми филиал АН СССР. Вып. 167).

Г. А. Пунегова, Е. А. Цыпанов (г. Сыктывкар).

Г. Г. Бараксановӧс казтыштӧ (чужӧмсяньыс 90 во)

Таво тырӧ чужӧмсяньыс 90 во уна коми йӧзлы тӧдса морт, коми кыв туялысь, филология кандидат **Геннадий Григорьевич БАРАКСАНОВЛЫ**. Сійӧ эз сӧмын гиж туялан уджъяс, а вӧлі енбиа велӧдысь, туялан уджъяс котыртысь, коми кывлысь донсӧ ас кадӧ ёна кыпӧдысь, уна том йӧзӧс туйдӧдысь да налы отсасьысь. Да и олӧмыс сылӧн вӧлӧма абу кокни да ӧтногса.

Г. Г. Бараксанов чужлӧма 1934-ӧд вося кӧч тӧлысь 12-ӧд лунӧ Сыктывкарын. Айыслӧн водз кувсьӧм бӧрын 1938-ӧд воӧ мамыслы ковмӧма вуджны овны Сыктывдін районас Сёська сиктӧ да кок выланыс сувтӧдны куим челядьӧс, Геннадийыс вӧлӧма медыджыд. Чужан сиктас 7 класс помалӧм мысти 1949-ӧд воӧ том зон пырӧма велӧдчыны юркарса педучилищешӧ, а сы бӧрын 1953-ӧд воӧ Коми пединститутӧ история-филология факультетӧ велӧдчыны коми да роч кывъяс да литература велӧдысьӧ. Геннадийӧс ёна кыскылӧма чужан кывйыс да литератураыс, ичӧтдырся интересыс сӧсысь сылӧн вуджӧма вочасӧн туялан уджӧ. Пединститутын велӧдчигас том студент асьсӧ петкӧдлӧма унаторйӧн: пырӧдчӧма спортӧ, ворсӧма баянӧй, зильӧма йӧзӧс котыртан уджын. Колӧ торйӧн пасйыны Г. Г. Бараксановлысь зиль вӧраслунсӧ: кузь мыгӧра том морт век вӧлӧма водзын мунысь, спортӧн ноксысь, баянӧн ворсысь, томулов костын ныршик, комсомолын бур котыртысь. Абу ӧд весьшӧрӧ том зонмӧс республикасянь ыстылӧмаӧсь 1957-ӧд воын Мӧскуаын нуӧдан Том йӧзлӧн да студентъяслӧн VI фестиваль велӧ!

1958-ӧд воӧ институт помалысьӧс босьтӧны армияӧ, сы бӧрын нин сӧсысь 1960-ӧд воӧ сійӧ пырӧ Коми филиалса аспирантураӧ, босьтчӧ туявны коми гижӧд кывлысь артмӧм-сӧвмӧмсӧ. Уджнас юрнуӧдны босьтчӧ нималана коми финно-угровед да кывбуралысь Илля Вась (В. И. Лыткин). Колӧ шуны, том аспирантлы ёна мойвиӧма: сійӧс командируйтӧмны куим во кежлӧ Мӧскуаӧ, а тайӧ Кывтуялан институтын да шӧр небӧгкудъясын уджавны позянлун, уна тӧдчана лингвисткӧд тӧдмасьӧм да насянь туйдӧдӧм босьтӧм, ыджыд культураа кар. Сӧзи Кывтуялан институтса фин-угор кывъяс туялан секторыс вӧлӧма зӧв ён, уна нималана специалист уджавлӧма, на лыдын академик Б. А. Серебренников, пропессоръяс В. И. Лыткин да К. Е. Майтинская, А. П. Феокистов да мукӧдъяс. Г. Г. Бараксанов кыдзи зӧв пыськӧс морт, коммунист, уджалӧма уна нырвизынь, Мӧскуаас тшӧтш сійӧ гӧтрасьӧ-котрасьӧ, чужӧ сылӧн ныв. И со, 1964-ӧд вося лӧддза-номъя тӧлысь 26-ӧд лунӧ сійӧ дорйӧ кандидат ним велӧ асьсыс диссертациясӧ, темаыс вӧлӧма «Коми литературный язык, история его формирования и диалектная основа». Татшӧм нима уджъяссӧ россияса фин-угор кывъяс материал вылын сӧзи морт на абу гижлӧма да тайӧ диссертацияыс лой ёна водзӧ муноӧмӧн. Дорйысьӧм бӧрас 1964–1971-ӧд восяс том кандидат олӧ да уджалӧ Мӧскуаын да сӧзи уджалӧ кумлаын: театраса артистыясӧс дасьтан А. В. Луначарский нима институтын коми кывйӧ велӧдысьӧн (1967–1968), Национальной школаяс институтын ыджыд туялысьӧн да туясян секретарӧн (1967–1968), Кывтуялан институтын ичӧт туялысьӧн социолингвистика юкӧдын (1969–1970).

Сӧмын чужан Коми му том туялысьӧс юркарысь кыскӧма бӧр. 1970-ӧд воын Сӧвет Ӧтувлунысь наукаяс академияса Коми филиалын вӧлі котыртӧма Кыв, литература да история институт, кытчӧ Г. Г. Бараксановӧс корӧмаӧсь веськӧдлыны кыв секторӧн. Окоапырысь воӧма Геннадий Григорьевич чужанінас бӧр да уна во уджалӧма КЛИИ-ын, гижӧма дзоньнас 78 туялан удж, 32 стаття йӧзӧдӧма республикаса газетъясын, нель удж видзӧны Коми туялан шӧринса кудйын (аркивын). Небӧгъяссыс медтӧдчана-ясыс: Формирование языковых норм коми литературного языка. Сыктывкар, 1964; Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971 (Т. И. Жилинакӧд ӧтвылысь); Среднесыольский диалект коми языка. М., 1980 (Н. А. Колеговакӧд ӧтвылысь); Коми кыв. 5–6 классъяслы учебник (йӧзӧдӧма унаысь). Завалигас туялысь котыртӧма уна конференция да 1985-ӧд воын Финно-угроведъяслысь мусярса VI конгресс, вайӧдӧма кыв секторӧ том туялысьясӧс, редактируйтӧма вель уна ӧтувъя удж.

1972-ӧд вося урасьӧм тӧлысьӧ юркарын вӧлі котыртӧма Сыктывкарса канму университет, сӧтчӧс история-филология факультетын лӧсьӧдӧны коми кыв да литература кафедра. Сійӧс медшӧр котыртысьяснас вӧлӧмаӧсь буретш Г. Г. Бараксанов да А. Н. Карманова, медводдза восяс найӧ лыддылӧмаӧсь став кывтуялан курссӧ. Сӧсысь бӧрасджык нин воӧмаӧсь кафедраӧ велӧдны А. К. Микушев, Е. А. Игушев, В. В. Пахорукова, Р. И. Вагнер да мукӧдъяс. Сидзсӧ Геннадий Григорьевич вӧлі зӧв вежӧра да уна тӧдысь морт, но курыдторсӧ видлышталӧмыс мортсӧ унаысь конъялӧма, сы помкаысь тшӧтш таладор югыдыс

сылы ёна водздзык тупкысис. Муніс оломсьыс Г. Г. Бараксанов 1997-од вося рака төлысь 16-од лунө, дзедим сійөс кдздыд лунө сылөн чужан Сёськаас пожөма ягө, гылыд да югыд шойнаө, радейтана мамыскөд орччөн.

Колө тшөтш татчө пасйыштны и туялыськөд аслам во-лысьомьяс йылысь. Төдмаси ськөд буретш СКУ-ын велөд-чигам 1977-од вося арын. Медводдза курсын коми кывлысь шыкуд, а мөд семестрас и кыввор туялөм йылысь лыддис Геннадий Григорьевич, кузькодь мыгөра, сэки оломьон нин мянлы кажитчесь айлов. Лекциясө сійө лыддис зэв визула, уна аслыспөлөс видлөг вайөдөмөн, корсьорө теш-кыв (анекдот) вылө вуджавлігмоз. Сійө веськыда мян-лы сэки шуліс, ті сиктса челядь, водзассө пө лоас тіянылы сьөкыдкодь, кутанныд кольччыны роч филологиясысь, но сэсса пө вөтөдад найөс. Оз пө ков повны да вошласьны, зумыда пө колө кутчысьны велөдчиганыд. Водзвыв шуа, збыль тадзи и лои сэсса. Г. Г. Бараксанов коми шыкудсө лыддис аслам кандидат нима диссертациясысь, а кыввор йывсьыс Н. М. Шанскийлөн «Лексикология современно-го русского языка» велөдчан небөггысь, коми видлөгьяс юрсьыс дзик пыр вайөдөмөн. Мөд ногөн кө, курс сертиыс торъя некутшөм текст сылөн эз вөвлы, унджыксө лыддис юрсьыс. Та вөсна ставыс вөлі сылөн мукөд велөдысья-скөд өткодялөмөн гөгөрвоанаджык. Шензьө вөлі, мыйла өнія том йөзыс пө сэтшөма матькөны, асьыныс кывсө пе-жалөны. Төдліс кө эськө Геннадий Григорьевичным, кут-шөм сөс кыв лоас том йөзлөн 40 во мысти, юрсиыс эськө сувтіс. Мөд вося тулыснас сэсса сетім өнія коми кывйысь экзамен. Г. Г. Бараксанов аудиторияс өтторъя шпуткис, төдчө вөлі – юрис висьө вөлі сылөн, өтторъя кытчөкө тэр-масьө, тіралан кияснас зачоткаясө кырымасьліс. Меным сэки веськаліс коми кывйысь консонант инас юалөм, сер-пасалі таблицасө юрысь дзоньнас да менө эз ёна юась. Колө шуны, «вितсө» босьтны Геннадий Григорьевичлысь вөлі зэв сьөкыд.

Мөд курсын Г. Г. Бараксанов заводитіс лыддыны «финно-угроведенияө пыртөд» нима курс, коді ка-житчис водзассө мем вель сьөкыдөн. Зэв төдчана вөлі-ны сылөн быдсяма сёрниясис нималана кывтуялысьяс йылысь, накөд лоөм тешкодьторьяс казътылөмыс да с.в. Шуам, висьталіс член-корреспондент Борис Александрович Серебренников йылысь, воис пө 1979-од воө Сыктыв-карө финно-угроведьяслөн конференция вылас ыджыд ноппён, а ноппыс пө игнасьө вөлөм өшалан томан вылө. Лыддис комиён, кокниа вуджөдіс «Основы финно-угор-ского языкознания» небөг, 1974-од воын йөзөдлөмторсө. Торйөн ёна сэки дасьтыси «Финно-угроведениеө пыртөд» экзамен кежлө, вөчалі зэв уна шпора. Сөмын весьшөрө поли, Бараксанов ёрт бара шпуткиг-куритчиг пукталіс бур донпасьяс. Збылысьсө кө шуны, тайө курсыс вөлі мед-ся сьөкыд меным дай унатор ме сэки бурасө эг вежөрт.

Сөмын бөрыннас нин, аспирантураын велөдчигөн понді нин бурджыка гөгөрвоны фин-угор кыв котырлысь өтувья аслыспөлөслуньяссө.

Төдлытөг лэбыштисны велөдчан вося, витөд курсын А. К. Микушев профессор дорын буретш гига вөлі диплом уджөс изьва-колва эпосса кыввор йылысь. 1982-од вося рака төлысь 16-од лунө мянлөн вөлі сідз шусяна распре-деленньө, меным сэки вичмис уджалан местабй – коми кыв да литература кафедреаын лаборант. И буретш сійө луннас тшөтш менам вөлі зэв төдчана аддзысьөм да сёр-ни. Рытьявылыс муні «Калевала» капеө да орччөн сёянсө вөлі босьталө кафедраса велөдысьным Нина Васильевна Раевская. Висьталіс, лаборантыслөн пө удждоныс сөмын 80 шайт, а нокыс юрвывтас. Ветлы пө Г. Г. Бараксанов дорө Кыв, литература да история институтө, сылөн пө таво оч-ной аспирантураө өти места эм, сөмын мөдөднысө пө некодөс. Вөзйылөмны сылы пырны велөдчынысө да абу сөглас вөлөма. Көсйөмны пө Галина Некрасоваөс мөдөдны велөдны да кык вося уджалан кадтөгыс пө оз артмы сійөс ыстынысө. Но поэьө пө пырны аспирантураас кодлыкө и университет помалөм мысти дзик. Г. А. Некрасоваыс по-малөма вөлі университетсө воддза воас (өні тайө аныс төдчана туялысь, филология доктор, доцент).

Аскинас жө ветлі КЛИИ-ас да Бараксанов ёртөс эг су: мунөма пө уджмогөн Мөскуаө. Сёрниті сэтчөс уджалысь Анатолий Николаевич Ракинкөд, пукалө вөлі коді 523-од уджвежөсын. Вомьёртөй шуис, медся төдчанаторйыс пө мед менө карас кольөдасны, а сэсса мыйкө поэьө на ду-мыштны.

Локтан вежоннас, рака төлысь 24-од лунө, аддзы-си Геннадий Григорьевичкөд, сёрниті аслам көсйөмөй йылысь водзө велөдчыны. Сійө эз вөв паныд, вөзйис ар-нас пырны велөдчыны Эстонияын Тартуса канму универ-ситетса аспирантураө, туялан веськөдлысьсө шуис кут-шөмкө Пауль Аристэос. Геннадий Григорьевич эскис мем, студентлы, дзик пыр шуис: вай пө видлы пырны аспиран-тураас, немся эз петитчы, эз висьтавлы немтор падмөдан помкаяс йылысь. Дзоньнас Бараксанов ёрт вөлі йөз дорас сибыд морт, томьясөс эз өтдорт ни джөмдөд. Таысь төд-чө сылөн бурногса руыс, а өд вермис кокниа өвтыштчыны меысь, колантор тай сэки вөлі эськө: сэтчөс институтас ме эг уджав ни нинөм.

Сэсса Г. Г. Бараксанов да Е. А. Игушев отсөгөн ме чукөрталі колана документьяс да ысті сэки ылын кажит-чана Эст муө, а арнас пыран экзаменяс сетөм бөрын пыри велөдчыны сэтчө, нималана финно-угровед академик Па-уль Аристэ юрнуөдөмөн дасьті кандидат ним вылө уджөс. Сөмын тайө торъя висьт нин. Медтөдчанаыс тайө веж-сьөмьясас вөлі Геннадий Григорьевичлөн меным, сэки том мортлы на бур отсөгыс, сылөн зильөмыс. Бура төда: тайө коми туялысьсө бур кывьясөн өні казъыштас уна морт.

Цыпанов Йөлгинь

События

Девятая Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием)

«Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2024»

В рамках Десятилетия науки и технологий 18-20 сентября 2024 г. в Институте социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН состоялась Девятая Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2024». Конференция была приурочена к 300-летию Российской академии наук, 80-летию создания Коми научного центра, 75-летию проведения экономических исследований в Коми научном центре и 35-летию образования Института.

К научному мероприятию проявили интерес свыше 100 чел. В оргкомитет поступило 105 заявок на доклады, прислано 88 статей. География авторов обширна: Москва, Магадан, Якутск, Новосибирск, Екатеринбург, Пермь, Ижевск, Апатиты, Петрозаводск, Архангельск, Вологда, Ухта, Сыктывкар, а также Беларусь, Казахстан и Узбекистан. Очное участие в мероприятии приняли ученые из Москвы, Магадана, Петрозаводска и Архангельска. Активно участвовали в конференции – сотрудники Института биологии ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

В соответствии с программой конференции было проведено пленарное заседание и семь сквозных научных сессий:

- Человеческий и трудовой потенциал северных регионов.
- Минерально-сырьевой и топливный потенциал северных территорий.
- Рациональное природопользование и экологическая безопасность.
- Условия устойчивого развития сельских территорий.
- Технические и экономические проблемы северной энергетики.
- Функционирование и развитие транспортных систем Севера.
- Проблемы экономического роста регионов Севера.

Events

Ninth All-Russian scientific and practical conference (with international participation)

«Current problems, directions and mechanisms for the development of productive forces of the North-2024»

На пленарном заседании и научных сессиях было представлено и обсуждено 50 докладов. По результатам работы конференции подготовлен сборник статей «Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2024» в двух частях.

*Председатель оргкомитета
д.э.н. Л. А. Попова,
зам. директора по научной работе
ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
г. Сыктывкар, сентябрь 2024 г.*

Научный журнал

ИЗВЕСТИЯ
Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук

Серия «История и филология»
№ 6 (72)

Номер подготовили:

Ответственный редактор серии – д.и.н. И. Л. Жеребцов

Ответственный секретарь серии – к.и.н. Д. В. Милохин

Выпускающий редактор – И. В. Курляк

Редактор – О. А. Гросу

Переводчик – Т. А. Исакова

Оригинал-макет – Е. Н. Старцева

Дизайн обложки – Я. С. Куликова

Лицензия № 0047 от 10.01.1999.

Подписано в печать 08.10.2024. Дата выхода в свет 11.10.2024.

Уч.-изд.л. 22,4. Усл.-печ.л. 17,1. Тираж 300. Заказ № 40.

Формат 60x84/8. Свободная цена.

Подготовлено к изданию и отпечатано в редакционно-издательском центре ФИЦ Коми НИЦ УрО РАН
167982, Российская Федерация, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24.

Адрес учредителя, издателя: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук».
167982, Российская Федерация, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24.